

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
Министерство образования и науки Республики Казахстан
Павлодарский государственный педагогический институт

Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г.

*Археология, этнография,
устная история*
Выпуск 10

*Материалы X международной
научно-практической конференции,
г. Барнаул, 22–23 апреля 2015 г.,
посвященной 25-летию
лаборатории исторического краеведения АлтГПУ*

УДК 902+39
ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)
П491

Ответственные редакторы:

М.А.Демин, д-р ист. наук, профессор;
Т.К.Щеглова, д-р ист. наук, профессор

П491 Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г. : археология, этнография, устная история. Вып. 10 : материалы X междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апр. 2015 г. / отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПУ, 2015 – 284 с. : ил.
ISBN 978-5-88210-769-6

В сборнике публикуются материалы X международной научно-практической конференции. В издании представлены результаты исследований научных, образовательных, музейных и других центров в области, археологии, этнографии и устной истории на территории юга Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана в 2014 г.

Сборник рассчитан на специалистов в области истории, археологии, этнографии, музееведения, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

Сборник издан при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-11-22002 «Древние поселения Северной Кулунды (культурно-хронологический аспект)».

ISBN 978-5-88210-769-6

© Алтайский государственный
педагогический университет, 2015

Предисловие

Десятый выпуск сборника «Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае» включает материалы экспедиционных работ 2014 г. по археологии, этнографии и устной истории. Со времени издания первого выпуска в 2005 г. в сборниках было опубликовано 472 статьи, из них 168 по археологии, 277 — по этнографии и устной истории и 28 — по истории, теоретическим и организационным вопросам региональных исследований. В изданиях представлены материалы полевых изысканий научных, образовательных и музейных центров из России (Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск, Кемерово, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Саранск, Томск, Тюмень и др.), Казахстана (Алматы, Астана, Костанай, Караганда, Павлодар, Семей, Усть-Каменогорск), Бельгии (Гент), Германии, Монголии (Ховд), Польши (Вроцлав).

Первые семь выпусков территориально охватывали юг Западной Сибири и Северо-Восточный Казахстан. С 2013 г. в сборник включаются и материалы экспедиционных работ в Павлодарском Прииртышье. В связи с этим восьмой, девятый и десятый сборники издавались совместно Алтайской государственной педагогической академией (университетом) и Павлодарским государственным педагогическим институтом. Девять конференций, посвященные итогам полевых сезонов, проходили в Барнауле. В апреле 2014 г. участников научного мероприятия принимали наши коллеги из Павлодара. Важность этих совещаний трудно переоценить. Они позволяют оперативно представить научной общественности новые археологические, этнографические и устноисторические источники, обсудить важные вопросы древней, средневековой и новейшей истории наших стран, поделиться наработками в области современных технологий исторических исследований, наметить перспективы дальнейшего сотрудничества.

Инициатором и организатором конференций «Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае» с российской стороны выступила лаборатория исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета, которой в 2015 г. исполняется 25 лет со времени организации.

Создание лаборатории связано с общими процессами, происходившими в нашей стране на рубеже 1980–1990-х гг. Они сопровождалась возрастанием роли и статуса регионов в экономической и политической жизни России, бурным развитием краеведческого движения, обращением к ранее закрытым по цензурным соображениям источникам, формированием новых исследовательских подходов и историографических направлений (социальная история, история повседневности, микроистория и пр.).

Приказ о создании лаборатории был подписан ректором вуза В. Н. Гончаровым 26 декабря 1990 г. Заведующим лабораторией был назначен

М. А. Демин. Сектором этнографии и устной истории все эти годы руководила Т. К. Щеглова. Сектор археологии и охраны памятников возглавляли А. П. Уманский, П. И. Шульга, С. М. Ситников. Историко-архивные исследования осуществлялись преимущественно А. В. Контевым и В. Б. Бородаевым. Сектор музеелогии был создан в 2006 г. с приходом О. Н. Труевцевой. В 1993 г. при лаборатории был открыт историко-краеведческий музей (заведующие — Н. И. Юртаев и Н. С. Грибанова), который в 2013 г. претерпел кардинальную реконструкцию. В составе лаборатории в разные годы плодотворно трудились А. Н. Телегин, Л. В. Малиновский, К. В. Григоричев, Н. А. Старухин, М. А. Овчарова, С. С. Запрудский, Е. Ю. Сластинина, Н. Н. Головченко, Д. В. Буланов и др. Для работы в лаборатории приглашались известные ученые и педагоги из других учреждений: Д. Я. Резун, О. Ф. Кунгурова, Ю. М. Гончаров, И. В. Куприянова и др.

Деятельность лаборатории осуществлялась в тесном взаимодействии и сотрудничестве с научными учреждениями (Институт истории СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Омский филиал Института культурологии и др.), высшими учебными заведениями (Алтайский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Алтайская государственная академия образования), музеями (Алтайский государственный краеведческий музей, Государственный художественный музей Алтайского края и др.), образовательными учреждениями (Барнаульский государственный педагогический колледж, Алтайский краевой педагогический лицей и др.), научно-производственным центром «Наследие», Государственным архивом Алтайского края, Алтайской краевой универсальной научной библиотекой.

Ежегодно сотрудники лаборатории проводят археологические и историко-этнографические экспедиции в различных районах Алтайского края. Среди них можно назвать раскопки близ сел Сентелек и Покровка Чарышского района, в ходе которых был реконструирован монументальный погребальный комплекс скифской эпохи «Царский курган». Многолетние археологические работы проводятся на берегу Гилевского водохранилища в Третьяковском районе, где выявлены памятники от эпохи камня до средневековья включительно. Более 20 лет поселенческие комплексы эпохи бронзы исследуются С. М. Ситниковым в Хабарском районе, а курганы раннежелезного времени и древнетюркской эпохи — А. Н. Телегиным в Ключевском и Шипуновском районах. Историко-археологические работы сотрудниками лаборатории проводили под эгидой НПЦ «Наследие» на Барнаульском нагорном кладбище и территории Барнаульского сереброплавильного завода. Обширную экспедиционную программу выполняет группа сотрудников лаборатории во главе с Т. К. Щегловой. Сплошному историко-этнографическому обследованию подверглись около 30 районов Алтайского края. В результате

сформировался огромный фонд устных исторических источников-меморатов, содержащий аудио- и видеозаписи непосредственных свидетелей исторического прошлого.

Среди публикаций сотрудников лаборатории выделим капитальные труды по истории ярмарочной торговли Т. К. Щегловой, а также ее новаторскую работу «Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история», учебное пособие М. А. Демина «Коренные народы Сибири в ранней русской историографии», два издания «Исторического атласа Алтайского края» В. Б. Бородаева и А. В. Контева, которые по содержанию и оформлению являются образцами современной книжной полиграфии, учебное пособие Т. К. Щегловой «Устная история», удостоенное премии Алтайского края за достижения в области науки и техники за 2012 г., монографии М. А. Демина, С. М. Ситникова и С. С. Запрудского по материалам многолетних раскопок на Гилевском археологическом микрорайоне, учебные пособия В. Б. Бородаева и А. В. Контева по истории Алтайского края и города Барнаула, коллективные монографии по проблемам музеологии и охране историко-культурного наследия Сибири, подготовленные О. Н. Труевцевой совместно с ведущими сибирскими и европейскими исследователями. Итогом экспедиционных и архивных изысканий лаборатории и других краевых и районных организаций являются сборники материалов по истории и культуре отдельных районов края.

Большая работа проводится лабораторией по подготовке и проведению научно-практических конференций. С 1994 г. проходят международные симпозиумы «Этнография Алтая и сопредельных территорий», которые собирают специалистов соответствующего профиля из разных регионов России и ближнего зарубежья и стали заметным явлением в сибирской, да и российской этнографической науке. С 2004 г. организуются региональные конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история», которые с 2013 г. стали включать и территорию Прииртышья. Совместно с другими учреждениями лаборатория проводила Гуляевские и Ползуновские чтения, конференции по охране и изучению культурного наследия Алтайского края. Важными для сохранения преемственности краеведческих изысканий были конференции, посвященные памяти наших предшественников: М. Ф. Розена, А. А. Худякова, А. Д. Сергеева, А. П. Уманского. Специфику деятельности лаборатории и ее подразделений отражают всероссийские конференции «Историческое краеведение: теория и практика» (1996 г.), «Устная история (Oral History): теория и практика» (2006 г.), «Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации» (2012 г.) «Социокультурные и этнополитические процессы на юге Западной Сибири в древности и в период освоения региона Российским государством» (2013 г.) и др.

Особенность деятельности лаборатории в педагогическом вузе определила обращение к разработке учебных пособий и программ по местной истории для начальной, средней и высшей школы. Важную лепту в краеведческое изучение края и популяризацию исторического наследия вносят библиографические календари знаменательных и памятных дат «Страницы истории Алтая» и «Барнаульский хронограф», которые ежегодно выпускаются при участии лаборатории исторического краеведения АлтГПА. Изданный в 1998 г. сборник научно-исследовательских работ школьников Алтайского края по историческому краеведению «Дебют» положил начало целой серии краевых и районных публикаций учащихся по местной истории. По инициативе и при непосредственном участии сотрудников лаборатории реализуется программа по развитию школьного краеведения. За это время были проведены 23 краевые и 19 барнаульских городских историко-краеведческих конференций школьников, через которые прошли сотни юных исследователей из различных уголков Алтайского края. Для педагогов – научных руководителей школьников в рамках конференций ежегодно организуются семинары по различным проблемам истории Алтая и методики организации краеведческой работы.

Отличительной чертой деятельности лаборатории является сочетание краеведческих исследований, популяризации историко-культурного наследия с глубокой научной проработкой ряда проблем истории, археологии, этнографии, историографии, источниковедения, картографии и библиографии Сибири и Алтая. В рамках и по тематике лаборатории подготовлены и защищены девять кандидатских и три докторские диссертации.

Важно отметить развитие международных связей лаборатории. Трижды профессора Мюнстерского университета принимали участие в археологических работах нашего вуза. В свою очередь, преподаватели факультета знакомы с музейными собраниями Германии, а студенты участвовали в археологических раскопках немецких университетов. На базе Гилевской археологической экспедиции АлтГПА проходили практику студенты Семипалатинского университета им. Шакарима. Издан объемный сборник источников «История Казахстана и России в документах: Прииртышье и Приобье в XVIII – начале XX в.» (главные редакторы: Т. К. Щеглова, Г. Е. Отепова, А. В. Контев). В сентябре 2013 г. Археологический центр Павлодарского пединститута для студентов и сотрудников исторического факультета АлтГПА провел международную летнюю археологическую школу. В настоящее время налаживается сотрудничество с представителями научно-образовательного сообщества Монголии.

*М. А. Демин, зав. лабораторией
исторического краеведения АлтГПУ, д-р ист. наук*

Д. А. Аникин, В. К. Вистингаузен, О. Н. Горбатова, В. Г. Иванченко

Обследование пещер в Чарышском районе Алтайского края

В период с 10 по 17 июля 2014 г. в Чарышском районе работала спелеологическая экспедиция Алтайского краевого отделения ВОО «Русское географическое общество» [1]. В экспедиции приняли участие О. Н. Горбатова, В. Г. Иванченко, В. К. Вистингаузен, Д. А. Аникин, видеооператор А. В. Некрасов, водитель Е. Е. Леоненко и школьник А. Бондарев. Финансировали экспедицию члены Попечительского совета Алтайского регионального отделения Русского географического общества. Работы проводились в окрестностях сел Майорка и Сентелек (рис. 1).

Главной задачей экспедиции было выяснение судьбы пещеры Шангина у с. Майорка. Пещера названа в честь П. И. Шангина, обследовавшего ее в 1796 г. [3; 8]. Позже о пещере писал Г. Н. Потанин [6]. Кроме этих двух сообщений, экспедиция располагала только смутными устными источниками.

По описанию П. И. Шангина пещера начиналась вертикальным колодецем глубиной «3 сажени», приводившим в разветвленную многоэтажную пещеру. Одна из галерей имела протяженность 130 м при ширине до 20 и высоте до 10 м. П. И. Шангин сообщал о «каменных» сосудах, найденных в глубине пещеры.

Участники экспедиции нашли многочисленных информаторов как в Чарышском, так и в Майорке, рассказавших дальнейшую историю пещеры. В 1950–1960-е гг. на молочно-товарной ферме КРС совхоза «Березовский» в Майорке было несколько вспышек бруцеллеза. Основная часть трупов павших и вынужденно забитых животных была вывезена для соответствующей утилизации, но какое-то их количество было сброшено во входной колодец пещеры, ставший импровизированным скотомогильником.

Благодаря указаниям информаторов удалось довольно быстро найти и вход в пещеру, расположение которого полностью соответствовало описанию из дневника Шангина. Пещера располагается на небольшом холме, примерно в 1300 м на ЮЮВ от обелиска на братской могиле партизан, находящегося близ дороги Березовка – Майорка, южнее ее, при пересечении ручья. На карте ручей не имеет названия, условно он назван Братским. Севернее дороги он сливается с другим ручьем, и объединенный ручей впадает справа в Майорку, примерно в километре ниже села, где река круто поворачивает к западу. В 900 м вверх по Братскому ручью от обелиска находится пруд, в настоящее время спущенный. На его берегу выстроена база для туристов-охотников (в

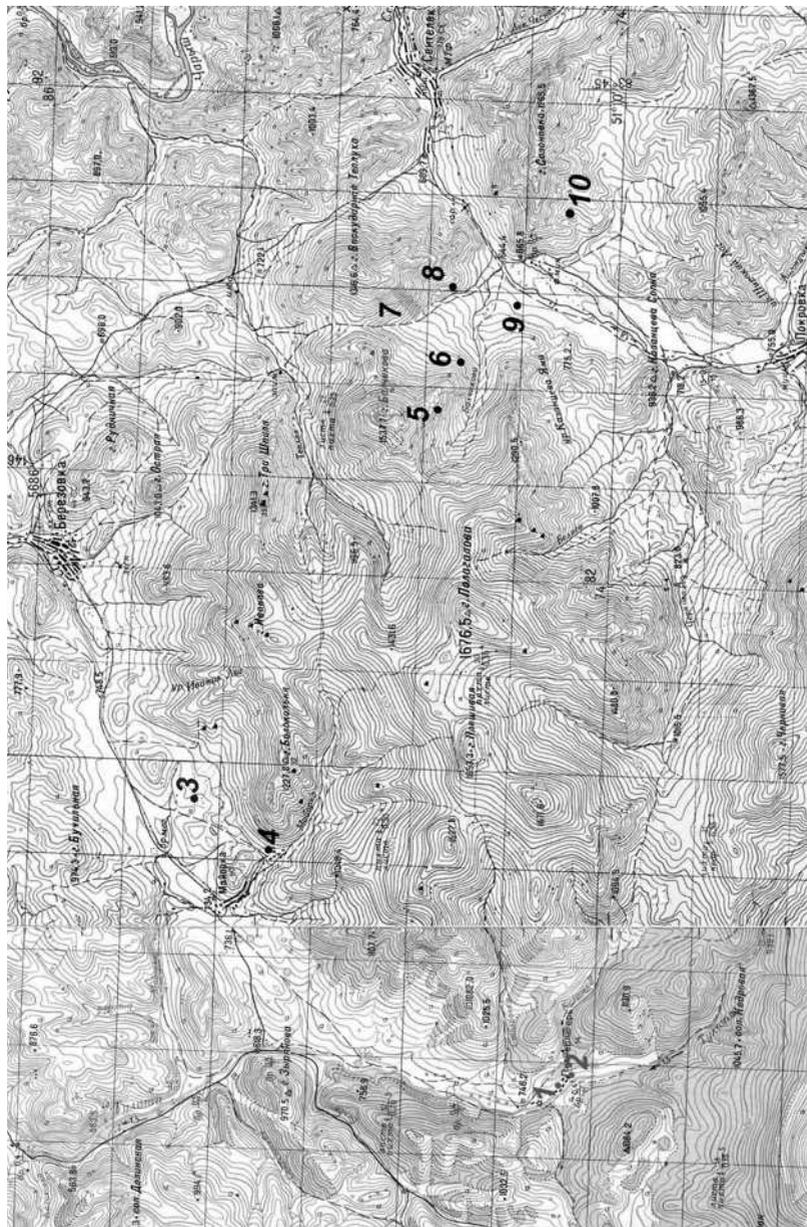

Рис. 1. Карта района работ: 3 – пещера Шангина; 5 – верхний Балчилов грот; 6 – Нижний Балчилов грот; 8 – Бердожинский прииск; 9 – «царский» курган; 10 – Солоньевский колодец

момент посещения пустовала). В районе пруда с Братским ручьем соединяется заболоченный лог, ручей по которому течет, вероятно, только весной. На правом борту этого лога, примерно в 500 м от пруда и в 200 м от тальвега лога, и находится пещера. Здесь в березовый лес вклиниваются лесопосадки сосны. Вход в пещеру находится на северо-западном склоне холма, на краю большой поляны. Он представляет собой яму размерами 6×4 м и глубиной 2 м.

На дне ямы (размеры 4×2,5 м) были обнаружены сгнившие остатки деревянного перекрытия и перемешанные с грунтом кости животных (рис. 2). Примерный объем грунта с костями — 30–40 м³. Среди костей был виден стеклянный пузырек емкостью 10 мл с резиновой пробкой. Такие емкости обычно используются для хранения медицинских препаратов.

У села Сентелек было обследовано Балчиково урочище, представляющее собой межгорную котловину при впадении в р. Сентелек ее двух левых притоков. Один из этих ручьев носит название Балчиков, другой названия не имеет. В 1990-е гг. здесь работала археологическая экспедиция под руководством Петра Ивановича Шульги. Ею собраны новые сведения о пещерах, однако информация об этом неполна и противоречива. Есть сведения о четырех объектах.

1. *Пещера с погребением*. О местонахождении пещеры известно лишь то, что она находится недалеко от Сентелека. Возможно, она располагается в скалах правого берега Сентелека южнее села. В ней кем-то был обнаружен скелет, который можно было видеть в щели у самого потолка («между глыб»). К тому времени, как П. И. Шульга посетил пещеру, скелет был кем-то потревожен, и часть костей лежала уже на полу. Поэтому Петр Иванович отказался от исследования объекта. В отчет эти сведения не попали и потом были забыты всеми участниками экспедиции. Но об этом говорится в дикторском тексте фильма [7], снятого в Сентелеке в 1995 г.

2. *Грот*, получивший в списке археологических памятников Чарышского района название «Урочище Балчиково-9» (или 10), где местные жители якобы находили керамику и наконечники стрел. Местонахождение указано: «в 4,7 км к юго-западу от с. Сентелек у подножья г. Балчикова» [2; 5, с. 213]. Сообщается, что памятник обследован П. И. Шульгой, хотя сам он это отрицает.

3. *Грот Незамаева*. Участник Сентелекских экспедиций 1993, 1994 и 1995 гг. Алексей Незамаев по указанию П. И. Шульги провел поиски пещер на левом берегу Сентелека в Урочище Балчиково. По его устному сообщению, он нашел несколько маленьких ниш и один грот. На привходовой площадке последнего он нашел каменную плитку, на од-

Рис. 2. Скотомогильник в пещере Шангина

ной из сторон которой были процарапаны параллельные линии. Первоначально Незамаев определял местонахождение грота как юго-восточный склон г. Воскударной Теплухи. В дальнейшем он засомневался и не исключал, что грот может находиться на горе Балчиковой. Следует отметить, что беседы с А. Незамаевым состоялись через 20 лет после событий.

4. *Карстовый колодец* в долине р. Солоновки, правого притока Сентелека. Колодец издавна посещался местной молодежью. В указанном выше фильме [7] запечатлен спуск участников археологической экспедиции в колодец. В дикторском тексте говорится об использовании колодца древним населением как святилища, но доказательств этому не приводится.

Экспедицией обследованы южный и западный склоны г. Балчиковой, где найдены два грота. Нижний Балчиков грот имеет вход шириной 7,5 м, высотой от 1,1 до 2,1 м. Вглубь грота потолок повышается до 3 м. На входе находится крупный каменный блок, а глубже – каменные глыбы поперечником до одного метра. Потолок слегка влажный. Натечные образования отсутствуют. На полу найдены кости различных

мелких животных. Координаты грота: N 51° 11' 38,2" E 083° 39' 55,6"; высота 919 м.

Верхний Балчиков грот имеет вход в виде арки высотой до 5,5 м при ширине 6 м и обращен на юг. Известковая скала над входом гладкая, под ней – обрушившиеся крупные каменные глыбы. Между одним из таких обломков и потолком заклинен ствол дерева. В левой стенке грота – небольшая ниша глубиной 1,5 м. Внутри грот имеет высоту до 5 м и длину 11 м. Координаты грота: N 51° 11' 58,2" E 083° 39' 31,4"; высота 1100 м.

В образовании обоих гротов основную роль сыграли гравитационные процессы, чему способствует то, что известняки разбиты на блоки сетью трещин. Отождествить обследованные гроты с описаниями, сделанными археологами (см. выше) сложно. Для этого слишком мало данных. Во всяком случае, пещере с погребением ни один из них не соответствует. Нижний Балчиков грот, вероятно, тождественен объекту Урочище Балчиково-9.

Солоновский карстовый колодец находится на правом борту рч. Солоновки, правого притока Сентелека, напротив Балчикова урочища, на бровке борта сухого лога – верхнего правого притока Солоновки. Это вертикальная пещера, представляющая собой комбинацию вертикальных полостей, соединенных на двух уровнях. Глубина пещеры 13 м. Координаты входа: N 51° 10' 21,8" E 083° 42' 41,3"; высота 790 м.

На г. Воскударной Теплухе расположены два русских полиметаллических прииска XIX в. На вершине горы находится Барсуковский прииск, который был открыт в 1822 г. крестьянином Барсуковым по «чудским копиям». Прииск разведывался в 1823–1843 гг. двумя прорезами и одним шурфом [4, с. 16]. Экспедицией он не обследовался. На юго-западном склоне горы, в пределах Балчикова урочища, над вторым его ручьем находится Бердюжинский прииск. Он разведывался в 1839–1842 гг. и, вторично, в 1879–1880 гг. тридцатью разрезами и Воскресенской шахтой, достигавшей вместе с гезенгом глубины почти 60 м [4, с. 28–29]. Прииск разведывался и в советское время.

Следы этих работ хорошо видны и в настоящее время. Отвалы до сих пор не задернованы. Сохранившиеся размеры шахты – 12×9,5 м при глубине 7,5 м. Координаты шахты Бердюжинского прииска: N 51° 11' 44,5" E 083° 41' 30,4"; высота 804 м.

В книге Митропольского и Паренаго упоминается Балчуговский прииск, который авторы предположительно отождествляли с Барсуковским или Бердюжинским [4, с. 15]. Правильное отождествление, безусловно, – Бердюжинский, так как именно он находится в Балчиковом урочище. Надо также заметить, что в списке исторических памятников

Чарышского района [5] Бердюжинский прииск перепутан с Барсуковским, а прииск на вершине горы (истинный Барсуковский) вообще не упоминается.

Источники и литература

1. Аникин Д. А., Вистингаузен В. К., Горбатова О. Н., Иванченко В. Г. Спелеологическая экспедиция в Чарышский район // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. Вып. 35. Барнаул, 2014. С. 29–34.
2. Археологические памятники. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.charysh.info/ViewArticle.aspx?o=23>.
3. Вистингаузен В. К., Дубровская Р. Ф. Первые открытия алтайских пещер и начало их изучения (XVIII–XIX вв.) // VIII Гуляевские чтения. Барнаул, 2013. С. 299–310.
4. Митропольский Б. С., Паренаго М. К. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира. Новосибирск, 1931. 462 с.
5. Памятники природы, архитектуры, археологии, истории и культуры // Чарышский район: страницы летописи. Барнаул, 2002. С. 207–214.
6. Потанин Г. Н. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. Сб. 9. С. 61–134.
7. Создание археологического заповедника в долине реки Сентелек. Фильм на цифровом носителе. Оператор и режиссер А. Боровцов. Автор текста и научный консультант П. Шульга. НПЦ «Наследие». 1995. Ч. 1 // DVD «КИККШ-1997». Архив историко-краеведческого музея АлтГПУ.
8. Шангин П. И. Дневник экспедиции 1796 г. // ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 749. Л. 259, 259 об., 260.

Р. В. Белоусов

Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края осенью 2014 г.

Осенью 2014 г. Каменский археологический отряд проводил археологическую разведку на границе Каменского и Крутихинского районов Алтайского края. В ходе работ отряд обследовал левобережную пойму р. Оби от г. Камень-на-Оби до района с. Заковряшино (рис. 1). Пойма представляет собой равнину, тянущуюся от современного русла р. Оби на востоке до высокой (4–5 м) коренной террасы на западе. Ширина поймы 5–8 км. Пойма вся изрезана остатками древних протоков, имеются возвышенности. В ней расположена бывшая протока р. Оби – оз. Караси и впадающие в него мелкие ручьи и речки.

Изучение указанного участка поймы было начато Каменским археологическим отрядом осенью 2003 г., когда было открыто поселение Новоувальский 1 [2, с. 6–8]. В 2013 г. отряд обследовал пойму, непосредственно примыкающую к озеру Караси, где были зафиксированы курганы Новоувальский-2, Новоувальский-3 [3, с. 11–14].

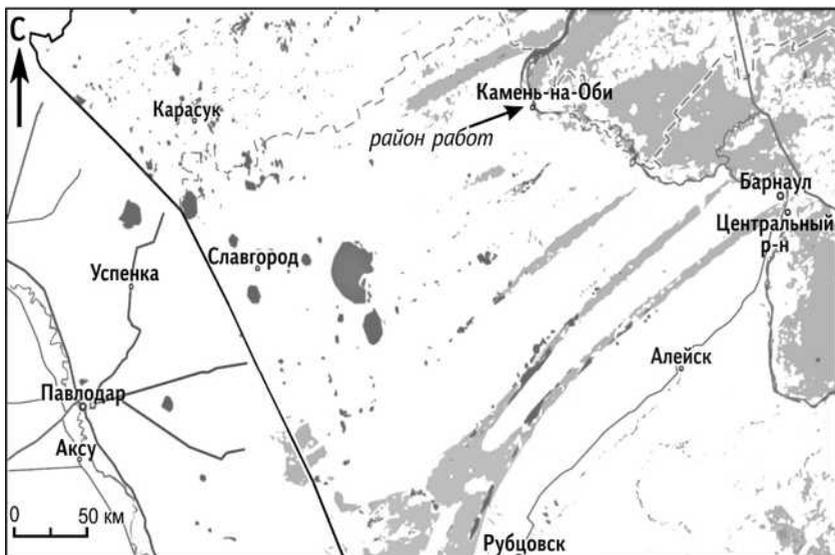

Рис. 1. Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края. Район работ

В ходе работ 2014 г. отряд исследовал местность, непосредственно примыкающую к с. Заковряшино, а именно северо-восточную окраину данного населенного пункта. Северо-восточная оконечность села Заковряшино, расположенная в месте впадения р. Разбойной в Обскую пойму, примечательна в археологическом плане находением на берегу древнего поселения Заковряшино-1. Это поселение было обнаружено В. И. Соболевым в 1976 г. и исследовалось А. Б. Шамшиным в 1983–1985 гг. [4, с. 135–137]. В ходе работ были выявлены материалы, относящиеся к различным историческим эпохам и культурам Верхнего Приобья: к каменному веку, ранней и поздней бронзе, переходному времени и эпохи раннего железного века [5, с. 23–29].

Учитывая разновременность и разнохарактерность обнаруженных материалов, мы предположили, что территория, освоенная людьми в древности, должна быть значительно шире и охватывает всю прибрежную мысовидную часть берега, образованную устьем р. Разбойной и акваторией р. Оби. Для проверки этого предположения отряд осмотрел ближайшую береговую улицу с. Заковряшино – ул. Обскую. В одном из домовладений (ул. Обская, д. 54, владелец Н. И. Сироклинов) нам удалось осмотреть участок, свободный от сельхозпосадок, где были зафиксированы археологические артефакты. Местонахождение

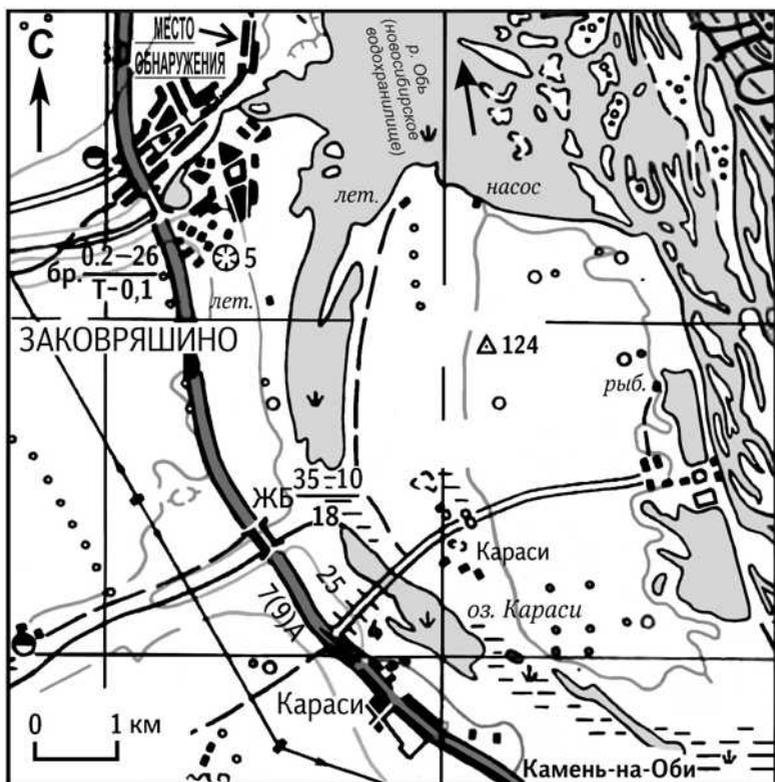
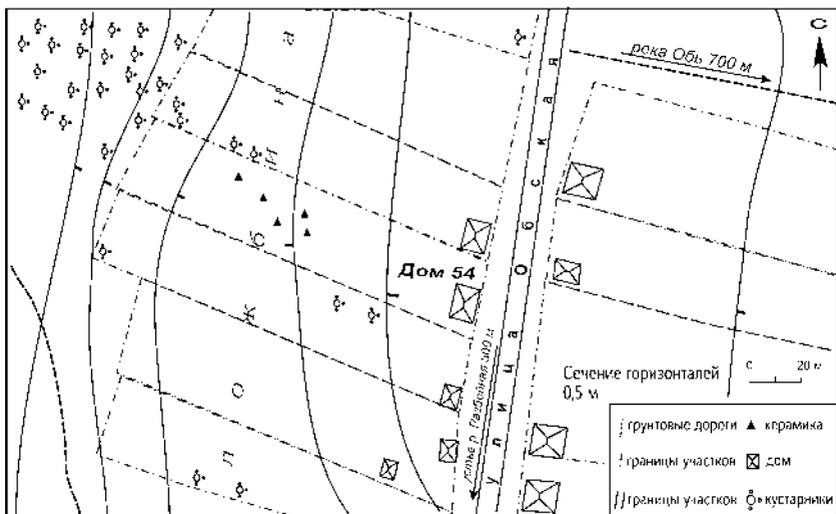
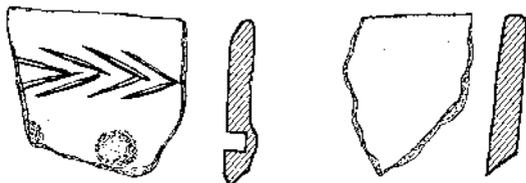

Рис. 2. Археологическая разведка в Крутихинском районе.
Место находок

расположено в 700 м западнее берега р. Оби и в 500 м севернее устья р. Разбойной, по бортам небольшой лоцинки, представляющей собой место стока весенних вод в сторону р. Разбойной (рис. 3, 1). Артефакты располагались бессистемно и перемежались с материалами русской деревни. К археологическому времени можно отнести как минимум три фрагмента керамики от баночных и горшечных сосудов (рис. 3, 2), один из которых орнаментирован приплюснутым жемчужником и пояском елочки, выполненным оттисками гладкого штампа. Данный фрагмент керамики по форме и орнаментации можно датировать переходным временем или эпохой раннего железного века (VI–V вв. до н. э.), что согласуется с обнаруженными ранее на поселении Заковряшино-1 материалами [4, 5]. Зафиксированные на ул. Обской материалы

1

2

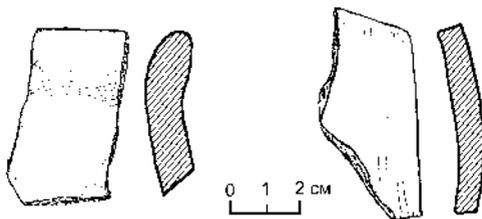

Рис. 3. Археологическая разведка в Крутихинском районе: *вверху* – местонахождение находок в с. Заковряшино; *внизу* – керамика.

подтверждают предположение о значительном освоении всей территории заковряшинского мыса в древности.

Кроме собственно полевых работ, отрядом в г. Камне-на-Оби была продолжена начатая ранее обработка фонда Каменского краеведческого музея, хранящегося в Каменском городском архиве [6, с. 29–32]. Среди материалов дела № 17 «О научно-исследовательской работе Ка-

менского музея в округе» нами обнаружен отчет об экспедиционной работе практиканта Каменского народного музея М. Наговицина, который в августе 1930 г. осуществил краеведческое обследование с. Крутихи. Наряду с естественнонаучными данными об окружающей местности Наговициным были зафиксированы исторические материалы, в том числе и по археологии. Всего Наговициным было описано 7 могильников, содержащих 99 курганов в непосредственной близости от с. Крутиха [1, л. 45–45 об.]: «№ 1 курган. Недалеко от села Крутиха на восток километра два от села к Оби; № 2 группа. Недалеко от села Крутиха, на север по прыганской дороге от села в 2 км курганы, идущие с востока на запад, группа состоит из 22 курганов; № 3 – группа. У села Крутиха с северной стороны по летней долганской дороге, в ста метрах от села, расположена группа курганов, идущая с востока на запад. Состоит из 18 курганов; № 4 – группа. Недалеко от села Крутиха, в 2 км на юго-запад от села по логовской дороге, на возвышенном месте, состоит из 2 курганов; № 5 – группа. От села Крутиха в 2 км на юго-восточную часть света, по Каменской дороге. Ориентированна с северо-запада на юго-восток, состоит из 22 курганов; № 6 – группа. От села Крутихи с 1 км по крутихинской дороге состоит из 23 курганов. № 7 – группа. Расположена от села Крутихи в 5 км по долганской летней дороге, у Журовлева озера, курганы расположены с востока на запад, состоит из 33 курганов». Таким образом, проведенные в августе 1930 г. краеведческие изыскания М. Наговицина можно рассматривать как одно из первых исследований по археологии в Крутихинском районе Алтайского края.

Источники и литература

1. Архивный отдел администрации г. Камня-на-Оби. Ф. 294. Оп. 1. Д. 17. Л. 45–45 об.
2. Белоусов Р. В. Поселение раннего железного века – Новоувальский-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г.: Археология, этнография, устная история. Вып 2: материалы II регион. науч.-практ. конф. 1–2 дек. 2005 г. Барнаул, 2006. С. 6–10.
3. Белоусов Р. В. Археологическая разведка в Каменском и Крутихинском районе летом 2013 года // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: Археология, этнография, устная история: вып. 9: материалы IX международной науч.-практ. конф. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 11–14.
4. Шамшин А. Б. Заковряшино I – поселение эпохи поздней бронзы на Обском море // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 135–147.

5. Кунгуров А. Л., Шамшин А. Б. Некоторые материалы аварийных исследований в Крутихинском и Каменском районах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. Вып. 5. Барнаул, 1994. С. 23–29.
6. Бородовский А. П., Белоусов Р. В. П. И. Юхневич и формирование основ охраны историко-культурного наследия Верхнеобского региона // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 29–32.

Ж. Буржуа, Н. А. Константинов, Г. Плетци, А. Ванденбулке

Археологические работы на Туру-Алты в 2014 г.

В июле 2014 г. совместная археологическая экспедиция Горно-Алтайского государственного университета и Гентского университета (Бельгия) проводила разведочные работы на территории Кош-Агачского района Республики Алтай. Разведка проводилась по открытому листу № 419, выданному Н. А. Константинову 30.05.2014 Министерством культуры РФ. Работы проходили на северо-восточной окраине Чуйской котловины, на горной гряде Туру-Алты, являющейся западным отрогом хребта Чихачева. Горная гряда Туру-Алты расположена на правом берегу реки Барбургазы и вытянута в направлении северо-запад – юго-восток.

Памятник Туру-Алты был открыт в 1970-е гг. В. Д. Кубаревым [3, с. 31, 32]. В последующем петроглифы и объекты комплекса неоднократно обследовались В. Д. Кубаревым и другими учеными. Так, в 1992 и 1993 гг. на комплексе проводились работы российско-американской экспедиции под руководством В. Д. Кубарева и Э. Якобсон, при участии японского археолога Т. Масумото [7; 14; 15]. Основным результатом работ стало картографирование объектов комплекса с применением GPS-приемника MAGELLAN-5000. В разные годы под руководством В. Д. Кубарева проводились раскопки некоторых объектов комплекса. К западу от этой горной гряды в 1975 и 1978 гг. В. Д. Кубарев раскопал могильник пазырыкской культуры Барбургазы I [5, с. 3–4]. Кроме курганов скифского времени, на могильнике исследован раннесредневековый кенотаф [5, с. 129; 10, с. 373–374]. Также в урочище Туру-Алты была раскопана раннесредневековая тюркская оградка с изваянием [4, с. 170; 9, с. 59]. Судя по следам прошлых раскопок, изучались и некоторые другие категории археологических объектов комплекса.

В 1995 и в 2003 гг. на комплексе проводились работы Саяно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством Л. С. Марсадолова. Целью этих работ была «попытка решить вопросы о планиметрических связях курганов, выкладок, стел, наскальных

изображений между собой и с окружающим ландшафтом» [11, с. 294]. В 2006, 2007 и 2008 гг. на комплексе проводились исследования под руководством А. И. Мартынова. Основной целью этих работ было копирование петроглифов [12, с. 10–11].

Задачами российско-бельгийской экспедиции в полевой сезон 2014 г. была сплошная фиксация объектов Туру-Алты, а также получение цифровой модели так называемого «амфитеатра» с целью проверки сведений об акустическом эффекте, отмечавшемся исследователями [6, с. 41; 14, с. 28] с привлечением специалистов по акустике.

Все выявленные объекты комплекса фиксировались при помощи геодезического GPS-приемника Leica SR-20. В полевых условиях этот GPS-приемник позволяет получить позиционирование объекта с погрешностью до 40 см, при дальнейшей обработке погрешность можно снизить до нескольких сантиметров. Для получения более точной цифровой модели «амфитеатра» на этом участке, получившем название Туру-Алты-1, кроме фиксации объектов на GPS-приемник Leica SR-20 также проводилась тахеометрическая съемка археологических объектов и рельефа местности. Для привязки полученного тахеометрического плана к глобальной системе при помощи высокоточного GPS-приемника Trimble R10, использующего сигналы спутниковой дифференциальной коррекции OmniSTAR, были получены географические координаты нескольких наиболее характерных точек комплекса. Кроме того, для получения цифровой 3D-модели комплекса также производилась аэрофотосъемка с применением сверхлегкого моторного летательного аппарата с гибким крылом (дельталета). Аэрофотосъемка осложнялась сложными погодными условиями, практически все время экспедиционных работ дул сильный ветер. Удалось совершить лишь два облета гряды. Сейчас полученные фотографии находятся в обработке.

За прошедший полевой сезон удалось отработать северо-западную половину горной гряды и скопление объектов на площадке у юго-восточной оконечности гряды Туру-Алты, у скалы Кызыл-Кабак. Практически все объекты располагались по юго-западному склону и подножию Туру-Алты, а также на площадках верхней части гряды. В ходе работ были зафиксированы 758 объектов, разделенных на 16 участков (Туру-Алты-1–16). Полученные в ходе полевых работ данные обрабатываются в программе ArcGIS.

На Туру-Алты зафиксированы различные категории археологических объектов. На склоне, у подножия и на вершине гряды зафиксированы многочисленные каменные курганы. В центре некоторых курганов прослеживаются каменные ящики. Зафиксированы также округлые в плане ограды из вкопанных вертикально каменных плит. Керек-

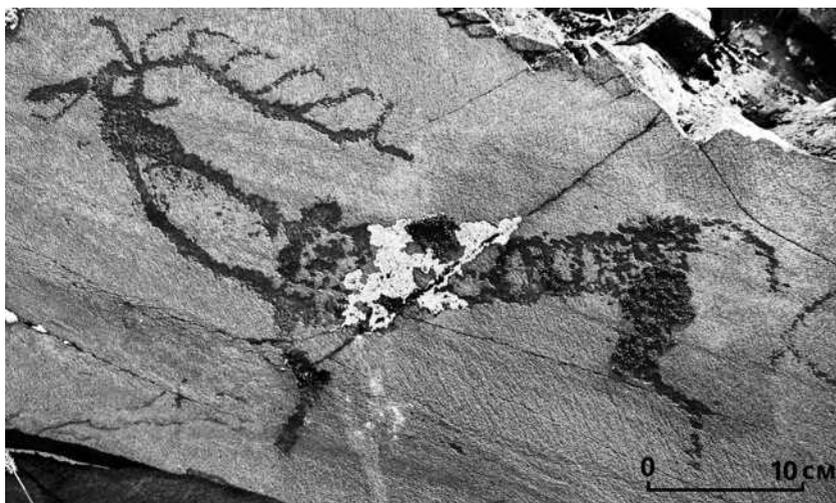

Рис. 1. Изображение оленя скифского времени на Туру-Алты

суры расположены обычно на выровненных площадках у подножия, на ровных уступах склона и на ровных площадках на вершине гряды. Рядом с керексурами обычно располагались небольшие поминальные каменные кольца. В северо-западной части комплекса (по нашей нумерации кластер получил порядковый номер Туру-Алты-5) зафиксировано скопление курганов «подчетыреугольной формы со стелами по углам» монгун-тайгинского типа [1, с. 245]. У подножия горной гряды зафиксированы стелы, многие из которых установлены в прямоугольных оградах. В одной оградке устанавливалось от одной до четырех стел. На каждой вершине этой горной гряды зафиксированы каменные выкладки – обо. В одном из таких обо лежал костяной альчик. Стоит также отметить находки железных трубчатых подвесок к шаманскому бубну на склоне горы и у плоскостей с петроглифами, а также круглой железной пряжки с подвижным язычком в отвале разграбленного кургана.

Без проведения раскопочных работ датировка объектов затруднена, но, тем не менее, предварительно можно обозначить время сооружения некоторых конструкций. К эпохе ранней бронзы, скорее всего, относятся круглые и округлые ограды из вкопанных вертикально каменных плит. Керексуры и подчетыреугольные курганы со стелами по углам монгун-тайгинского типа относятся исследователями к эпохе поздней бронзы – предскифскому времени [1, с. 245; 2, 2008, с. 184; 13]. Несколько стел в прямоугольных оградках, отличающихся от ран-

несредневековых поминальников, В. Д. Кубарев и П. И. Шульга раскопали в соседней с Туру-Алты долине р. Юстыд [8, с. 54, 193–195]. Раскопки этих оградок, аналогичных объектам Туру-Алты, не дали никакого материала, за исключением древесных углей и мелких фрагментов керамики, поэтому датировка конструкций скифским временем осталась предположительной. К раннему средневековью относятся немногочисленные квадратные оградки. Вопрос хронологической принадлежности большинства курганов, зафиксированных на Туру-Алты, до проведения раскопочных работ остается открытым.

На скальных выходах гряды Туру-Алты сконцентрировано большое количество петроглифов, среди которых выделяется плоскость с изображением пары оленей в центре и соседствующих с ними другими изображениями. Эту плоскость исследователи называют «алтарь» или даже «иконостас» [3, с. 32; 6, с. 41; 14, с. 27; 12, с. 38–42]. Композиция находится на вертикальной ровной плоскости, расположенной в наивысшей точке Туру-Алты и обращенной к югу. Изображения оленей на этой плоскости, как и на других скальных выходах (рис. 1), можно довольно уверенно отнести к раннему железному веку. К скифскому времени также относятся изображения других зверей. В достаточно большом количестве встречены рисунки бронзового века. Раннесредневековые рисунки представлены тамгами в виде изображений горных козлов на стелах. В этнографическое время выбиты и выгравированы изображения козлов, антропоморфных и других фигур.

Основным результатом проведенных в полевой сезон 2014 г. работ совместной экспедиции Горно-Алтайского государственного университета и Гентского университета стало сплошное картографирование и получение точных планов археологического комплекса. Эти данные можно будет использовать при планировании хозяйственных работ на этом участке и проведении мониторинга состояния объектов историко-культурного наследия в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Работы на юго-восточной половине горной гряды Туру-Алты планируются продолжить.

Источники и литература

1. Грач А. Д. Центральная Азия как историко-археологический регион // История и культура Центральной Азии. М.: Наука, 1983. С. 244–265.
2. Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г. И., Бурова Н. Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центрально-азиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового

- века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: АлтГУ, 2008. С. 172–186.
3. Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
 4. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
 5. Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
 6. Кубарев В. Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 41–54.
 7. Кубарев В. Д., Якобсон Э., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaica. 1993. № 2. С. 63–68.
 8. Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: АлтГУ, 2007. 282 с.
 9. Кубарев В. Д., Кубарев Г. В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири. Каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2013. 79 с.
 10. Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
 11. Марсадолов Л. С. Ритуальный центр в урочище Туру-Алты на Алтае // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул: АлтГУ, 2003. С. 293–299.
 12. Мартынов А. И., Чигаева В. Ю., Базайченко А. В., Штанов Е. С., Симонова И. Л., Мосина А. Е. Туру-Алты (Карачат). Кемерово, 2010. 144 с.
 13. Чугунов К. В. Саяно-Алтай в начале эпохи ранних кочевников: перспективы комплексного анализа // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: АлтГУ, 2009. С. 347–349.
 14. Якобсон Э. Исследования в Чуйской степи // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 26–29.
 15. Jacobson E., Kubarev V. Turu-Alty: Analysis of Siberian «Sanctuary» // Altaica. 1994. № 4. С. 18–29.

Ю. И. Гельмель

Бронзовые предметы из коллекции Славгородского ЦТДМ¹

Осенью 2013 г. в кабинет археологии Центра творчества детей и молодежи г. Славгорода были переданы несколько бронзовых предметов, добытых местными жителями при поиске металлических вещей в разных районах степного Алтая. Среди них оказались археологические артефакты: бронзовые нож, серп и наконечники стрел (рис. 1).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14-11-22002 «Древние поселения Северной Кулунды (культурно-хронологический аспект)».

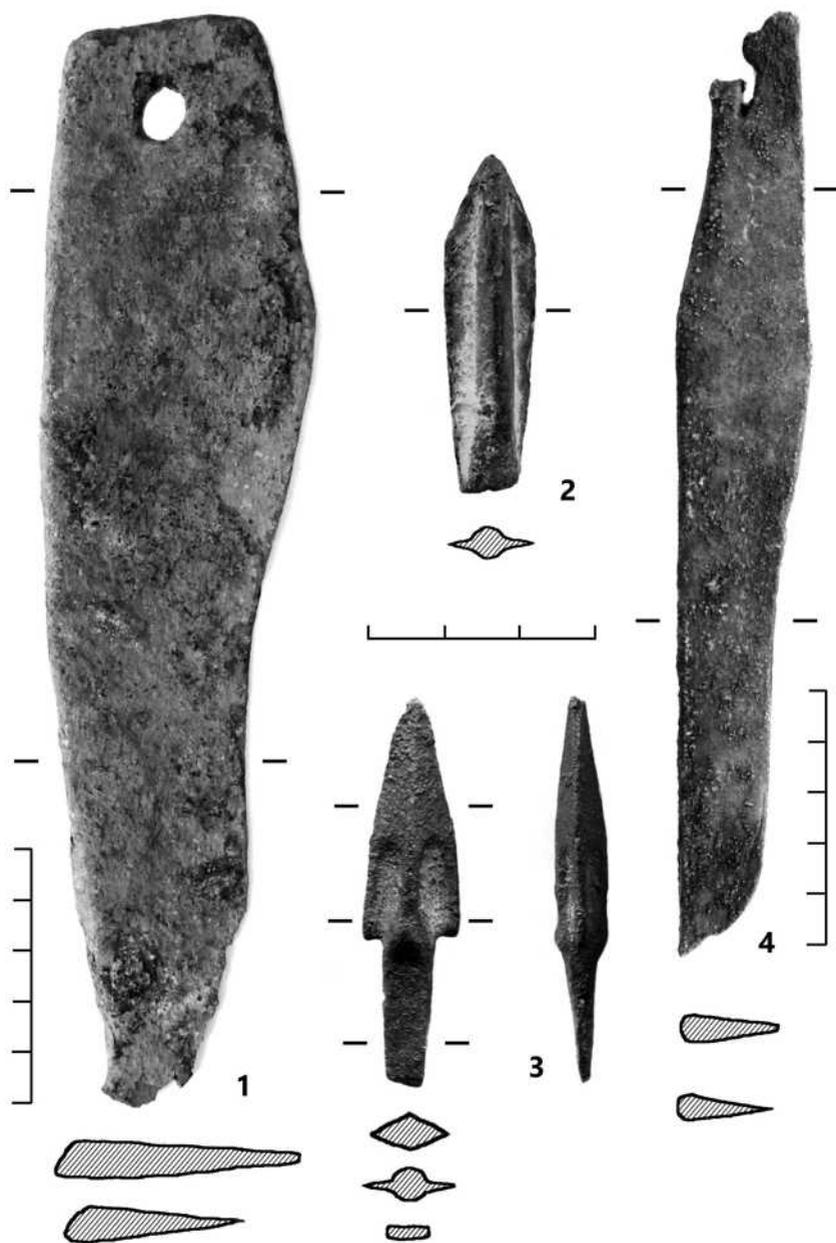

Рис. 1. Бронзовые предметы, переданные в Славгородский ЦТДМ

Бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с асимметрично-ромбической формой пера и скрытой втулкой, доходящей до острия головки и образующей своеобразное ребро жесткости (рис. 1, 2). Лопастни заточены. Длина наконечника 44 мм, ширина 13 мм, вес 7,6 г. Наконечник найден в 750 м к северо-востоку от северной окраины с. Подсоново Немецкого национального района слева от грунтовой дороги, ведущей от села к дороге Камыши–Богатское. Наконечник принадлежит к типу, широко распространенному в степях Евразии с VIII по VI вв. до н. э. Экземпляры подобной формы найдены в древнейших скифских курганах Тувы [7, с. 23, рис. 11–12] и Восточного Казахстана [26, с. 27, табл. 10]. Временем наибольшего распространения подобных стрел в Сибири исследователи считают вторую половину VIII – VII в. до н. э. [8, с. 57; 14, с. 36]. На Алтае двухлопастные ромбические наконечники стрел встречаются и в VI в. до н. э. (Боровое-3) [1, с. 96–97, рис. 2, 1–18; 24, с. 214, рис. 2, 7–8], позже заменяясь другими формами.

Второй *бронзовый наконечник* (рис. 1, 3) найден в 0,5 км к юго-востоку от с. Нижнечуманка Баевского района за мостом через р. Кулунда, на «бугре» слева от дороги, ведущей из Нижнечуманки в Покровку. Наконечник черешковый, двухлопастной, с пером треугольной формы и клиновидным насадом. Сечение средней части головки ромбическое. Ниже, к насаду, перо оформляется двумя лопастями и ребрами жесткости, расширяющимися и превращающимися в упор при переходе в черешок. Жальца слегка опущены. Длина наконечника 46 мм, ширина 11 мм, вес 6,4 г. Он принадлежит к достаточно редкому типу наконечников, сочетающих плоскую (двухлопастную) форму боевой части и черешковый способ насада.

Скифы и савроматы плоских черешковых бронзовых наконечников стрел не использовали [20, с. 62; 15, с. 16], но они иногда встречаются в памятниках Приуралья, Южной Сибири и Средней Азии. Подобные наконечники, найденные в составе колчанных наборов в могильнике Южный Тагискен [10, с. 46–49, рис. 70а, 1, 2] и Николаевка II [21, с. 29–30, рис. 2, 4], датируются VII–VI вв. до н. э. Первой половиной VI в. до н. э. датируются двухлопастные черешковые наконечники стрел могильника Уйгарак [6, с. 92–93, 123; табл. XVIII, 25–29, табл. XX, 14–22].

Типологически близкий, но более широкий наконечник с длинным черешком из Павлодарской области датирован начальным этапом тасмолинской культуры (VII в. до н. э.) [19, с. 282]. К этому же времени отнесен колчанный набор, содержащий подобный наконечник, из могильника Целинный I в Южном Приуралье [9, с. 146, рис. 3, 84].

Плоские бронзовые черешковые наконечники с ребром жесткости и упором из памятников поздней бронзы Средней Азии связывают с

влиянием земледельческого населения Южной Туркмении [12, с. 31–33]. Появление подобного наконечника на Алтае, в свою очередь, можно связывать с влиянием среднеазиатских культур, которое неоднократно фиксировались археологическими материалами поздней бронзы и раннего железа [22, с. 109; 23, с. 34–35; 13, с. 99; 4, с. 73]. С учетом эволюции форм бронзовых наконечников стрел [14, с. 36, 38] и пропорций нижнечуманского экземпляра вероятное время его использования – конец VII–VI вв. до н. э.

Примерно там же, где и черешковый наконечник, были найдены два *бронзовых ножа*, один из которых утрачен, а второй передан в кабинет археологии Славгородского ЦТДМ. Нож пластинчатый, однолезвийный, с выделенной рукоятью, прямым массивным обушком и плавно изогнутой линией лезвия, закругленного на конце (рис. 1, 4). Длина ножа 19 см, рукоять составляет примерно $\frac{1}{3}$ длины изделия. К рукояти лезвие расширяется, достигая у перекрестия максимальной ширины (27 мм). Затем рукоять снова сужается, образуя плавные уступы со стороны лезвия и обушка. Окончание рукояти фигурно оформлено, возможно, в результате доработки литейного брака в районе отверстия.

Ножи подобной формы найдены в Барабе в кротовских памятниках, хотя и отмечается их близость к кругу изделий карасукского облика [17, с. 61–62, рис. 30, 9–10]. Большинство аналогов в Южной Сибири происходит из памятников эпохи поздней бронзы, переходного времени и начала раннего железного века [28, с. 113, рис. 1, 1; 27, с. 95, рис. 1, 4; 2, с. 194, рис 1, 1 и др.]. Типологически нож близок четвертому типу, выделенному Д. В. Папиным и А. С. Федоруком [18, с. 99].

Верхней датой бытования ножа из Нижнечуманки, видимо, следует считать VI в. до н. э., так как с этого времени в лесостепном Алтае ножи, за редким исключением, изготавливались из железа [30, с. 175], а наиболее поздние бронзовые ножи, доживающие до IV в. до н. э., имеют несколько иные формы [16, с. 66].

Бронзовый серп (рис. 1, 1) был найден примерно в 2 км к северо-востоку от села Покровка Баевского района. Его длина 21 см, спинка слегка выгнута. Широкое лезвие, вогнутое (сточенное?) в центральной части, на носу закругляется к спинке. Острие серпа отогнуто, его кончик обломан. Место перехода лезвия в рукоять – самое широкое в изделии (52 мм). Отсюда рукоять начинает сужаться, переходя в прямую пятку с овальным отверстием. Изделие может быть отнесено к типу Г (секачи-косари) по классификации Н. А. Аванесовой [3, с. 21]. Подобный серп из поселения Кент в Центральном Казахстане отнесен к сосново-мазинскому типу, появляющемуся в памятниках Зауралья и Казахстана в XIII–XII вв. до н. э. [5, с. 85–86, рис. 3, 1].

Близкие аналоги происходят с территории Средней Азии [12, с. 54–55, табл. XI, 19–24], и Казахстана [25, с. 79, табл. LXIII, 5; 3, с. 21, рис. 21, 55, 56] из памятников эпохи поздней бронзы. В целом время существования таких серпов синхронно саргаринско-алексеевским памятникам (XII–VIII вв. до н. э.). Вероятно, находка связана с комплексом памятников у села Жарково, исследовавшихся в разные годы археологами Алтайского государственного университета [11; 29].

В заключение отметим, что детекторный поиск старинного металла (монет и т. п.) в последние годы стал довольно популярным промыслом. Можно только предполагать, какое количество археологических находок было извлечено из культурных слоев подобными «любителями старины» и, возможно, навсегда потеряно для науки.

Источники и литература

1. Абдулганеев М. Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 91–105.
2. Абдулганеев М. Т., Егоров Я. В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 190–195.
3. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991. 200 с.
4. Бородаев В. Б. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 56–73.
5. Варфоломеев В. В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 80–99.
6. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1973. Т. VIII. 160 с.
7. Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 63 с.
8. Иванов Г. Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56–62.
9. Исмагилов Р. Б. Новое погребение эпохи раннего железа на Илеке // Маргулановские чтения, 1990. М., 1992. Ч. 1. С. 143–146.
10. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 187 с.
11. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С. Исследования поселения Жарково III в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 264–267.

12. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // Археология СССР. Свод археологических источников. В4–9. М., 1966. 150 с.
13. Кунгуров А. Л., Фролов Я. В. Могильник раннего железного века на МГК-1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 94–99.
14. Марсадоллов Л. С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX–IV вв. до н. э. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 36–43.
15. Мелюкова А. И. Вооружение скифов // Археология СССР. Свод археологических источников. Д1–4. М., 1964. 92 с.
16. Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М, 1997. 196 с.
17. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
18. Папин Д. В., Федорук А. С. Ножи эпохи поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени с территории степного Обь-Иртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 97–106.
19. Пересветов Г. Ю. Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 282–285.
20. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 101. М., 1961. 162 с.
21. Таиров А. Д. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 25–37.
22. Удодов В. С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 107–110.
23. Уманский А. П. К вопросу о периодизации большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 32–36.
24. Фролов Я. В. Некоторые проблемы изучения памятников, датируемых VI–V вв. до н. э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211–219.
25. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 88. М.; Л., 1969. 272 с.
26. Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1965. 189 с.
27. Членова Н. Л. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 91–96.
28. Членова Н. Л. Раскопки могильника Камышенка на северном Алтае в 1970 г. // Из истории Сибири. Томск, 1974. С. 112–119.

29. Шамшин А. Б., Изоткин С. Л., Ситников С. М. Поселение Жарково-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4. Тюмень, 2002. С. 106–113.
30. Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Н. Н. Головченко

Загадка «пляшущих человечков» (о некоторых результатах исследования стелы из Краснощековского района Алтайского края)

В полевой сезон 2014 г. археологической экспедицией Алтайской государственной педагогической академии под руководством М. А. Демина исследовался курганный могильник эпохи раннего железа Черемшанка-1, расположенный в Краснощековском районе Алтайского края, в 8 км к северу от села Чинета.

Действия развернулись на территории правобережной межгорной долины реки Иня, ограниченной с севера, востока и запада отрогами Тигирекского хребта, а с юга – устьевой зоной реки Черемшанка. Надпойменная терраса устьевой зоны реки Черемшанка в советский период подвергалась интенсивному антропогенному воздействию – систематической распахке сельскохозяйственной техникой (рис. 1).

Методика проведения полевых исследований могильника требовала тщательного осмотра всего могильного поля на предмет выявления новых объектов историко-культурного наследия. Во время такого визуального осмотра местности на обочине полевой дороги, ведущей в экспедиционный лагерь, был обнаружен совершенно окатанный камень (валун, наибольшими размерами в длину 91 см, в ширину 32 см, в толщину 25 см), на поверхности которого слабо прослеживались следы, напоминающие петроглифы (рис. 2). Руководствуясь обстоятельствами его обнаружения, а именно расположением на могильном поле, приуроченностью к слабо читаемой на поверхности насыпи кургана и наличием на его поверхности предполагаемых изображений, мы решили именовать выявленный валун стелой.

Участники экспедиции проходили мимо стелы ежедневно в течение первой недели полевых работ, до момента ее нахождения. Отряд проходил по дороге на раскоп в 8 и 15 часов, в лагерь – в 12 и 19 часов; в составе экспедиции одновременно находилось около 30 человек. Однако лежащий у края дороги валун не привлекал ничьих взглядов. В силу известной напряженности аварийных полевых работ в связи с условиями государственного контракта, большим количеством исследуемых объектов и, соответственно, обилием полевой документации, а также с периодическими ливневыми дождями приступить к осмотру

Рис. 1. Общий вид с северо-востока на могильник Черемшанка-1 с обозначением места обнаружения стелы

местности никак не получалось. Поэтому было решено осуществлять его планомерно в вечернее, после основной работы, время (в коридоре от 20 до 21 часа). Осмотр местности осуществлялся нами под косыми лучами заходящего солнца, благодаря чему на придорожном валуне и были различены следы, напоминающие петроглифы.

Случайность обнаружения стелы обусловлена наличием на обследованном могильном поле массы подобных совершенно окатанных валунов чуть большего или меньшего размера. Все они испещрены следами явного техногенного воздействия, продольными полосами, вероятно, оставленными навесным плугом. Такие следы присутствуют и на стеле (рис. 3, 1). Продольные и диагональные следы от плуга на всех сторонах стелы свидетельствуют о ее перемещении с первоначального месторасположения в ансамбле памятника во время пахоты. Кроме полос, на поверхности стелы отмечаются и другие следы техногенного воздействия – следы ударов, которые могли быть оставлены как сельскохозяйственной или дорожно-строительной техникой, так и участниками экспедиции.

Помимо отмеченных повреждений, на поверхности стелы имеются следы эрозии (корразии – процесса механической эрозии породы влекомыми водой обломками) [1, с. 41–55; 4, с. 19–21] в виде отдельных сколов и шлифовок, ячеистой фактуры объекта (рис. 3, II). Аналогичные по характеристикам (породе, окатанности и следам эрозии) валуны и ныне покоятся на прилегающем к могильному полю берегу реки Иня, и мы предполагаем, что изначально камень был принесен именно оттуда, хотя вопрос о принадлежности стелы с петроглифами к курганному могильнику эпохи раннего железа Черемшанка-1 следует считать дискуссионным, поскольку стела была перемещена с места первоначального расположения в ансамбле курганного могильника.

После обнаружения и первоначальной полевой фиксации стелы (фотофиксации, занесения на план могильника, получения GPS-координат¹) она была перевезена в полевой лагерь, где после захода солнца обследовалась автором при освещении поверхности камня косо направленным лучом фонарика.

Мы выделили на стеле несколько условных зон, в рамках которых отмечены следы предполагаемых петроглифов. Большая часть читаемых знаков представляет собой выбитые антропоморфные фигуры или их элементы (рис. 3, III). Они размещены на одном из окатанных ребер стелы, в ее центральной и верхней части. Вокруг и поверх изображений отмечаются следы техногенного воздействия (прочерченные полосы, оставленные плугом). Текстура выбитых петроглифов отличается нагаром, более крупной ячеистостью на фоне гладкой и мелкоячеистой структуры породы стелы (вследствие корразии).

Среди всех следов выбивки наиболее четко читаются две фигуры (рис. 3). Первая представляет собой «лучника» в движении, судя по его поднятой левой ноге. «Лучник» изображен в правосторонней стойке, удерживающим лук правой рукой (рис. 3, А, В), что отражает своеобразный центральноазиатский иконографический канон [5, с. 5]. Вторая фигура, тоже в движении (танце?), изображает человека с поднятой правой рукой и широко расставленными ногами (рис. 3, С, D). Обособленно на стеле встречены еще несколько зон с выбивкой непонятных очертаний, лишь отдаленно напоминающих элементы антропоморфных фигур. Вероятно, задуманный автором рисунок на стеле по каким-то причинам не был закончен (рис. 4).

Совокупность изображений, представленных на одной стороне стелы, не образует четкого сюжета и композиции. Фигуры слабо выражены на фоне общего рельефа стелы, нанесены неглубокой мелкоточеч-

¹ GPS-координаты объекта: N510.25.024' E0890.09.022' (приемник GARMIN).

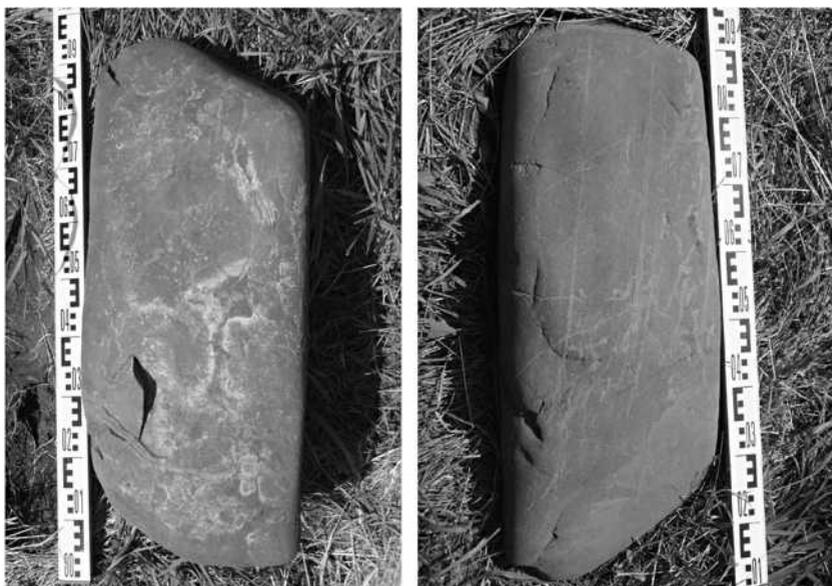

Рис. 2. Вид стелы на момент обнаружения

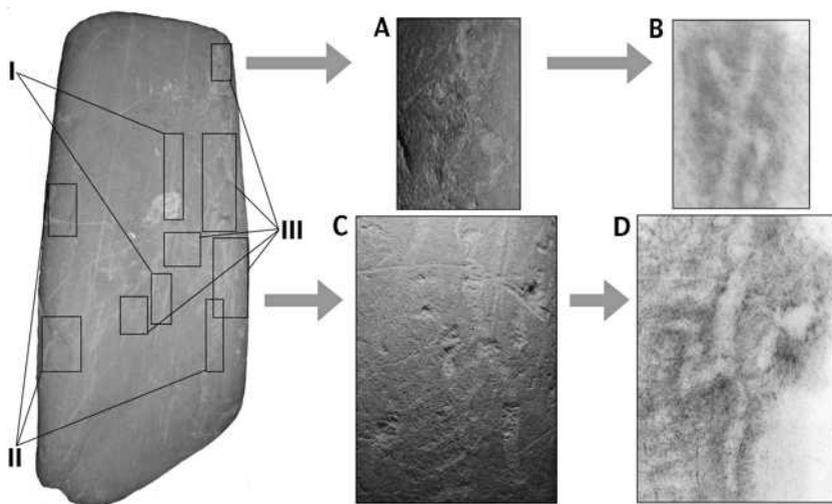

Рис. 3. Стела. I – следы техногенного воздействия; II – следы эрозии; III – зоны расположения выбивок. А, В – фото и эстамп антропоморфной фигуры; С, D – фото и эстамп фигуры «лучника»

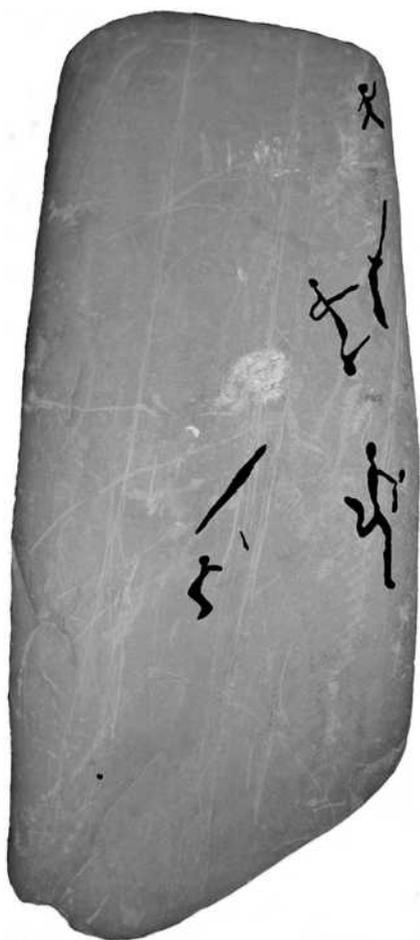

Рис. 4. Композиция выбивок на стеле с памятником Черемшанка-1

стелы и знаков на ней не может являться окончательной в связи с нечеткостью изображений, повреждениями стелы и отсутствием аналогий описываемому объекту на территории северо-восточного Алтая. Однако доступ исследователей к данному объекту археологии нами упрощен благодаря перевозу стелы на постоянное хранение в кабинет археологии Алтайского государственного педагогического университета.

ной сплошной выбивкой, снявшей только верхний слой породы. Вследствие этого эстампы с некоторых из них снять оказалось невозможно, а удавшиеся образцы были получены с большим трудом.

Сравнительный анализ позволил выявить ряд параллелей нашим «пляшущим человечкам» на памятниках Северной и Центральной Азии [6, табл. 14, 2; 7, табл. 5, 9, табл. 17, 1, табл. 39, 10; 8, табл. 88, 8; 2, рис. 6, 1; 9, с. 293], датируемых в широком диапазоне. По нашему мнению, стилистически к знакам на стеле с памятника Черемшанка-1 наиболее близки некоторые композиции петроглифов Калбак-Таша (Ялбак-Таша) I [5, илл. 277, 284, 289, 338, 559; рис. 52, 1, 3, 8, 10].

Для более качественной атрибуции находки нам представляется необходимым построение культурно-хронологической колонки петроглифов Алтая на основе «стилистико-образных» аналогий других петроглифов и их корреляции с погребальными комплексами [3, с. 87].

В заключение отметим, что интерпретация черемшанской

Источники и литература

1. Астахов В. И. Начала четвертичной геологии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 224 с.
2. Бороодовский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2013а. 120 с.
3. Бороодовский А. П. Петроглифы на каменных погребальных конструкциях афанасьевского некрополя Сальдьяр-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVIII и XIX регион. науч.-практ. конф. Барнаул: Концепт, 2013. С. 83–87.
4. Зольников И. Д. Генетические типы и геологическое картирование четвертичных отложений. Новосибирск, 1998. 50 с.
5. Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. 444 с.
6. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. 136 с.
7. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Чанкыр-кёля. Алтай. Елангаш. Новосибирск: Наука, 1981. 146 с.
8. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д. и др. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). Новосибирск: Наука, 1982. 148 с.
9. Самашев З., Чжан Со Хо, Боковенко Н., Мургабаев С. Наскальное искусство Казахстана. Астана, 2009. 465 с.

Н. Н. Головченко

Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа

Раковины каури использовались древним населением Сибири и Центральной Азии в качестве декоративных объектов с глубокой древности до наших дней [1, с. 199–204; 8, с. 263–272; 14, с. 44–53; 15, с. 51–64; 23, с. 259–263]. На памятниках эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна они были обнаружены в могилах могильников: Новотроицкое-1, 2, Локоть-4а, Камень-2, Быстровка, Новый Шарап-1, 2, Староалейка-2, Фирсово и др. [4; 6; 15; 17; 20–22; 24; 27].

Точную статистику раковин, происходящих из этих погребальных комплексов, представить фактически невозможно в силу определенных объективных и субъективных причин, однако в известной нам литературе упоминаются более 250 случаев обнаружения каури единично и в комплексе. В большинстве случаев комплексы раковин выявляются в районе костей таза погребенных (разного пола и возраста, судя по определениям авторов) и на основании многочисленных аналогий интерпретируются авторами как компоненты поясной фурнитуры.

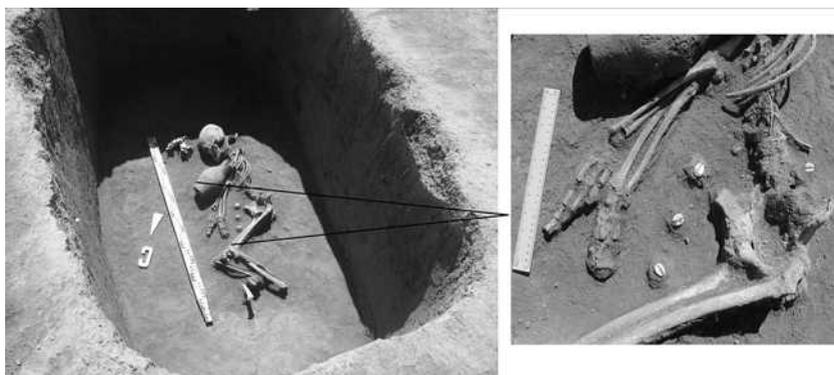

Рис. 1. Погребение кургана № 4, могильника Черемшанка-1

Гендерный анализ каури как украшений костюма предпринимался для отдельных археологических культур, однако на нашем материале подобная дифференциация оказалась безрезультатной [8, с. 263–272; 13, с. 136–145].

Попытки обобщения предметного комплекса поясной фурнитуры населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа неоднократно предпринимались П. И. Шульгой и другими авторами [19, с. 161–173; 26], в их работах представлены варианты графической реконструкции поясных наборов, включающих раковины каури. Согласно их наработкам, раковины прикреплялись к поясам, становясь тем самым объемными аппликационными украшениями поясов [5, с. 5–13].

Нет нужды приводить широкий круг аналогий нашим материалам на синхронных памятниках сопредельных территорий, достаточно указать, что они имеются на памятниках пазырыкской, альдыбельской, тасмолинской, кулайской и саргатской культур [2; 10–12; 26], а также на многокомпонентных памятниках, расположенных в интеграционных зонах, к числу которых, вероятно, относится и территория северо-западных предгорий Алтая. Так, представительный поясной набор, состоящий из 14 инволютных раковин каури, был обнаружен в ходе исследования кургана № 4 могильника Черемшанка-1 (Краснощековский район Алтайский край) летом 2014 г. (рис. 1). Раковины, длиной около 100 мм, имеют одну большую полость с узким щелевидным устьем и срез по спинной части. Аналогичная ситуация зафиксирована на памятнике Покровский Лог-5 [3, с. 109–114; 25, с. 126–132]. Выявленный предметный комплекс позволяет осуществить реконструкцию опояски с использованием раковин каури [27, с. 157–173].

Таким образом, различия в комплексах раковин каури, используемых для декорирования поясов, проявляются главным образом в их размере и количестве. Какое значение имело то или иное сочетание указанных признаков, доподлинно не известно. Возможно, пояса, украшенные определенным количеством раковин каури, считались богаче поясов с аналогичным набором меньших по габаритам раковин. Вероятно, следует считать использование каури в качестве украшения костюма определенным архетипом. В пользу этого свидетельствуют наблюдения о функциональных и иных формах значимости раковин каури в культуре кочевых обществ, осуществленные В. Н. Добжанским и С. А. Яценко [7; 28]. Существует также мнение о том, что помимо символической, эстетической и декоративной функции каури выполняли и экономическую функцию – эквивалента товарообмена («денег») [9; 18, с. 304–307].

Источники и литература

1. Белинская К. Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология, 2007. С. 199–204.
2. Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
3. Гельмель Ю. И., Демин М. А., Шульга Н. Ф., Шульга П. И. О ходе работ по созданию Сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (материалы науч.-практ. конф.). Вып. VII. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 109–114.
4. Головченко Н. Н. Заколки населения скифского времени Верхнего Приобья по археологическим материалам (классификация и назначение) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 18–19 апр. 2013 г. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 14–18.
5. Головченко Н. Н., Телегин А. Н. Одежда евразийских номадов скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та, 2014. № 2. С. 5–13.
6. Головченко Н. Н. Серьги населения Верхнего Приобья эпохи раннего железного века // Древности Алтая и Центральной Азии: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В. И. Соенова. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. № 7 (19). С. 131–136.
7. Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
8. Каримова Р. Р. К вопросу о половозрастном аспекте, объективированном в элементах убранства и аксессуарах костюма кочевников Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. С. 263–272.

9. Кирсанов К. К. Эволюционные этапы развития денежной системы // Науковедение: интернет-журнал. 2011.
10. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.
11. Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.
12. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
13. Минор О. В. Женский набор украшений карасукской культуры // Вестн. НГУ. Сер.: Археология, филология, 2010. С. 136–145.
14. Минор О. В. История изучения украшений эпохи поздней бронзы на территории бассейна Среднего Енисея // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология, 2011. С. 44–53.
15. Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э.: монография. М., 1997. 195 с.
16. Могильников В. А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. С. 51–64.
17. Молодин В. И., Бородовский А. П., Троицкая Т. Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма. 1996. 192 с.
18. Прокопович Л. В. Морские раковины в ювелирных изделиях // Труды Одесского политех. ун-та, 2005. С. 304–307.
19. Сингаевский А. Т. Поясные подвески VIII в. до н. э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурно-хронологический индикатор // Изв. АлтГУ. Барнаул, 2007. С. 161–173.
20. Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. изд. фирма, 1994. 184 с.
21. Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с., ил.
22. Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с., ил.
23. Шараева Т. И. Оберег в детском цикле у калмыков // Известия АлтГУ. Барнаул, 2009. С. 259–263.
24. Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а: монография / науч. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.
25. Шульга П. И., Демин М. А., Гельмель Ю. И., Ситников С. М., Шульга Н. Ф. Работы в долине реки Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы регион. науч.-практ. конф. Вып. XIII. Барнаул: Изд-во гос. пед. ун-та, 2003. С. 126–132.
26. Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

27. Шульга П. И. Уманский А. П., Могильников А. В. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
28. Яценко С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Вост. лит., 2006. 664 с.

О. С. Данилова

**Погребальный обряд кочевников Евразии I тыс. до н. э.
в сообщениях Геродота и по археологическим данным**

Погребальный обряд всегда занимал важное место в жизни человека. Не является исключением в этом вопросе и культура скифо-сибирского мира.

Геродот не случайно в своем описании уделяет этому особое внимание. Он очень подробно описывает погребение царя скифов: «В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его как можно выше» [1, с. 68].

Погребения умерших в интересующую нас эпоху совершались в Горном Алтае по определенному, вполне установившемуся обычаю. Захоронение знатных людей представляло собой сложную систему. Грунтовые ямы были прямоугольной формы, их стенки точно ориентировались по сторонам света. Площадь могильных ям в среднем составляла 40, глубина – от 4 до 6 с лишним метров. Сруб рубился из очень толстых брусев или из бревен. Сверху срубы покрывались бревенчатым потолком, при двустенной конструкции – двумя потолками [4, с. 228].

В северной части ямы, за погребальной камерой, в несколько рядов укладывались трупы лошадей. Число лошадей было различно: в одном случае 7, в другом 9, в двух случаях – по 10, в четырех – по 14 и в одном случае – 16. Трупы лошадей пытались уложить по 2–4 в ряд в меридиональном направлении, однако это не всегда удавалось, и в зависимости от площади, отведенной в могиле для трупов лошадей, их иногда клали и в широтном направлении и в два слоя [2, с. 15–17].

Геродот так описывает погребение верховных вождей у западных, причерноморских скифов: «Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами селеirea и аниса. Потом желудок снова зашивают...» [1, с. 71].

Тела всех захороненных в больших курганах были бальзамированы. Приемы бальзамирования были различными. Черепа всех захороненных везде, кроме второго Башадарского кургана, были трепанированы для извлечения мозга. Встречались захоронения, в которых у погребенных все мышцы были удалены и заменены растительными волокнами (Шибинский курган), брюшная полость была заполнена растительной массой (второй Пазырыкский курган). Оригинальная операция была проделана над телами мужчины и женщины, захороненными в пятом Пазырыкском кургане. Помимо извлечения мозга и внутренностей, через многочисленные разрезы кожи на теле была удалена вся мускулатура, даже со стоп ног и кистей рук, после чего все разрезы были тщательно зашиты. Получились таким образом скелеты в коже. Там, однако, где это было необходимо для придания телу соответствующей формы, например в области шеи и груди у женщины, мышцы заменены конским волосом.

Геродот в своем описании дает рецепт бальзамирования причерноморских номадов, но он отличается от пазырыкского. Для набивки мумий использовалась трава, но не какой-то особый набор редких трав с антисептическими свойствами, как у скифов, а трава пастбищ, окружающих могилы, обычные травы, поедаемые скотом, имевшие для них символический смысл. В частности, в набивке мумии женщины из кургана Ак-Алаха использовалась трава, которая и в настоящее время растет вокруг кургана и по всему Укоку; внутренние органы у знатных пазырыкцев, вероятно, входили в состав наполнителя мумии. Результаты специального анализа показали наличие ртути на коже мумии женщины из кургана, теперь можно предположить, что консервирующим веществом, вводимым в ткани тела, были ртутные соединения [3, с. 18–20].

В сообщении Геродота есть упоминание о том, что тело царя возили на повозке по его окрестностям: «Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям» [1, с. 73]. В Пазырыкских курганах были найдены повозки двух типов: первая – массивная телега, и вторая, очень легкая, сложной конструкции повозка, на высоких многоспицных колесах. Во всех курганах были найдены телеги первого типа, которые, скорее всего, использовались для подвозки камней к кургану. Но в пятом Пазырыкском кургане была найдена другая повозка. Она имела сложное устройство, состояла из многих сотен отдельных частей, скрепленных между собой костылями, заклепками, связанных ремнями, при полном отсутствии использования металла в качестве материала при ее изготовлении. Повозка была рассчитана на дыш-

ловую запряжку четверки коней. Таким образом, можно предположить, что она предназначалась для перевозки тела умершего вождя [5, с. 301].

После похорон совершались обряды очищения. Вот что об этом пишет Геродот: «Окончив погребение, скифы очищают себя таким способом: головы они смазывают, а потом обмывают себе волосы... В Скифии произрастает конопля... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней; брошенное курится и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого. Скифы, восхищенные подобной парильней, громко ликуют. Это служит им вместо омовения, ибо они вовсе не моют тело водою» [1, с. 71–73].

Во всех Пазырыкских курганах были найдены связанные между собой шесть древков, в отличие от описанных Геродотом трех. Во втором Пазырыкском кургане шестиноги были расставлены над медными сосудами прямоугольной формы, на четырех ножках и в форме скифского котла на поддоне. Оба сосуда были наполнены побывавшими в огне камнями, в них же были обнаружены семена конопли, частично обуглившиеся. К древку одной из шестиног была привязана кожаная фляга с семенами конопли [4, с. 241–245].

Таким образом, можно предположить, что описанный Геродотом погребальный обряд нашел отражение в Пазырыкской культуре Горного Алтая.

Источники и литература

1. Геродот. История: в 9 кн. / пер. Г. А. Стратановского. Л. : Наука, 1972. 600 с.
2. Погребальный обряд Пазырыкской культуры Горного Алтая [Электронный ресурс] // Дашковский П. К. Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 2006. URL: <http://new.hist.asu.ru/skif/pub/dash/dash4.html> (дата обращения 24.11.2014)
3. Полосьмак Н. В. Физико-химическое исследование уникальных археологических находок Пазырыкской культуры Горного Алтая (VII–II вв. до н. э.) // Наука в Сибири. 1999, № 49 (2235). С. 8–12.
4. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы / отв. ред. А. Н. Бернштам. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 267 с. (Итоги и проблемы современной науки).
5. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 359 с.

П. К. Дашковский, Н. С. Гончарова, И. А. Мейкшан

Продолжение исследования курганов на могильнике Инской дол¹

В 2014 г. было продолжено изучение разновременного курганного могильника Инской дол, расположенного на второй надпойменной террасе в 2 км к ЮВВ от с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края) на левом берегу р. Иня в южной части долины [5]. Ранее на некрополе было раскопано три объекта (№ 1–3) скифо-сакского периода. Полученные материалы частично введены в научный оборот [6; 8]. В процессе дальнейших исследований были объекты № 6–7 и 10–11, краткой характеристике итогов изучения которой и посвящена данная публикация.

Курганы № 6–8 выявлены в северной части могильника Инской дол на небольшом по площади террасном выступе. После зачистки насыпи курганов было установлено, что южная пола кургана № 6 и северная пола кургана № 7 перекрывают друг друга, образуя фактически единое сооружение. Диаметр каменной насыпи кургана № 6, сложенного преимущественно в один слой из камней, достигал 9 м. Высота объекта составляла 0,35 м. При этом внешне курган представлял собой каменное кольцо шириной 1,5–2 м из мелких и средних речных камней. В центральной части кургана камни фактически отсутствовали. При разборе каменного кольца в северо-западной его части был обнаружен неорнаментированный фрагмент керамики. Могила, выявленная под насыпью, была ориентирована длинной осью с небольшими отклонениями по линии СВ–ЮЗ. Она имела размеры от уровня древнего горизонта 2×1,2×0,94 м. В могиле выявлен скелет человека, который был уложен в вытянутом положении на спине с подогнутыми ногами в сторону левого бока и ориентирован головой на восток. Умерший, вероятно, был обильно посыпан красной охрой. Никаких предметов сопроводительного инвентаря не найдено.

Курган № 7, как отмечено выше, вплотную примыкал с юга к предыдущему объекту. Диаметр его каменной насыпи, сложенной преимущественно в один слой также из мелких и средних камней, 7,5 м. Высота кургана составляла 0,35 м. Как и у кургана № 6, по периметру сооружения выявлено кольцо из небольших камней шириной 1,5–2 м. В центре кургана камни практически отсутствовали. Могильная яма

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-31-01201, «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в саяно-алтайской горной провинции в древности и раннем средневековье»).

была ориентированна длинной осью по линии СВ–ЮЗ и имела размеры 1,54×0,9×0,79 м. В могиле обнаружено парное погребение умерших людей. Погребенные, вероятно, были уложены в вытянутом положении на спине с ногами, подогнутыми в левую сторону, и ориентированы головой на восток. В процессе зачистки скелетов были найдены остатки красной охры, которой посыпали тела умерших. В северо-западном углу могилы у ног первого скелета человека зафиксирован орнаментированный керамический сосуд плоскодонной формы (рис. 1, 3).

Курганы № 10–11 располагались в южной части могильника Инской дол и образовывали микроцепочку из пяти объектов. Курганы № 10–11 являлись самыми южными в этой микроцепочке, которая вытянута в направлении север–юг. Диаметр кургана № 10 достигал 6,75 м. Высота каменной насыпи, сложенной в 1–3 слоя из камней, составляла до 0,5 м. По периметру объекта не выявлено каких-либо конструкций из камня. Под насыпью зафиксирована могильная яма, ориентированная длинной осью по линии СЗ–ЮВ, размерами 2,45×1,58×1,4 м. Внутри могилы обнаружены фрагменты продольных и поперечных деревянные плах от рамы. Внутри рамы выявлено погребение человека, уложенного в скорченном положении на правом боку и ориентированного головой на восток. В северо-восточном углу рамы находился развал керамического орнаментированного сосуда кувшинообразной формы (рис. 1, 1) и ритуальная пища (кости барана). Под черепом человека обнаружена восьмеркообразная золотая (?) серьга, а в районе шейных позвонков – ожерелье из пяти костяных подвесок (рис. 2, 1–5).

Курган № 11 располагался в 2,2 м к северу от кургана № 10. Диаметр насыпи объекта, сложенной в 1–3 слоя из камней, достигал 7,75 м, а высота – 0,5 м. Под насыпью выявлена могила, которая была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела размеры 2,9×2,05×2,48 м. На глубине 1,94–2,18 м внутри могилы выявлена остроконечная плита, которая перекрывала погребение. Длина плиты 1,5 м, максимальная ширина в восточной части – 0,9 м. Противоположная, западная, часть плиты имела сужение. Толщина плиты достигала 15–20 см. После снятия каменной плиты-перекрытия обнаружено погребение человека. Умерший был уложен в скорченном положении на правом боку и ориентирован головой на восток. В северо-восточной части могилы выявлены ритуальная пища (кости барана), железный нож и развал керамического орнаментированного сосуда кувшинообразной формы (рис. 1, 2).

Материалы погребальной обрядности из курганов № 6–7 вновь позволяют поднять вопрос об афанасьевской культуре на Алтае, который активно обсуждается в последние годы в научной литературе [1; 2; 3; 9; 12; и др.]. Н. Ф. Степанова [3, с. 325–327; 13, с. 179–180], обобщив матери-

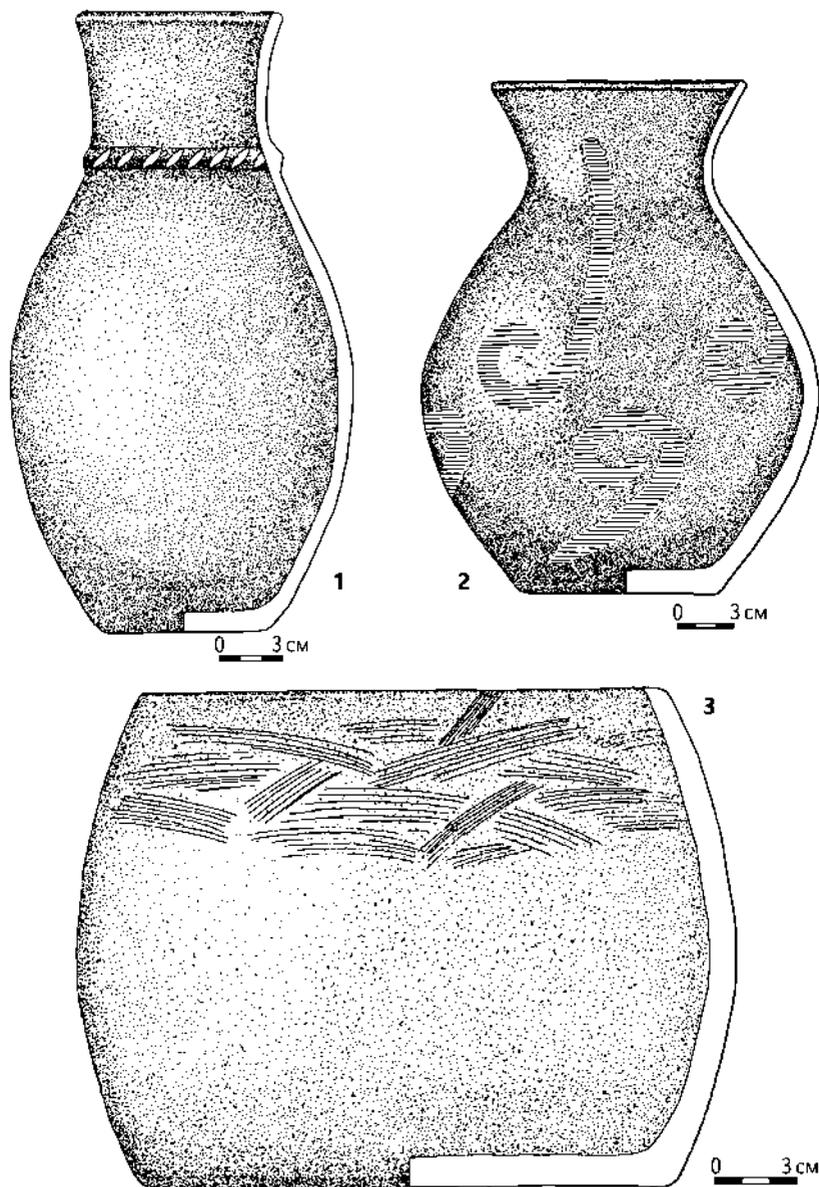
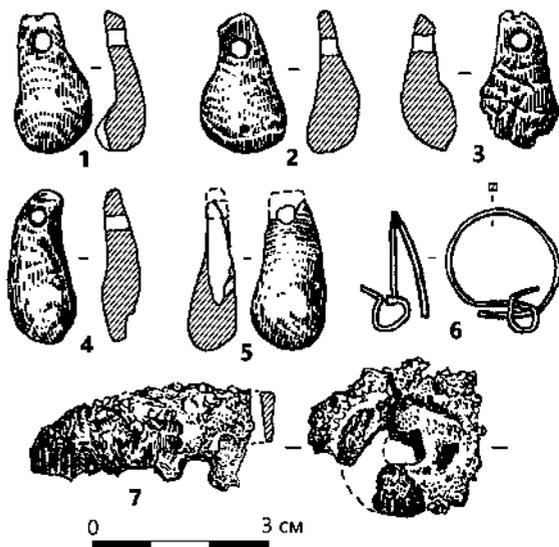

Рис. 1. Керамические сосуды из могильника Инской дол. 1 – курган № 10, 2 – курган № 11, 3 – курган № 7

Рис. 2. Инвентарь из курганов № 10–11 могильника Инской дол (1–6 – курган № 10, 7 – курган № 11); 1–5 – кость, 6 – золото, 7 – железо.

алы, предлагает выделить так называемый куротинский тип погребений, датируемый серединой III тыс. до н. э. При этом верхняя и нижняя хронологические границы в настоящее время еще точно не определены. К указанному типу погребений, судя по признакам погребального обряда, можно отнести и курганы № 6–7 могильника Инской дол.

Исследованные курганы № 10–11 имеют определенные аналогии в памятниках пазырькской культуры [10; 11 и др.], в том числе исследованных в Северо-Западном Алтае [7]. Правда, в данном случае отсутствуют сопроводительные захоронения лошадей, хотя ранее в кургане № 2 было обнаружено захоронение человека с лошастью в одной могиле [8]. Инвентарь из раскопанных курганов представлен крайне немногочисленными и невыразительными предметами. Указанные обстоятельства свидетельствуют о невысоком социальном статусе погребенных. В целом, учитывая особенности погребального обряда и инвентаря, курганы № 10–11 можно предварительно датировать IV–III вв. до н. э.

Дальнейшее исследование курганов на могильнике Инской дол будет способствовать изучению этнокультурных процессов Южной Сибири в эпоху древности.

Источники и литература

1. Афанасьевский сборник: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. Вып. I. 293 с.: ил.

2. Афанасьевский сборник 2: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: АЗБУКА, 2012. Вып. II. 226 с.: ил.
3. Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 380 с.
4. Дашковский П. К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. конф. Иркутск: ИГТУ, 2011. С. 160–163.
5. Дашковский П. К. Археологическая разведка в северо-западном Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 128–133.
6. Дашковский П. К. Иинской дол — новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и байкальско Сибири. Кызыл: ТГУ, 2014.
7. Дашковский П. К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана: «Сарыарка», 2014. С. 235–243.
8. Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 94–100.
9. Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Степанова Н. Ф., Тюрина Е. А. Афанасьевские погребальные комплексы средней Катунь (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 80 с.
10. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
11. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
12. Ларин О. В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдыр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 208 с.
13. Степанова Н. Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2: сб. науч. ст. Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 173–182.

П. К. Дашковский, И. А. Мейкшан

Изучение кургана скифо-сакского периода на могильнике Чинета II¹

В полевой сезон 2014 г. Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета продолжила изучение

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-31-01201, «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в саяно-алтай-

разновременного курганного могильника Чинета II, исследование которого ведется одним из авторов статьи с 2001 г. Могильник Чинета II входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края [1 и др.]. Основное внимание в прошлом году было уделено раскопкам кургана № 31, расположенного в центральной части долины в непосредственной близости к краю второй надпойменной террасы р. Иня. Курган № 31 имел диаметр каменной насыпи с С на Ю — 15, а с З на В — 13 м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,85 м. Насыпь объекта сооружена преимущественно из средних и больших камней в 2–4 слоя. При этом камни были уложены достаточно плотно, обеспечивая целостность насыпи. По периметру кургана выявлены более крупные камни, чем в насыпи, образующие каменную кольцевую выкладку-крепиду. В центре насыпи зафиксирован достаточно большой просад, размеры которого с С на Ю — 1,5 м, а с З на В — 2,5 м. Глубина просада от нулевого репера — 55 см.

Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксировано могильное пятно подпрямоугольной формы. В процессе дальнейшего исследования была зафиксирована могильная яма, ориентированная длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имевшая размеры от уровня древнего горизонта 3,3×2,5×3,1 м. Вся могила до самого погребения была забутована камнями. На глубине 2,55–2,8 м вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение лошади, уложенной на живот и ориентированной головой на восток. Под лошадьё ближе к северо-западному углу находились камни. В районе ребер животного выявлена костяная подпругная пряжка (рис. 1, 4). В зубах лошади выявлены железные кольчатые удила (рис. 1, 1), а на лбу — золотая круглая налобная бляха из фольги (рис. 1, 11).

Вдоль могилы на глубине 2,8 м обнаружены следы тлена, вероятно, от деревянной рамы. Внутри рамы выявлен скелет человека очень плохой сохранности из-за давления заполненной камнем могилы и влажности грунта. Погребение, возможно, было потревожено или носило вторичный характер. Во всяком случае, скелет лежит не полностью в анатомическом порядке. Судя по отдельным сохранившимся *in situ* костям скелета, умерший был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на восток.

ской горной провинции в древности и раннем средневековье»; проект № 13-31-01204 «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья»)

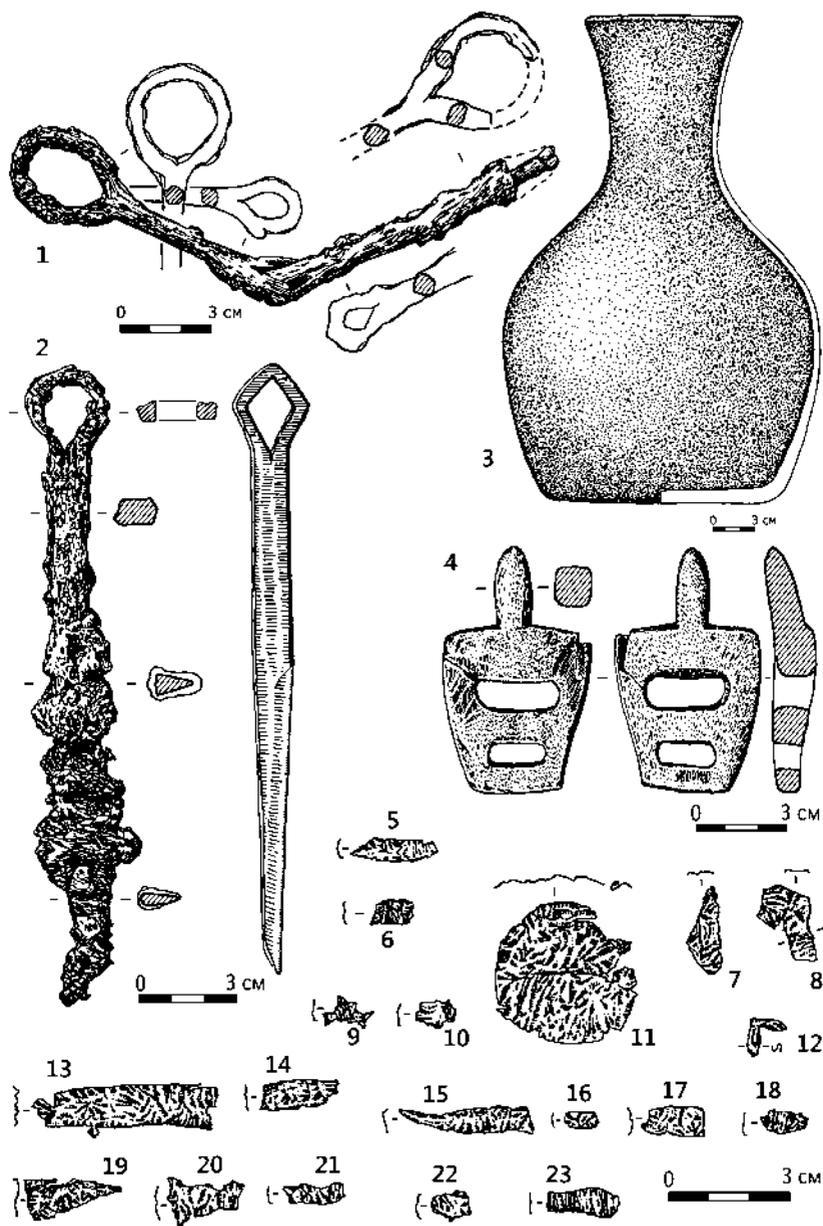

Рис. 1. Инвентарь из кургана № 31 могильника Чинета II (1-2 – железо, 3 – керамика, 4 – кость, 5-23 – золото).

У восточной стенки в средней ее части на глубине 3 м обнаружены фрагменты золотой фольги, вероятно, от аппликаций (рис. 1, 5–10, 12–23). Рядом с ней находилась ритуальная пища (кости барана), железный нож (рис. 1, 2). В 20 см к северу и в 25 см к западу от ритуальной пищи зафиксированы фрагменты керамики от развала керамического сосуда. Фрагменты керамики также найдены в центральной части могилы, в районе берцовых костей скелета и у задних копыт лошади. Это обстоятельство косвенно указывает на разрушение погребения в древности.

В районе основного развала керамического сосуда выявлены остатки плохо сохранившейся чашечки, вероятно, деревянной (?), покрытой красным лаком. Еще одно скопление фрагментов красного лака выявлено в 25 см к юго-западу от первого в районе костей скелета человека на глубине. В настоящее время фрагменты лака переданы на экспертизу в Государственный Эрмитаж. Анализ образцов лака будет посвящена отдельная публикация. Других предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Особенности погребального обряда (положение умершего на правом боку, ориентация головой на восток, сопроводительное захоронение лошади вдоль северной стенки могилы), а также погребальный инвентарь имеют устойчивые аналогии в ранее исследованных памятниках пазырыкской культуры как в Северо-Западном [2], так и в других районах Алтая [3–6 и др.]. Указанные обстоятельства позволяют отнести курган к пазырыкской культуре Алтая и предварительно датировать V–III вв. до н. э.

Источники и литература

1. Дашковский П. К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективные исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ, 2004. С. 34–37.
2. Дашковский П. К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана: «Сарыарка», 2014. С. 235–243.
3. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
4. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
5. Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
6. Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

С. С. Запрудский

Случайная находка из Третьяковского района Алтайского края

В 2003 г. во время Гилевской археологической экспедиции в Третьяковском районе Алтайского края автору статьи жителем с. Корболиха был передан каменный пест (рис. 1). Установить точное местонахождение предмета не удалось.

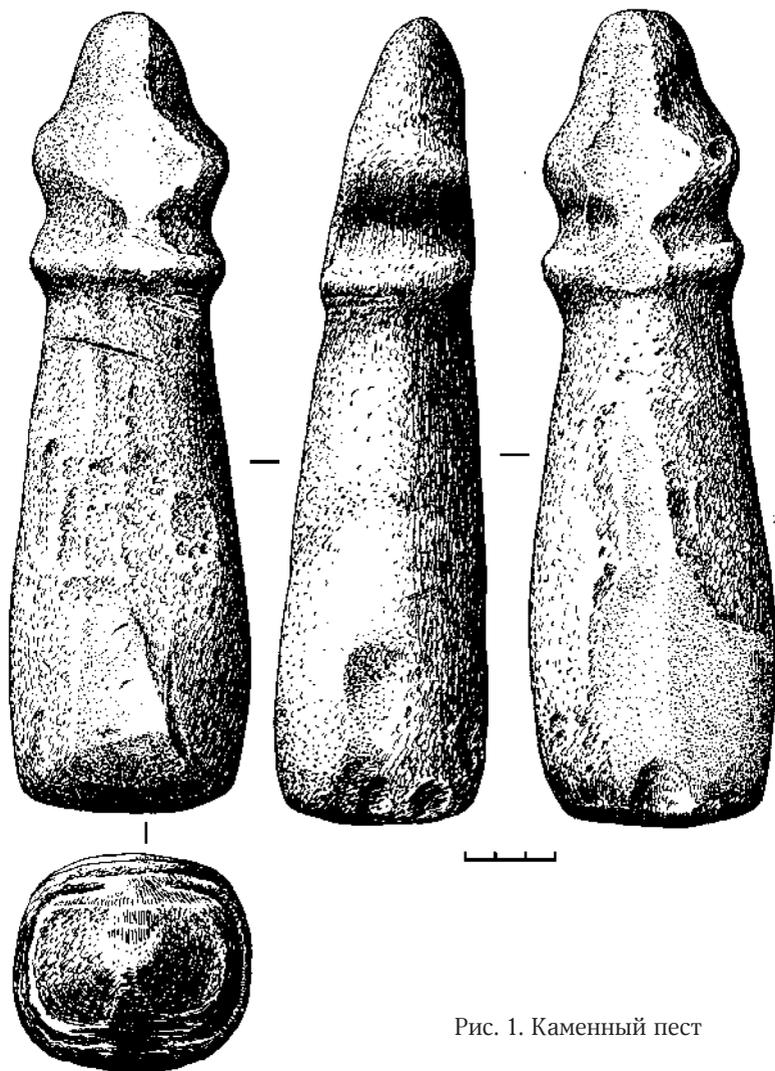

Рис. 1. Каменный пест

Навершие, похоже на стоящего на задних лапах медведя, выполнено техникой шлифовки, следов резных линий и сверления нет. Длина песта – 26,3 см, диаметр в широкой части – 8,2 см.

Жезлы со скульптурными навершиями на территории Алтайского края известны по материалам могильника Шипуново V [1, рис. 1, 3]. Два каменных песта найдены в Восточном Казахстане: один – в Семипалатинской области [5, рис. 21], а второй – у станции Бухтарминская Усть-Каменогорского района [4, с. 125–126] и Омском Прииртышье [3, рис. 16, 1]. Эти предметы относят к сейминско-турбинской эпохе [2, с. 70]; вполне возможно, наше изделие того же времени.

Источники и литература

7. Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 43–52.
8. Ковтун И. В. Иконография Танайских «стержней-жезлов» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 67–73.
9. Мошинская В. И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья // КСИИМК. М., 1952. Вып. XIII. С. 45–55.
10. Славнин П. П. Каменный жезл с головой коня // КСИИМК. М., 1949. Вып. XXV. С. 45–55.
11. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М., 1960. № 88. С. 271.

*Ю. Ф. Кирюшин, М. А. Демин, Д. В. Папин, А. А. Редников,
А. С. Федорук*

Археологические исследования на поселении Бурла-3 в 2013–2014 гг.¹

В 2014 г. археологи Алтайского государственного университета при участии Алтайской государственной педагогической академии продолжили исследования на поселение эпохи поздней бронзы Бурла-3.

В географическом плане памятник располагается в северной части Кулундинской степи, в среднем течении р. Бурла. Ландшафт местности представлен низинными равнинами с солонцово-лугово-степными (верхняя терраса р. Бурла) и лугово-солонцово-солончаковыми (ни-

¹ При поддержке гранта РГНФ «Древние поселения Северной Кулунды (культурно-хронологический аспект)» (проект № 14-11-22002), а также в рамках гранта правительства РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

жня терраса р. Бурла) террасами аллювиального происхождения с относительной высотой 1–5 метров. Поселение расположено в засушливо степной подзоне Приобского плато в пределах Бурлинской ложбины древнего стока непосредственно у уступа к современной долине р. Бурла. Превышение над уровнем поймы р. Бурла составляет здесь 5 м. Поверхность сложена среднезернистыми неслоистыми перевеянными песками, имеет слабый уклон в сторону русла р. Бурла. Выраженных в рельефе понижений или повышений, говорящих о скрытых конструкциях, нет, очевидно, вследствие многолетней распашки участка.

Ранее поселение исследовалось В. С. Удодовым, здесь раскопано около 600 м² площади, на которой изучены остатки трех жилищ площадью 33–42 м² и мощное кострище за их пределами. Полученные данные позволили автору раскопок интерпретировать поселение Бурла-3 как стационарный летний поселок и выделить так называемый «бурлинский тип» [10]. Обнаруженные керамические материалы в культурном плане им были разделены на малочисленную позднеандроновскую и саргаринско-алексеевскую керамику и абсолютно преобладающую бегазы-дандыбаевскую (40%) и станковую (от 40 до 60%) посуду типа Намазга VI [9, с. 107–108]. Датирован комплекс был XIII–XI(X) вв. до н. э. Сам факт появления в Кулунде гончарной керамики исследователь связывал с влиянием южных земледельческих культур, носители которых мигрировали из Средней Азии в Кулунду. Однако «эта группа населения была быстро ассимилирована, и навыки изготовления станковой посуды были утрачены» [9, с. 109]. Индивидуальность «бурлинским» поселениям придали и результаты анализа остеологических коллекций: А. В. Гальченко было установлено, что население «бурлинского типа памятников» имело более развитое скотоводческое хозяйство, чем племена КВК, особенно в области овцеводства и коневодства (намечаются изменения стада в пользу кочевого, появилось полутонкорунное овцеводство, велась работа над созданием верховой породы коней) [2].

Однако полученные в 1980–1990 гг. результаты в общем виде оказались отражены только в диссертации В. С. Удодова [10]. Вместе с тем постоянный и устойчивый интерес научного сообщества к проблемам становления кочевого скотоводства, бегазы-дандыбаевскому феномену, вопросам древних миграций и многим другим настойчиво требует осмысления материалов «бурлинского типа памятников». В связи с этим в 2013–2014 гг. авторами возобновлено изучение поселения Бурла-3 [4–6].

Раскопом 2013 г., прирезанном к восточному краю раскопа В. С. Удодова, нами были выявлены фрагменты трех сооружений. Осенью то-

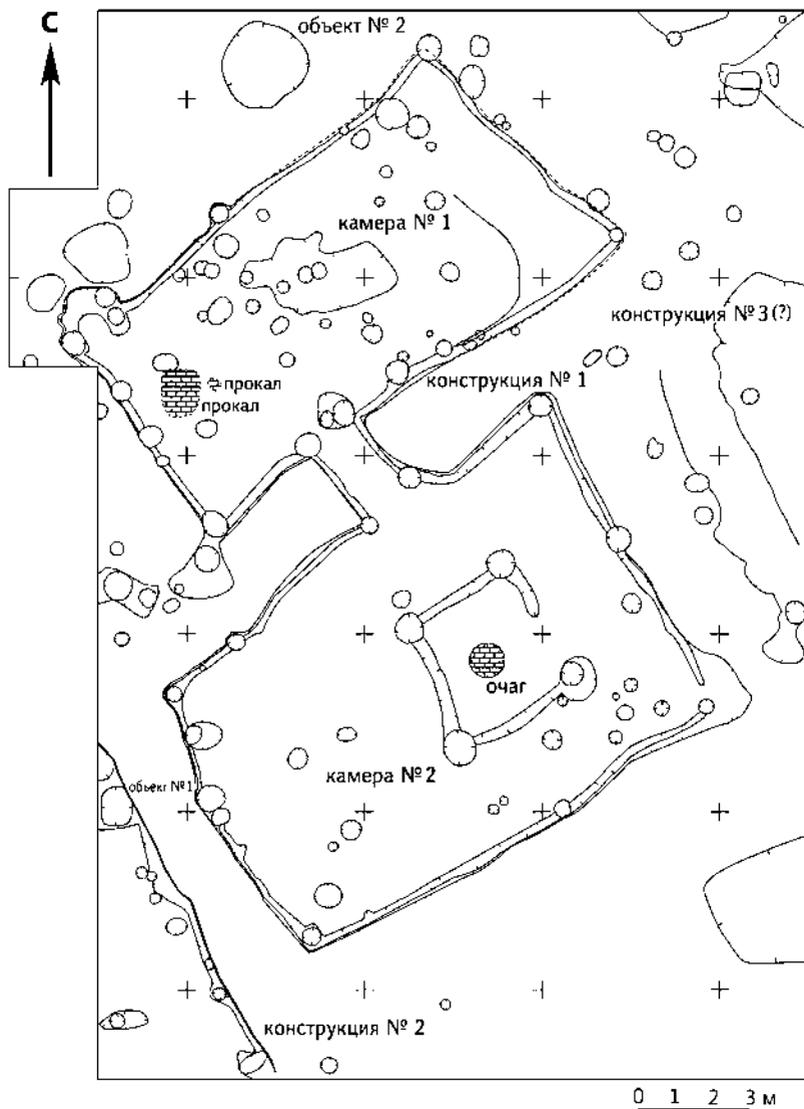

Рис. 1. Объекты поселения Бурла-3

го же года с целью получения всесторонней информации о памятнике совместно со специалистами ИВЭП СО РАН проведено электромагнитное частотное зондирование участка примыкающего к раскопу 2013 г. и планируемого под изучение в 2014 г. При зондировании был приме-

нен аппаратурно-программный комплекс ЭМС. Однако полученные результаты также не позволили более четко оконтурить скрытые конструкции [7].

В связи с этим летом 2014 г. совместной экспедицией АлтГУ и АлтГПА на ранее прозондированном участке был заложен раскоп площадью 320 м². Результатом стало полное исследование одного двухкамерного жилища (сооружение № 1), выявление еще двух сооружений (№ 2, № 3) и ряда объектов хозяйственного назначения (рис. 1).

Обнаруженная при раскопках коллекция изделий (рис. 2, 3) представлена многочисленной керамикой (преимущественно станковой – типа Намазга VI, хотя имеется и бегазы-дандыбаевская и саргаринско-алексеевская посуда), а также серией бронзовых (тесло с кольцевым валиком-упором, фрагмент лезвийной части ножа, фрагмент бронзового крюка, бронзовый крючок (Н. А. Ананесовой подобное изделие из клада у аула Тулайкин отнесено к рыболовным крючкам [1, с. 36, рис. 36, 35], зубильце, пронизь, втульчатый наконечник стрелы со слабовыраженными лопастями (анalogии широко известны в материалах памятников эпохи поздней бронзы – поселения Кент [3, с. 128, рис. 27, 9, 100], Малокрасноярка [11, с. 241, рис. 44], Павловка I [8, 2006, с. 84, рис. 1, 9], каменных (фрагменты зернотерки, лоцильца) и глиняных (крышка сосуда, фрагменты керамических «подставок» – более 10 экземпляров, в том числе один с «тамгой») предметов. Изделий из кости и рога не найдено, и вообще костей животных обнаружено мало, преимущественно это зубы либо нижние челюсти с зубами.

Подводя предварительный итог новому этапу изучения памятника, можно констатировать, что: 1) поселение Бурла-3 – стационарный круглогодичный поселок; 2) обилие керамического шлака, обнаруживаемого на всей площади поселения, говорит о массовом производстве здесь глиняных изделий – вероятно, станковой керамики; 3) серия обнаруженных изделий из бронзы, камня и глины находит аналогии в поздне-бронзовых комплексах Средней Азии и Казахстана и указывает на юго-западное направление. Особенно интересной категорией изделий, на наш взгляд, напрямую указывающей на историческую родину жителей поселка, являются так называемые «конусовидные подставки» – вещи, не известные в единовременных комплексах Западной Сибири и Казахстана, но встречающиеся на территории Средней Азии; 4) круг аналогий обнаруженным изделиям указывает на раннюю в пределах эпохи поздней бронзы хронологическую позицию памятника, чему не противоречат его радиоуглеродные даты, полученные по углям из прокалов на дне камеры № 1 сооружения № 1 (UBA-24078 – XVI–XIII, UBA-24079 – XVI–XV вв. до н. э. (даты калиброваны по второй сигме).

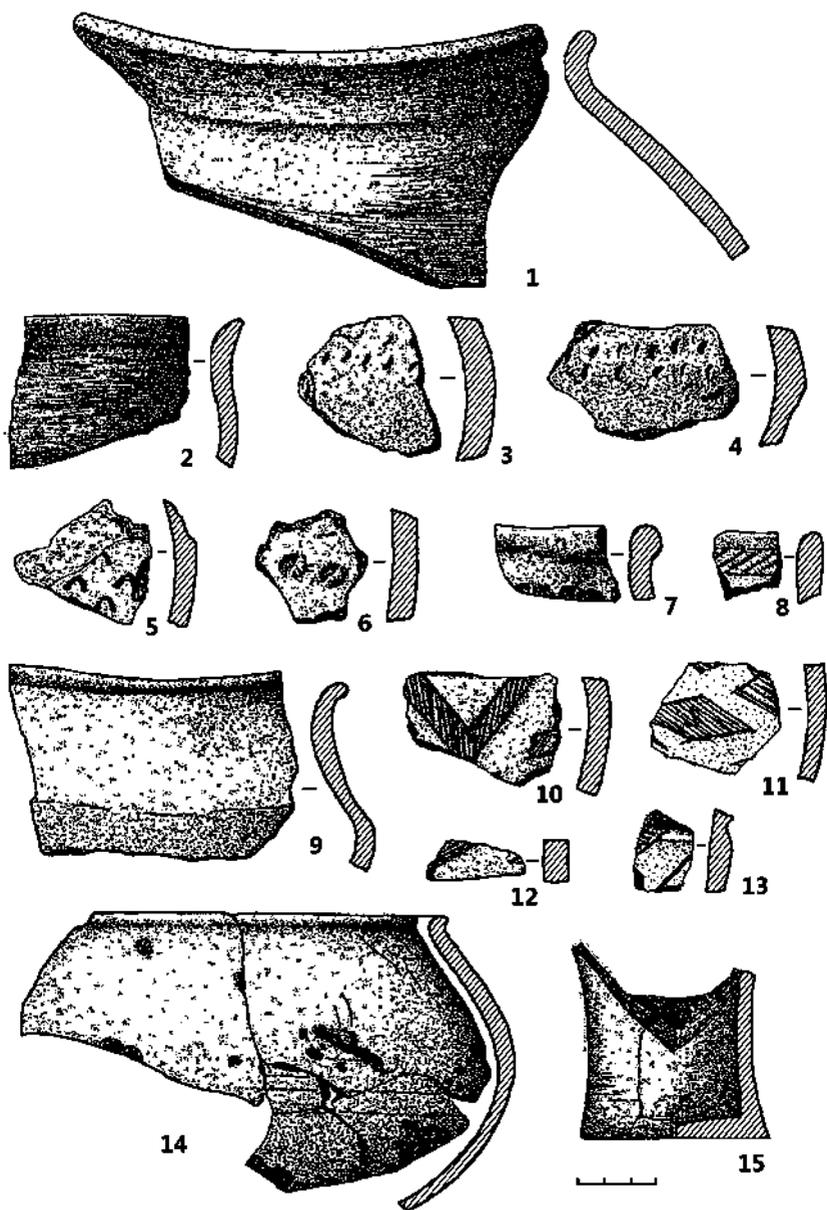

Рис. 2. Керамика поселения Бурла-3

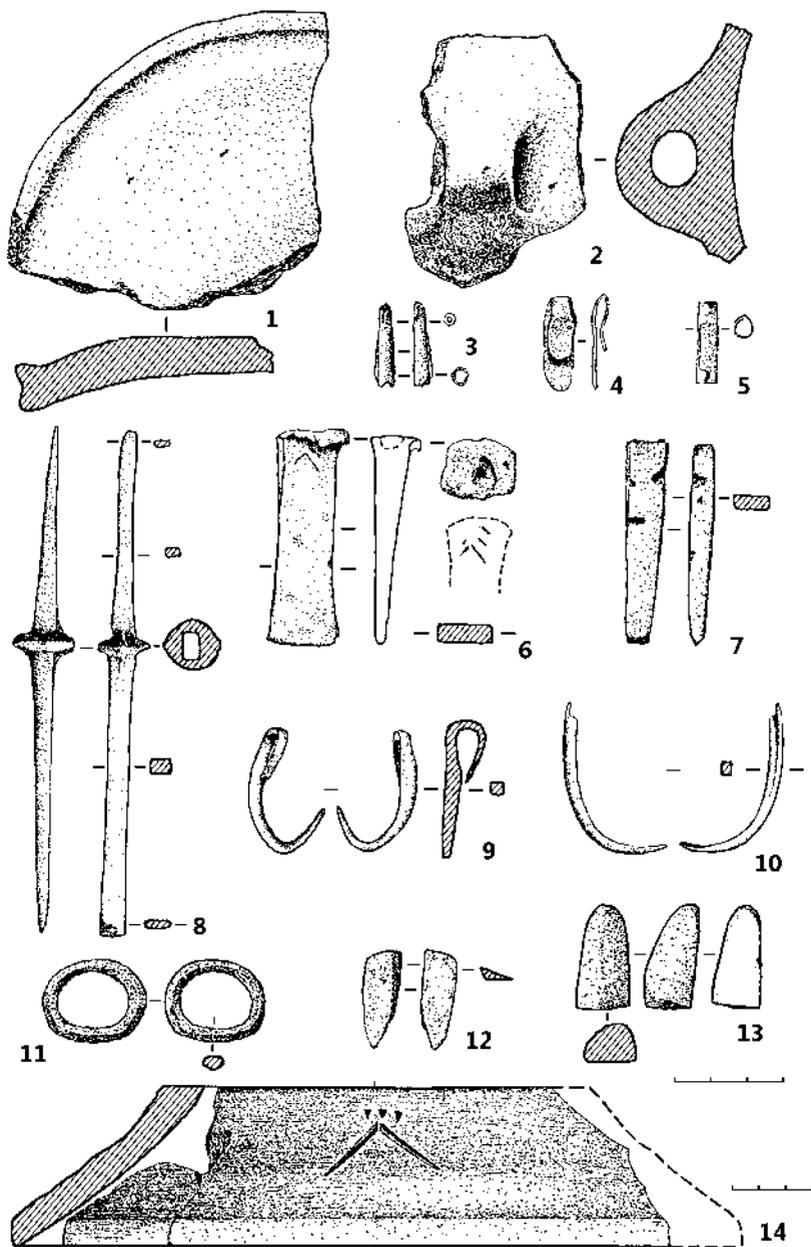

Рис. 3. Изделия поселения Бурла-3 (1, 2, 14 – керамика, 3–12 – бронза, 13 – камень)

Данные факты указывают на то, что поселение Бурла-3 относится к начальному этапу эпохи поздней бронзы и отражает миграцию на территорию Северной Кулунды в переходный период от развитой к поздней бронзе определенной группы населения из региона Средней Азии. Данная группа населения обладала новыми для юга Западной Сибири хозяйственными навыками (ремесленное производство керамики, более высокий уровень скотоводства), а возможно, и иной социальной структурой.

Продолжение комплексного изучения памятника и качественный анализ полученных материалов позволит выйти на решение таких важных вопросов, как определение роли «бурлинцев» в процессе этнокультурного взаимодействия древних обществ юга Западной Сибири, развития их системы жизнеобеспечения и социальной организации.

Источники и литература

1. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.
2. Гальченко А. В. Скотоводческое хозяйство древнего населения Северной Кулунды в эпоху поздней бронзы (памятники «со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур») // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 33–45.
3. Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.
4. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Редников А. А., Федорук А. С., Фролов Я. В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла 3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. 20. С. 180–183.
5. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С., Редников А. А. Феномен «бурлинского типа памятников» // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул: Азбука, 2014. Вып. 1. С. 47–48.
6. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С., Редников А. А., Федорук О. А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 212–215.
7. Папин Д. В., Федорук А. С., Черных Д. В., Бирюков Р. Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX.
8. Папин Д. В., Федорук А. С., Шамшин А. Б. Новые находки бронзовых изделий на Алтае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 83–96.

9. Удодов В. С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988, с. 107–110.
10. Удодов В. С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.
11. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л., 1960. № 88. 276 с.

А. М. Илюшин

Раскопки одиночного кургана Солнечный-2

В полевой сезон 2014 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета проводила аварийные раскопки погребального памятника периода развитого средневековья – одиночного кургана Солнечный-2. Этот объект располагался на СВ окраине пос. Солнечный на административной территории сельского поселения Восходящее Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в бассейне среднего течения р. Ини. Памятник был открыт в 1997 г. А. М. Илюшиным [2, с. 8–10], который выявил округлую земляную насыпь диаметром около 25 м и высотой до 1,5 м, рядом с усадьбой № 19 по улице Верхней на пустыре, используемом под выпас скота. Этот объект обследовался сотрудниками ККАЭЭ в 2005 и 2012 гг. [3, с. 8–9; 4, с. 15–17] на предмет его состояния, и каждый раз фиксировались различные факты его разрушения (в охранной зоне объекта начали сажать картофель, были построены гараж и водонапорная башня с водопроводом, проложены грунтовая и отсыпанная щебнем дороги). Совокупность разрушений позволила охарактеризовать состояние памятника как аварийное и начать его раскопки в 2014 г. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы ввести в широкий научный оборот информацию о результатах этих раскопок.

Раскопанный курган представлял собой округлую сильно задернованную оплывшую земляную насыпь диаметром 22 м и высотой 1,35 м. В центральной части насыпи зафиксирована округлая западина диаметром 4,5 м и глубиной 0,15 м от грабежа в древности. Южная полая насыпь кургана сильно разрушена грунтовой дорогой. При раскопках было выявлено, что курганная насыпь располагалась в ЗЮЗ и центральной частях сакрального пространства, оконтуренного рвом под четырехугольной формы с заваленными углами. Насыпь кургана на 1,75 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дерна 0,21–0,25 м, чернозема 0,18–1,52 м, погребенной почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,08–

0,13 м. В центральной части насыпи сразу под дерном имелась линза округлой формы из смешанного грунта грабительского раскопа (диаметром 3,04 м и высотой 0,70–0,85 м), вынутаго из могилы на момент ее сооружения и лежащего на уровне древней дневной поверхности (диаметром 6,26 м и высотой 0,10–0,65 м). На уровне материка эта линза сужалась и уходила в яму грунтовой могилы. В процессе разборки насыпи кургана в центральной части на месте грабительского раскопа на глубине 0,68 м и 0,78 м были зафиксированы единичные фрагменты и целые кости взрослого человека (ребра и позвонки) и лошади (нижние суставы передних ног и челюсти).

В силу ограничения площади раскопа различными сооружениями и посадками картофеля не удалось раскопать СВ и В части рва и выявить его точные размеры, но приблизительные параметры этого сооружения можно установить гипотетично, так как его большая часть была раскопана. Ров имел подчетырехугольную форму и был ориентирован длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Его внешние и внутренние размеры приблизительно составляют 32,75×30,15 м и 26,55×24,50 м, а ширина и глубина – 1,25–1,05 м и 0,46–0,62 м от уровня материка. При зачистке рва в западной части был выявлены остатки фундамента из кирпича и цемента от построенного в 1950-е гг. сельского клуба. Других артефактов во рву выявлено не было.

В процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка были выявлены и обследованы четыре грунтовые могилы, три из которых (могилы 1, 2 и 3) были расположены по оси ССЗ–ЮЮВ и две (могилы 3 и 4) – по оси ЗЮЗ–ВСВ.

Могила 1 расположена под насыпью кургана в центральной части на глубине 2,50–2,73 м и представляет собой подвергшееся сильному разграблению погребение мужчины со шкурой лошади в ступенчатой грунтовой яме с подбоем. Могильная яма имеет овальную форму, размеры 2,27×1,40 м, длинной осью вытянута по линии ЗЮЗ–ВСВ и углублена в материк двумя ступенями на 0,75 м и 0,98 м. Подбой был сооружен в южной части грунтовой ямы и представляет собой отдельную нишу (ступень) овальной формы размерами 2,35×0,84 м, длинной осью вытянутую по линии ЗЮЗ–ВСВ и углубленную в материк на 0,98 м; на 0,12–0,52 м она была заглублена в южную стенку грунтовой могильной ямы и имела высоту потолка 0,55–0,60 м. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серую материковую глину. В процессе выборки заполнения могилы и просеивания грунта на глубине 1,85–2,65 м в неупорядоченном состоянии были найдены многочисленные фрагменты и целые кости скелетов человека (череп, ребра, позвонки, кости таза, ног и рук), овцы (позвонки) и лошади (кости

ног), а также фрагменты окислов железных изделий и 12 украшений конского снаряжения (серебро, бронза, и бронза с позолотой), часть из которых была с остатками кожаных ремней. После выборки заполнения грунтовой могильной ямы в северной части на верхней ступени, на глубине 2,50 м, были зафиксированы в анатомическом сочленении два нижних сустава ноги лошади, а в южной части в подбое на нижней ступени на глубине 2,73 м были зафиксированы в анатомическом порядке левая берцовая и тазовая кость, а также кость левой руки и фаланги пальцев скелета погребенного человека. По сохранившимся костям скелета погребенного мужчины и лошади можно предполагать, что захоронение человека было совершено на нижней ступени, на спине в вытянутом положении и было ориентировано головой на ВСВ, а лошади – на верхней ступени и было ориентировано головой на ЗЮЗ.

Могила 2 расположена под ЮЮВ поллой насыпи кургана на глубине 2,42–2,53 м и представляет собой кенотаф, имитирующий погребение взрослого человека со шкурой лошади в ступенчатой грунтовой яме с подбоем. Могильная яма имеет овальную форму размерами 1,83×1,25 м, длинной осью вытянута по линии ЗЮЗ–ВСВ и углублена в материк двумя ступенями на 0,67 м и 0,78 м. Подбой был сооружен в северной части грунтовой ямы и представляет собой отдельную нишу (ступень) овальной формы размерами 1,87×0,86 м, длинной осью вытянутую по линии ЗЮЗ–ВСВ и углубленную в материк на 0,78 м, которая на 0,05–0,21 м была заглублена в стенку грунтовой могильной ямы и имела высоту потолка 0,55–0,63 м. Заполнение могилы-кенотафа представляло собой чернозем и материковый светло-серый суглинок. После выборки заполнения грунтовой могильной ямы в юго-восточной части на верхней ступени, на глубине 2,42 м, были найдены фрагмент звена железных удил с кольчатой псалией, крепление седла и костяная подпругная пряжка, а в СЗ части в подбое на нижней ступени, на глубине 2,53 м, были зафиксированы в анатомическом порядке пять позвонков барана, а также фрагмент берестяного колчана и три железных наконечника стрелы. По расположению артефактов на дне могилы кенотаф имитирует захоронение человека в подбое на нижней ступени в вытянутом положении на спине, ориентированное головой на ВСВ, а лошади – на верхней ступени, ориентированное головой на ЗЮЗ.

Могила 3 расположена под северной поллой насыпи кургана на глубине 2,33–2,45 м и представляет собой полукенотаф, где в грунтовой яме было погребение мужчины и имитация сопутствующего захоронения лошади или ее шкуры-манекена в ступенчатой грунтовой

яме с подбоем. Могильная яма была углублена в материк на 0,58 м и 0,70 м и имела форму овала размерами 2,05×1,36 м, который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ. Подбой был сооружен в южной части грунтовой ямы и представляет собой отдельную нишу (ступень) овальной формы размерами 2,17×1,10 м, длинной осью вытянутую по линии ЗЮЗ–ВСВ и углубленную в материк на 0,70 м, которая на 0,07–0,28 м была заглублена в стенку грунтовой могильной ямы и имела высоту потолка 0,35–0,41 м. Заполнение могилы-полукенотафа представляло собой чернозем и материковый светло-серый суглинок. После выборки заполнения грунтовой могильной ямы в южной части на нижней ступени, на глубине 2,45 м, был зафиксирован скелет погребенного в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на ВСВ, который частично был потревожен грызунами. Лицевой стороной череп погребенного был повернут на юг. В ногах погребенного с правой стороны на глубине 2,45 м были зафиксированы в анатомическом порядке девять позвонков барана. Слева от погребенного у костей таза, на глубине 2,45 м, был найден железный нож с перекрестьем в деревянном футляре, а в ногах – железные удила с кольчатymi псалями и два крепления седла. На верхней ступени артефактов не было.

Могила 4 расположена под северной частью насыпи кургана на глубине 1,90–2,02 м и представляет собой погребение женщины в грунтовой яме. Могильная яма была под наклоном углублена в материк на 0,27 м и имела форму овала размерами 1,62×0,70 м, ориентированного длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серый материковый суглинок. Захоронение взрослого человека было совершено на дне грунтовой ямы на глубине 1,90–2,02 м на спине с согнутыми в локтях руками и в коленях ногами, в положении роженицы, и было ориентировано головой на ВСВ. Череп погребенной лицевой стороной был обращен на юг. Скелет человека был частично разрушен грызунами. На тазовых костях была найдена кость ноги животного.

По аналогиям элементам погребального обряда (курган окружен вром подчетыреугольной формы, захоронение всадника со шкурой лошади и др.) и найденным в могилах артефактам (железные удила с большими кольчатыми псалями, крепления седла в виде стержней с шляпками с двух сторон и др.) объект можно датировать периодом развитого средневековья и отнести к кругу древностей шандинской археологической культуры XI–XIV вв. и культуре тюркоязычных кочевников Восточного Дешт-и-Кыпчак на территории Кузнецкой котловины [5, с. 126, табл. 12, 6, 7; 14, 4–8; 15, 2–4; 16, 59]. Раскопанный в 2014 г.

объект является остатками курганного могильника Новокамьшенка. Этот памятник был открыт в 1927 г. А. Т. Кузнецовой, которая выявила более 100 земляных насыпей, вытянутых по линии ССЗ–ЮЮВ более чем на 2 км по высокой надпойменной террасе междуречья Камьшенки и Ини и раскопала на нем три кургана, которые датировала VII–VIII вв. [8, р. 74–95]. Период бурного освоения природных ресурсов Кузбасса плачевно сказался на состоянии курганного могильника, на его месте появились многочисленные промышленные, жилые и сельскохозяйственные объекты, и в 1990-е гг. были зафиксированы его остатки в виде двух одиночных курганов и двух курганных групп [1, с. 28–30; 2, с. 8–10; 7, с. 100–103; и др.]. Материалы раскопок А. Т. Кузнецовой на курганном могильнике Новокамьшенка сегодня датируются XII – началом XIII вв. [6, с. 160–184]. Раскопанный ККАЭЭ в 2014 г. курган более узко можно датировать так же.

Источники и литература

1. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Ковалевский С. А. Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году. Кемерово, 1995. 152 с.
2. Илюшин А. М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1997 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 1998. 39 с.
3. Илюшин А. М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2005 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2006. 31 с.
4. Илюшин А. М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2013. 68 с.
5. Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
6. Илюшин А. М. Курганные могильники Камысла и Новокамьшенка (по материалам раскопок А. Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 160–184.
7. Илюшин А. М. Уничтожение историко-культурного наследия Кузбасса в процессе промышленного строительства (на примере курганного могильника Новокамьшенка) // Безопасность жизнедеятельности предприятий в промышленно развитых регионах: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. Кемерово: КузГТУ, 2009. С. 100–103.
8. Kuznecova A. Altertumer aus dem Tal der mittleren Inja // ESA, V. Helsinki, 1930. P. 74–95.

А. М. Илюшин, В. А. Борисов, С. С. Онищенко

Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7

Комплекс археологических памятников Торопово-7 расположен в 1,2 км на ВСВ от с. Торопово на первой надпойменной террасе правого берега р. Касьма в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Этот памятник был открыт Ю. В. Шириным в 2003 г., который интерпретировал его как многослойное поселение [1]. В 2008 г. памятник был обследован А. М. Илюшиным [2, с. 20–31; 3, с. 22–33; 14, с. 165–168], а в 2009, 2011–2013 гг. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета проводила на нем стационарные раскопки [11; 12; 13]. В результате этих исследований культурный слой памятника и отдельно раскопанные жилища были датированы двумя периодами – поздней бронзы (ирменская археологическая культура IX–VII вв. до н. э.) и развитым средневековьем (шандинская археологическая культура XI–XIV вв. н. э.) [7, с. 137–142; 10, с. 100–105; 11, с. 149–160; 13, с. 142–152]. В начале раскопок памятник был охарактеризован нами как комплекс разновременных поселений, но после открытия семейных культовых площадок на нем [8, с. 127–136; 9, с. 64–69] этот объект историко-культурного наследия был интерпретирован как комплекс археологических памятников. В 2014 г. ККАЭЭ проводила стационарные полевые исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7, где на раскопах № 8 и № 9 были выявлены и обследованы три средневековых жилища. Цель настоящей работы – ввести в широкий научный оборот информацию о результатах раскопок этих объектов и дать культурно-историческую характеристику новых материалов.

Раскопы № 8 и № 9 площадью 125,5 м² и 64 м² находились в центральной части памятника и были заложены с целью изучения трех жилищ, которые отчетливо фиксировались на уровне современной поверхности в виде западин четырехугольной формы размерами 2,5–4,5 м и глубиной 0,17–0,42 м. Раскопанные объекты оказались однотипными постройками в виде полуземлянок, от которых сохранились котлованы, углубленные в материк на 0,12–0,42 м, которые имели подчетыреугольную форму с заovalенными углами ориентированными по сторонам света, а длинной осью – по линии СЗ–ЮВ и различались лишь по размерам. Во всех котлованах на уровне пола были выявлены зольники от очагов, которые имели вытянутую четырехугольную форму с овальными углами размерами 1,21–1,92×0,53–1,10 м и

длинной осью ориентированные по линии Ю–С и СЗ–ЮВ. Очаги длинной осью были ориентированы на вход в жилище (в 1,20–2,05 м от него), который располагался в СЗ стенке. У входа с обеих сторон, как правило, располагались грунтовые ямы, заполненные фрагментами и целыми костями съеденных животных. При исследовании заполнения котлованов и зачистки пола в сооружениях были найдены в большом количестве (в сотнях экземпляров) фрагменты костей животных, небольшие углубления пола в углах и близ стенок, а также единичные находки фрагментов керамических сосудов, костяные проколки, пуговицы, каменные скребки и игральные кости (рис. 1, 1–10). Находки имеют широкий круг аналогий в материалах развитого средневековья Кузнецкой котловины [6, табл. 9; 10; 14; 16; 18]. Следов опорных столбов выявлено не было, что предполагает наличие над котлованами наземной конструкции из шестов типа чума, покрытого шкурами. Факт сооружения котлованов до уровня непромерзания почвы и большое количество костей указывает на то, что жилища использовались в зимний период.

При проведении раскопок нами использовались методики геомагнитной разведки и анализа зооархеологических материалов. В настоящее время имеются предварительные результаты анализа зооархеологических материалов из жилища 2 на раскопе № 8 с целью получения информации по видовому и половозрастному составу остатков скелетов животных, которые представлены 511 образцами. Среди них слабо поврежденные мелкие кости базиподий, фаланги, немногочисленные разрозненные зубы. На 49 образцах обнаружены следы от режущих орудий, но признаки обработки костей (сверление, шлифовка, острагивание, вырезы и другие) отсутствуют, что позволяет рассматривать всю совокупность зооархеологических материалов как пищевые отходы. Таксономическая принадлежность была установлена для 427 (83,6%) образцов. Анализ показал, что они принадлежат 3 одомашненным видам животных – лошади (*Equus caballus*; 408 экз., 79,8%), овце (*Ovis aries*; 17 экз., 3,3%) и быку (*Bos taurus*; 1 экз., 0,2%). Кроме них, найден кораконд от средней по габитусу птицы, но из-за отсутствия других остатков происхождение этой находки остается неясным. Остальной материал включает трудно идентифицируемые до вида осколки диафизов и губчатой кости, которые по своим параметрам были отнесены к двум размерным группам – крупные (64 экз., 12,5%) и средние (10 экз., 2%) по габитусу животные. У 10 (2%) небольших фрагментов губчатой и компактной кости определить даже анатомическую локализацию невозможно.

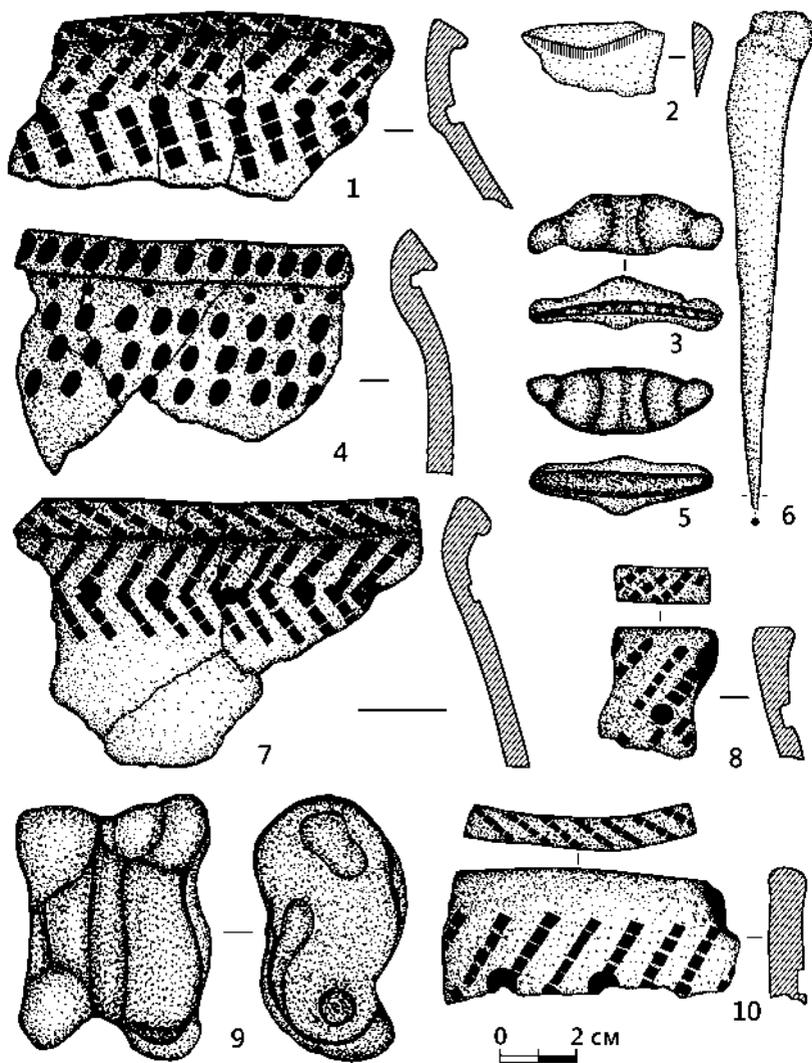

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Торопово-7. Находки из раскопов № 8 (1–4, 6–9) и № 9 (5, 10) в 2014 г.: 1, 4, 7, 8, 10 – фрагменты керамической посуды, 2 – каменный скребок, 3, 5 – костяные пуговицы, 6 – костяная проколка, 9 – игральная кость (альчик)

Кости лошадей анатомически относятся ко всем отделам скелета, без какой-либо резко выраженной диспропорциональности в количестве правых и левых элементов. Расчет минимального количества забитых лошадей по фрагментам частей черепов показал, что они принадлежат не менее чем 5 лошадям разного возраста. Среди них 2 особи были старше 4 лет, а 3 – в возрасте не более 1 года, из них по крайней мере 3 были самками. Высота взрослых лошадей в холке, рассчитанная по длинам метакарпалий, метатарзалий и нижних челюстей по В. Громовой [5], колеблется в диапазоне 141–145 см. Небольшая серия костей овцы принадлежит одной особи в возрасте от 3 до 4 лет. Несколько фрагментов костей относятся к крупным парнокопытным, из которых только один был от молодого *Bos taurus*. Другие образцы не обладают видоспецифическими особенностями, поэтому могли с равной вероятностью принадлежать как лосю (*Alces alces*), так и домашнему быку. С учетом выявленной видовой структуры зооархеологического комплекса остальная часть фрагментов, предварительно отнесенная к двум разноразмерным группам животных, принадлежит лошадям и овце. Такая экстраполяция методически допустима с точки зрения источников и процессов генезиса зооархеологических комплексов закрытых памятников и используется при анализе материалов других поселений [4].

Подводя итоги исследования трех стационарных зимних жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 в 2014 г., можно констатировать, что появились новые источники по истории и культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.

Источники и литература

1. Ширин Ю. В. Охранные археологические работы в исторической зоне «Кузнецк» и на юге Кемеровской области в 2003 году. Новокузнецк, 2004. Архив историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость». Ф. 3. Оп. 3. Д. 26/27.
2. Илюшин А. М. Отчет о мониторинге археологических памятников Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 2008 году. Кемерово, 2008. 165 с.
3. Илюшин А. М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2008. 220 с.
4. Гайдученко Л. Л., Кирюшин К. Ю. Остеологический комплекс раннеэнеолитического поселения Новоильинка-6 в Кулунде // Труды филиала Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. Астана: Изд. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 212–220.
5. Громова В. История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. Ч. 1. Обзор и описание форм // Труды Палеонтологического института. Т. XVII. Вып. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 374 с.

6. Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
7. Илюшин А. М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVIII и XIX регион. науч.-практ. конф. Барнаул: АЗБУКА, 2013. С. 137–142.
8. Илюшин А. М. Семейные святилища у восточных кыпчаков (по материалам исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году) // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана; Омск: Полиграфия «Enter Group», 2013. С. 127–136.
9. Илюшин А. М. Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 64–69.
10. Илюшин А. М., Борисов В. А. Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. С. 100–105.
11. Илюшин А. М., Борисов В. А., Бутьян В. А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестн. Кузбас. гос. тех. ун-та. 2014. № 1. С. 149–160.
12. Илюшин А. М., Борисов В. А., Бутьян В. А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2013 году // Вестн. Кузбас. гос. тех. ун-та. 2014. № 6. С. 151–154.
13. Илюшин А. М., Бутьян В. А., Борисов В. А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестн. Кузбас. гос. тех. ун-та. 2012. № 2. С. 142–152.
14. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Бутьян В. А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестн. Кузбас. гос. тех. ун-та. 2009. № 3. С. 165–179.

К. А. Крахмаль

Некоторые принципы хроностратиграфического изучения раннего антропогенеза Узбекистана

Актуальность темы исследования заключается в необходимости адекватного определения особенностей истории развития природной среды и временных параметров формирования элементов древнейшей материальной культуры, зафиксированной в совокупности терригенных и биогенных отложений, сформировавшихся в течение определенного интервала геологического времени. Основное внимание в данной работе сосредоточено на изучении хроностратиграфических параме-

тров эволюции природных процессов в генетической последовательности развития геосферы, биосферы, антропосферы в периоды раннего антропогенеза.

В процессе разработки хроностратиграфической схемы антропогена Узбекистана учитывались соответствующие рекомендации International Stratigraphic Guide – Международной подкомиссии по стратиграфической классификации (МПСК) [6]. Это способствовало выработке универсального подхода к вопросам стратиграфической классификации и номенклатуры, а также процедурных правил. Разработка в этом направлении содействует дальнейшему, более эффективному, международному общению исследователей истории антропогена и их взаимопониманию при стратиграфических исследованиях.

Результаты комплексных исследований отложений четвертичного периода горных и предгорных районов Западного Тянь-Шаня по теме «Комплексная оценка положения нижней границы эоплейстоцена Узбекистана и определение временного объема четвертичного периода» позволили определить некоторые характерные особенности динамики изменения ландшафтно-климатических и экологических обстановок. Разработка данной темы позволила составить сводную хроностратиграфическую схему антропогена с учетом систематизации геотектонических событий и особенностей осадконакопления в регионе, конкретизировать и сопоставить результаты исследований с принятой в 2008 г. международной стратиграфической шкалой. В результате границы между неогеновой и четвертичной системами проводятся на уровне 1,8 млн лет по подошве верхнего виллафранка. В Каспийском бассейне ей соответствует подошва апшеронского яруса 1,67–1,87 млн лет. Эта граница отмечена эпизодом нормальной намагниченности Олдувей. В Средиземноморье ей соответствует зона *Globorotalia truncatulinoides* – 2,5 и 3,4 млн лет. В Западном Тянь-Шане вся толща четвертичных отложений определена как тяньшаньский оргенный комплекс, подразделяющийся на серии: апартакскую – эоплейстоцен, ангренскую – плейстоцен и голоцен.

Вся толща осадков плейстоцена относится к палеомагнитной эпохе Матуяма. Граница между эоплейстоценом и плейстоценом проводится на рубеже перехода эпохи обратной полярности геомагнитного поля Матуяма к эпохе прямой полярности Брюнеса. В разрезах бассейна реки Ангрэн нижняя граница проходит под толщей делювиальных лесово-почвенных отложений, представленных верхней частью апартакской серии. Соответствует по магнитохронологической шкале рубежу 1,8 млн лет (эпоха Матуяма).

В данной работе особое внимание уделено хроностратиграфии плиоцен-эоплейстоцена. В бассейне Ангрена была выделена совокупность слоев с литологическими и биогенными компонентами, сформировавшимися в течение определенного интервала геологического времени – позднего кайнозоя. В результате комплексного и целенаправленного исследования в отложениях, относящихся к эоплеистоцену, в долине Овжасая были открыты каменные орудия труда и костные остатки южного мамонта *Mammuthus meridionalis* – вымерший вид млекопитающих семейства *Elephantidae*.

В разработке хроностратиграфической схемы позднего кайнозоя на территории Узбекистана анализируется роль региональных и местных стратиграфических шкал. К региональным и локальным стратиграфическим схемам относятся хроностратиграфические определения рубежа плиоцен-эоплейстоцена в зоне орогена Тянь-Шаня, Памиро-Алая, Индостана, Казахстана, Понто-Каспия, Средиземноморья, Ближнего Востока, Алтая, Монголии, Китая и проведения глобальных корреляций.

В процессе биостратиграфических исследований, основанных на характеристиках фауны млекопитающих и результатах палеоботанического изучения отложений, сформировавшихся в эпоху позднего кайнозоя на территории Тянь-Шаня и Памиро-Алая, сделан ряд выводов. Так, на территории Тянь-Шаня охарактеризован стратиграфический интервал позднего кайнозоя, начиная с миоцена и до четвертичного периода. Возрастная характеристика плиоценовых и эоплеистоценовых местонахождений Тянь-Шаня и Памиро-Алая представлена значительным материалом. Горные районы Западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая в эоцене являлись восточным побережьем океана Тетис, в последующие геологические эпохи – восточной частью Древнего Средиземноморья. В эти периоды в растительном покрове имелось много общих экологических черт, но существовали и региональные отличия флористического и типологического плана.

На Памире также выявлена древнейшая – кокбайская – межледниковая эпоха. Верхняя часть кокбайской межледниковой толщи имеет обратную намагниченность, а нижняя – прямую. Исходя из анализа палеомагнитных данных, основание кокбайской межледниковой толщи, по интерпретации А. В. Пенькова, имеет возраст 2,43–3,32 млн лет, геомагнитная эпоха Гаусс [8, с. 691].

Местонахождения млекопитающих эпох позднего кайнозоя известны в Западном Тянь-Шане: Магиан-Кашкадарьинский, Ферганский и Приташкентский районы. Два района расположены на территории Центрального Тянь-Шаня – Кочкорский и Текеско-Восточно-Иссыкульский. Крупные местонахождения ископаемых млекопитающих откры-

ты в плиоценовых отложениях Памира и в межгорных впадинах Тянь-Шаня [7, с. 171].

В процессе описания местонахождений существенную роль играет однозначность понимания их стратиграфического положения относительно нижней и верхней границ соответствующей толщи в сводном разрезе стратиграфического региона.

Нижний «буроцветный» горизонт содержит Белькарасуйскую находку верхнемиоценового мастодонта *Platybelodon granger*. В верхней части этого горизонта открыто большое количество крупных местонахождений с типичной гиппарионовой фауной миоцена и раннего плиоцена. В Магиан-Кашкадарьинском регионе известно Ташбулакское с *Sinotherium sp.*, *Moschus moschirus*, *Gazella deperdita* и Танхиздарьинское с *Hipparion cf. parvum* местонахождения. Из верхней части местонахождение Сор, вероятно, несколько более молодое, с находками *Hipparion gavedjicum*, *Samotherium*, *Protoryx tadjikistanicus*.

В Приташкентском районе к аналогам выделенного горизонта относится нижний слой Бельдерсайского местонахождения *Hilotherium cf. schlosseri*, *Hipparion sp.*, *Palaeotragus sp.* Средний палеоцветный горизонт содержит местонахождения, соответствующие двум возрастным уровням. Аналоги нижней его части охарактеризованы представителями поздних стадий развития гиппарионовой фауны. Из низов аксакатайской свиты известны Бешкайрагачское с *Anancus arvernensis*, *Yctitherium wingii*, *Y. cf. Hipparionum* *Chilotherium cf. anderssoni*, *Ch. aff. Gracile*, *Hipparion sp.*, *Proochotona sp.*, и Гиджалсайское.

В центральном Тянь-Шане особенно интересен Кочкорский район, где расположены местонахождения, содержащие *Chilotherium schlosseri*, *Procervus aff. variabilis*, *Gazella dorcadoides*, *Tragocerus amaltheus*, *Grocuta eximia*. *Chilotherium of. habereri*, *Hipparion kirgisicum*, *Gazella dorcadoides*, *Yctitherium wongii*, *Y. robustus*, *Hipparion cf. moldavicum*. В Санташской свите Текейско-Востоchnоиссыкульского региона известны местонахождения с гиппарионами *Yctitherium hipparionum*, *Lagomerix satensis*.

В Центральном Тянь-Шане открыто Чонбулакское местонахождение *Chilotherium cf. anderssoni* *Ch. Aff. gracile*, *Hipparion sp.* В Кочкарском регионе – Есекартканское местонахождение *Anancus kazakhstanensis*, *Dicerorhinus orientalis*, *Hipparion houfenense*, *H. sp.*, *Gigantocamelus longipes*, *Cervavites flerovi*, *Gazella sinensis*, *G. dorcadoides* и др. Из аналогов илийской свиты в Текесской впадине представлены *Archidiskodon cf. meridionalis*. Верхний, светло-палевый горизонт также охарактеризован местонахождениями, отвечающими двум разновозрастным уровням. Более древний из них (*Archidiskodon gromovi*,

Anancus arvernensis, *Ochotona* sp.) соответствует илийскому фаунистическому комплексу Казахстана и хапровской фауне Восточной Европы. К ним относятся верхние слои Чарынского и Коктюрюкского местонахождений. Открытые остатки млекопитающих в верхних горизонтах соответствуют кошкурганской и тираспольской фауне.

Коктюрюкское местонахождение приурочено к середине одноименной свиты в Ферганской депрессии. Оно содержит *Archidiskodon meridionalis*, *Elasmotherium* sp. (*caucasicum*), *Dicerorhinus* sp., *Bison* sp. *B. Schoetensacki*, *Dicerorhinus* cf. *etruscus*, *Equus* cf. *sanmeniensis*, *Cervus* cf. *elaphus*, *Canis* cf. *Lupus*, *Bison* sp.

В расположенном на южном побережье оз. Иссык-Куль стратотипе шарпылдакской свиты, граница джуукинской свиты имеет возраст более 1,5 млн лет [1, с. 106].

Для определения соответствия биостратиграфических рубежей проведено корреляционное сопоставления с комплексами фауны, открытыми в районах Казахстана. Для континентальных отложений Казахстана утверждены унифицированные горизонты, в числе которых илийский соответствует акчагильскому и хоргосский – апшерону. Согласно постановлению Международного коллоквиума 1972 г., граница между плиоценом и плейстоценом проводилась на одном из трех стратиграфических уровней: I – по подошве бакинских слоев и их континентальных аналогов (0,69–0,7 млн лет); II – по подошве апшеронского яруса (1,6–1,8 млн лет); III – по подошве акчагильского яруса (3,3–3,5 млн лет). На геологических картах граница нижнего плейстоцена проводилась на первом из указанных уровней.

Распространение илийской фауны на территории Казахстана показано в публикации Б. С. Кожамкуловой [5]. Наличие в основании илийского горизонта более древнего комплекса фауны установлена в публикации П. А. Аубекеровой [2]. По ее мнению, в середине плиоцена на территории Казахстана и в прилегающих регионах происходили весьма активные тектонические движения, которые синхронизируются с фазами общего орогенетического развития.

В юго-восточной части Тянь-Шаня, Джунгарии и предгорных впадинах илийской свите соответствует есекартканский фаунистический комплекс. В составе этой фауны имеются раннеплиоценовые реликтовые формы, обнаруженные также в Тулькисаре Тургайской области. Появляется ряд элементов, свидетельствующих и о более молодом возрасте. Есекартканский мастодонт – *A. kazakhstanensis* – более архаичен, чем *A. arvernensis*. В целом этот комплекс связан с позднегиппарионовой фауной Монголии (Алтан-Тээли, Хиргис-Нур), Китая (Эртемте, Шатон-Гол, Цзинь-Ло), среднесинапской фауной Турции. Возраст

фауны определяется, как и руссильонской фауны Европы, серединой плиоцена. В более высоких горизонтах илийской свиты заключена фауна илийского комплекса, сопоставляемая с фаунами Хапров и Виллафранка [3].

Резкое увеличение тектонических поднятий в конце плиоцена на территории Казахстана выделено как хоргосская фаза. Накопления хоргосского горизонта происходило в позднем плиоцене, о чем свидетельствуют остатки южного слона *Archidiskodon meridionalis* и *Allohippus* sp. [4].

Отложения эоплейстоценовой генерации – кайрубакской свиты в генетическом отношении сходны с образованиями верхнего плиоцена. Однако эоплейстоценовые отложения отличаются по литологическим признакам увеличением содержания автохтонного обломочного материала, преобладанием в составе эоплейстоценовых толщ краснобурых и буроземных почв. В разрезе эоплейстоценовых отложений 0,8–1,8 млн лет зафиксировано 25–28 горизонтов ископаемых почв [8, с. 692].

Наибольший интерес в истории изучения миоцен-плиоценовых отложений Памира представляют находки приматов из местонахождения Куруксай: *Paradolichopithecus Necrasov, Samson, Radulescu*, 1960 [9, с. 242].

Результаты изучения остатков слонов из местонахождений Куруксай и Лахути показали, что южные слоны эволюционно стоят несколько выше архидискодона.

Литература

1. Алешинская З. В., Воскресенская Т. Н., Куликов О. А., Фаустов С. С. О стратиграфическом положении шарпылдагской свиты в свете палеомагнитных данных // Вестн. МГУ. Сер. География. 1972. № 5. С. 106–107.
2. Аубекерова П. А. Позднеэоценовая фауна Текейской впадины: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Алма-Ата, 1974. 21 с.
3. Бажанов В. С., Костенко Н. Н. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1962. 111 с.
4. Жилкибаев К. Ж. Древние слоны Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975.
5. Кожамкулова Б. С. Илийская фауна и ее аналоги на территории Казахстана // Природная обстановка и фауна прошлого. Вып. 7. Киев: Наукова думка, 1973.
6. Международный стратиграфический справочник. М., ГЕОС. 2002. 38 с.
7. Пахомов М. М., Пенькова А. М., Ершова Л. Н. Цикличность климатического процесса и его отражение в палинологических данных по кайнозою Памиро-Алая. Граница неогена и четвертичной системы. М.: Наука, 1980. С. 171–177.

8. Пеньков А. М., Гамов Л. Н., Додонов А. Е. Новые данные по палеомагнитной характеристике плиоценовых и четвертичных отложений Памира // Докл. АН СССР. 1976. Т. 229. № 3. С. 691–694.
9. Трофимов Б. А. Примат из местонахождения Куруксай. Граница неогена и четвертичной системы. М., 1980. 260 с.

Ю. Т. Мамадаков, В. Б. Бородаев, А. Л. Кунгуров

**Новые памятники археологии на участке газопровода у села
Красный Яр (Советский район Алтайского края)**

В полевой сезон 2013 г. обществом с ограниченной ответственностью «Научный центр „Наследие Сибири“» были проведены разведочные изыскания на территории Советского района Алтайского края. Исследования осуществлялись в рамках рабочего проекта подготовки документации для строительства межпоселкового газопровода от с. Советское до с. Шульгинка.

Наиболее полная сводка ранее известных археологических объектов у с. Красный Яр содержится в материалах к своду памятников истории и культуры Советского района, изданных Михаилом Тимофеевичем Абдулганеевым (1958–2009). В его статье упомянуты следующие объекты культурного наследия, расположенные в окрестностях с. Красный Яр: курганный могильник Каменка, поселения Красный Яр-1, 2, 3, 4 [1, с. 372–378].

В ходе полевых изысканий в полосе проектируемой трассы межпоселкового газопровода в 2013 г. нами были обнаружены неизвестные ранее памятники культурного наследия – местонахождение и четыре поселения. Вновь выявленные археологические объекты получили наименования в зависимости от местных географических названий.

Местонахождение Красный Яр – Школьная (рис. 1, 1). Расположено на мысу левого берега р. Каменка (южная окраина с. Красный Яр, около двойной опоры ЛЭП №233). К основанию мыса примыкает огород Евгения Ивановича Дорофеева, проживающего по адресу: ул. Школьная, 1. Высота мыса колеблется от 4 до 6–8 м.

В шурфе 7 (географические координаты: N 52°20.882' E 085°21.682') на глубине 50 см обнаружен небольшой фрагмент керамики. Площадь предполагаемого памятника и его датировка не ясны.

Поселение Красный Яр – устье лога Козлова (рис. 1, 2). Расположено на мысу в устье лога Козлова, образованном правобережной террасой р. Каменка и левобережной террасой безымянного ручья, протекающего по логу Козлова. Высота мыса около 4–5 м. Ориентировочная площадь поселения составляет 550–750 м² (45–50 м по линии С–Ю,

12–15 м по линии В–З). Площадь мыса далее переходит в относительно ровное поле, которое по настоящее время распахивается под сельскохозяйственные культуры. Памятник отделен от распахиваемой части поля полевой дорогой, ведущей в северо-западном направлении в село, в юго-восточном – в поле. Расстояние от мыса, где расположено поселение, до ближайших домов переулка Дачный в селе Красный Яр ориентировочно составляет 700–800 м к северо-западу.

В северной стенке шурфа 10 (географические координаты: N 52° 21.140' E 085° 22.011') на глубине 35 см от дневной поверхности встречен неорнаментированный фрагмент керамики размером 2,5×2,5 см – часть слабопрофилированной стенки или дна сосуда толщиной 0,8 см. Керамика на сломе двухцветная – темно-коричневая (внутренняя сторона?) и светло-желтая. Обе стороны имеют следы разноориентированной грубой затирки, каверны выгоревшей органики и выпавших отдельностей крупнозернистого кварцевого песка. Вероятно, памятник относится к эпохе железа.

Поселение Красный Яр – Дачный-1 (рис. 1, 3). Расположено на клиновидном мысу правобережной террасы р. Каменка, примерно в 250–300 м к востоку от крайних домов переулка Дачный села Красный Яр. Высота мыса около 5–7 м. Площадь поселения приблизительно равна 800–900 м². Мыс прилегает к распахивающемуся полю, от которого отделен грунтовой дорогой.

Площадь памятника задернована и не имеет внешних разрушений. Было заложено два шурфа, в каждом из которых встречены археологические находки.

В шурфе 11 (географические координаты: N 52° 21.239' E 085° 21.920') на глубинах 15 и 45–55 см от современной дневной поверхности обнаружены фрагменты керамики – два венчика с орнаментом и четыре обломка тулова (два от одного сосуда), а также обломок кости животного.

Первый обломок венчика – от сосуда баночной формы диаметром около 19 см, орнаментирован поясом разреженного жемчужника, нанесенного в сантиметре ниже кромки сосуда (рис. 2, 1). Закраина сосуда имеет прямой срез, по внешнему и внутреннему краям он сглажен. Толщина стенки 0,7 см. В керамическом тесте содержится крупный кварцевый песок. На наружной поверхности сосуда прослеживается светло-желтый ангоб. Поверхность снаружи изделия затерта, имеются разноориентированные продольные царапины и вмятины. Обжиг равномерный восстановительный.

Второй фрагмент венчика – от сосуда диаметром около 14 см со скругленным вовнутрь срезом венчика. Толщина стенки 0,6 см. Тесто,

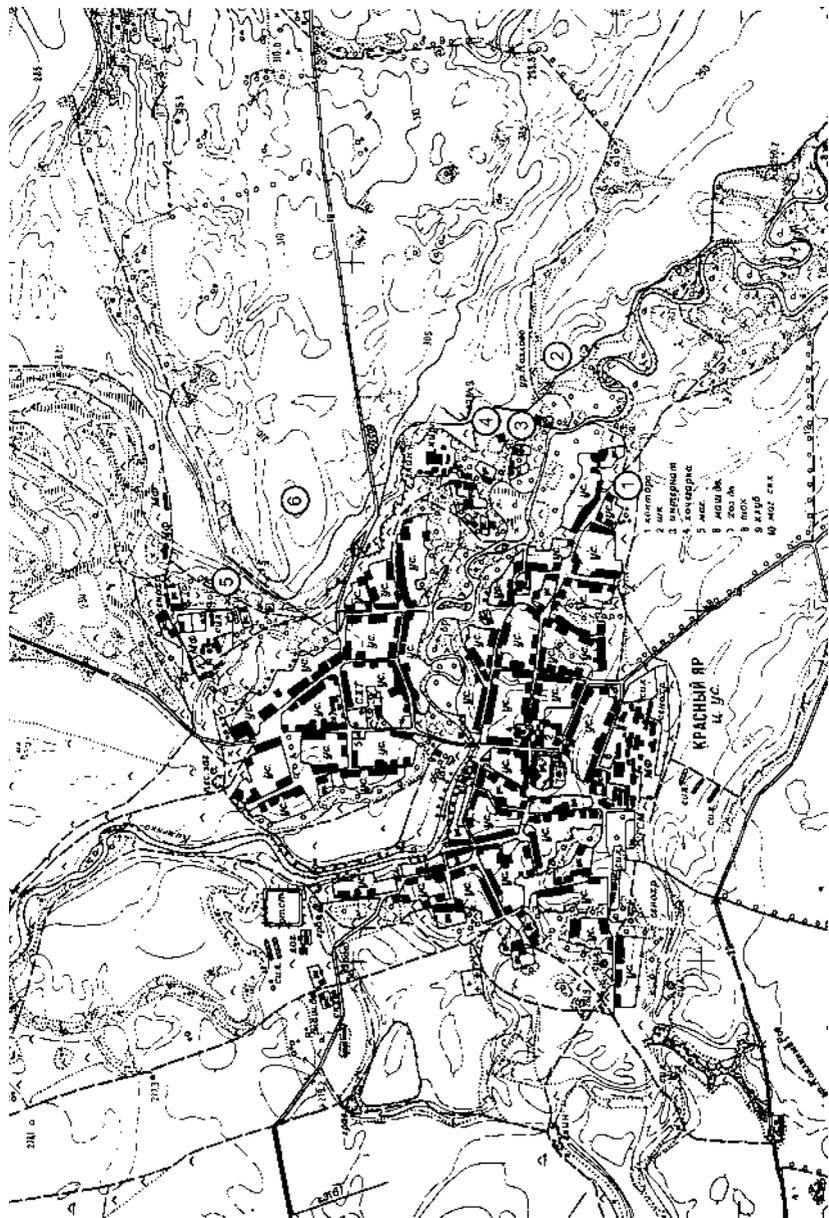

Рис. 1. Общий план расположения обследованных памятников археологии в окрестностях села Красный Яр:

1 — Школьная, 2 — устье лога Козлова, 3 — Дачный-1, 4 — Дачный-2, 5 — Химикаты, 6 — Каменка.

обжиг и ангоб наружной стороны сосуда аналогичны предыдущему. В сантиметре ниже края венчика изделие украшено бордюром, состоящем из жемчужника, разделенного косыми отрисками гладкого штампа (рис. 2, 2).

В шурфе 12 (географические координаты: N 52° 21.259' E 085° 21.924') на глубинах 22–30 см от дневной поверхности обнаружены два фрагмента керамики без орнамента: от тулова крупного слабопрофилированного горшка с толщиной стенки 1,2 см и от небольшого слабопрофилированного сосуда баночной формы с толщиной стенки 0,7 см.

Найденная в шурфах 11 и 12 керамика характерна для предгорных культур раннего железного века (быстринская культура, V–II вв. до н. э.).

Поселение Красный Яр – Дачный-2 (рис. 1, 4). Расположено на правобережной террасе р. Каменка, в 70–90 м к северу от поселения Красный Яр – Дачный-1, примерно в 300–400 м к северо-востоку от крайних домов переулка Дачный села Красный Яр. Высота террасы около 6–8 м. Площадь поселения приблизительно равна 550–600 м²; от распаивающегося поля она отделена грунтовой дорогой.

Площадь памятника задернована и не имеет внешних разрушений. Было заложено два шурфа, в каждом из которых встречены археологические находки.

В шурфе 13 (географические координаты: N 52° 21.343' E 085° 21.897') на глубинах 50–60 см обнаружены три обломка неорнаментированных стенок от разных глиняных сосудов археологического возраста.

В шурфе 14 (географические координаты: N 52° 21.351' E 085° 21.893') на глубине 40 см обнаружен неорнаментированный фрагмент керамики.

Предположительно посуда относится к железному веку.

Поселение Красный Яр – Химикаты (рис. 1, 5). Расположено на северо-восточной окраине села Красный Яр, на отрезке берега в пойме Катуня, известном у местного населения под названием «ядохимикаты». На гриве, примерно в 50–70 м к северу от заложённых шурфов, стоит кирпичное здание склада для хранения ядохимикатов, сохранившееся от советского периода. В 100–150 м к северо-западу от шурфов расположены постройки животноводческой фермы села Красный Яр. Площадь памятника составляет примерно 2500–3000 м².

В шурфе 15 (географические координаты: N 52° 21.966' E 085° 20.861') на глубине 45 см от современной дневной поверхности обнаружен каменный пест-растиратель из окатанной отдельности окремненного песчаника зеленовато-серого цвета удлинённо-треугольной формы и треугольного сечения (рис. 2, 3). Рабочей частью являлся узкий торец валуна, широкий использовался для упора в ладонь мастера. Все по-

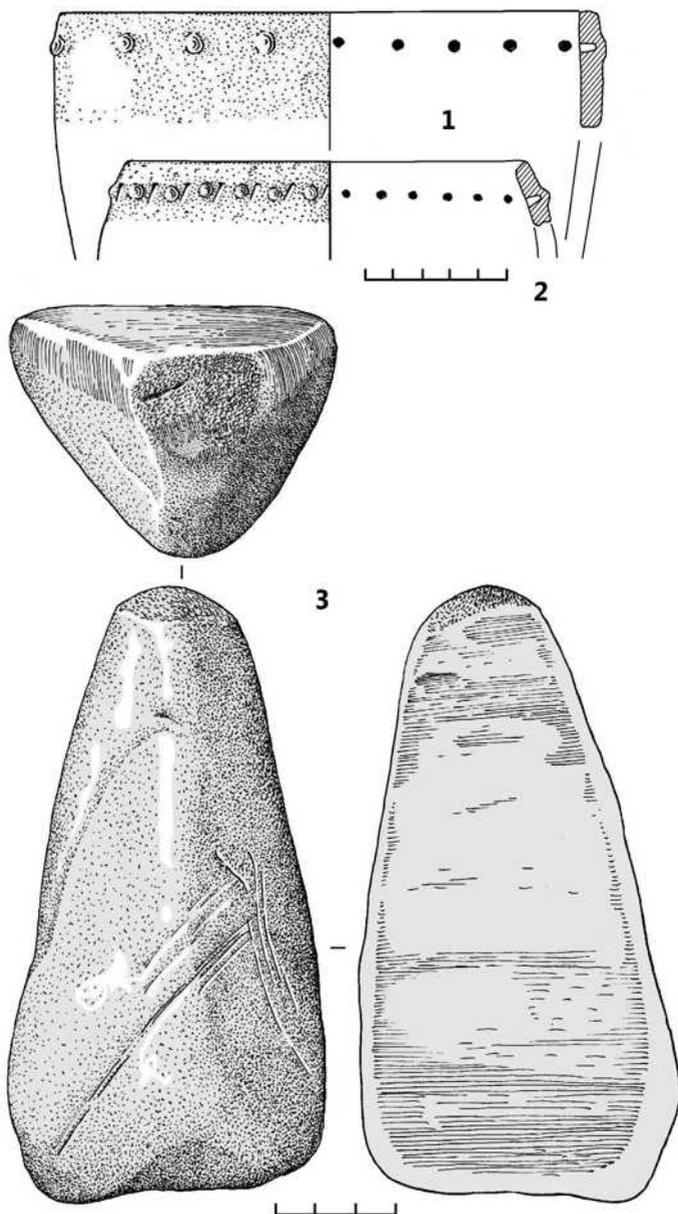

Рис. 2. Находки из шурфов: 1, 2 – Дачный-1, керамика; 3 – Химикаты, камень

верхность узкого торца покрыта кавернами и затертостями, образовавшимися от растирания твердого материала. Ровные плоскости валуна также покрыты линейными поперечными следами использования его в качестве растирателя.

В шурфе 16 (географические координаты: N 52° 21.960' E 085° 20.852') на глубине 35 см обнаружен неорнаментированный фрагмент древнего глиняного сосуда.

Датировка памятника не ясна.

Могильник Красный Яр – Каменка (рис. 1, б). В процессе изысканий по трассе проектируемого газопровода нам удалось уточнить местонахождение курганного могильника Красный Яр, обследованного в 1929 г. директором Бийского краеведческого музея Сергеем Михайловичем Сергеевым (1879–1947) и частично раскопанного им в 1929–1930 гг. [2]. Во время проведения полевых работ мы встретились с местным жителем Николаем Федоровичем Борисовым (родился в 1936 г. в с. Красный Яр Советского района), показавшим место раскопок С. М. Сергеева. Старожил знает о тех исследованиях по рассказам старших односельчан, которые участвовали в них в качестве рабочих. В молодые годы сам Николай Федорович видел сохранившиеся остатки разрытых курганов. Могильные насыпи располагались по верху вытянутой с ЗЮЗ на ВСВ (вдоль высокого берега Катуня) гривы, которая находится на мысе высокой террасы, поблизости от северо-восточной окраины села. Мыс образован правым бортом долины р. Каменка и коренным левым берегом Катуня.

Совместно с Н. Ф. Борисовым мы побывали в указанном им месте (рис. 1, б). Вся грива и близлежащая территория подвергалась в недавнем прошлом интенсивной распашке. Никаких следов курганных насыпей уже не просматривается, но по склону гривы фиксируются в значительном количестве окатанные речные камни разных размеров. Очевидно, эти галечные валуны были принесены во время возведения надмогильных сооружений древнего некрополя. Сейчас в 350 м юго-западнее гривы, на которой стояли курганы, построена телефонная вышка-ретранслятор.

Могильник расположен на значительном удалении от трассы проектируемого газопровода и не совсем в том месте, где он был обозначен на плане села М. Т. Абдулганеевым. На картах-схемах расположения памятников у села Красный Яр Советского района, хранящихся в Управлении Алтайского края по культуре и архивному делу и в архиве КГБУ НПЦ «Наследие», местонахождение курганного могильника Каменка (Красный Яр), видимо, следует уточнить.

Источники и литература

1. Абдуганеев М. Т. Археологические памятники Советского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 365–386.
2. Сергеев С. М. О резных костяных изделиях из «скифского» кургана на Алтае // Советская археология. М., 1946. № 8. С. 289–292.

Ю. Т. Мамадаков, А. Л. Кунгуров, В. Б. Бородаев

Палеолитические находки около с. Каракол (Республика Алтай)

Межгорная котловина, в которой расположено с. Каракол Онгудайского района Республики Алтай, образована слиянием долин рек Урсула, Куроты и Каракола. Рельеф микрорайона сформирован докольными отложениями девонской системы (средний отдел, живетский ярус): фельзитами, кварцевыми порфирами, туфами, порфиритами, сланцами, песчаниками, известняками, аргиллитами. В тектоническом отношении регион среднего течения Урсула относится к ануйско-чуйской структурно-формационной зоне Алтае-Салаирской складчатой системы Алтае-Саянской (Каледонской) складчатой области. Коллювиально-аллювиальные склоны долин в месте находки палеолитических артефактов являются отрогами Семинского хребта. Углы наклона более 45°, расчленение рельефа сильное (среднее расстояние между соседними понижениями менее 0,4 км). Рельеф эрозионный ущелистый придолинный. Реки II (Урсул) и III (Курота, Каракол) порядков имеют расширенные пологосклонные долины, выполненные делювиально-солифлюкционными отложениями, осложненными многочисленными каменными осыпями. Малые притоки и верховья рек III порядка зачатую троговые, выполненные мореной [1]. Слияние долин в месте расположения с. Каракол привело к образованию достаточно обширной выположенной котловины, привлекательной для заселения человеком в различные исторические эпохи, в том числе и в палеолитическое время. Достаточно известные стоянки расположены в верховьях реки Каракол (Кулада), в верховьях Урсула (Тюмечинский палеолитический микрорайон Еловской котловины, стоянка Карабом), Туэкта и т. п. [2–4].

Кроме привлекательных для человека природно-климатических условий долины Урсула, для периода каменного века важным моментом является наличие большого количества разнообразного минерального сырья, доступного для добывания. Известные в долинах Урсула и образовавших его рек Ело и Каерлыка палеолитические комплексы датируются достаточно широким хронологическим спектром – от мустьерской эпохи до неолитического времени. Специализированные поиски

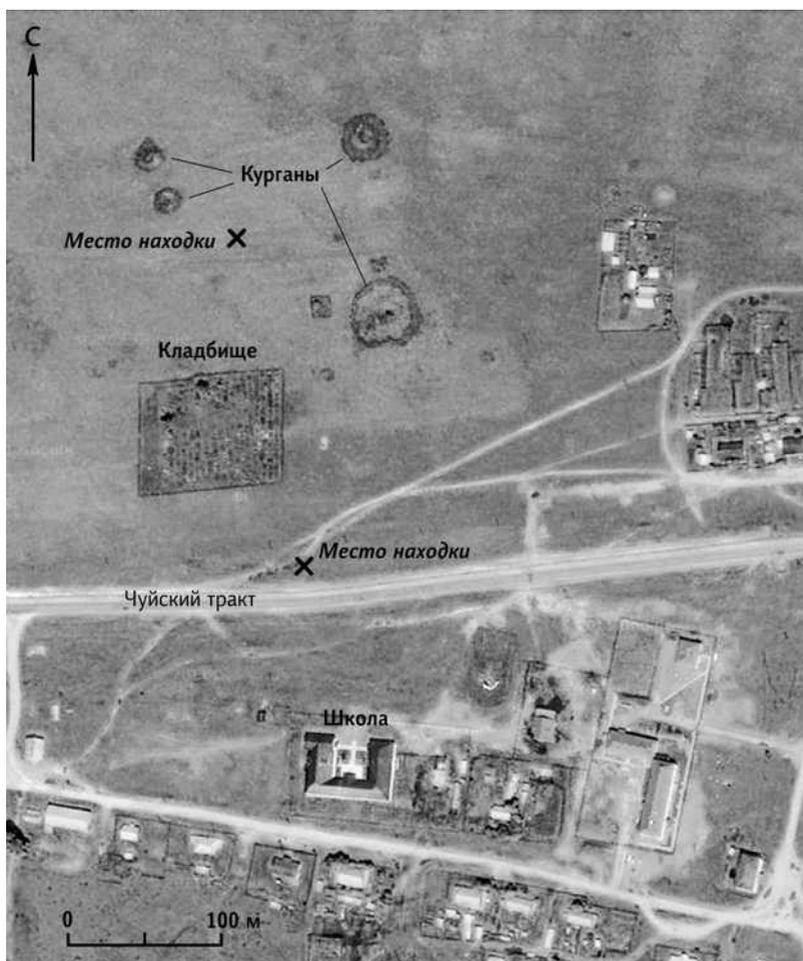

Рис. 1. Северная окраина села Каракол: район находок на снимке из космоса

памятников каменного века в данном регионе не проводились, хотя регион чрезвычайно перспективен для поиска как стоянок, так и каменоломен.

В 2012 г. при обследовании обновлений дорожного полотна Чуйско-го тракта сотрудниками ООО «Наследие Сибири» на северной окраине села Каракол на склонах долины были найдены два палеолитических артефакта.

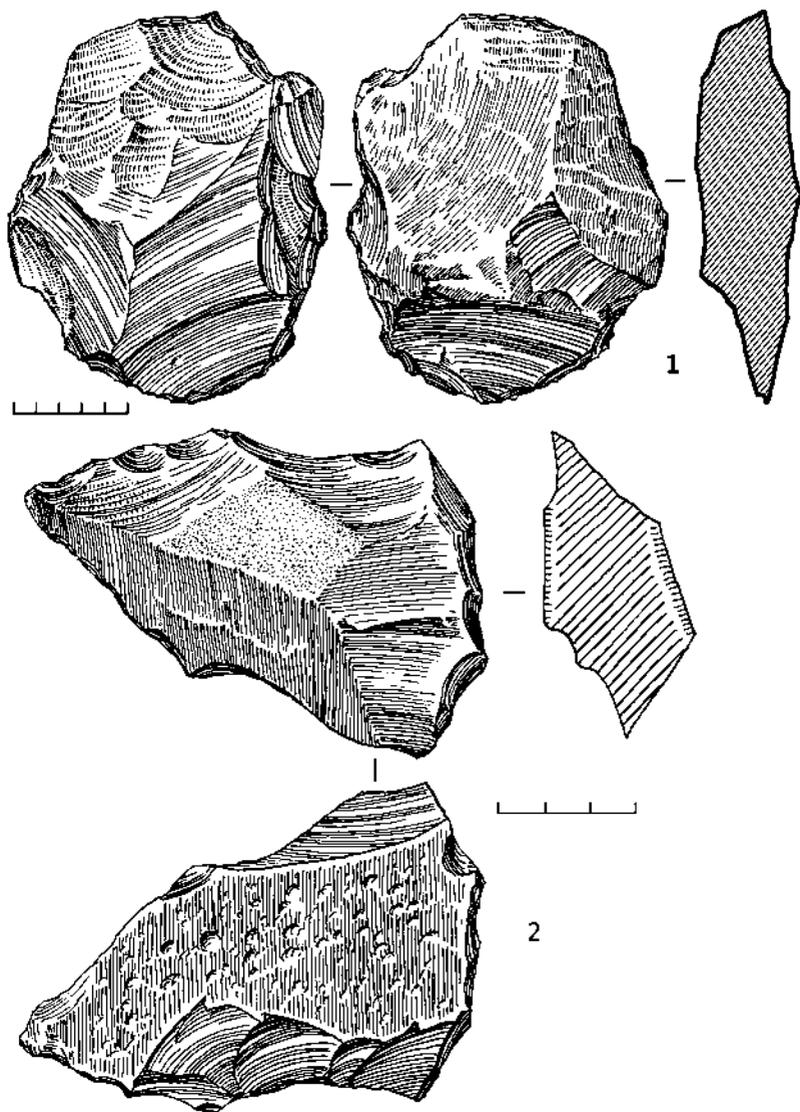

Рис. 2. Каменные изделия, найденные на северной окраине села Каракол

Первое изделие поднято с поверхности на взгорке, примерно в 100 м севернее действующего сельского кладбища (рис. 1). Координаты места находки в градусах и минутах с десятичными секундами:

N 50°49.094; E 085°57.079. Находка представляет собой односторонний радиальный нуклеус с подготовкой скалывания заготовок на тыльной стороне (рис. 2, 1). Сырьем для изделия послужил желвак кремнистой породы темно-серого цвета с патинизацией одной (тыльной) стороны, что свидетельствует о достаточно длительном периоде нахождения нуклеуса на поверхности. Возможно, это документирует расположение на «каракольских» отрогах Семинского хребта каменоломни-мастерской. Радиальное ядрище достаточно сильно утилизировано. Все заготовки, судя по фасеткам, имеют признаки мустьерской техники расщепления камня (асимметрично-треугольные заготовки для скребел типа *dejele*).

Второе изделие встречено в старом придорожном отвале на северной стороне современного Чуйского тракта, примерно в створе с восточной оградой того же сельского кладбища. Находка представляет собой грубый скребловидный инструмент из плитки порфирита с оббивкой рабочих кромок крутыми глубокими рельефными сколами (рис. 2, 2).

Оба предмета имеют яркие свидетельства обветривания и патинирования, но их расположение исключает попадание на склон артефактов издалека. Скорее всего, каракольское местонахождение — это проецирование артефактов на поверхность из-за смывания рыхлых отложений или сползание их сверху от стоянки или каменоломни вниз, вместе с крипом почвы, обычным на крутосклонных долинных образованиях. Техника расщепления, специфика заготовок, снятых с нуклеуса, характер вторичной обработки свидетельствуют о мустьерском времени артефактов, синхронных комплексам местонахождений Тюмечин в месте образования реки Урсул. Находки переданы в историко-краеведческий музей АлтГПУ (ОФ 1091/1-2).

Источники и литература

1. Алтайский край: Атлас. М.; Барнаул: Гл. упр. геодезии и картографии при Совмине СССР, 1978. Т. 1. 222 с.
2. Окладников А. П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 г.) // Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 5–20.
3. Крылова А. А., Павлюченко И. М. Орудия каменного века в Горном Алтае // КСИА. 1962. Вып. 2. С. 61–64.
4. Шуньков М. В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 60 с.

Л. С. Марсаолов

Саяно-алтайский стадий (антропологические и астрономические основы для поиска древних измерительных систем)

Огромные разделы древних знаний – метрология, астрономия, математика, часто взаимосвязанные между собой, пока остаются слабо изученными в современных археологических исследованиях, и, следовательно, значительно обедняются наши представления о ранних этапах развития практических, сакральных и научных достижений прошедших эпох.

С каждым годом археологам по разным причинам (финансовым, морально-этическим, научным, административным и т. п.) всё труднее и труднее становится организовывать и проводить обширные раскопки и привлекать дополнительные ресурсы для полевых исследований. С другой стороны, быстрыми темпами развивается измерительная электронная техника. Все чаще на смену традиционной рулетке и нивелиру приходят лазерные теодолиты, GPS-навигаторы, спутниковые системы Google, GPS и ГЛОНАСС, другие компьютерные технологии и приборы. Новая техника позволяет небольшой группе всего из 1–3 человек гораздо точнее и быстрее производить измерения на местности, составлять сложные многомерные планы обширных археологических памятников, объектов и сооружений.

Стадий и кабельгов. У ряда евразийских народов в I тыс. до н. э. было принято выделять расстояние, которое человек проходит спокойным шагом за время: 1) от касания нижней кромки солнечного диска линии горизонта и до полного исчезновения солнца за горизонтом; 2) от появления первого луча солнца при его восходе и до того момента, когда весь солнечный диск поднимется над горизонтом. Это расстояние, проходимое человеком шагом за время около 2 минут, у вавилонян, а затем у греков и других народов, называлось «*стадий*».

По одному из греческих преданий, с того момента, как первые солнечные лучи появились над холмом Крона в Олимпии, и до того, как солнце поднялось над землей, Геракл успел преодолеть расстояние в 600 ступней. На наш взгляд, это расстояние можно пересчитать двумя и более способами: 1 ступня = 1 фут = ок. 0,3 м × 600 ступней = ок. 180 м или 0,3 м × 6 ступней (1 прямая сажень) = 1,8 м × 100 = 180 м.

В разных странах мира отмечены различные значения *стадия*: вавилонский = 194,4 м; греческий = 178 м; аттический = 177,6 м; олимпийский = 192,27 м; птолемеевский и римский = 185 м; египетский = 172,5 м; стадий системы фараонов = 209,4 м; стадий (гхальва) ассиро-халдейско-персидской системы = 230,4 м и др. Из вышеприведенных данных видно,

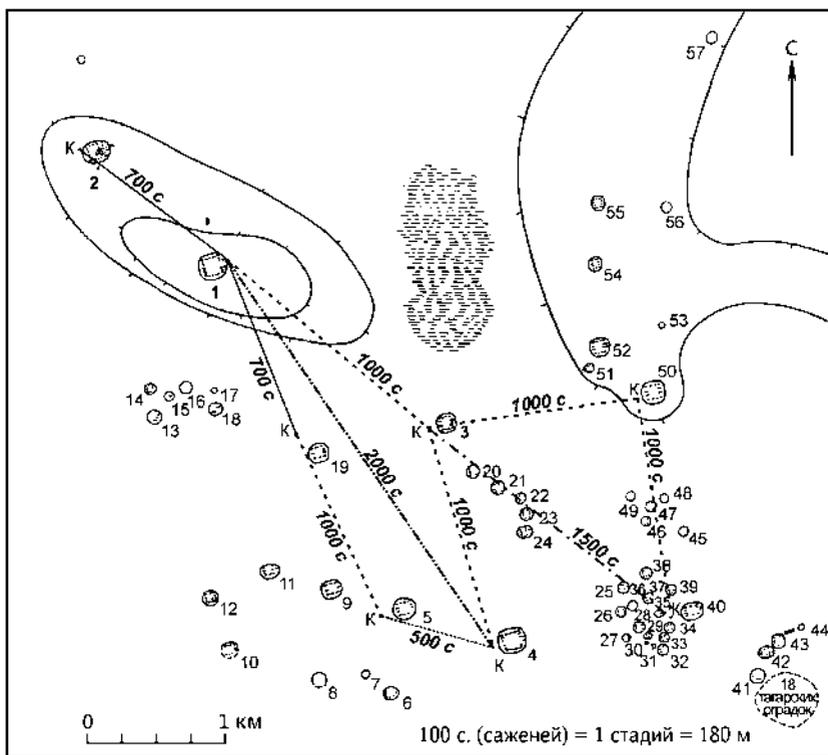

Рис. 1. Археологические памятники Сибири, на которых удалось выявить саяно-алтайский стадий: курганное поле в Салбыке (Хакасия)

что «стадий» – весьма относительная измерительная мера, зависевшая от общей системы мер, принятой в данной стране, а в целом от *малой* (ок. $1,8 \text{ м} \times 100$) или от *большой* (до $2,3 \text{ м} \times 100$) «саженей».

Интересно отметить, что у моряков и артиллеристов до сих пор сохранилась мера длины, называемая «кабельтов». Термин «кабельтов» как меру длины связывают с тем, что на корабле *кабель* (трос, веревка из пеньки) брали определенного, одинакового размера. Сейчас 1 кабельтов имеет стандартную длину – $185,2 \text{ м} = 0,1 \text{ мили} = 100 \text{ саженей} = 608 \text{ футов}$ (1 фут = ступня = $30,45 \text{ см}$), что весьма близко к древним измерениям «стадия» в ступнях и саженях.

Вероятно, древние евразийские кочевники для измерения больших расстояний также могли использовать специальные мерные веревки или ряд связанных друг за другом арканов, так как измерение малы-

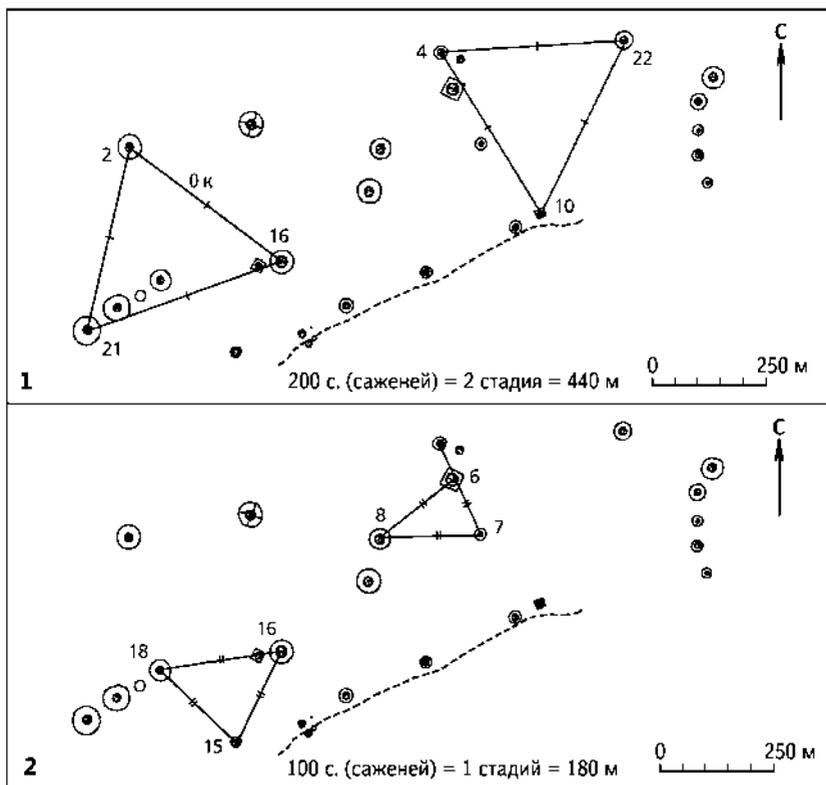

Рис. 2. Крупный ритуальный центр на реке Юстыд (Ю-В Алтай)

ми ступнями и саженями не всегда удобно на огромных степных площадках.

Саяно-алтайский стадий (*большой и малый*). Начиная с 1980-х годов Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в разных регионах Евразии были произведены метрологические и палеоастрономические исследования на археологических памятниках [1–5].

В 1990-е гг. на святилище в Семисарте на Алтае был выявлен и проверен во время захода солнца «семисартский стадий» – расстояние около 200 м, который, вероятно, имел такую же астрономическую подоснову, как и в близкой по времени Вавилонии [2]. Культурные контакты между Саяно-Алтаем и Передней Азией прослеживаются по археологическим материалам с эпохи бронзы и в более позднее

время. Вавилонский стадий в 194,4 м состоял из 360 локтей по 54 см. Если 200 м разделить на 360, то величина 1 локтя в Семисарте составит 55 см, а 4 локтей – 220 см, т. е. большую (косую) сажень. Следовательно, расстояние около 200 (или 201) м = 360–365 локтям = 90 большим сажням (по 2,2 м). Числа 360 и 90, несомненно, имеют астрономическую и календарную подоснову, отражают количество дней в году – 360 и в одном сезоне – 90 дней. В кургане Аржан-1 в VIII в. до н. э. в восточном секторе также было погребено 90 коней.

В ходе комплексных исследований СААЭ ГЭ в разных регионах Саяно-Алтая были выявлены разные по размерам «стадии» (табл.).

Расстояния между объектами в разных единицах измерения

Регион	Памятник дата (до н. э.)	Объекты	Стадий (число)	Размеры в метрах	
				1 «стадий»	1 сажень
Тува	Аржан IV, VIII–VI вв.	курганы	0,5 и 1 стадий	238 м (большой)	2,4 (большая)
Алтай	Юстыд, VIII–VII вв.	между керексурами	1 и 2 стадия	220 м (большой)	2,2 м (большая)
	Семисарт, VIII–VII вв.	между курганами	1 стадий	ок. 200 м	ок. 2 м
Казах- стан	Шиликта, кур- ган № 36, VII в.	диаметр рва	1 стадий	ок. 180 м (малый)	1,8 м (малая)
Алтай	Туры-Алты, VIII–VII вв.	курганы, стелы	1 и 2 стадия	180 м (малый)	1,8 м (малая)
	Башадар II, VI в.	курганы, выкладки	1 и 2 стадия	180 м (малый)	1,8 м (малая)
Тува	Аржан IV, VIII–VI вв.	курганы	0,5; 1 и 3 стадия	180 м (малый)	1,8 м (малая)
Хакасия	Салбык, VII в.	курганы, стелы	5, 7, 10, 20	180 м (малый)	1,8 м (малая)

Конкретные размеры «стадия» можно выявить как на больших курганных полях, так и на отдельных курганах и объектах.

Наиболее значимые сакральные объекты и курганы в Салбыке (Хакасия), как правило, находятся на расстояниях, кратных 100 единицам длины по 1,8 м – 500, 700, 800, 1000, 1200, 1500, 2000 сажень (рис. 1). Эти расстояния могут быть пересчитаны и в древние *стадии* (табл.), которые имеют астрономическую подоснову [5]. На обширном ритуальном центре Юстыд на Ю–В Алтае разные по размерам керексуры расположены на расстояниях, кратных 1, 2 и более стадиям (рис. 2, 1–2) [4].

По данным А. Н. Толеубаева, автора раскопок кургана № 36 в Шиликты (Чиликта) в Казахстане, диаметр кургана составляет ок. 113–115 м, а диаметр рва с В–З – 178 м и Ю–С – 181 м. Ширина самого рва

в разных местах достигала от 3,70–4 м, а ширина проема в восточной стороне составляла 6 м. Если эти параметры кургана пересчитать по древней системе мер, то при размере 1 сажени = ок. 1,78–1,81 м можно получить следующие показатели: диаметр внешнего рва = **1 стадий** = 100 саженей = 600 ступней/футов (ок. 180 м); диаметр кургана = ок. **60 саженей** = 360–365 ступней (ок. 110 м); ширина рва – ок. **2 саженей** = 12 ступней (ок. 3,6 м), а ширина проема рва – 20 ступней (6 м).

На курганном поле Башадар II на Алтае к западу от самого большого нераскопанного кургана № 1 «по дуге» длиной более 350 м (ок. 2 стадиев) расположено более 50 каменных выкладок-колец [1, с. 12–14, рис. 22–23]. От центра самого большого кургана № 1 до крайней выкладки на СЗ = 180 м = 1 стадий. Не исключено, что два человека, двигаясь из двух самых крайних точек «дуги» с СЗ и юга на заходе солнца, когда его диск только коснется верхнего края гор, могли встретиться напротив центра кургана № 1 (через 2 минуты), когда диск солнца полностью скроется за горизонтом.

Могли применяться комбинации из разных измерительных систем; разметка могла быть однородной, смешанной, сакральной и т. п. Метрические числовые величины, частоту их использования, планиграфию памятников можно выявить в ходе конкретных измерений реальных объектов и расстояний между ними (рис. 1; табл.) статистической обработкой полученных результатов.

В дальнейшем нужна более детальная геодезическая и астрономическая проверка выделенных больших размеров, что позволит уточнить величину 1 сажени и 1 стадия на археологических памятниках Саяно-Алтая и Евразии.

Источники и литература

1. Марсадолов Л. С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. Вып. 1. СПб.: Com Mark Nord, 1997. 56 с.
2. Марсадолов Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 4. СПб.: Копи-Р, 2001. 65 с.: 118 рис.
3. Марсадолов Л. С. Меры длины древних кочевников Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы конференции. Вып. XII. Барнаул: Азбука, 2001. С. 229–232.
4. Марсадолов Л. С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 5. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 278 с.
5. Марсадолов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2010. 128 с.

В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, Л. С. Кобелева

Полевые исследования 2014 г. в правобережном Прииртышье¹

В 2014 г. Западносибирский (начальник отряда акад. В. И. Молодин), Барабинский (канд. ист. наук Л. С. Кобелева) и Тоугучинский (канд. ист. наук Л. Н. Мыльникова) археологические отряды ИАЭТ СО РАН продолжали многолетние полевые исследования памятников Тартас-1 и Венгеро-2, расположенных в Венгерском районе НСО.

Исследования могильника Тартас-1, объединяющего разновременные и разнокультурные объекты, ведутся на протяжении 10 лет методом сплошного вскрытия площадей при использовании сведений геофизического мониторинга [8, с. 202–207; 9, с. 358–364; 10, с. 206–211]. В 2014 г. вскрыта площадь 2175 м² и изучено 36 погребений. Основной массив захоронений принадлежит андроновской (федоровской) культуре. Исследовано 31 погребение, часть из них вписывалась в уже выявленные ряды захоронений, другая была отмечена сопутствующими кольцевыми разомкнутыми рвами и ямами. На сегодняшний день зафиксировано восемь таких погребальных комплексов. В результате изучения выявлены их особенности: крупные размеры и значительная глубина могильной ямы; четкий прямоугольный контур могилы и отвесные стенки; преобладание обряда труположения над трупосожжением; нечеткая, подокруглая форма ровика с отвесной внутренней и пологой внешней стенкой. Нельзя исключить наличия над данными комплексами земляных сооружений, которые могли быть уничтожены длительной распашкой.

Основным сопроводительным инвентарем являлись глиняные сосуды (по 1–2 экземпляра в погребении) с характерным для андроновской (федоровской) культуры орнаментом. Вполне возможно, что в могилы с труположениями при совершении обряда захоронения помещались металлические предметы, являющиеся привлекательными для современников.

В ходе исследований было выявлено захоронение ребенка, совершенное носителями завершающей стадии пахомовской культуры эпохи поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени, второе по счету на сегодняшний день на памятнике. В процессе исследования зафиксировано обособление погребального пространства с ЮВ стороны могильной ямы ровиком, содержащим керамический сосуд. С погребенным обнаружено гвоздевидное изделие с плоской шляпкой

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», грант № 2013-220-04-129 Министерства образования и науки РФ.

и изогнутым у основания под 90° длинным стержнем. Подобные предметы, но с более коротким шпеньком, встречены в пахомовских комплексах на городище Инберень IV и могильнике Черноозерский II [3, рис. 4, 5, 9]. Аналогии гвоздевидным украшениям имеются в памятниках поздней бронзы Сибири [1, с. 80–81, рис. 7, 10; 12, рис. 2, 14]. В погребении найдены также три стоящих в ряд сосуда и бронзовое шило, преднамеренно надломленное. Сохранились следы деревянной рукояти или футляра. Подобные предметы характерны для памятников переходного от бронзы к железу времени Западной Сибири и относятся ко второй половине X–VIII вв. до н. э. (опираясь на хронологическую шкалу, разработанную на городище Чича). К северу от костей ребенка, ближе к центру погребальной камеры, обнаружена первая фаланга ноги молодой лошади (определение канд. биол. наук С. К. Васильева).

В южной части памятника, на площади, занимаемой пахомовским ритуальным комплексом, обнаружено погребение ирменской культуры периода поздней бронзы (второе на территории могильника). Захоронение совершено в неглубокой могильной яме, едва прорезающей материк, ориентированной по линии юг–север. Первоначально погребенный, взрослый человек, лежал, скорее всего, на боку, в скорченном положении. Сопроводительный инвентарь представлен классическим для ирменской культуры Барабы [7, с. 117–173] сосудом. Не исключено, что данное погребение имело отношение к сакральному комплексу пахомовской культуры, практически синхронному по времени с ирменской.

Экспедицией продолжены исследования на памятнике кротовской культуры эпохи бронзы Венгерovo-2. Площадь раскопа составила 200 м². В него входили западина сооружения № 6 и межжилищное пространство. Исследованный котлован имел трапециевидную форму, ориентирован длинной стороной по линии С–Ю, углы – округлые, стенки – отвесные, южная – вогнутая, высотой 0,1–0,3 м, северная – прямая, она длиннее южной примерно на 2 м, пол относительно ровный, с понижением к стенкам. Площадь котлована составила 48 м² – это самый миниатюрный жилищный комплекс из раскопанных на поселении. При исследовании заполнения котлована были зафиксированы остатки сгоревшей деревянной конструкции. Их анализ, а также наличие столбовых ям по внешнему периметру и внутри возможного сооружения позволяют предполагать наличие строения каркасно-столбовой конструкции усеченно-пирамидальной формы, стены которой были укреплены мощной «завалинкой». «Завалинка» фиксируется в виде выбросов утрамбованной материковой супеси различной высоты, залегающих по периметру котлована.

Очаг располагался в центре сооружения, представлял собой яму подпрямоугольной формы, ориентированную параллельно длинным стенам камеры. Размеры очажной ямы по верхнему абрису 1,4×0,9 м, глубина от уровня пола жилища с прокаленным слоем — до 0,4 м. В заполнении выявлены керамические «фишки», фрагменты керамики, формованные куски глины, мелкие фрагменты кальцинированных костей и каменная ножевидная пластина.

Находки, обнаруженные при исследовании котлована № 6, практически идентичны материалам раскопок предыдущих лет [5; 6]. Основной материал — керамика — чаще всего располагалась скоплениями, представляющими собой отдельные части и развалы сосудов. Керамический комплекс в целом соответствует морфологии и орнаментации, характерной для классической кротовской посуды. Морфологические типы представлены в основном баночными формами: открытыми, с прямыми стенками, редко — закрытыми. Орнамент горизонтально-зональный, отмечаются взаимопроникающие композиции. Венчик нередко волнообразный. Основа декора — пояса из разнонаклонных оттисков шагающей или проташенной гребенки, отступающей лопатки с треугольным рабочим краем. Отмечено наличие небольшого количества сосудов, оформленных наlepным валиком. Отличительной чертой керамики поселения Венгерово-2 является полное отсутствие такого элемента орнамента, как «жемчужины».

Пополнена коллекция изделий на фрагментах керамики: обнаружены «фишки», абразивы, лощила. Находка тигля оригинальной конструкции, подобного изделиям, найденным практически в каждом из исследованных на поселении жилищных котлованов (см., напр., [4]), может говорить об их серийном изготовлении и устойчивых традициях бронзолитейного производства.

Каменный инвентарь представлен отщепами (52 экз.), проксимальными и дистальными фрагментами пластин с ретушью и без (15 экз.), скребками на отщепах и пластинах (9 экз.), проколками на пластинах (2 экз.), сколами со шлифованных орудий (3 экз.), нуклеусом, наконечником стрелы на пластине, а также костяным наконечником стрелы. Значимой находкой на поселении явился первый бронзовый предмет (не считая капель всплесков, окалин и обломков проволоки из жилища № 5). Это тонкая, длинная, заточенная по периметру «бритва» (возможно, часть составного ножа, скобель или скальпель?). Подобные изделия характерны для памятников сейминско-турбинского круга [11, с. 106]. В Западной Сибири несколько бронзовых бритв обнаружены в погребениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4 Б, В; ножи-брит-

вы представлены также в комплексах памятника Сатыга XVI [2, с. 32, рис. 4; 2, 4].

За пределами котлована, с северо-западной стороны, выявлены столбовые ямы, расположенные по одной линии и продолжающие ряд ранее зафиксированных объектов. Находка данных объектов позволяет уточнить функциональное назначение ям: очевидно, можно предположить наличие забора вокруг поселка, однако данное положение требует тщательной проверки.

Таким образом, исследования 2014 г. поселения кротовской культуры бронзового века Венгерovo-2 дали новые результаты, относящиеся к организации жилого пространства, архитектуре домостроительства и очажных устройств, что крайне важно в плане последующей реконструкции хозяйственной и бытовой деятельности носителей яркой и самобытной культуры, существовавшей в западносибирской лесостепи Обь-Иртышского междуречья на рубеже III–II тыс. до н. э.

Литература

1. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В. Позднякова О. А., Шамшин А. Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: АГУ, 2004. С. 62–85.
2. Кузьминых С. В. Металлические изделия // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 32–36.
3. Матвеев А. В. Костомаров В. М. Пахомавские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 2011. № 1 (14). С. 46–55.
4. Молодин В. И., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 5: Археология и этнография. С. 104–119.
5. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 91–109.
6. Молодин В. И., Полосмак Н. В. Венгерovo-2 – поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. С. 17–29.
7. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
8. Молодин В. И., Парцингер Г. Итоги второго цикла работ совместного российско-германского проекта Института археологии и этнографии СО РАН и германского археологического института (2004–2008 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий:

- материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 г. 2008. Т. XIV. С. 398–403.
9. Молодин В. И., Парцигер Г., Гришин А. Е., Пицонка Х., Новикова О. И., Чемякина М. А., Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Шатов А. Г. Исследования могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г.). 2004. Т. X. Ч. 1. С. 358–364.
 10. Молодин В. И., Хансен С., Мильникова Л. Н., Наглер А., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Новикова О. И., Нестерова М. С., Ненахов Д. А., Ковыршина Ю. Н., Мосечкина Н. Н., Васильева Ю. А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г.). 2011. Т. XVII. С. 206–211.
 11. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
 12. Членова Н. Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. М.: Наука, 1981. КСИА. Вып. 167. С. 100–108.

Б. Н. Мұзафаров

Көрнекті ғалым-археолог — Кемел Ақышев

Тарих тағылымының түп тамырына көз жүгіртсек, кешегі өтіп кеткен ХХ ғасыр қазақ халқына әкелген ең бір зұлматты апат, әрине, солақай саясаттың кесірінен, қолдан жасалынған 32-ші жылдардағы аштық болатын. Осы қырғынның бір ұшы Сарыарқа жонында орналасқан, Баянауыл аймағындағы, кешегі күнде Ақкелін болысы болған, бүгінгі таңдағы Теңдік ауылын да шарпып өткені тарихи ақиқат десек қателеспеген болармыз. Осыған орай, Шорманнан туатын «төрт асыл тастың» кенжесі, Әужан Шорманұлының тікелей ұрпағы, демек, немересі, Қазақстан халқының мақтанышы, көрнекті ғалым, қазақ археологиясының негізін қалаушылардың бірі, Қазақстан Мемлекеттік сыйлығының, ҚР ҰҒА-ның Ш. Уәлиханов атындағы арнаулы сыйлықтың иегері, Герман Археологиялық институтының корреспондент-мүшесі, соғыс ардагері, әлемдік маңызы зор, тәуелсіздігіміздің символына айналған «Алтын адамды» тауып зерттеген **Ақышев Кемел Ақышұлы** болатын.

Кемел Ақышев 1924 жылы 23 мамырда Павлодар облысы, Баянауыл ауданы, бұрыңғы Ақкелін, қазіргі Теңдік ауылындағы Әужан Керегетас қыстауында дүниеге келген [1, 76 б.].

Тірі пенденің жаны түршігетін 32-нің қырғыны тұсында, Кемелдің жасы небәрі сегіз жаста еді. Оның анасы – Ғазиза, ұлы ғалым, академик Қаныш Сәтбаевтың туған апасы, яғни, Кемел Ақышұлына Қ. И. Сәтбаев

нағашы болып келеді. Осы жылдары Қ. Сәтбаев Жезқазған – Ұлытау өңірінде геологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп жүрген болатын. Мұндағы туыстарының қалдары мүшкіл екенін естіп, сонау қиырдағы Ұлытаудан ат арытып Ақкелінге келіп, бір топ балаларды аман алып калса керек. Бұлардың ішінде Кемел де болған.

Міне, осыдан былай Кемел ағаның өмірдегі өз орның табуына жол көрсетіп, жалпы тәлім-тәрбиесіне тікелей әсер еткен Қаныш ағаның қамқорлығы ерекше болды. 1942 жылы Кемел Ақышев Алматы қаласындағы № 25 орта мектепті бітіреді. Аттестат алып, әскерге шақырылған соң, Кемел аға өз әкесінің тегін алу үшін нағашысынан рұқсат сұрайды. Себебі, бұған дейін Сәтбаев болып атанса, кейін Ақышев болып тарих төрінен лайықты түрде орын алғаны дүйім жұртқа белгілі болды. 1943 жылы Сталиндік атқыштар дивизиясы құрамында Воронеж түбінен соғысқа аттанады. 1944 жылы ауыр жарақат алуына байланысты Алматыға оралады. Болашақ археолог білім алу үшін Алматыдағы политехникалық институтқа оқуға түседі. Жарақат алған қолы жазу-сызуына кедергі келтіріп, оқу ауыр тиеді. Бірде, Қаныш Имантайұлы қал-жағдайын білу үшін өзіне шақыртады. Бұл жайында ғалым өз естелігінде былай деп еске алады: *«Өстіп сүлдерімді сүйретіп жүрген күндердің бірінде Қаныш аға шақырып алып, жағдайымды сұрады. Жұмысы онсыз да басынан асып жатқан адамға салмақ салмайын деген оймен «Бәрі де жақсы» деп жатырмен. Бірақ ол кісі менің бұл жасауыма қанағаттанбады. Кемеңгер адам емес пе: Мәселе былай, шырағым, – деп әңгімені төтесінен бірақ қойды. – Байқаймын, жазуынан гөрі сызуы көп бұл мамандық болашақта саған қол болмайтын сияқты. Өйткені ертең оқуыңды бітіріп, бұрғылау алаңы мен шахта, карьерлерге барғаныңда неше түрлі қиындыққа кездесесің. Сондықтан ол жердегідей тарсыл-гүрсілден ада, айғай-шуы аз, қызықты, өзі құпия сырға толы археологияға бет бұрғаның жөн шығар...»*, – десе керек [2, 127 б.]. Сөйтіп, ҚазМУ-де бес жыл білім алып, 1950 жылы ҰҒА-ның Тарих, археология және этнография институтына жұмысқа тұрды. Сол тұста осы ірі ғылыми мекемені ғалым С. Н. Покровский басқаратын. Осы ұйымда жас маман марғасқа ғалымдармен қоян-қолтық араласып, мол тәжірибе алды. Ә. Х. Марғұлан, А. Н. Бернштам сияқты атақты ғалымдар жетекшілік еткен Оңтүстік және Орталық Қазақстан экспедицияларына атсалысты. Қызығы мен қиыны қатар жүретін ғылым атты асуда, талай биік шыңдарды бағындырған «екі ақсақалдың» ықпалы, археолог-ғалымның өміріне өшпестей із қалдырған еді. 1953 жылы Ленинградта одақтық археология білгірі М. П. Грызуновтың жетекшілігімен «Орталық Қазақстандағы қола дәуірі» деген кандидаттық диссертация қорғайды [3, 31 б.].

Ғалым ағамыздың археология ғылымындағы ерекше орын алған жаңалығына «Алтын адам» ескерткіші жатады. 1969–1970 жылдары Жетісу археологиялық экспедициясының жетекшісі ретінде Алматы облысы, Еңбекшіқазақ ауданындағы, Есік қаласы маңындағы б. з. д. V–IV ғғ. сақ обаларын қазып, тоналмаған «Алтын адам» қабірін ашты. Есік обаларының көлемі: диаметрі 30–90 метр, биіктігі 4–15 метр аралығында болатын. Алтыншы обаны қазғанда бөренелерден жасалған ағаш қабірге қойылған мүрделер табылады. Обаның диаметрі 60 метр, биіктігі 6 метр болса керек. Ханзада қабірінен 4 мыңға жуық алтын әшекей табылған киім, қару-жарак, ыдыс-аяқ тағы басқа құнды дүниелер шыққан.

К. Ақышев бұл жайында былай деп есіне алады: «...Қазба жұмысын одан әрі кеңейте жүргізіп жатқанымызда, алғашқы тоналған бөлік жанындағы он метр қиыс тұстан керемет ағаш қабырға шыға келді. Төбесін аршып қарағанымызда не көрдік дейсіз ғой? Шегенделген табыт. Ал ішінде, ақсүйек адам сүйегі, оның ұзына бойына айнала қоршап жарқ-жұрқ еткен жүз мыңға жуық алтын әшекейлер көзге шалынды. Ғаламат, ғажап көрініс еді. Бұл төмендегілерден жоғарыдағыларды асыра ұлықтап, тірі жандарды таң қалдыру үшін жасалған киім...», – деп жазды [4, 78 б.]. Киім үлгісі, жерлеу рәсімі, алтын адамның Жетісу жерін мекендеген сақтардың көрнекті елбасы немесе жас көсем әскербасы екенін көрсетеді [5, 96 б.]. Сонымен қатар, 1970–1990 жылдар аралығында көне Отырар қаласына археологиялық зерттеулер жүргізеді. Ал 2000 жылы Кемел аға Астана іргесінен ғылымға мүлдем белгісіз ескі қаланың орнын табады. Археолог ағамыздың қолына XVIII ғасырда өмір сүрген орыс офицері, топограф И. Шангиннің күнделігі түседі. Онда «Мен Есіл жағасында қирап жатқан қаланы көрдім. Кезінде тамаша елді мекен болғаны байқалады. Бізді әсіресе оның іргесіндегі суы тұщы көлдің ғажайып көрінісі таңғалдырды», – деп жазылса керек. Ғалым ағамыз осы деректі негізге ала отырып мұрағаттан Целиноград (қазіргі Ақмола) облысын 1974 жылы аэрофотодан түсірген көріністі тауып алдыртады. Салыстырып қарағанда, топограф И. Шангиннің күнделігінде келтірілген көлдің суалған орны мен оның жағасындағы шаһар үйіндісі қазіргі Астана іргесінен 10 шақырым жерде жатқаны анықталған болатын. Ғалымның тікелей жетекшілігімен экспедиция мүшелері жеті жылға тарта қазба жұмыстарын жүргізеді. 6000 тарта шаршы метр аумақты топырақтан аршыған кезде көне қаланың екі құрылыс қабатынан тұратындығы белгілі болады. Үстіңгі қабаты XIII–XV ғасырларға тән болса, астыңғысы X–XII ғасырларға жатады. Көне қаланың ортасындағы төбеден 20-дан астам қабір мен 5 мазар табылып, төңіректен қалыңдығы 5 сантиметрлік ерекше қалыптағы кірпі-

штер, күміс тиындар, темір жebelер қазып алынды [6, 11 б.]. Қалада шағын қолөнер орындары болғаны байқалады. Онда қыштан түрлі ыдыс-аяқтар жасалып, кірпіш күйдіретін арнаулы орын және ұстахана жұмыс істегенін айғақтайтын құнды дереккөздер баршылық.

Міне, осындай жайлар анықталған соң, К. Ақышев Тәуелсіз мемлекетіміздің тұңғыш Президенті Н. Ә. Назарбаевтың қабылдауында болады. Астана іргесінде X–XII ғасырларда пайда болған Бұзық атты қала туралы құнды мағлұматтармен толықтай таныстырады. Сөйтіп, өз өмірінің соңына дейін осы қаланы зерттеумен айналысады. Қазақтың белгілі археолог-ғалымы Кемел Ақышев отандық тарих ғылымында өз қолтаңбасын қалдырған ғалым екеніне еш дау жоқ. 1950 жылдары археология ғылымы әрі жат, әрі таңсық болғандықтан аталмыш ғылыми саланы таңдаған қазақ жастарының бірі еді. Ғұлама, академик Ә. Марғұланның Кемел ағаның ғалым ретінде қалыптасуына әсері зор болғаны тарихи ақиқат. Бүгінгі таңда ғалымның жарқын есімі «Алтын адаммен» тығыз байланысты, алайда, ол әрі қарай тынбай еңбектеніп көне Отырар және Солтүстік Қазақстандағы қола, темір, орта ғасыр ескерткіштерін зерттеуге де ересен мол еңбек сіңірді. Астана қаласында жас археологтардың қалыптасуы үшін ғылыми мектептің негізін қалады, оларға ғылыми жетекшілік жасауда талмай көптеген жұмыстар атқарған еді. Қола дәуірінің ескерткіштерін б. з. д. 1 мың жылдықтың басы кезінде Орталық Қазақстандағы Беғазы-Дөңдібай мәдениетіне жатқыза отырып, ол қазіргі Астана қаласы маңында да тарағаның айқындаған болатын. Сонымен қатар темір дәуірінде, б. з. д. VIII–V ғасырлардағы сақ тайпаларының ескерткіштерінің осы қаламызда бар екендігін анықтап берген еді.

Ғалым өзі соңында көптеген ғылыми еңбектерін қалдырды. Атап айтсақ, 220-ға жуық ғылыми еңбек, соның ішінде 10-ға тарта монография жазды. 1998 жылы «Парасат» орденімен марапатталды.

Жалпы, Ақкелін жерінен шыққан тарих атты таралымда сүбелі із қалдырған, кешегі Шорман және Сәтбай әулеттерінің біртуар тұлғаларының соңынан ерген, «Асылдың сынығы» көрнекті ғалым-археолог Кемел Ақышұлы Ақышевтың жарқын бейнесі ұрпақтары мен жерлерінің есінде мәңгі сақталмақ.

Қолданылған әдебиеттер

1. Қаныш Сәтбаев. Энциклопедия. Алматы, 2011. 664 б.
2. Қодар Әуезхан. Тектілікке дем берген // Тамыр. 2004. № 2. 126–128-бет.
3. Ермекбаев Ж. А. Ғалым туралы сөз // Еуразиялық жылнама. Астана, 2005. 30–33 б.
4. Ақышев К. А., Кушаев Г. А. Іле өзенінің алқабындағы сақ пен үйсін тайпаларының ежелгі мәдениеті. Алматы, 1963. 136 б.

5. Қазақстан ұлттық энциклопедиясы. 1 т. Алматы, 1998. 308 б.
6. Ақышев К. А. Сарыарқа ортағасырлық қала мәдениетінің мәселесіне қатысты // Еуразияның дала өлкесіне: тарихи-мәдени алмасу және қазіргі жағдай: Халықаралық Еуразиялық форум материалдары. 3 ғылыми конференция материалдары. Астана, Омбы, Томбы, 2003. 10–13 бб.

М. И. Сафронов

Итоги полевых исследований Барнаульского государственного педагогического колледжа

В системе среднего профессионального образования (колледжах и техникумах) Алтайского края полевые исследования в области археологии, краеведения носят, как правило, вспомогательный характер, а зачастую и вообще не ведутся. Развитие полевых исследований зависит от энтузиазма и личных научных, профессиональных интересов преподавателей.

Полевые исследования начались с 1995 г., когда был заключен договор между Барнаульским государственным педагогическим колледжем (далее БГПК) и Алтайским государственным педагогическим университетом (далее АлтГПУ), тогда БГПУ, а уже в 1996 г. появилась дополнительная подготовка (специализация) в области истории – «Организатор историко-краеведческой работы в школе». В учебный план дополнительной подготовки входили такие дисциплины, как «Этнография Алтая», «Археология Алтая», «История древнего мира», «Музееведение», «Краеведение». В рамках договора студенты БГПК участвуют в полевых (историко-краеведческих) исследованиях – археологической экспедиции, проводимой совместно с АлтГПУ. Первая экспедиция состоялась в 1997 г. и проходила на территории Третьяковского района Алтайского края на побережье Гилевского водохранилища. Полевые исследования проводятся в Барнаульском государственном педагогическом колледже уже 18 лет. За это время студенты БГПК участвовали в археологических и этнографических исследованиях в Третьяковском, Чарышском, Целинном, Ребрихинском, Усть-Пристанском, Хабарском, Краснощековском районах.

В условиях ведения ФГОС нового поколения в учебном плане БГПК стало очень трудно проводить полевые исследования, однако выход был найден – начиная с 2014 г. на базе колледжа функционирует студенческое научное общество «Формирование научной картины мира у студентов посредством исторического краеведения», в рамках деятельности которого проводится археологическая экспедиция. Необходимо отметить, что развитие полевых археологических исследований в БГПК было бы невозможно без активной поддержки адми-

нистрации, преподавателей и сотрудников колледжа: Н. И. Шипулина, М. Б. Самолетова, Л. В. Ивановой, Л. Г. Азаровой, Е. Н. Сафроновой, Р. И. Рублева, О. С. Деминой и др. Следует отметить, что полевые исследования в колледже стали возможны только благодаря многолетнему плодотворному сотрудничеству с АлтГПУ и лабораторией исторического краеведения. Свой неоценимый вклад внесли администрация, преподаватели, сотрудники, аспиранты, магистранты АлтГПУ: М. А. Демин, В. Б. Бородаев, С. М. Ситников, А. М. Бирюков, Б. Б. Пушкарев, Р. В. Белоусов, А. И. Кукушкин, С. С. Запрудский, А. М. Соколов, А. А. Ветров, В. Н. Кокорин, Ф. Н. Колесников, Н. Н. Головченко и многие другие.

Организация и проведение полевых исследований студентов БГПК проходят в несколько этапов. Первый – теоретический, суть которого заключается в знакомстве с теорией археологии и этнографии, приобщении студентов к миру древностей и методике обработки исторического материала. Этот этап способствует развитию основных исторических представлений, закладывает основы последующей реализации знаний на практике. Второй этап – практический, в ходе которого происходит реализация теоретических знаний. Формируется более углубленный интерес к миру прошлого, что стимулирует дальнейшее, более углубленное изучение и понимание исторического материала на новом качественном уровне. Завершающий, третий этап – подведение итогов полевой экспедиции. Этот этап носит исследовательский характер, когда студенты, овладевшие методикой исторических исследований, самостоятельно занимаются определенной проблемой. Итоговой формой деятельности является проведение совместной (БГПК и АлтГПУ) студенческой историко-краеведческой конференции, посвященной итогам полевого сезона. На конференции студенты выступают с докладами, посвященными авторским исследованиям.

В 2014 г. полевые исследования БГПК вышли на новый уровень. В экспедиции участвовали 32 студента – самое большое количество участников за все время проведения полевых экспедиций колледжа. Кроме БГПК, в археологической экспедиции приняли участие студенты Алтайского государственного колледжа и Барнаульского техникума сервиса и дизайна одежды. Это говорит о выходе полевых исследований системы среднего профессионального образования (СПО) г. Барнаула на более высокий уровень.

За 18 лет полевых исследований сделано многое: продолжили обучение в вузе 194 выпускника; более 100 стали учителями истории в школе; двое – преподавателями АлтГПУ и БГПК (Ю. Н. Цыряпкина (Гужвенко), О. С. Демина); защищена одна кандидатская диссертация

(Ю. Н. Гужвенко); были проведены археологические исследования и обнаружены более 200 древних захоронений.

Таким образом, можно сделать вывод, что археологическая экспедиция представляет собой синтез условий для эффективного процесса образования и воспитания. Полевая практика позволяет студентам видеть за историей, вещами, сооружениями, их фрагментами жизнь предшествующих поколений, способствует развитию воображения, основных мыслительных процессов (индукции, дедукции, анализа, синтеза и др.). Происходит становление логического мышления, умения обосновывать и доказывать что-либо; совершенствование умения излагать свои мысли в письменной и устной форме. Совместная жизнедеятельность, решение бытовых проблем, связанных с ней, долговременный контакт с членами экспедиции, решение научно-исследовательских задач – все это позволяет ранжировать личностные ценности студентов. Археологическая экспедиция не только способствует изучению истории и культуры Алтайского края, но и формирует навыки научно-исследовательской работы, развивает положительные качества характера человека.

Многое, что удалось осуществить за последнее время, стало возможным благодаря педагогической, историко-краеведческой, научной деятельности преподавателей, работников учреждений системы среднего и высшего профессионального образования. В результате их интеллектуальных и организационных усилий, экспедиционных изысканий, кропотливой работы выявляются и развиваются творческие способности студентов, формируются чувство гражданской и исторической ответственности, уважение к прошлому своей страны и ее народам. Большинство работающих в настоящее время археологов признают ключевое значение в их профессиональной и научной карьере первой студенческой полевой практики, а для многих выпускников это одно из ярких воспоминаний студенческих лет. Остается надеяться, что современные экономические трудности не помешают дальнейшему развитию полевых исследований.

А. Н. Телегин

Некоторые итоги полевых исследований Степного отряда археологической экспедиции АлтГПУ в 2014 г.

Начиная с 1998 г. Степной отряд археологической экспедиции АлтГПУ осуществляет планомерные полевые исследования в окрестностях бывшего села Объездное Шипуновского района Алтайского края. Долгое время основными объектами работ отряда являлись курганные погребения скифо-сакского времени и средневековья. В 2014 г. архе-

Рис. 1 Жилой дом с. Обьездное во время раскопок. Вид с северо-запада

ологическим раскопкам были подвергнуты остатки одной из жилых усадеб бывшего села Обьездное.

К моменту раскопок на территории усадьбы визуально прослеживались только торчащие из дерна отдельные элементы фундамента постройки. Расчистка внутридомовой и прилегающей к дому территории позволила проследить габариты, конструктивные особенности и планировку здания. Судя по сохранившемуся фундаменту, в плане дом имел форму квадрата со сторонами 7,55 м.

Восточную, большую часть внутреннего пространства дома занимала жилая комната размером 4,4×6,75 м (рис. 1). В северо-восточном углу комнаты, на равном удалении (1,0 м) от северной и восточной стен, прослежена яма погреба размерами 1,1×2,0 м в плане и 1,0 м глубиной (рис. 2). В западной половине комнаты, в 2,0 м от южной стены, зафиксировано прямоугольное основание печи в виде кирпичной кладки размером 1,5×1,8 м (рис. 3).

Западная, меньшая часть дома состояла из двух помещений: южное, размером 2,15×4,3 м, являлось кладовкой, а северное, размером 2,15×2,25 м, – сенями (рис. 1).

Северная стена постройки, выходящая на улицу, являлась фасадной. Близ западного угла в этой стене, судя по всему, находилась вход-

Рис. 2 Яма погребя во время раскопок. Вид с севера

Рис. 3. Фундамент печи во время раскопок. Вид с севера

ная дверь, ведущая в сени. К двери примыкала прямоугольная площадка размером 2,0×2,4 м, выполненная из уложенных плашмя кирпичей (рис. 1).

Линейные размеры внешнего периметра дома (7,55×7,55 м) и внутренних помещений (4,4×6,75 м; 2,15×4,3 м; 2,15×2,25 м) не содержат целых значений в метрической системе мер, однако хорошо согласуются с величиной русской сажени, равной 2,1336 м.

А. С. Федорук, А. А. Редников

К археологической карте Локтевского и Табунского районов Алтайского края

Одним из традиционных направлений работы отдела археологии Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края является мониторинг современного состояния объектов археологического наследия региона. В рамках этого направления специалистами центра ежегодно обследуются десятки ранее выявленных и состоящих на государственном учете памятников древнего прошлого. Одним из «попутных» результатов этой работы становится фиксация ранее не известных объектов. Публикация таких данных, несомненно, важна как для текущей работы исследователей, так и для дела сохранения историко-культурного наследия региона. Целью настоящей статьи является представление краткой информации о памятниках, обнаруженных авторами в ходе выполнения работ по мониторингу объектов археологии Алтайского края в 2014 г.

Покровка-13, курганная группа. Расположена на территории Покровского сельсовета Локтевского района Алтайского края в 4,25 км к западу от центральной части села Покровка. Находится на второй надпойменной террасе реки Алей в 240 м к востоку от русла реки Солоновка и в 470 м к юго-западу от трассы село Покровка – село Локоть. Визуально в рельефе четко выражены две каменно-земляные насыпи. В центральной части обеих насыпей имеются древние грабительские воронки. В настоящее время объекты заросли травой и кустарником.

Курган № 1. Диаметр насыпи – 9 м, высота до 0,3 м.

Курган № 2. Расположен в 75 м к юго-западу от кургана № 1. Диаметр курганной насыпи – 8 м, высота – 0,4 м.

Датировка памятника не ясна. Состояние удовлетворительное.

Покровка-14, курган. Памятник расположен на территории Покровского сельсовета Локтевского района Алтайского края в 4 км к западо-северо-западу от центральной части села Покровка. Могильник находится на второй надпойменной террасе реки Алей, в 0,5 км к востоку от безымянного ручья, на распаханном поле к югу от полевой

дороги. Фиксируется одна слабо выраженная в рельефе распахиваемая каменно-земляная насыпь. Диаметр насыпи – 8 м, высота – 0,2 м.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Покровка-15, курганный группа. Находится на территории Покровского сельсовета Локтевского района Алтайского края в 5,3 км к северо-западу от села Покровка, на водоразделе реки Алей и реки Устьянка, на распахиваемом поле. В рельефе четко выражены две каменно-земляные насыпи.

Курган № 1. Диаметр насыпи – 8 м, высота 0,2 м. Курган сильно распахан.

Курган № 2. Расположен в 500 м к востоку юго-востоку от кургана №1. Диаметр – 15 м, высота 1,0 м. Курган опахивается, в центре имеется древняя грабительская западина и множество нор животных.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Покровка-16, курган. Памятник расположен на территории Покровского сельсовета Локтевского района Алтайского края в 3,8 км к северо-северо-востоку от центральной части села Покровка. Объект археологического наследия расположен на невысокой надпойменной террасе реки Устьянка на левом берегу в 0,45 км от русла, на территории распахиваемого поля. Визуально в рельефе выражен один курган с каменно-земляной насыпью. Диаметр насыпи – 20 м, высота 0,4 м. Курган опахивается, в центральной части присутствует древняя грабительская западина и норы животных.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Покровка-17, курган. Памятник расположен на территории Покровского сельского совета Локтевского района Алтайского края в 4,25 км на север северо-восток от села Покровка. Объект археологического наследия расположен на невысокой надпойменной террасе реки Устьянка на левом берегу в 1,65 км от русла реки, на краю поля. В рельефе четко выражена одна каменно-земляная насыпь диаметром 16 м и высотой в центральной части до 0,4 м. Курган поврежден ногами животных, в центре насыпи имеется древняя грабительская западина.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Георгиевка-3, курганный группа. Объект расположен на территории Георгиевского сельского совета Локтевского района Алтайского края в 2,9 км к юго-юго-западу от кладбища села Георгиевка, к западу от высоковольтной ЛЭП, на распахиваемом поле. Визуально в рельефе читаются насыпи двух каменно-земляных курганов.

Курган № 1 имеет диаметр 30 м, высоту в центральной части до 1,5 м. Насыпь опахивается. В центральной части присутствуют следы

древнего ограбления, многочисленные норы животных и охотничий шурф в одну из нор.

Курган № 2 расположен в 220 м к юго-юго-западу от кургана № 1. Диаметр насыпи – 20 м, высота в центральной части до 0,3 м. Насыпь распахивается, в южной части по ней проходит полевая дорога.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Вторая Каменка-11, курган. Памятник расположен на территории Второкаменского сельского совета Локтевского района Алтайского края в 2,8 км к востоку от села Вторая Каменка, 1,5 км к северо-северо-востоку от заброшенной поливной станции, в лесополосе. В рельефе четко выражена одна каменно-земляная насыпь диаметром 17 м и высотой в центральной части до 1,2 м. Курган поврежден норами животных, в центре насыпи имеется древняя грабительская западина.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Вторая Каменка-12, курганный груша. Памятник расположен на территории Второкаменского сельского совета Локтевского района Алтайского края в 1,5 км к западу от сброса Гилевского водохранилища в реку Алей, 2 км к востоку от села Междуречье, на краю речной террасы, у края поля. Состоит из двух каменно-земляных курганов.

Курган № 1. Диаметр насыпи – 18 м, высота в центральной части – 0,4 м. Повреждений насыпи не зафиксировано.

Курган № 2. Расположен в 56 м к юго-востоку от кургана № 1. Диаметр насыпи – 10 м, высота в центральной части – 0,1 м. Повреждений насыпи не зафиксировано.

Датировка памятника не ясна. Состояние удовлетворительное.

Масальский-19, курган. Памятник расположен на территории Масальского сельсовета Локтевского района Алтайского края в 2,6 км к востоко-юго-востоку от окраины поселка Масальский, 2 км к востоко-северо-востоку от железнодорожного моста через реку Каменка. В рельефе четко выражена одна каменно-земляная насыпь диаметром 7 м и высотой в центральной части до 0,3 м. Курган в центре имеет древнюю грабительскую воронку.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Масальский-20, курган. Памятник расположен на территории Масальского сельсовета Локтевского района Алтайского края в 2,3 км к юго-западу от поселка Масальский, к югу от полевого стана в урочище Масалиха.

В рельефе четко выражена одна каменно-земляная насыпь диаметром 17 м и высотой в центральной части до 0,6 м. Повреждений курганной насыпи не зафиксировано.

Датировка памятника не ясна. Состояние удовлетворительное.

Масальский-21, курганная группа. Памятник расположен на территории Масальского сельсовета Локтевского района Алтайского края в 1,2 км к северо-востоку от действующего кладбища поселка Масальский, в 400 м к северо-западу от склада взрывчатки, на распаханном поле. Состоит из двух каменно-земляных курганов.

Курган № 1. Диаметр насыпи – 12 м, высота в центральной части – 0,5 м. Насыпь частично распахиывается.

Курган № 2. Расположен в 30 м к юго-востоку от кургана № 1. Диаметр насыпи – 10 м, высота в центральной части – 0,1 м. Частично распахан.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Кучеровка-3, курган. Памятник расположен на территории Масальского сельсовета Локтевского района Алтайского края в 700 м к северу от перекрестка дороги село Кучеровка – поселок Масальский и дороги на ток у села Кучеровка, в поле. В рельефе четко выражена одна каменно-земляная насыпь диаметром 15 м и высотой в центральной части до 0,7 м. Насыпь опахиывается, в центре имеется древняя грабительская воронка и норы животных.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

Новокиевка-2, курган. Памятник расположен на территории Алтайского сельсовета Табунского района Алтайского края в 2,5 км к югу от села Новокиевка, в 1,7 км к востоку-юго-востоку от села Александровка, 1,2 км к юго-востоку от южного берега озера Большие Табуны (Новокиевка), на распаханном поле. В рельефе фиксируется одна земляная насыпь диаметром 20 м и высотой в центральной части до 0,3 м. Насыпь распахана.

Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

2

ЭТНОГРАФИЯ

Е. К. Абеуова

К разработке типологии культовых памятников «Аулие» степного Прииртышья

Степное Прииртышье – обширный регион, имеющий интересную историю, представляет собой богатейший и все еще недостаточно используемый ресурс для исторических исследований. Почитание культовых памятников «Аулие» населением степного Прииртышья свидетельствует об их социальной значимости в общепризнанной шкале ценностей. Поэтому представляется целесообразным этнографическое исследование культовых объектов как комплексных информационных ресурсов исторического и культурного изучения. В представленной статье речь пойдет о разработке типологии культовых памятников «Аулие».

В рамках исследования была выполнена классификация объектов по типам памятников, изучаемых последние несколько лет. Был разработан алгоритм натурного обследования и описания культовых объектов. Основные параметры описания памятника включают в себя данные топонимии, определение местонахождения с картографированием (при помощи GPS-навигаторов), элементов оформления культового объекта и обозначения подвижности, формы и размеров (высота, ширина, длина, объем) каждого элемента, фотофиксацию.

Из основных параметров чрезвычайно важными являются определение культового значения, выявление предмета поклонения. Важно знать о регулярности совершаемых ритуалов, степени социальной значимости объекта. Необходима также фиксация традиционных знаний в виде сказаний, легенд, ритуальных обрядов и обычаев, пословиц и поговорок, примет, касающихся культового объекта. Особой ценностью для аргументации историко-культурной ценности объекта обладают письменные источники – ритуальные тексты, легенды, родословные истории и таблицы. Для углубления информации о памятнике рекомендуется также заносить в пакет документов об объекте данные о научных исследованиях, ранее проводившихся в этой местности, а также возможную датировку (определение возраста культового объекта) [1, с. 190].

Типология культовых памятников строится исследователями на разных основаниях. Одним из общих принципов разделения на группы и типы памятников является их социальная значимость. Второй распространенный принцип разделения святилищ на типы – морфологические особенности памятников. Такой принцип используют при анализе святилищ различных хронологических периодов и территорий. Исследователи в основном отмечают признаки ограниченной эт-

нически или территориально группы памятников, хотя иногда очевидно повторение многих признаков святилищ на разных территориях.

Основой выделения признаков является конструктивный подход, который дает возможность анализировать святилище как систему признаков – конструктивных элементов, определяющих структуру (конструкцию) памятника. Признаки характеризуются разной степенью обобщения или рангом. Каждый признак может иметь множество значений на конкретном памятнике. Признаки святилища следующие: предмет поклонения; культовые сооружения; жертвы. Святилище определяется как совокупность (комплекс) вещей, культовых сооружений или предметов поклонения, являющихся результатом овеществленных действий, связанных с какой-либо магической или религиозной практикой. Т. е. святилище как объект может быть достоверно выявлено при наличии комплекса (не менее двух) разных признаков высшего ранга (предмет поклонения – культовые сооружения – жертвы), определяющих его культовый статус.

Признаки отражают степень сложности конструкции отдельно взятого памятника и уровень развития системы культовых памятников конкретного коллектива:

- предмет поклонения – искусственный предмет поклонения, естественный предмет поклонения;
- культовые сооружения – ограждение, культовая постройка, жертвенник;
- жертвы – ритуальные остатки, вещи.

Полный анализ совокупности памятников следует проводить, учитывая не только конструкцию памятника, но и его ландшафтно-топографическую характеристику: ландшафт, рельеф, водные объекты, растительность и расположение, тип памятника, археологические памятники поблизости, расположение относительно объектов внутри другого памятника и т. д. [3].

При определении памятника наиболее значимыми представляются артефакты прошлого, которые создавались человеческим обществом с целью передачи определенной информации, трансляции и утверждения некой идеи до уровня культа со всеми его атрибутами во избежание ее забвения. Такой памятник (культовый объект) по своей сути является выражением определенной идеи, формирующей единство общества; он является отражением идеологии общества, внутренние взаимоотношения которого подчинены определенным нормам.

Типология и видовое разнообразие культовых объектов степного Прииртышья, являющихся памятниками истории и культуры, определены с учетом специфики кочевого способа хозяйствования и миро-

воззренческих аспектов. Принимаются во внимание все вышеперечисленные моменты, с помощью которых определяются следующие типы памятников:

– географические или природные объекты, форма которых не была изменена человеком: горы, пещеры, камни, озера, родники, отдельные деревья и т. д.;

– персонафицированные места религиозного подвижничества исторических или легендарных лиц, мазары, зираты, памятники.

В свою очередь, данные два типа подразделяются на подтипы. Это географические или природные объекты. Даем их характеристику.

Почитаемые орографические объекты. Рассматриваются орографические святыни, где формы рельефа служат основой для того или иного культового образования. В религиозном сознании населения вершины гор представлялись своеобразными хранителями лежащих под ними долин. Пещерам и прочим подземным полостям отводилась роль трансферов, связывающих этот мир с «тем светом». Словом, орографические объекты мест поклонения являлись тем материальным субстратом, на котором создавались культы. Примером могут служить пещеры с одноименным названием Конур Аулие, расположенные на территории Восточно-Казахстанской [2, с. 5] и Павлодарской [4, с. 31] областей, камень святого Туйте [5, с. 11] и т. д.

В *гидрографических объектах* содержатся сведения о почитаемых озерах, водопадах, холодных и горячих источниках, родниках, распространенных в степном Прииртышье. Водные источники (родники) распространены повсеместно, но среди них наибольшее культовое значение имеют те, которые орошают небольшие оазисы на среднегорье, где население отдыхает. Культ водных источников совершенно незамысловат, поскольку возник благодаря оздоравливающим эффектам, приписанным силе святого.

Почитаемые элементы растительности – деревья, кусты. Видовой состав почитаемой древесной растительности в регионах с разными климатическими условиями довольно разнообразен. Отдельные деревья и кусты, растущие возле троп, ведущих к объектам поклонения, или на участках местности перед какими-либо ландшафтными препятствиями (теснинами, перевалами и пр.), часто увешиваются ленточками из ткани. Сами по себе эти растения культового значения не имеют, а служат лишь подспорьем для ритуального действия. Часто на пути к некоторым отдаленным мазарам, куда надо добираться пешком, существуют места остановки паломников, выполняющие одновременно функцию дорожных жертвенников. Иногда ими являются небольшие рощи. Здесь устраивают ритуальные трапезы, ночуют и рано утром

начинают движение в сторону мазара. Хотя эта растительность самостоятельного культового значения не имеет, тем не менее в рощах всегда имеется место наибольшей значимости (сакральное «ядро»), которым является доминантный культовый объект (родник, камень, могила). Именно здесь к веткам деревьев и кустарников, окружающих объект, паломники привязывают ленточки и полотнища материи.

Персонифицированные объекты – мазары (в переводе с арабского «место, которое посещают»). Мазары не являются какими-то «точками» в географическом пространстве регионов, имеющими сугубо локальное значение. Наоборот, от момента образования они обладают выраженной структурой, части которой занимают порой весьма обширные территории. Подобное образование в теоретически полном виде выглядит следующим образом: 1) центр – главный почитаемый объект, место обитания духа святого; 2) вокруг него сравнительно небольшая сакральная зона, отделенная стенами или изгородью от всего мирского; 3) ее окружает почитаемая местность, где собираются люди и готовят жертвенное угощение; 4) далее располагается обширная территория, где проживают родственные группы людей, считающие святого своим предком и защитником [6, с. 67]. К таким мазарам можно отнести мазар М. Ж. Копеева, расположенный на территории Баянаульского района, мазар Исабек ишана на территории Екибастузского района и мазар Уахит Хазырета в Щербактинском районе.

Культовые верования пронизывали всю жизнь древних народов, определяли их быт и обычаи. Пережитки верований переплелись с мусульманскими обрядами и сохранились до XXI в. Изучение культовых верований и системы мировоззрения в целом у народов степного Прииртышья требует привлечения широкого круга источников.

Важнейшим источником являются культовые памятники. Духовная культура древнего населения была очень разнообразной и нашла воплощение во многих предметах материального мира и разных видах культовых памятников. Проблема выявления и анализа культовых памятников является одной из наиболее острых в современных исследованиях. Они редко становятся предметом специального изучения. Основные сложности работы – единичность объектов, трудность их поиска и интерпретации. Главная проблема – интерпретировать памятник как культовый часто возможно только после анализа всей совокупности данных, полученных по итогам исследования. Поскольку культовые памятники исследуются полностью крайне редко, определить и доказать ритуальную функцию сооружения трудно. Культовая функция объекта часто подвергается сомнению или критическому отношению со стороны исследователей. Перечень признаков культовых ком-

плексов настолько разнообразен и сложен, что требует длительного процесса выявления и систематизации признаков. Эта работа начата и в настоящее время продолжается исследователями. В ближайшее время планируется разработать типологию культовых памятников, исследуемых на территории степного Прииртышья.

Источники и литература

1. Березницкий С. В. Классификация культовой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 190–220.
2. Брюханов В. Н. Конур аулие // Записки Семипалатинского подотдела Русского географического общества. Вып. VI. Семипалатинск, 1912 г.
3. Огудин В. Л. Места поклонения Ферганы как объект научного исследования. // Этногр. обозрение. 2002. № 1.
4. Коншин Н. Памятники старины в Семипалатинской области // ЗИРГО, 1903.
5. Коншин Н. От Павлодара до Каркалинска // Труды по казахской этнографии. 2-е изд. Т. 7. Астана: Алтын кітап, 2007. С. 31.
6. Свирин К. М. Археологические признаки языческих святилищ Восточной Европы VI–XIII вв. // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. Т. II.

И. В. Алексеенцева

Развитие рыболовства в советской деревне Алтайского края в XX в. и рыболовецкие артели: по полевым материалам Шелаболихинского (2005) и Романовского (2010 и 2014 гг.) районов

Хозяйственная деятельность крестьянства не ограничивалось земледелием и животноводством. Их дополняли охота и рыбный промысел. Русский крестьянин становился промысловиком там, где занятие земледелием было проблематично. Это проявляется при сравнении двух районов – приречного и степного.

Шелаболихинский район расположен в северной части Алтайского края по реке Оби и ее притокам Крутишка, Кучук, Шелаболиха с озерами Митино, Титово, Кишкино. Обь богата разнообразной рыбой: лещом, сазаном, чебаком. В озерах водятся карась, подъязок, язь, щука, а также специально запущенная рыба – сазан, судак. Рыболовство стало отраслью коллективного хозяйствования в приречных селах Шелаболихинского района благодаря Оби.

Романовский район расположен в западной части края. На территории района протекают маленькие речушки Сидоровка, Бакланка и озера Горькое, Мормышанское, Малая Горчина и др. Большинство озер

щелочные, соленые и горько-соленые, поэтому в районе нехватка пресной воды. Только два озера являются пресными: Камышенское и Подборское, и там водилась рыба (карась, желтяк, чебак, голянь).

Таким образом, природные условия предопределили развитие рыболовного промысла в приобских селах. В советское время эта отрасль стала одной из ведущих отраслей хозяйства Шелаболихинского района. Район не отличался развитым аграрным хозяйством, но благодаря рыбному промыслу его население не оставалось без хлеба, в отличие от Романовского района, где основной отраслью экономики являлось земледелие, а рыболовство имело характер домашнего промысла. Но и в том, и в другом районе рыболовство давало ощутимый добавок к пищевому рациону крестьян.

По материалам полевой экспедиции 2005 г. (руководитель – д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова) в Шелаболихинском районе был собран материал о нескольких рыболовецких артелях. В частности, недалеко от Шелаболихи (в 5–6 км) рядом с лагерем экспедиции на берегу Оби находились остатки поселка (развалины 2–3 домов), в котором действовала артель, занимавшаяся промышленной заготовкой рыбы. Выловленную рыбу везли на базу, находившуюся в центре с. Шелаболиха, а с базы – в Барнаул на продажу [9].

Еще в дореволюционное время на Алтае по крупным рекам существовали «промышленные избушки» – временные жилища первопоселенцев, занимавшихся рыболовными промыслами. Но в то время основным путем развития товарного рыболовства была аренда промысловых угодий. Устанавливалась практика закрепления рыбных ловель за отдельными пользователями и плата с них пошлины в казну [7, с. 144].

В советское время рыболовство развивалось через артельное, колхозное или совхозное производства. В период коллективизации люди из тех населенных пунктов, где не было развито сельское хозяйство, потянулись в колхозы или стали пытаться создавать промысловые артели в своих поселениях. В горно-таежных районах такие артели специализировались на деревообрабатывающем производстве, в приречных районах создавались рыбацкие артели. Анна Ивановна Дердик из с. Шелаболиха рассказывает: «Рыбаков здесь у нас четыре колхоза, рыбаков, „Максим Горький“, „Рыбак“, теперь „Пахарь“, „Спартак“. Четыре колхоза было, мы в „Рыбаке“ были. Рыбацкая бригада была у нас, рыболовецкая, вот и звали „Обской рыбак“... Они там не пахали, не сеяли, здесь приезжали, помогали нам, вот. Они рыбу сдадут – им муки. Барнаул выдает, зачем им, но они помогали, рыбаки придут, косили...» [2].

Владимир Петрович Чернодаров, житель с. Иня, рассказывает: «...Рыбацкая артель была и сейчас есть. Организовалась бригада. За-

пор — это устройство для ловли рыбы; для формирования запора в дно забивают несколько кольев по окружности и к ним привязывают полотно) ставили вот там на Сахалине (остров на Оби), хорошо ловили. Заключают договор, сдают его в аренду полностью, на берегу этот стоит, холодильник здоровенный, вот туда сдают рыбу. За это им деньги выплачивают по 1 рублю за килограмм...» [7].

Таким образом, в Шелаболихинском районе развивался товарный рыбный промысел. Была организована рыбацкая бригада, которая профессионально занималась рыболовством, и рыба на барнаульском рынке стала постоянным предметом продажи.

Старожилы рассказывали, что рыбу ловили на лодках. Ставили запоры — сети, сплетенные из особо толстой нитки, которую не могла разорвать даже самая крупная рыба, и потом тянули. Когда становилось жарко, запор снимали, чтобы рыба не погибла [5]. Запор ставили, пока рыба находилась в верховьях. Кроме того, использовали «фитили». Фитили — это сетевая ловушка, используемая в речном, реже в морском, озерном и прудовом рыболовстве и состоящая из направляющей системы („крыльев“) и рабочей части, так называемой «бочки».

Ставили мордушки из прутьев. По рассказам респондентов, их ставили по протоке, и любая рыба могла в них войти. Особенно большой улов был весной рыба. Летом, как поясняют старожилы, «ее не бывает, большинство уходит, а ловили ее таким образом: весной, пока она спускается [по течению на нерест]. Везучие места и там, где проходит граница сильного течения и спокойной воды, там, где есть водовороты и песчаное дно. Вот здесь, как только реки входят в берега, и начинается сезон ранней ловли».

Владимир Семенович Карпов, житель с. Иня, рассказывает: «Вот эти запоры в Березовой Гриве. Вот там тоже ставили. В основном ловили на Сахалине, запор ставили, и сверху рыба начинает спускаться — и тут неводами ее и ловили. Она икру отменит, и ей там нечего делать. Если остаться, то она задохнется там. Вот она и спускается. Сверху вниз, а потом весной опять снизу сверху идет» [2].

Как показывает анализ полевого материала, артельные рыболовы «применяли хитрость и сноровку во время ловли рыбы; учитывали время года и в зависимости от этого меняли способы рыболовства».

В советское время, кроме артельного рыболовства, существовало рыболовство в виде домашнего промысла. Сетями ловить рыбу жителям сел было запрещено — наказывалось высокими штрафами, так как это считалось браконьерством. Ловить сельчане могли рыбу, но только удочками, т. е. в небольших количествах. Кроме того, зимой на этих затонах в ключах ставили катцы. «Катцы — это чурка, ее раскалывали,

надирали – дранку, проволоку вплетали и ставили эти катцы в октябре, когда лед начинает наседать». Получался как бы забор, а посредине получалась сплетенная «бочка». Обычно так делали в декабре. Рыба заходила, утыкалась в заборчик и уходила в бочку. В декабре, январе ловили рыбу именно таким способом.

В домашнем рыболовном промысле рыбу сушили, вялили, солили на зиму для собственного потребления. У каждого был свой рецепт, способ приготовления рыбы. В. П. Черномаров рассказывает: «Можно вялить, пока мух нет. По весне надо, пока муха не поднялась еще, а то ребра останутся одни, и всё» [5]. В. С. Карпов заготавливал рыбу следующим способом: «Солили ее сухим засолом. Леца. Лец – хорошая рыба. В бочку ее чистили, просолят.. Потом ее на солнце, она обтекает. Всё, потом ее в коптилку. Коптили трое суток. Ну, вот так вот на зиму себе и посолим» [3]. О роли продуктов рыболовства в крестьянской семье говорит следующий отрывок из интервью Нины Ивановны Пройдаковой, из с. Иня: «Рыбу никогда не жадничали, как сейчас жадничают. Раньше вот мужик поедет, поймает рыбы на варево. Всем хватит. Завтра поехал, еще поймал» [4].

В Романовском районе основное направление экономики – сельское хозяйство. Рыболовство существовало как важнейшее подсобное занятие для собственных нужд, для питания семьи. Л. И. Четверикова, с. Бурановка: «Рыбы было много – жарили, сушили, солили. Потом делали консервы: в стеклянные банки – и в русскую печку, и косточки становятся мягкими» [6]. В. Г. Красносельская, 1939 г. р., с. Бурановка: «Гольян большой, шел много, мордушки делали из прутьев – круглое, с застужками, специально плели. Сушили на зиму, жарили. Карась, карпы (их запускали специально)» (речь идет о повсеместном искусственном выращивании карасей и карпов в водоемах при колхозах и совхозах в советское время) [3].

Способы ловли и заготовки рыбы в Романовском и Шелаболихинском районах были одинаковыми, но в Романовском вся рыба шла на домашнее питание, чему способствовало и наличие кустарной соледобычи, поскольку в регионе много соленых озер. Основными инструментами при добыче соли служили таяпка и ведро. «Таяпкой гребешь соль, только селитру не надо, это порошок, горькая соль. Соль – в ведро, потом в мешок, дома рассыпаешь на палатку (делали их из холста) и сушишь соль таким образом» [3]. Соль надо было обязательно просушить, иначе она могла растаять и слипнуться в один большой ком или, наоборот, превратиться в пыль [8, с. 179].

Таким образом, люди благодаря своим навыкам приспосабливались к разным географическим условиям, связь человека с ландшаф-

том имела огромное значение для жизни. Человек использовал знания, накопленные веками, и к ним добавлял свой личный опыт и наблюдения. Промыслы и различные неземледельческие занятия играли большую роль в жизни сибирского крестьянства. Продукция промыслов в большом количестве поступала на рынок. Промыслы давали возможность получать дополнительные средства для поддержания хозяйства, а в крестьянской семейной экономике являлись важным фактором в системе питания.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г.: Шелаболихинский район, с. Шелаболиха. Дердик А. И. 1928 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г.: Шелаболихинский район, с. Иня. Карпов В. С., 1937 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Бурановка. Красносельская В. Г., 1939 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г.: Шелаболихинский район, с. Иня. Пройдакова Н. И., 1936 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г.: Шелаболихинский район, с. Иня. Чернодаров В. П., 1947 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Бурановка. Четверикова Л. И., 1938 г. р.
7. Булыгин Ю. С. Промыслы сибирского крестьянства в XVII – первой половине XIX века // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул: АГУ, 1980. С. 143–146.
8. Гефке Н. А. Соляные озера Романовского района и непромышленная добыча поваренной соли в 1920–1990-е гг. по материалам историко-этнографической экспедиции 2010 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алте, 2010 г. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 179–183.
9. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 257 с.

Д. В. Емельянов

Традиционная транспортная культура кумандинцев (по материалам полевых этнографических исследований)

В августе 2014 г. автор этих строк принимал участие в полевых исследованиях в местах традиционного проживания кумандинцев Алтайского края, а именно в Солтонском и Красногорском районах¹. Отдельное внимание в ходе полевой работы было уделено изучению тра-

¹ В рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ №13-01-00170 «Геоинформационный мониторинг уязвимых компонентов этнокультурной среды коренных малочисленных этносов Алтае-Саянского региона».

диционной транспортной культуры (далее ТТК) данного этноса. В ходе интервьюирования были полученные данные о традиционных средствах передвижения и транспорте, которые активно использовались в течение прошлого столетия, а также об их современном состоянии.

Многими респондентами было акцентировано внимание на охоте, которая ранее играла важную роль в жизни кумандинцев, так как обеспечивала людей мясом и мехом. Основным средством передвижения охотника зимой являлись лыжи – «шана» (красногорский диалект), «чана» (солтонский диалект). Кумандинцы Красногорского района изготавливали лыжи преимущественно из осины, а Солтонского – из черемухи.

Кумандинцы имели два типа лыж. Первый – обшитые (подволоки). Лыжи обшиваются камусом (шкурой, снятой с нижней части ног коня или другого животного). Одним из способов обшивки камусом является прибивка мелкими гвоздиками. Ширина лыж составляла примерно 12–15 см, а длина около 1,5–2 м. Охотник на таких лыжах мог свободно передвигаться по глубокому снегу и не проваливаться. Камусное покрытие препятствовало скольжению лыж в обратном направлении и играло роль тормоза. Благодаря этому охотники легко поднимались в гору на подволоках. Второй тип лыж – необшитые, обыкновенные (голицы). Этот тип лыж предназначен для ходьбы по мелкому снегу, по размерам он соответствовал подволокам.

Лыжи крепились к ногам охотника при помощи ремней, изготовленных из конской, реже свиной кожи. Для фиксации ремней в лыжах сверлились сквозные отверстия, через которые пропускались сыромятные ремни. У обуви были ремни, которые крепились ниже колен, чтобы снег не попадал внутрь. Также в обувь клали траву – загат/озогат (очень теплая). Чтобы снег не прилипал и не образовывалась ледяная корка, обувь мазали конским салом [1, с. 4].

При передвижении на лыжах кумандинцы использовали посох («кайок»), который вырезали из комля березы. Такой посох отличается особой прочностью. Его длина может составлять от 1 до 2 метров, выше человеческого роста. Длина посоха объяснялась необходимостью установки капканов. Как только выпадал снег, охотник выдвигался расставлять капканы: при помощи этого посоха разгребался снег и устанавливался капкан. Также этим посохом-лопатой охотник черпал воду. Посох мог использоваться для умерщвления животного: охотники загоняли дичь по глубокому снегу в большие сугробы, где и забивали животное посохом.

Охотники перевозили груз при помощи деревянных ручных нарт на высоких копыльях. Нарты охотник тянул за собой по лыжному сле-

ду. Для изготовления временных нарт охотник брал широкие подволоки и привязывал носочки и пятки вместе, затем привязывал спереди веревку, чтобы можно было тянуть нарты через плечо. На эти лыжи/нарты охотник клал добычу и вез домой [1, с. 6].

Для транспортировки добычи охотник использовал также волокуши. Их шили из конской кожи: клочок выделанной кожи сшивали в виде коробка/мешка. На волокушах транспортировали по снегу добытое мясо, инвентарь и прочие предметы. Подмерзнув, волокуши становились жестче, что способствовало более свободному ходу.

Рыболовство у кумандинцев являлось вспомогательной отраслью в весенне-осенний период. Рыбаки передвигались по рекам на лодках и плотах. У кумандицев были распространены два вида лодок: лодки-долбленки («кеве», «кебе») и берестяные лодки («тос кеве»). Первый тип выдалбливали специальным инструментом – теслом, наподобие топорика, так называемый «адалган». В качестве основного материала для изготовления лодки использовали тополь, поскольку он более мягок и удобен для выдалбливания, нежели другие породы местных деревьев. Тополь валили весной, когда распускались листья [1, с. 7]. О втором типе лодок ни один из респондентов не смог подробно рассказать, поскольку они давно вышли из обихода. В научной литературе информация о берестяных лодках кумандинцев также фрагментарна [2, с. 529].

Еще одним водным средством передвижения являются плоты. В качестве материала для конструкции плота использовали бревна осины большого диаметра. Бревна скрепляли между собой плаками, тесинами или проволокой. Для передвижения на лодке или плоту использовали лопаты/весла. Весло изготавливалось вручную из дерева. Оно состоит из рукояти и лопасти.

Еще одной составляющей ТТК кумандинцев является конно-верховой транспорт. Лошадей запрягали в 4-колесную телегу, передние колеса которой меньшего диаметра, чем задние. Внешне телега напоминала русский тарантас [3, с. 337]. В зимнее время кумандинцы передвигались на санях, в которые запрягался конь. Это средство передвижения, по всей видимости, было заимствовано у русского населения.

В настоящее время традиционная культура кумандинцев существенно изменилась, это касается и ТТК. Под влиянием научно-технического процесса и глобализации происходит трансформация ТТК. Все реже при охоте используются традиционные лыжи, предпочтение отдается современным пластиковым аналогам. «Выбор данных средств передвижения был аргументирован лучшими техническими характеристиками современных средств передвижения, а также

меньшими усилиями, которые охотник затрачивал на передвижение» [2, с. 529].

Вместе с тем сохраняется еще традиция изготовления камусных лыж. Конструктивной особенностью современных камусных лыж является способ крепления камусной обшивки с использованием электрического мебельного степлера, который, по словам информатора, держит камусную обшивку еще крепче. Также претерпел изменения и посох/костыль: теперь охотники используют покупные металлические лыжные палки, которые можно подобрать себе по росту в любом спортивном магазине.

Согласно нашим данным, из-за значительной трансформации рыболовецкого пласта культуры встает не столько проблема использования водных средств передвижения, сколько проблема их сохранения.

Сохраняется сегодня у кумандинцев и конно-верховая езда. Однако на содержание лошади требуются большие денежные расходы, поэтому не каждый может позволить себе использовать лошадь в качестве средства передвижения. Сегодня коневодство, по нашим материалам, развито в с. Тосток (Солтонский район), где в одном из хозяйств имеется 9 лошадей [1, с. 9].

В результате проведенных полевых работ было выяснено, что на современном этапе вследствие произошедших за последнее столетие этнокультурных и социальных модернизационных процессов ТТК претерпела значительные изменения. Сохранение и возрождение традиционных средств передвижения и транспорта возможно благодаря тщательной фиксации сведений о них.

Источники и литература

1. Полевой дневник Емельянова Д. В. 2014 г. Полевые исследования в местах традиционного проживания кумандинцев Алтайского края (в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-01-00170 «Геоинформационный мониторинг уязвимых компонентов этнокультурной среды коренных малочисленных этносов Алтае-Саянского региона»). 24 с.
2. Емельянов Д. В. Использование традиционных средств передвижения кумандинцами в современных хозяйственно-культурных практиках // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сб. науч. ст. по итогам всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика, 2014. с. 528–529.
3. Шангина И. И. Русский традиционный быт. СПб.: Азбука классика, 2003. 679 с.

**Социально-культурные запросы, оценки и суждения
(исследования среди жителей Восточного Казахстана) 2014 г.**

В 2014 г. Независимый социологический центр г. Семей (Семипалатинск) провел серию полевых исследований по вопросам культуры: «О качестве услуг, оказываемых Восточно-Казахстанским музеем искусств (г. Усть-Каменогорск)», «Население о деятельности музея образительных искусств имени семьи Невзоровых (г. Семей)», «О социально-культурной роли литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (г. Семей)», «О социально-культурных запросах, оценках и суждениях жителей (г. Семей)».

В целом по всем проектам культуры социологическими исследованиями охвачено более двух тысяч человек в возрасте от 15 лет и старше, в соответствующей пропорции к социально-демографической статистике, как это принято в прикладной социологии.

Исследовательские проекты преследовали несколько основных целей. Первая цель касалась необходимости получить оценку жителями качества работы учреждений культуры. Вторая цель – выяснение уровня социально-культурных запросов населения. Третья – выявление дополнительных возможностей как в работе учреждений культуры, так и в приобщении граждан к культурным достижениям. Четвертая – взглянуть на социально-культурную ситуацию в динамике, в сравнении с предыдущими годами.

Основная часть социально-культурного анализа выполнена на примере г. Семей (бывший Семипалатинск, центр бывшей одноименной области), в котором сегодня проживает около 340 тыс. человек. Результаты опроса позволяют видеть реальные условия повседневного быта жителей региона, их вкусы и привычки, а также социокультурные запросы. Мы исходили из того, что ни одна из услуг сферы культуры не возьмет своего предназначения и не окажет благоприятного воздействия на психологию и сознание горожан, если последние не отвлекутся от своих повседневных дел и не воспользуются тем высоким и прекрасным, что несут театры, музеи, библиотеки и другие структуры культуры.

Анализ начнем с выяснения характера досуговых занятий горожан, что крайне важно, поскольку учреждениям культуры необходимо знать, на какие социокультурные запросы им надо больше ориентироваться. С другой стороны, культурным структурам должен быть очевидным социально-демографический масштаб, который необходимо вовлекать в социокультурный оборот. Скажем, если далеко не все жители города стремятся свободное время проводить на просмотре спектакля, в посе-

щении музея, за чтением книги и т. д., то было бы важно узнать, отчего это происходит и как можно изменить ситуацию в интересах культуры. Надо знать о причинах того, почему большинство жителей отдают предпочтение пассивному просмотру телепередач или встречам с родственниками, друзьями, часто за обильным столом со спиртными напитками. Именно об этих и других нюансах в досуговых занятиях семейчан можно познакомиться по данным опроса (табл. 1).

Учитывая ограниченные рамки настоящей статьи, мы привели только первые десять основных форм досуговых занятий горожан в 2014 г. в сравнении с 2012 г., а также по ряду социально-демографических категорий: учащиеся, студенты, рабочие, педагоги, медработники, пенсионеры и инвалиды.

Что больше всего привлекло внимание социологов среди данных табл. 1? Прежде всего то, что среди десяти самых распространенных форм досуговых занятий – просмотр телепередач, занятия с детьми, внуками, работа за компьютером, встречи с друзьями и родственниками, прогулки на свежем воздухе, прослушивание музыки, чтение газет, посещение магазинов и рынков, разгадывание кроссвордов. То есть в этом ряде досуговых увлечений мы не обнаруживаем предмета деятельности большинства учреждений культуры. Эти данные свидетельствуют о колоссальных возможностях, которые еще не реализованы театрами, музеями, домами и дворцами культуры и творчества, другими учреждениями и группами сферы культуры. Во-вторых, по величине приведенных цифр легко прослеживаются социально-культурные предпочтения в разрезе категорий населения. Например, первым шести основным досуговым занятиям в существенной мере отдают предпочтение рабочие, учителя, медработники, безработные, домохозяйки, пенсионеры и инвалиды. Больше других предпочитают сидеть за компьютером, встречаться с друзьями и родственниками, прогуливаться по городу учащиеся старших классов и студенты. Также больше молодых людей оказывается среди тех, кто посещает театры, кинотеатры, концерты и дома культуры. Именно это обстоятельство, как нам представляется, должно учитываться учреждениями культуры при разработке программ, планировании культурных мероприятий и т. п.

Данные опроса, приведенные в табл. 2, дополняют картину социально-культурных увлечений жителей г. Семей. Речь, как видим, идет о посещаемости семейчанами городских объектов культуры в 2014 г. Что среди таких объектов оказалось наиболее предпочтительным, легко прослеживается по рейтингу значений ответов респондентов. В частности, на первом месте – центральный парк, на втором – мероприятия к празднику «Наурыз», на третьем – кинотеатр «Енлик-Кебек», на

Таблица 1
Характер досуговых занятий горожан, %

Формы досуговых занятий	Всего по городу		В том числе									
			Учащиеся 9–11-х классов		Студенты		Рабочие		Учителя, мед-работники, педагоги		Пенсионеры, инвалиды	
	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012
Смотрят телепередачи	45,3	40,9	21,3	42,5	29,2	35,6	51,2	40,8	51,9	50,0	64,1	45,2
Проводят время с детьми (внуками)	40,5	38,3	4,3	2,5	4,2	8,5	53,5	46,1	59,3	26,2	48,7	65,8
Работают за компьютером, в Интернете	29,4	26,3	53,2	42,5	62,5	49,2	25,6	23,7	14,8	33,3	2,6	11,0
Встречаются с друзьями	27,3	28,7	53,2	47,5	58,3	55,9	25,6	23,7	18,5	9,5	2,6	13,7
Встречаются с родственниками	21,8	16,5	4,3	7,5	—	6,8	34,9	22,4	33,3	19,0	35,3	20,5
Прогулки на свежем воздухе	20,8	25,1	27,7	42,5	33,3	28,8	11,6	27,6	18,5	35,7	23,1	15,1
Слушают музыку	15,9	21,5	55,3	42,5	37,5	33,9	14,0	25,0	—	21,4	—	6,8
Читают газеты	14,2	31,6	2,1	7,5	4,2	22,0	9,3	28,9	14,8	23,8	41,0	54,8
Ходят по магазинам, рынкам	12,5	13,2	8,5	5,0	4,2	10,2	2,3	11,8	22,2	16,7	7,7	5,5
Разгадывают кроссворды	5,2	12,7	—	5,0	—	5,1	—	11,8	14,8	14,3	12,8	21,9

четвертом – мероприятия к Дню Победы, на пятом – театр им. Абая и городской Дворец культуры. Затем следуют детский развлекательный парк и парк Боевой славы, кинотеатр «Дастан», площадь им. Ауэзова – это первые десять наиболее посещаемых объектов 2014 г. Всего же семейчане назвали 39 объектов культуры.

Социально-демографическая дифференциация данных опроса (табл. 2) также показывает, кто чаще, а кто реже посещает культурные объекты города, что вновь ориентирует организаторов культурных мероприятий на то, чтобы они учитывали возрастную и социальную специфику посетителей. В целом же мы вновь должны обратить внимание на категории населения, которые реже других бывают в парках, театрах,

Таблица 2

Городские объекты культуры, посещенные респондентами в 2014 г., %

Объекты культуры	Всего по городу		В том числе									
			Учащиеся 9–11-х классов		Студенты		Рабочие		Учителя, медработники, педагоги		Пенсионеры, инвалиды	
	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012
Ничего не посещали	17,8	2,3	2,1	2,4	8,0	—	25,9	7,5	3,4	2,4	48,7	1,4
Центральный парк, г. Семей	41,6	38,3	54,2	45,2	40,0	50,8	40,7	28,8	62,1	31,0	12,8	42,5
Городские мероприятия, посвященные празднику «Наурыз»	33,8	39,9	52,1	28,6	36,0	37,3	22,2	41,3	41,4	40,5	28,2	39,7
Кинотеатр «Енлик-Кебек»	32,2	45,5	50,0	31,0	64,0	79,7	24,1	41,3	31,0	61,9	2,6	19,2
Городские мероприятия, посвященные дню Победы	31,9	33,8	39,6	23,8	40,0	32,2	20,4	32,5	34,5	45,2	28,2	37,0
Театр им. Абая	24,1	43,9	50,0	76,2	36,0	49,2	9,3	32,5	41,4	50,0	12,8	32,9
Городской Дворец культуры	24,1	32,9	45,8	16,7	48,0	45,8	9,3	31,3	41,4	31,0	7,7	30,1
Детский развлекательный парк	23,1	23,5	16,7	11,9	12,0	27,1	25,9	23,8	24,1	21,4	10,3	21,9
Парк Боевой славы, г. Семей	22,2	23,0	27,1	16,7	28,0	30,5	24,1	26,3	20,7	31,0	12,8	23,3
Кинотеатр «Дастан»	21,9	38,3	35,4	42,9	52,0	66,1	13,0	30,0	27,6	54,8	—	13,7
Площадь им. М. Ауэзова	21,9	23,2	31,3	26,2	32,0	32,2	16,7	27,5	37,9	19,0	7,7	13,7

кинотеатрах, других местах и учреждениях культуры – это рабочие, предприниматели, пенсионеры и инвалиды. В какой мере их социально-культурная пассивность является неизбежной – вопрос дискуссионный. Скорее речь идет об их специфике занятости.

В табл. 3 приведен подробный анализ оценок качеству услуг, которые оказывают населению учреждения культуры г. Семей.

Расклад мнений о качестве культурных услуг систематизирован по рейтингу – по степени удовлетворенности и посещаемости культурных объектов в разрезе годов опроса (2012–2014 гг.). Хотелась бы обратить внимание на то, что в целом все культурные услуги высоко оценены горожанами, если опустить отдельные оценки. К примеру, самым посещаемым и высоко оцениваемым оказался музей имени семьи Невзоровых, менее – филиал № 12 Центральной библиотеки.

Таблица 3

Оценки качества услуг учреждений культуры г. Семей, %*

Объекты культуры	Всего по городу Семей		Объекты культуры	Всего по городу Семей	
	2014	2012		2014	2012
1. Музей изобразительных искусств им. семьи Невзоровых			8. Молодежный театр «Дарига-ай»		
посещали	10,9	20,7	посещали	0,6	10,6
удовлетворены	100,0	93,2	удовлетворены	100,0	90,7
2. Музей-заповедник Абая			9. Театр им. Абая		
посещали	8,4	17,4	посещали	24,1	25,4
удовлетворены	100,0	90,5	удовлетворены	98,7	96,0
3. Универсальная научная библиотека им. Абая			10. Историко-краеведческий музей		
посещали	6,6	19,5	посещали	7,5	20,2
удовлетворены	100,0	95,2	удовлетворены	95,8	93,0
4. Областная филармония им. А. Кашаубаева			11. Городской Дворец культуры		
посещали	4,1	11,5	посещали	24,1	33,3
удовлетворены	100,0	91,8	удовлетворены	94,8	99,3
5. Центральная городская библиотека			12. Театр им. Ф. М. Достоевского		
посещали	3,4	18,3	посещали	17,8	25,8
удовлетворены	100,0	92,3	удовлетворены	94,7	98,2
6. Театр песни и танца «Еураз-шоу»			13. Детско-юношеская библиотека		
посещали	1,6	9,6	посещали	2,8	9,9
удовлетворены	100,0	82,9	удовлетворены	88,9	90,5
7. Международный фестиваль русского искусства			14. Музей Ф. М. Достоевского		
посещали	1,3	9,2	посещали	5,6	17,4
удовлетворены	100,0	87,2	удовлетворены	83,3	95,9

* Ответ на пункт опроса: «Оцените качество некоторых услуг, которые оказывали учреждения культуры города в 2014 г.» (приведены только варианты «посещал» и «удовлетворен»).

Природа высоких оценок качества культурных услуг находится в их содержании и предназначении. Как свидетельствует истина, театры, музеи, парки культуры и отдыха и др. — это замечательные места, они, как мы уже говорили выше, несут за собой исключительно позитивные функции и приносят людям радость и творческий отдых. Именно данное предназначение культурных объектов является весьма важным в поддержании благоприятного общественного климата, а также в распространении высоких духовных ценностей, потому это обстоятельство требует

от учреждений культуры расширения охвата населения своими услугами.

Величина охвата населения услугами учреждений культуры, как мы только что заметили, остается на сегодня одной из самых актуальных проблем общественного развития. Действительно, пока ни одно из учреждений культуры не может похвалиться тем, что его культмероприятия, скажем, посещает половина жителей города. Более того, как показывает динамика по годам, охват населения культуслугами в лучшем случае остается стабильно невысоким, в худшем – снижается, что свидетельствует о неиспользованных возможностях в деле формирования общей культуры населения. Поскольку, о чем мы также говорили выше, только тогда человек получает культурный импульс, когда соприкоснется (увидит, услышит) с благами музеев, театров, выставок, концертов и т. д.

В табл. 4–5 показаны предложения социологов по повышению имиджа учреждений культуры и их способности увеличивать охват жителей своими услугами. В частности, данные опроса в табл. 4 говорят об использовании учреждениями культуры информационных ресурсов. Здесь мы видим, например, что на первом месте находится такой информационный ресурс, как «үзің құлақ» («слуши»), т. е. есть значительно большая часть горожан узнает о работе культурных учреждений от членов семьи, родственников, от коллег по работе, учебе, от соседей, затем уже следуют СМИ: телевидение, Интернет, газеты и радио. Что касается специальных информационных ресурсов – афиш, билбордов, вывесок и указателей, то они – редкость. К примеру, как показывают исследования, в городе отсутствуют указатели расположения музеев. В результате большая часть семейчан, даже проживающих недалеко от музеев, не смогли точно указать, где они находятся.

Таблица 4

Источники информации о событиях культуры (для тех, кто интересуется ими), %

Источники информации	Всего по городу		
	2014	2013	2012
Родственники, члены семьи	49,1	36,9	36,1
Телевидение	39,0	81,7	70,7
Интернет	33,7	Не измерялось	
Коллеги по работе, учебе	30,0	17,6	18,3
Газеты	24,3	45,5	55,1
Радио	9,4	17,3	30,8
Соседи	6,4	10,6	19,0
Другие	4,5	6,7	4,3

Таблица 5

Рейтинг статистики по улучшению деятельности учреждений культуры и повышению привлекательности оказываемых ими услуг, %

Предложения по улучшению деятельности (анализ проведен только среди тех, кто внес предложения)	Всего по городу		
	2014	2013	2012
Больше рекламы на вывесках в городе	35,3	14,0	24,2
Практиковать встречи работников учреждений культуры в школах, колледжах, вузах	28,1	15,7	20,9
Больше бесплатных посещений	27,3	27,9	28,9
Больше информации в газетах, по телевидению и радио	26,1	21,4	42,5
Удобный режим работы	23,3	20,5	31,7
Повышать культурные запросы жителей города	21,3	20,5	—
Проводить встречи артистов, работников музеев и библиотек с жителями микрорайонов города	21,3	12,0	23,0
Расширять перечень услуг	20,1	10,9	14,3
Приемлемые расценки	17,3	24,9	21,1
Другое	1,6	1,5	0,7

В табл. 5 систематизирована статистика предложений по повышению привлекательности услуг, которые оказывают учреждения культуры города: больше рекламы, встреч работников культуры, артистов с учащимися, студентами, жителями; удобный режим работы; приемлемые расценки на услуги и др.

В заключение приводим некоторые обобщенные замечания и пожелания, вписанные респондентами на страницах анкеты – они также направлены на повышение роли и значимости учреждений культуры и услуг, которые они оказывают. Конечно, респонденты выразили интерес к расширению контингента, который регулярно бывает в театрах, музеях, библиотеках, парках и других культурных объектах:

- льготные, бесплатные билеты для малообеспеченных горожан;
- больше афиш, вывесок, рекламы и информации в СМИ;
- больше культурных, общегородских мероприятий;
- большое спасибо сотрудникам территориального центра ВКО по обслуживанию пенсионеров, которые проводят концерты, приглашают артистов, певцов, музыкантов;
- нужно открывать новые парки, аттракционы для детей;
- больше интеллектуальных программ;
- больше новых постановок в театрах;
- приглашать известных артистов и звезд эстрады, таких как Кайрат Нуртас, «Жигиттер квартеті», Арнау тобы, Нурлан Алимжан, Митис тобы и др.;

- развивать творческий интерес среди населения, особенно среди детей и молодежи;
- в музеях чаще показывать новые экспонаты, в том числе из других городов Казахстана и СНГ.

Е. А. Коляскина

Ребенок как «дар божий» — концепт плодородия у русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX — первой половине XX века

Для русской традиции основой концепта плодородия является представление о ребенке как «божьем даре». В статье производится реконструкция содержания этого представления, его возможных вариантов у представителей разных этнокультурных групп русских Алтая, а также трансформаций в исследуемый период.

Дети для крестьянской семьи были желанны, семья без них считалась неполноценной, рождение здорового потомства являлось обязательной составляющей *нормального* жизненного сценария: «Не красен день без солнышка, не красна жизнь без малых детушек» [13, с. 32]. «Обери, Господи, все, только детей оставь», — гласила поговорка бухтарминских старообрядцев [17, с. 84].

Рождение детей воспринималось как проявление божьей воли, говорили: «Бог (не) дал»; «Бог дитя дает и долю ему дает» [12, с. 23]. С народной точки зрения, дети составляли божье благословение, а бездетность считалась наказанием за грехи: «Дитенка не дал Бог... *Наказал за что-то... Ни к чему вся жизнь выходит*», — сетовал крестьянин — герой одного из рассказов Г. Д. Гребенщикова [19]. Таким образом, бездетность ассоциировалась с беспечностью существования, конечностью жизненного пути, смертью: «Дом... без детей — могила» [13, с. 35].

Отношение к деторождению как божьему дару нашло отражение в фольклорных сюжетах. В одном из них бог дарует матери руки, чтобы она смогла перенести ребенка через реку: «У одной женщины рук вот так не было, у нее вот здесь привязанный был ребенок, она брела через речку. Там сидит старый старичок... Он мулит (говорит. — Е. К.) ей: „Доча, бери его, бери“... Она стала его брать, и у нее ручки появились, а это Бог сидел, да» [1]. В другой притче Бог простил многодетную женщину, нарушившую запрет о стирке белья в праздник [2], т. е. материнство оправдывало традиционную регламентацию хозяйственного поведения.

По мнению уймонских староверов, вместе с ребенком бог дает человеку и возможности для его содержания: «Дал Господь роток — даст и кусок» [13, с. 47]; «Господь даст ребенка, даст одежду и даст пищу. Как

ребенок родится и Господь ему сразу нарекет, не будет голодный, как и все будет жить и исть, и тебе даст. Вот у меня Верочка, например, инвалидка... Ну-ка, на нее купи-ка все, она сколько на дно раз писиет все... Ну вот люди и тащут на нее всю эту одежду, даже мешками высыпают» [9]; «Если ребенку в животе у матери место нашлось, то на белом свете ему подавно место найдется. Ребеночек родился – он не замрет, для него на белом свете все готово: чем поить, чем кормить. Господь Бог дает на жизнь ребеночку» [12, с. 23]. У этой группы старообрядцев есть пословица: «Много Бог детей дает, но лишних не посылает» [13, с. 5], т. е. человеку дается столько детей, сколько он в силах вырастить.

Большую роль в традиционных представлениях крестьян Алтая играло православное учение о деторождении как оправдании и очищении греховных интимных отношений супругов: «Во чреве я опять ношу плод грешной моей плоти», – размышляла казачка Елена, героиня повести Г. Д. Гребенщикова [18]. Рождения поздних детей стыдились как свидетельства неутихших плотских страстей между почтенными родителями семейства. Такого ребенка называли «заскребыш» [18].

Следует отметить, что отношение к деторождению у русских Алтая отличалось неоднозначностью. Появление ребенка в многодетной бедной семье воспринималось как явление обременительное. Б. В. Герасимов записал у бухтарминских старообрядцев правило поведения для избегания чрезмерной многодетности: «С какого конца заходишь за стол, с того же и уходи, если будешь выходить с другого конца, много у тебя детей народится» [17, с. 93]. По мнению исследователей, подобные представления существовали и у крестьян европейской части России [16, с. 264]. В конце XIX в. М. Швецова отмечала, что для бергалов дети являлись большей частью обузой, поскольку помощь их в хозяйстве была ничтожной, а затраты на воспитание – значительными [22, с. 11].

Поскольку женская фертильность представлялась божественным даром, изменение репродуктивного поведения у русских Алтая считалось страшным грехом. Информанты отмечают, что в деревне детей не подкидывали, а сирот было принято брать на воспитание родственникам или односельчанам. Это происходило и в случае смерти одного из родителей, когда было тяжело в одиночку воспитывать ребенка. В основном брали на воспитание бездетные пары, но и супруги, уже имевшие детей, не оставляли сирот без помощи.

Что же касается контрацепции и искусственного прерывания беременности, то к ним относились как к «великому греху», за который виновые будут кипеть в аду: «Аборты делать Бог не велел» [7]; «Боялись Бога... Греха боялися» [4]; «Аборты-то великий грех делать. Убиенных непросвещенный во святом крещении дети. Отвечать мать, родитель-

ница будет. Я читала, одна пошла, она обмирала... там ее водили по мытарствам, сорок мытарств... Ее туда привели, где ребеночек-то плачет. Она говорит: а почему два-то плачет, я же одного делала?! А ты, говорит, не знаешь, у тебя двойнечки были. А они „мама, мама“ там кричат, „ты зачем нас так сделала, убила?!“ Там страшно читать-то» [9]. По рассказу информанта, деревенский врач предлагал матери «лекарство, чтоб детей больше не было». Свекровь его выгнала и сказала, чтобы та не смела этого делать [3]. Особой радикальностью взглядов на этот счет отличались староверы: так, Б. Герасимов писал, что у бухтарминцев самым великим грехом считалось «дитя исчадить» (аборт) [17, с. 97]. Даже «роптать» (думать плохо) на нерожденный плод у старожилов считалось грехом [18]. В то же время, видимо, аборт не приравнивался к убийству ребенка, поскольку в представлениях крестьян душа у младенца появлялась, когда он начинал самостоятельно дышать [20, с. 282].

Имперское законодательство способствовало закреплению отрицательного отношения к искусственному прерыванию беременности, строго за него наказывая [14, с. 97]. Аборт в сознании информантов до сегодняшнего дня ассоциируется если не с грехом, то со смертью, страхом, неминуемым наказанием, бесплодием: «Клава сделала аборт... Она больше не рожала... Одна ездила, делала аборт, *пострадала*, но потом ее все же *посадили*... за аборт» [6]; «Это меня бог наказал... Я аборт сделала, да чуть не *сдохла*... Из-за этого у меня детей нет» [5]. Исследователи отмечают, что изменение репродуктивного поведения и в современной русской традиции считается страшным грехом и связывается с апокалипсисом [21, с. 221–223].

Считая аборт грехом, женщины, тем не менее, в силу ряда причин к нему прибегали. Во второй половине XIX – первой трети XX в. основным мотивом изгнания плода было сокрытие внебрачной связи. С вовлечением женщины в общественное производство замужние женщины стали прибегать к абортам еще и как к средству регуляции числа деторождений, когда уже имелись дети. В последние десятилетия исследуемого периода даже старообрядки совершали самодеятельные аборты: «У староверов... аборты грех, вот сами кто делал» [10]; «Грех же было делать аборты... А мы грешники, чё, все творили молоды-то» [9].

В полевых материалах встречаются рассказы представителей различных этнографических групп об инфантициде внебрачных детей матерями или их мужьями: «У нас как одна была девушка... Она с учителем... забеременела... Ребенок родился, они взяли подушку да навалили, и он задохся. Мать-то... унесла ребенка и закопала» [8]. Та же исследовательница отметила, что бергалы оправдывали «вытравление» или убийство внебрачного ребенка матерью, поскольку с ним она не могла

рассчитывать на замужество [22, с. 11–12]. Вероятно, позор и общественное порицание для женщины, попавшей в такую ситуацию, были страшнее, чем грех детоубийства. Отношение к таким детям как к незаконнорожденным и убогим характерно для общерусской традиции [15, с. 40]. Отрицательное восприятие деторождения вне брака поддерживалось церковной нормой и имперским законодательством [14, с. 96]. Поэтому рождение таких детей во второй половине XIX – начале XX в. было редкостью. Например, в Енисейской волости в 1913 г. доля незаконнорожденных составила 1% от общего числа родившихся детей [11, л. 11–12].

Таким образом, русские Алтая воспринимали деторождение как Богом данную функцию человека, в первую очередь женщины, ее предназначение. Большую роль играло православное учение, определявшее контрацепцию и искусственное прерывание беременности как «великий грех». Социально-экономические и культурные изменения 20–30-х гг. XX в. превратили аборт в средство регуляции деторождения, но не изменили его негативного восприятия. Для староверов Алтая была характерна более структурированная система взглядов на деторождение, большая часть которых сохранялась до конца исследуемого периода, особенно в селах со стабильно функционировавшей религиозной общиной.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г.: Бийский район, с. Новиково, Емельянова Н. Ф., 1927 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003 г.: Бийский район, с. Новиково, Золотухина П. Д., 1919 г. р.
3. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Бийский район, 2003, с. Верх-Катунское, Заподовникова А. М., 1918 г. р.
4. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Солтонский район, 2005, с. Макарьевка, Русанова Т. В., 1925 г. р.
5. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Солтонский район, 2005, с. Ново-Троицк, Кривошеева Е. Д., 1926 г. р.
6. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Шелаболихинский район, 2005, с. Ново-Обинцево, Панова А. П., 1918 г. р.
7. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Тогульский район, 2006, с. Тогул, Соскова М. Н., 1915 г. р.
8. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Тогульский район, 2006, с. Ново-Иушино, Холодкова М. Ф.
9. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Усть-Коксинский район РА, 2013, с. Верх-Уймон, Кононова Е. М., 1939 г. р.

10. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Усть-Коксинский район РА, 2013, с. Верх-Уймон, Ленская М. И.
11. ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 585.
12. Немного думано, да хорошо сказано / Записала Р. П. Кучуганова. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2013. 268 с.
13. Пословицы и поговорки уймонских староверов. Записала Р. П. Кучуганова. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2011. 60 с.
14. Законы о женщинах / сост. Я. А. Канторович. СПб.: Тип. Канторовича, 1899. 274 с.
15. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв. Л.: Наука, 1988. 280 с.
16. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии) / сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб.: Екатерининский дом, 1993. 472 с.
17. Герасимов Б. В долине реки Бухтармы: краткий историко-географический очерк // Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отд. РГО. 1911. Вып. 5. 120 с.
18. Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь (автобиографическая повесть) [Электронный ресурс] // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. Электрон. текст. дан. [Б. м.], 2007–2008. URL: <http://grebensh.narod.ru> (дата обращения: 25.06.2008).
19. Гребенщиков Г. Д. Якуня-Ваня [Электронный ресурс] // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. Электрон. текст. дан. [Б. м.], 2007–2008. URL: <http://grebensh.narod.ru> (дата обращения: 25.06.2008).
20. Курсакова А. В. Обычай и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиции в Солонешенский район) // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 281–287.
21. Щепанская Т. Б. Антиматеринство: к народной эсхатологии XX в. // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 219–230.
22. Швецова М. Из поездки в Ридерский край // Записки Зап.-Сиб. отд. РГО. Омск, 1898. Кн. 25–26. С. 1–27.

Н. В. Люля

**Воспитание девочек в семьях украинских переселенцев
Алтайского края в 1920–1940-е гг.¹**

В рамках проекта «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX веке» одной из главных тем является этнография детства. В ходе полевого сезона 2014 г. (Кулундинский,

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-31-01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

Романовский районы Алтайского края) участниками проекта был продолжен сбор источников о системе воспитания украинского населения, в частности о воспитании девочек. В основу публикации положены воспоминания потомков украинских переселенцев 1918–1939 г. р., дополненные устными источниками, полученными автором и сотрудниками ЦУИиЭ АлтГПУ в селах Поспелихинского (2008 г.) и Благовещенского (2013 г.) районов Алтайского края.

Полевые исследования показали, что в рассматриваемый период воспитание девочек в семьях украинских переселенцев включало обучение нравственным правилам поведения, религиозным канонам, ведению домашнего хозяйства для сохранения и передачи традиций.

Приобщение девочек к православным ценностям начиналось в рассматриваемый период с «погружения», которое заменяло крещение после закрытия церквей в 1930-е гг. Совершали его «бабки» – пожилые, часто одинокие женщины, знающие церковные каноны и умеющие читать богослужбные книги. «Бабки» совершали «погружение» младенца в воду в домашних условиях, читая молитвы в присутствии крестных родителей, после чего ребенок считался крещеным [1; 2]. В памяти информантов старшего поколения остались воспоминания о том времени, когда в селах еще были церкви, и как крестили младенцев [1; 2]. А. М. Бараненко рассказывала: «Маленьких сразу хрестять. Сразу нэ суть у цэркву. А уже величенько – понимае, крычыть! Он [батюшка] налил воды и его три раза мочэ» [1].

Роль религиозного воспитания в 1920–1940-е гг. значительно ослабевает, что связано с государственной политикой. С взрослением девочек обучали молитвам бабушки.

Согласно полевым материалам, традиция воспитания детей старшим поколением (бабушками, дедушками), характерная для восточнославянских народов, в семьях украинских переселенцев сохранялась в рассматриваемый период и приобрела особую значимость в военное время [10]. Не занятые в колхозных работах старики, в отличие от родителей, являлись главными воспитателями детей, передавая им нравственные нормы, трудовые навыки и т. д. Дети уважительно относились к ним, часто даже боялись перечить и беспрекословно выполняли возложенные на них обязанности. П. А. Химочкина рассказывала: «Маты все в бригаде, а эта старушечка вот останется с нами. Це бабка уже старенька была, а усе за нами приглядывала» [5].

Особое внимание в семьях украинских переселенцев уделяли привитию девочкам трудовых навыков, необходимых для ведения домашнего хозяйства [10; 12]. Отношение девочек к труду формировалось через привлечение их домашним занятиям, которые выполняли взро-

слые женщины. При этом характер трудовых обязанностей был обусловлен возрастными особенностями.

С шести-семи лет девочки присматривали за домашней птицей (цыплятами, утятами) и животными (овцами, коровами), рвали траву для телят, носили воду, пололи и поливали огород, собирали созревшие овощи и ягоды («квасоль», паслен и т. д.) [3–8]. Информанты вспоминали: «За цыплятами [присматривали]. Там квочка ходит, следишь, шоб коршун не крал! Гуся гоняли на воду. Там целый день находились. Двое погонят, одна прибежит, шобы поесть, а гуси аж до вечера там на озере. Детям была работа» [5]. Или: «Ей [сестре] четыре года, а мне восемь, вот мы и помогали рассадник поливать. <...> Корову надо доить и надо исты варить. А мы помогалы» [4].

С десяти лет в обязанности девочек входила прополка и уборка конопли, необходимой для изготовления одежды, дерюжек, мешков и т. д. [5]. В военное время девочки помогали мальчикам собирать «коровьи лепешки» и делать «кизяки», использовавшиеся в качестве топлива, а также собирали различные травы для употребления в пищу, лесные ягоды, грибы.

К важным хозяйственным навыкам, которыми должна обладать будущая хозяйка, относилось умение прясть, вышивать, шить одежду, готовить пищу, делать уборку. В довоенное время девочек обучали рукоделию, приготовлению пищи. В военные годы в связи с ухудшением рациона питания сельского населения передача традиций приготовления украинских блюд в семье прерывается. Для девочек, детство которых пришлось на рассматриваемый период, не являлось значимым умение изготавливать и вышивать предметы декоративного убранства жилища (рушников, божников и т. д.). Большая часть опрошенных освоила технику вышивки, только будучи взрослыми [3; 6; 8].

С десяти лет девочек приобщали к более сложной работе по дому: белить дом белой глиной с улицы, мазать пол в доме специальным раствором из глины («доливкою»), подводить плитус раствором желтой глины [3–5; 8]. Особенно охотно информанты вспоминают о стремлении придать хате нарядный вид. Для этого брали небольшой кусочек ткани, окунали его в раствор желтой глины и делали «цветочки на плитусах». Г. М. Глушко вспоминала: «Макаешь в желту глину и вот так – раз. Потом промежукот. Потом – раз. Оно как цветочки получается» [3].

Также с десятилетнего возраста девочки начинали «нянчиться» с младшими братьями и сестрами, в то время как старшие члены семьи были заняты работой [3–5; 8].

Согласно полевым материалам, девочек в украинских семьях наказывали редко, но так же, как и мальчиков, за «шкоду» –слушание, по-

ведение, выходявшее за рамки принятого [3–5], например, когда девочки забывали полить вовремя огород, не помыли пол в доме, с соседнего огорода «утащили» овощи, ягоды и т. д. По словам информантов, детей наказывали очень редко [4–7]. Связано это с тем, что наказания родителей выполнялись беспрекословно: «Даже в мыслях такого не было, шоб што там не сделать» [3]. В результате этого даже предупреждение родителей, что заслушание может последовать телесное наказание, формировало положительные качества личности ребенка. П. А. Химочкина вспоминала: «Где-нибудь шо-нибудь не сделаешь-то, всегда было, прут возлэ маткы лэжал. Так пруттик лэжить, как че: „А вон – бачила?“ [говорит отец. – Н. Л.]. Не послухаешь, не сделаешь, тибэ попадэ, уже знаешь. Все...» [5].

Реже родители применяли телесное наказание – били ремнем, «лозой», ставили на колени в угол, давали веник в руки ребенку, насыпали на пол соль или горох [3–5; 9]. В с. Романово родители использовали словесную угрозу, что за послушание может последовать телесное наказание – «похвалку» [9].

В рассматриваемый период воспитание девочек в семьях украинских переселенцев сохраняют традиционные черты. Связано это с тем, что воспитанием занимались старики, передававшие религиозные знания, трудовые навыки и тем самым осуществлявшие трансляцию традиций.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Поспелихинский район, с. Клепечиха. Бараненко А. М., 1918 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Поспелихинский район, с. Клепечиха. Игнатенко А. М., 1913 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Кулундинский район, с. Семеновка. Глушко (Ляховченко) М. Г., 1939 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Кулундинский район, с. Семеновка. Юрченко (Гутыра) Л. В., 1935 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Гилев Лог. Химочкина П. А., 1932 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Гилев Лог. Буценко (Усачева) Е. Ф., 1934 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Благовещенский район, с. Ягодино. Горкун Н. Т., 1936 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Благовещенский район, с. Ягодино. Кошун (Близнюк) Т. Г., 1936 г. р.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А. 1930 г. р.

10. Особенности воспитания детей у восточных славян [Электронный ресурс]. URL: <http://atnews.org/news> (дата обращения 20.01.2015)
11. Кись О. Женщина в традиционной украинской культуре (вторая половина XIX – начало XX в.). Львов: Ин-т народоведения НАН Украины, 2008. 272.
12. Ярушак М. И. Структурные компоненты воспитания девочки в украинской семье средствами этнопедагогике (конец XIX – начала XX века) [Электронный ресурс]. URL: <http://jurnal.org/articles> (дата обращения 20.01.2015)

А. Ю. Майничева, Е. И. Глухих, Д. С. Рыговский

Полевые исследования жилищного комплекса как одного из частей культуры жизнеобеспечения русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины

В 2014 г. Сибирский этнографический отряд Института археологии и этнографии (ИАЭТ СО РАН) (начальник отряда – д-р ист. наук А. Ю. Майничева) участвовал в выполнении научно-исследовательских работ госзадания по теме «Культура жизнеобеспечения и природопользование народов Сибири сквозь призму мировоззрения: устойчивость и изменчивость». Объектом исследования являлись культура жизнеобеспечения и природопользование этносов с точки зрения мировоззренческих установок, имеющих этническую окраску. Цель работы – выявление способов сохранения устойчивости и путей изменения мировоззренческих установок в культуре жизнеобеспечения и природопользовании народов Сибири на протяжении XVII – начала XXI вв. Общая методология связана с этноэкологическим направлением этнографической науки, включающим разработку проблем взаимодействия этносов с природой и социальной средой, вопросы адаптации и жизнеобеспечения. В работе закономерно потребовалось использование методик полевых исследований.

Перед сотрудниками этнографического отряда стояла цель выявления характерных черт жилищного комплекса русских Хакасско-Минусинской котловины как одного из основополагающих элементов культуры жизнеобеспечения. Исследования проводились в русских старожильческих поселениях Минусинского района Красноярского края. Задачами исследования были рассмотрение особенностей расположения русских старожильческих деревень, размещения усадебных комплексов в поселениях, определение типологии жилища русских старожилов. Особое внимание уделялось мировоззренческим вопросам, включая этническую самоидентификацию потомков русских старожилов, историческую память об образовании поселений, связанную с топонимикой. Были обследованы г. Минусинск, д. Лугавское, д. Малая Минуса, Городок, д. Кавказское Минусинского района.

Кроме опросов с аудиозаписью по специально разработанным авторским программам и вопросам, использовался метод включенного наблюдения, велась фотофиксация и выполнялась зарисовка поселенческих комплексов с природным окружением, жилищ и усадеб, внеусадебных построек, уличных кварталов, что позволило запечатлеть общую планировку поселений, расположение построек различного назначения.

В настоящее время самосознание русских старожилов имеет выраженную иерархическую структуру, имеющую несколько уровней (от общего «русские» до регионального («сибиряки») и локального или местного («чалдоны»). В Минусинске и Минусинском районе активно поддерживаются мероприятия, связанные с формированием локальной идентичности, — различные «овощные» праздники. В каждом населенном пункте был выбран какой-то свой продукт, которым данное поселение было «прославлено»: в Минусинске — помидор, в с. Лугавское — капуста, в с. Малая Минуса — подсолнухи и т. д. Эти праздники могут проводиться наряду с другими локальными датами, такими как, например, День города. По своей структуре в них угадывается архетип, связанный с традиционными праздниками урожая в земледельческих культурах. Показательно, что в каждом случае существует отсылка к прошлому («Минусинск всегда славился помидорами»), однако подобных празднований и фестивалей не было, пока они не стали организовываться около десяти лет назад.

Усадьбы в поселениях русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины встречались нескольких типов, которые определялись особенностями размещения построек. В основном хозяйственные постройки (навесы, сеновалы, хлева, амбары, курятник, мастерская) располагались в усадьбе хаотично, некоторые могли размещаться под общей крышей. Баня ставилась за огородом. Двор усадьбы разделялся на чистый и скотный. Крытых дворов не встречалось, что местные жители объясняют хорошими погодными условиями с редкими дождями. Были распространены крестовые дома, дома-четырёхстенки, дома-пятystenки с четырёхскатными крышами. Некоторые постройки имели крышу на два ската.

На строительство основной срубной конструкции дома шла сосна, на основание — лиственница. Если пол в доме был двойным, для второго (нижнего) слоя применяли «кедру» (местн.). Бревна сплавляли по реке из таежных зон. Дом-пятystenок, который мог быть на двух хозьяев, а также дом-четырёхстенок внутри разделялись на избу и горницу (местн. «светлица»). Выделено обязательное наличие «красного» или «святого» угла в жилище, где располагаются иконы.

В исторической памяти сохранились причины и обстоятельства образования поселений. Начало массового заселения русскими Минусинского края связывают с вольной колонизацией, проходившей в XIX в. Так, рассказывают, что с самого начала заселения люди сами выбирали места для построек, селились по рекам, выбирая плодородные земли, иногда ставили дома у леса. В д. Малая Минуса коренным населением были хакасы-кочевники, русские пришли позже. Существует легенда, повествующая об отце и его сыновьях – хакасах, которые стали здесь делить землю, помечая свою территорию, поэтому название деревни происходит от хакасского слова «миньюс» – моя часть. Вшивой горкой называли такое место в деревне Малая Минуса, где жила беднота, Каменушкой называли гору, где брали камень на строительные работы.

Обращение к данным, отложившимся в музее (Муниципальном бюджетном учреждении культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова») и архиве (Муниципальном казенном учреждении города Минусинска «Архив города Минусинска») [1–3], позволили получить сведения о расположении, историческом развитии, составе сел и деревень Минусинского края. Были рассмотрены статистические сведения о населении, сельском хозяйстве Минусинского края за 1940–1997 гг., карты землепользования крестьян, планы лесных наделов, материалы местных краеведов. Проведенные исследования показали, что в некоторых населенных пунктах осталась лишь одна улица с усадьбами и домами конца XIX – начала XX в. Таковы, например, д. Кавказское, д. Лугавское, с. Малая Минуса, д. Городок. Были выполнено 10 зарисовок жилищных комплексов, 150 фотографий усадеб, жилищ, хозяйственных построек, проведено 20 глубинных интервью. Итогом полевых работ 2014 г. стало формирование корпуса достоверных источников, необходимых для аналитических разработок различных аспектов проблемы устойчивости и изменчивости в культуре жизнеобеспечения и природопользования [4].

Источники

1. МКУ АМ. Р. 1073. Фонд Маевского.
2. МКУ АМ. Ф. 17. Минусинское благочиние.
3. МКУ АМ. Ф. 49. Минусинская Покровская старообрядческая община.
4. Отчет о научно-исследовательской работе Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук» (ИАЭТ СО РАН), № госрегистрации 01201355041.-100. Комплексное исследование этногенеза, этнокультурного облика народов, современных этнических процессов, историко-культурно-

го взаимодействия в России и зарубежном мире (100.3.4. Культура жизнеобеспечения и природопользование народов Сибири сквозь призму мировоззрения: устойчивость и изменчивость (промежуточный)). Руководитель темы А. Ю. Майничева. Новосибирск, 2014. 43 с.

О. С. Мамонтова

Татары и казахи Угловского района (по материалам историко-этнографической экспедиции Алтайского государственного краеведческого музея)

В июле 2014 г. сотрудники Алтайского государственного краеведческого музея (далее АГКМ) провели историко-этнографическую экспедицию в Угловский район. Маршрут проходил через села Угловское, Лаптев Лог, Беленькое, Павловка, Бор-Кособулат, Симоново. Основной целью экспедиции являлось комплектование образцов традиционной материальной и духовной культуры, устной истории в моноэтнических селах Беленькое (татары) и Бор-Кособулат (казахи).

Татары. На сегодняшний день татары компактно проживают в с. Беленькое, дисперсно – в большинстве населенных пунктов района. Данная группа относит себя к казанским татарам и местом своего выхода указывает г. Казань, Поволжье. Самыми распространенными в селе фамилиями являются: Боговиевы, Жолдины, Хайбулины, Файзулины, Валиулины, Сабитовы, Салиховы, Габитовы, Казакбаевы. Первоначально татарское село было основано рядом с современным у озера Беленькое и носило название «Бокур» (Букур). Информаторы указывают различные варианты перевода: «корявая береза», «холмы» [1; 7, с. 186]. Во время наводнения 1928 г. село было затоплено, и жители основали новое – Беленькое.

В результате работы было собрано 27 единиц, характеризующих материальную и духовную культуру татар по нескольким направлениям: «Традиционные занятия», «Обрядовая культура», «Традиционная пища», «Интерьер дома», «Традиционный костюм».

В настоящее время религия продолжает играть важную роль в жизни татар, пронизывая все сферы жизни. Религиозные тексты, выполненные на различных материалах (бумаге, ткани), изображения мусульманских святых являются неотъемлемой частью интерьера татарского дома. Постоянного муллы в селе нет, в случае необходимости его приглашают из Республики Казахстан. Поэтому ранее на протяжении многих лет его функции выполняли пожилые женщины-муллы – «абыстай». Помимо основных обрядов, они, например, могли проводить обряд вызывания дождя. Для этого «абыстай» собирала женщин за селом или на кладбище, где проводился обряд моления о дожде. По состоя-

нию могил после зимы «абыстай» судила, будет дождь или нет. Если после таяния снега земля на могилах проваливалась, это означало, что в ближайшее время дождей не будет.

В с. Букур была деревянная мечеть, бревна от которой после наводнения были перевезены в новое село Беленькое. Из них построили здание школы (оно сохранилось), обучение в которой до 4-го класса до 1940-х гг. проводилось на татарском языке. Семья Хайбулиных передала участникам экспедиции кованое навершие в виде полумесяца от мечети с. Букур, датируемое началом XX в. По словам сдатчика, во время наводнения его отец Тухват Хайбулин (1889–1975) снял навершие со здания и хранил его дома, надеясь установить на крыше новой мечети [2]. От этой же семьи в музей поступил молитвенный ковер – «намазлык» 1920–1930-х гг., выполненный из черной хлопчатобумажной ткани с вышитой традиционной арочной композицией, имитирующей молитвенную нишу в стене мечети – «михраб».

Жительница села Хадиша Шакеровна Зайнулина (1922 г. р.) передала Коран и молитвенник начала XX в. на арабском языке. Книги принадлежали ее свекрови Бибисаре Зайнулиной (1900–1978). Сдатчица хранит четки свекрови, выполненные из рыбьих позвонков. В музей она передала четки-«тасфих» из фруктовых косточек, выполненные в начале 2000-х гг. ее дочерью, проживающей в Кабардино-Балкарии. К предметам, использовавшимся в обрядовой культуре татар, относятся две детские рубашки-«кульмак», сшитые в 1950-е гг. Х. Ш. Зайнулиной для новорожденных дочерей. По словам сдатчицы, у татар существовал обычай первые сорок дней жизни ребенка одевать

Рис. 1. Хадиша Шакеровна Зайнулина (1922 г. р.), татарка, жительница с. Беленькое

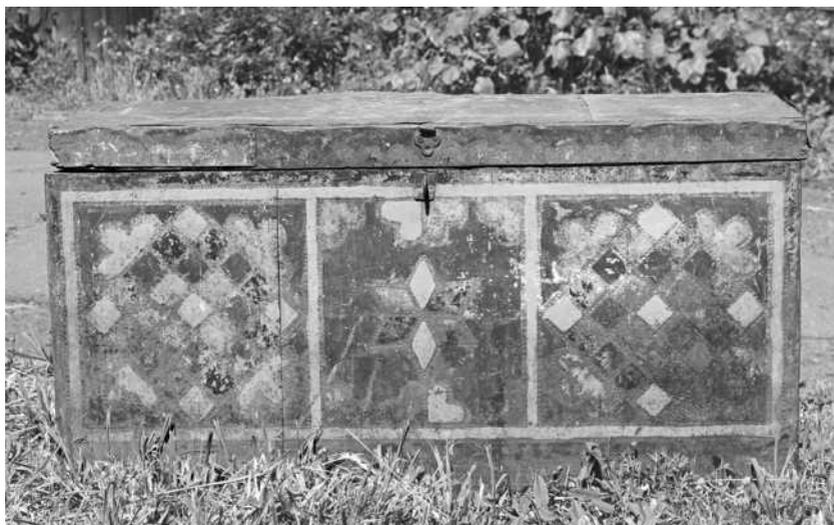

Рис. 2. Сундук. Татары. Первая треть XX в.

его в одну и ту же рубашку, которую стирали, высушивали и вновь надевали на ребенка. Этот обряд должен был уберечь ребенка от сглаза.

К предметам, характеризующим интерьер татарского дома первой половины XX в., относятся сундуки – «сандык». По словам информантов, сундуки изготавливали татарские мастера, проживавшие в г. Семипалатинске. Изделия были различных размеров, обитые металлом, с чеканным узором, который мог покрываться разноцветными красками. Сундуки являлись составной частью приданого невесты. Пожилые люди хранили в них «смертное». В ходе экспедиции нами было получено три сундука первой трети XX в. (рис. 2). Также в музей поступили такие предметы интерьера, как покрывало – «курпә», кровать с резными спинками. Жители с. Беленькое передали в дар две деревянные долбленные чашки – «аяк», «табак», которые использовали для сбивания масла, приготовления кисломолочных продуктов, просеивания муки или засолки мяса; коромысло-«киянтә» традиционной татарской формы.

Среди предметов, относящихся к традиционным занятиям татар, были переданы кожаная плетка первой половины XX в., использовавшаяся наездниками, пастухами, и комплект колодок 1970-х гг. для изготовления детских валенок. Традиционно татары в большом количестве разводили овец. Шерсть использовали для изготовления валенок. Пимокатным производством татары с. Беленькое начали заниматься в конце 1920-х гг., переняв технико-технологические традиции у мордвы,

ездившей по селам края и катавшей валенки на заказ. Колодки, как правило, изготавливали русские – жители с. Топольное, инструменты – сами мастера-татары. Так, Калимулла Миндиярович Абдулин (1947 г. р.) рассказал о том, как, например, его отец готовил струну для шерстобитного лучка: в доме на матице вбивались гвозди, на которые натягивали баранью кишку и сушили ее.

В ходе экспедиции, помимо предметов, были также получены черно-белые и цветные фотографии конца 1940-х – начала 2000-х гг., книги на татарском языке, проведены сбор устных источников по вышеперечисленным темам, фотофиксация, видеосъемка.

Казахи. В настоящее время казахи компактно проживают в с. Бор-Кособулат и дисперсно в селах Угловское, Павловка Угловского района. Самые распространенные фамилии: Балакбаевы, Акинжановы, Месановы, Акимжановы, Дюсуповы, Нукановы, Булакбаевы, Кусаиновы, Болгеновы. Некоторые информаторы смогли сообщить название своего сеока и принадлежность к жузу: сеок Бозепке те уақ, сеок Уақ, сеок Найман, род Шорман от сеока Найман (Средний жуз). В ходе экспедиции было получено 13 единиц, характеризующих материальную культуру казахов по следующим темам: «Традиционный костюм», «Традиционные занятия», «Интерьер дома», «Мебель».

В настоящее время элементы традиционного казахского костюма (безрукавки, тюбетейки), приобретаемые в Республике Казахстан, носят пожилые женщины и мужчины. Жительница с. Павловка Капура Тюлюшевна Болгенова (1949 г. р.) передала в музей одежду своей матери, изготовленную в 1960-х – начале 1980-х гг.: платье – «койлек», безрукавку – «жеңсіз», сапоги – «мясә». По словам сдатчицы, ее мать Маруар Дарыбаевна Болгенова (1911–2000) повторяла крой одежды, которую в начале XX в. носила бабушка сдатчицы. Жительница с. Бор-Кособулат Шарбжамал Жакеновна

Рис 3. Жидаш Акатаевна (Баяндинова), 1932 г. р., казашка, сеок Уақ, жительница с. Бор-Кособулат

Рис. 4. Войлочный ковер. Казахи. 1950-е гг.

Кусаинова (1953 г. р.) передала браслет-«блезык» начала 1980-х гг., который носила ее мать.

Темы «Традиционные занятия» и «Интерьер дома» отражают казахские традиции ткачества и валяния изделий из войлока, которые бытовали вплоть до конца 1980-х гг. От жительницы с. Бор-Кособулат Капизы Нурашевной Нукановой (1940 г. р.) поступил переносной горизонтальный ткацкий станок 1960-х гг., выполненный по старым образцам. Такой станок использовался для изготовления казахского безворсового ковра – «алаша». Первоначально «алаша» ткали из весенней шерсти, которую красили «магазинными красками». Процесс тканья проходил на улице в летнее время. На станке ткались полосы длиной 8–15 ме-

тров, которые затем разрезались и сшивались. На изготовления полос для одного ковра у женщины уходило 3–4 дня. В 1970-х гг. из-за дефицита шерсти в качестве материала для тканья «алаша» стали использовать вату, которую пряли и красили [3; 4]. От жителей сел Бор-Кособулат и Павловка в музей поступили два ковра и фрагмент-полоса, составляющая такого ковра 1960–1970-х гг.

Также жители с. Бор-Кособулат передали войлочный ковер – «киис», «кигыз», и фрагмент от войлочного ковра 1950–1960-х гг. (рис. 4) По словам информантов, такие ковры стелили для приема «самого дорогого гостя». В настоящее время подобные ковры приобретают у казахов из с. Кош-Агач (Республика Алтай). Ранее для валяния ковров собиралось несколько женщин, которые во дворе на ткани раскладывали ровным слоем серо-коричневую шерсть. Поверх нее выкладывалась крашенная шерсть (голубая, красная, желтая) в виде узора или хаотично. Затем женщины сворачивали ткань с шерстью в рулон, поливали водой и катали его [5].

В ходе экспедиции, помимо предметов быта, были также получены черно-белые и цветные фотографии 1950-х – начала 2000-х гг., проведен сбор устных источников не только по вышеперечисленным темам, но и по теме «Традиционная пища», «Свадебная и похоронная обрядность», фотофиксация, видеосъемка.

Современное состояние традиционной культуры, этническое самосознание казахов и татар Алтайского края нашли отражение в ряде работ сотрудников исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета [6; 7], в частности Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения где реализуется программа «Народы Алтая: история и культура, в том числе и публикации руководителя Центра и автора Программы Т. К. Щегловой [8; 9]. В рамках этой программы проводились исследования казахских, татарских или смешанных казахско-татарских сел Угловского, Волчихинского, Егорьевского, Панкрушихинского, Кулундинского и других районов. Полученная нами информация во многих аспектах идентична опубликованным ранее данным, частично дополняет их. В настоящее время экспедиционные материалы находятся в обработке и в ближайшее время поступят в фонды АГКМ.

Источники и литература

1. ПМА. Боговиева Зульфия Гафиятуллаевна, 1978 г. р., с. Бельное.
2. ПМА. Хайбулин Асхадулла Тухватович, 1928 г. р., с. Бельное.
3. ПМА. Нуканова Капиза Нурашевна, 1940 г. р., с. Бор-Кособулат.
4. ПМА. Акинжанова Татьяна Васильевна, 1937 г. р., с. Бор-Кособулат.

5. ПМА. Кусаинова Шарбжамал Жакеновна, 1953 г. р., с. Бор-Кособулат.
6. Гориявчева Т. А. Этническое самосознание казахов (по материалам исследования моноэтнического села Бор-Кособулат в Угловском районе Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 4: Материалы IV регион. науч.-практ. конф. 6–8 дек. 2007 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина. Барнаул, АлтГПА, 2009. С. 84–87.
7. Юсупова А. В. Предварительные результаты этнографических исследований в моноэтническом татарском селе Беленькое Угловского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 4: Материалы IV регион. науч.-практ. конф. 6–8 дек. 2007 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина. Барнаул, АлтГПА, 2009. С. 186–188.
8. Щеглова Т. К. Татары Алтайского края: формирование и размещение в XVIII–XXI веках // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации: материалы международ. науч. конф. 25–27 нояб. 2012 г. / под ред. Т. К. Щегловой, Г. Ф. Габдрахмановой. Барнаул: АлтГПА, 2012. С. 246–256.
9. Щеглова Т., Овчарова М. Многоликий мир алтайских деревень // Алтайский благодатный край / сост. А. М. Тарунов; ред. совет: А. И. Ломакин (пред.) и др. М: Науч.-информ. изд. центр, 2007. (Наследие народов Российской Федерации; вып. 8). С. 124–129.

М. В. Москвина

Техники изготовления и декора современных украшений Саяно-Алтая

При рассмотрении и анализе современных женских украшений у тюрков Саяно-Алтая (алтайцев и хакасов) просматривается некоторое развитие и изменение в традиционной системе декора.

При изготовлении современных алтайских девичьих накосных украшений «шанкы» используются разнообразные материалы: это может быть ткань, из которой сооружается конструкция, подобная трубке, полностью закрывающая косу; кожа или войлок; металлические детали с пазырыкскими мотивами, выполненные алтайскими мастерами; низки пластмассовых или стеклянных бусин разной формы, цвета и качества.

Традиционная форма шанкы в виде конструкции из прямоугольных пластин трансформировалась в стилизованные формы, в основе которых лежат разные виды растительных орнаментов, предметов быта (тажууров и т. п.). В декоре мастерицы используют различные приемы, практически не ограничивая свою фантазию. Накосники вышивают

бисером, украшают раковинами каури, пейетками, лентами. Используются мотивы алтайского орнамента, родовые тамги и пр. Для крепления наконечников продолжают использоваться традиционные шнуры и веревочки, но их дополняют и механизмы фабричных заклепок. Размер украшения варьируется от коротких, около 15 см, кистей до длинных украшений во весь рост девушки.

Женские наконечные украшения для двух кос меньше поддались трансформации. Их сооружают по музейным образцам, расширяя плотными рядами раковин каури в строгом количестве 144 штук. К концам привешивают шелковые кисти или металлические подвески. Также используют искусственные косы, на которые нашиваются белые пластмассовые диски или бусины. Крепятся такие косы к головному убору [1].

Женские и девичьи украшения Республики Алтай вариативны, субэтнические и возрастные отличия, свойственные традиционным образцам, в них нивелированы, а конструкция и декор полностью подчинены авторской фантазии, лишь частично воспроизводя традиционные образцы.

Современные алтайские мастера художественного металла работают в археологической и этнографической стилистике. Большое количество мастеров по металлообработке в своих изделиях ориентированы на археологические реконструкции (мастера из с. Купчегень) или авторские вариации на тему пазырыкского искусства, ставшего брендом в искусстве Республики Алтай. Мастера в своем производстве пользуются традиционными и современными техниками – литья по восковой модели, чеканки, полировки, гравирования [2].

Вместе с традиционными формами и типами украшений появляются и авторские вариации, соединяя в себе различные времена и культуры, – это реплики украшений звериного стиля или тибето-буддийской тематики. Общая тенденция сувенирного производства на Алтае заключается в том, что образная символика разработана на основе смешения традиций разных народов региона или модификации традиции коренного населения Алтая.

В условиях развития туристической индустрии в Хакасии различные вариации на тему нагрудного украшения пого как сувенира с национальным колоритом приобретают массовость и популярность. В этой тенденции представлены как сами украшения пого в натуральную величину, приближенные к традиционному виду, так и миниатюрные их копии. Довольно привлекательно выглядят куклы и матрешки в народном хакасском костюме с обязательным пого на груди.

Стоит отметить, что миниатюрные копии в силу относительной малозатратности и простоты их исполнения сравнительно с полноцен-

ными пого приобретают то же место и значение в традиционном женском костюме в интерпретации XX – начала XXI в.

Нагрудник пого сохраняет традиционные формы – в виде полумесяца с загнутыми рожками. Подковообразные пого вышивают мастерицы из с. Кызлас Аскизского р-на, сердцевидные пого встречаются у мастериц с. Аскиз (М. Т. Тюмерековой, А. Н. Боргояковой, Т. А. Чертыковой). Маленькие сувенирные пого могут быть менее традиционны – в форме круга, квадрата, сердца. По размеру различают большие (30 см и более), средние (15 см) и маленькие (5 см) нагрудники.

Материал для изготовления также приближен к традиции. Для основы используют дубленую кожу, драп, картон, обшитый тканью плис. Скрепляют основу и крепят декор на конский волос, швейные нитки и капроновую леску. В декоре в большинстве изделий применяют бисер, стеклярус, большие и маленькие перламутровые пуговицы-тана, красные кораллы или их пластмассовые имитации, броши, пайетки, монеты, раковины каури и стразы.

Основой орнаментальной композиции изделия становится наличие центральной фигуры с симметричным двухчастным размещением элементов от центра снизу вверх или трехчастное размещение ритмично повторяющихся элементов. Используется также композиция бордюра из ритмично повторяющихся элементов. На пого изображают формы окуневских личин, лицо богини Умай, родословную мастерицы, геометрические мотивы (круг, ромб, квадрат, треугольник, солярные знаки), но самыми популярными становятся растительные мотивы – трилистники, двулистники-«сердечки», почки растения, различные цветы – ирисы, лотосы, жарки, направленные вверх побеги. Довольно редко на пого размещают фамильные тамги или изображения животных. Края пого вышиваются зубчиками «полтора ромба», обшиваются бисерной бахромой с подвесками из монеток.

Основными приемами вышивки являются шов «вприкреп», нашивание стекляруса на веточки и прожилки листьев, пришивание пайеток, цепочка «ромашка», «в одну ячейку», ажурной цепочкой [3].

Серьги по мотивам традиционных хакасских «улуз ызырга» не претерпели конструктивных изменений, они по-прежнему состоят из проволочного кольца и стержня с бусинами. Новацией в их изготовлении стало использование пластиковых бусин. Оканчивается конструкция нитяной кисточкой преимущественно красного цвета или современной монетой.

В современном хакасском комплексе женских украшений широкое распространение получили металлические украшения, не характерные для традиции. В серьгах, перстнях, браслетах, подвесках на шею более

всего заметны изменения в технике изготовления и используемых декоративных мотивах и материалах. Современные мастера-ювелиры в своих изделиях используют более доступные металлы – мельхиор и другие сплавы, имеющие белый цвет. Серебро используется реже, обычно это материал заказчика. Практически не применяется техника литья, так как она стала затратной по материалу. В основном детали украшений вырезаются из листа металла толщиной в 2–5 мм, их края шлифуются, поверхность украшается гравированным орнаментом, в глухой напаянный каст закрепляется вставка-инкрустация. По окончании изделие полируется. Иногда мастер может использовать технику филиграни с инкрустацией камнями. Чаще всего это либо авторские вещи для выставок и презентаций, либо специальное пожелание заказчика.

Основными формами щитков перстней стали круглые и овальные, прямоугольные со скругленными углами. Когда-то распространенная сердцевидная форма не нашла отклика у современных заказчиков и покупателей. Серьги изготавливаются сложносоставные, с подвесками круглой, овальной, каплевидной форм. Популярностью пользуются лунovidные серьги.

Орнаментальные мотивы стали более разнообразными. Активно применяется растительный орнамент, источником для которого стали традиционные хакасские вышивки. Также применяются мотивы, взятые из археологического наследия региона: соляные знаки, орнамент с керамики, изображения петроглифов. Для инкрустации используются традиционные кораллы, а также бирюза, сердолики, стразы и граненое стекло [4]. Ювелиры много работают со стилизацией и авторскими импровизациями, прислушиваются к пожеланиям заказчика, давая новое современное прочтение архаике.

Таким образом, в Саяно-Алтайском регионе существует традиция изготовления украшений как в традиционных техниках, так и в привнесенных, не характерных для культуры региона, происходит формирование нового стиля. В качестве доминирующей тенденции среди изделий мастеров сохраняются и развиваются стилизация и эклектизм, синтез стилей, приемов и смыслов. Современные женские украшения тюркских народов Саяно-Алтая развиваются в сложном переплетении традиций и новаций, приспособления традиционных форм к современным потребностям общества.

Источники

1. ПМА: с. Чуй-озы, 2014 г.
2. ПМА: г. Горно-Алтайск, 2013 г.
3. ПМА: г. Абакан, с. Аскиз, 2011 г.
4. ПМА: г. Абакан, 2008 г.

А. А. Мусагажинова

Применение этноархеологического метода в изучении погребального обряда казахов Павлодарского Прииртышья

Использование этноархеологического подхода является актуальной проблемой в изучении погребального обряда казахов Павлодарского Прииртышья, так как позволяет рассмотреть обряд масштабно и выявить локальные особенности. В статье анализируются возможные перспективы использования метода этно-археологии в реконструкции погребального обряда казахов Павлодарского Прииртышья. Акцент сделан на рассмотрении возможности изучения погребального обряда и других сторон культуры казахов в этнографо-археологическом аспекте, т. е. с привлечением более широкого круга источников на основе интеграции археологии и этнологии. Второй раздел статьи посвящен выявлению параллелей в погребальном обряде казахов Прииртышья на стыке трех веков (XVIII–XIX–XX). Из данного раздела следует, что погребальный обряд казахов Павлодарского Прииртышья включает в себе ценную информацию, но имеющийся в них колоссальный массив информации в недостаточной мере востребован специалистами, обращающимися к проблемам традиционной культуры, что, безусловно, сказывается на объективности выводов и достоверности исторических реконструкций, так как характерной особенностью источниковой основы рассматриваемого региона является слабая насыщенность письменными документами. В этих условиях особую роль приобретают новые этнографические источники и соответствующие им методы исследования, благодаря которым мы сегодня имеем информацию о материальной и духовной культуре населения Прииртышья.

Традиционно погребальный обряд современных этносов изучался с помощью этнографических методов исследования, в ходе работы фиксировалась этнографическая реальность, имевшая место на момент исследования. При этом понять семантику и истоки явления можно лишь при наличии информации, относящейся к более раннему времени, что возможно только при наличии последовательно сменяющих друг друга обрядовых комплексов, уходящих в глубь тысячелетий. В археологии погребальная обрядность изучалась, как правило, в комплексах, датированных не позднее XIV–XVI вв. Погребальный обряд Нового времени археологами почти не изучался, так как считался сферой интересов исторической и этнографической науки. К примеру, практически на каждом могильнике раннего железного века встречаются одно-два погребения XVII–XVIII вв., и поскольку эти погребения не входят в круг интересов археологов, занимающихся более ранним периодом, все материа-

лы остаются неопубликованными. Информацию можно почерпнуть из археологических отчетов, доступ к которым весьма ограничен.

Однако в погребальном обряде в силу объективных причин этот хронологический период не может изучаться только историей и этнографией, так как методика этнографической науки рассчитана на исследование процессов, происходящих в режиме реального времени. Сведения письменных источников фрагментарны, нередко противоречивы и зачастую недостаточны для реконструкции погребального обряда, который трансформируется во времени и должен изучаться в развитии. Подобное состояние серьезно затрудняло применение ретроспективного подхода, поскольку неминуемо образовывались источниковые лакуны между современностью и средневековьем, которые сегодня можно заполнить лишь путем комплексного подхода, применяя археологические, этнографические, естественнонаучные и другие методы исследования. В связи с этим в последние десятилетия все более распространенным становится этноархеологический подход к изучению культуры современных народов. Активно разрабатываются теория и методология археолого-этнографического исследования, сформировалось целое научное направление, получившее название этноархеологии [1, с 5–7]. В результате активной разработки этноархеологической проблематики омские ученые могут дать свое видение этноархеологии как науки. Пролог научных археологических исследований относят к началу XVIII в., а выделение этнографии в самостоятельную науку датируют 20-ми годами XIX в., а в России – даже серединой 40-х гг. XIX в. Учитывался и тот факт, что связи археологических и этнографических исследований имели и имеют разную степень сопряженности. Периодизация этноархеологии как науки принадлежит Н. А. Томилову, в этой работе участвовал также А. В. Жук [1, с. 6–7]. Теоретические наработки возможности использования этноархеологической методики в изучении погребального обряда представлены в монографии М. А. Корусенко «Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.» [2, с 16].

В результате археологических исследований на комплексе Калбасунская башня в Майском районе и Аулиеколь в Экибастузском районе Павлодарской области мы получаем картину обряда XVIII–XIX вв., а по материалам этнографии мы можем осветить обряд XIX–XX вв. и тем самым проследить трансформацию обряда на стыке трех веков.

Рассматривая погребальный обряд казахов Павлодарского Прииртышья, можно утверждать, что сохранились многие традиционные элементы. Но на сегодняшний день отмечается мощное воздействие на традиционную культуру процессов урбанизации, миграции, глобализа-

ции и других факторов. Немаловажное значение имеет и смена поколений, сопровождающаяся неизбежной утратой части исторической и этнографической информации. Традиционные элементы сохранились, в особенности обмывания, положения в могилу. Ряд элементов утратил первоначальное значение, некоторые со временем трансформировались, например оплакивание, искупление грехов покойного.

Параллели в погребальном обряде казахов Павлодарского Прииртышья. В ходе сравнения археологических и этнографических данных на комплексе Калбасунская башня в Майском районе Павлодарской области в 2007 г. обнаруживается ряд параллелей – например, сооружение специальных подушек из дерна и материковой почвы в изголовье могил. У казахов, как и в прошлом, преобладали два варианта ориентации покойного: по оси север–юг и запад–восток [3, с. 25]. При этом западная ориентировка погребенных – одна из характерных в традиционном погребальном обряде казахов и восходит к традиционным кочевникам. По археологическим материалам Майского района, преобладали западная ориентировка погребенных с отклонениями к северу или к югу. То, что умершего ориентируют головой на запад, наши информаторы объясняют тем, что «его солнце зашло» [5, с. 2].

Существуют и различия: на сегодняшний день глубина могильной ямы варьирует в зависимости от пола погребенного, мужчинам по пояс, а женщинам по грудь; по археологическим данным, глубина могильной ямы в XVIII–XIX вв. составляла в среднем 40–60 см, связь с половой принадлежностью не прослежена.

Таким образом, полученные археолого-этнографические материалы позволяют проводить сравнения погребальной обрядности населения изучаемого района между двумя хронологическими блоками. Археологический комплекс Нового времени представлен тремя типами погребений, отражающих как древние языческие традиции, так и мусульманские [4, с. 5–7].

Наличие заупокойной пищи, украшения-обереги, присутствие огня в погребальном ритуале указывают на преемственность в погребальной обрядности с памятниками кыпчакского времени, исследованными в могильниках Ждановский, Акмола XXI–XXII вв. н. э. Наряду с доисламскими ярко выражены черты мусульманской обрядности, которые проявляются в почти полном отсутствии инвентаря, остатков одежды, курганной насыпи, вытянутом труположении, ориентировке лицевого свода черепа на юг в сторону Кыблы.

Этнографический комплекс характеризуется также наличием доисламских элементов и перекрывающей их ярко выраженной мусульманской традицией. Современный погребальный обряд характеризу-

ется усилением мусульманских канонов, утверждением норм шариата, что в целом характерно для погребальной обрядности других территориальных групп казахов.

В археологических и этнографических материалах ярко выражен синкретизм языческих и мусульманских традиций, прослеживается преемственность в погребальном обряде. Между погребениями XVIII–XIX вв. и современными погребениями казахов имеются параллели в ориентировке и труположении погребенных, наличии специальных возвышений в изголовье могил, перекрытиях из дерева, в обряде аластау видны отголоски культа огня, следы которого зафиксированы в погребениях на некрополе «Калбасунской башни».

Наличие связей и преемственности между археологическими и этнографическими материалами позволяет объединить их в общий этнографо-археологический комплекс, характеризующий погребальный обряд среднеиртышской группы казахов Среднего Жуза в XVIII–XX вв.

Дальнейшее изучение погребального обряда и других сторон материальной и духовной культуры казахов методами археологического и этнографического исследования позволит более комплексно изучать культурно-исторические процессы и будет способствовать созданию целостной и объективной картины развития культуры населения Павлодарского Прииртышья с древнейших времен до наших дней.

Источники и литература

1. Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию: учеб. пособие для студентов ист. фак. высш. учеб. заведений. Омск: Изд. дом «Наука», 2003. 72 с.
2. Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума). Т. 7.
3. Смагулов Т. Н., Мусагажинова А. А. Отчет о работе археолого-этнографической экспедиции Павлодарского государственного педагогического института. Павлодар, 2006.
4. Смагулов Т. Н. Калбасунская башня / отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: [s. n.], 2012. 158.
5. Полевая тетрадь № 2. Исследования этнографического отряда Павлодарского педагогического института в Екибастузском районе Павлодарской области 2007–2008 гг.

И. И. Назаров

**Современный праздник и традиционная культура кумандинцев
Алтайского края (по материалам этнографических исследований
2013 и 2014 гг.)**

Заметным явлением в современной общественной и культурной жизни Алтайского края в последние годы стали регулярно организуемые межрегиональные, краевые, городские и районные праздники (фестивали) национальных культур. На площадках этих мероприятий проводятся презентации наиболее ярких образцов традиционной материальной культуры (костюмы, пища и утварь), произведений современного декоративно-прикладного искусства, фольклора и хореографии народов, проживающих на территории Алтая. Постоянными участниками таких праздничных мероприятий являются творческие коллективы кумандинцев.

В 2013 и 2014 гг. автор этих строк побывал на нескольких этнофестивалях в Барнауле и на Бирюзовой Катуни, а также на национальных праздниках кумандинцев в с. Красногорском и г. Бийске. Эта публикация посвящена выявлению механизмов трансляции явлений традиционной культуры в рамках современной праздничной культуры региона.

Исследуемый нами феномен – явление для кумандинцев новое. Еще в начале 2000-х гг. такого размаха творческая деятельность кумандинцев не носила. Однако сегодня мы наблюдаем в рамках культурно-массовых мероприятий самые разнообразные формы презентации представителями упомянутого народа своей культуры. Можно сказать и шире: многие презентуемые сегодня явления традиционной духовной и материальной культуры кумандинцев являются возрожденными. Сравнение ситуации с сохранностью явлений традиционной культуры названного народа в начале 2000-х гг., когда мы активно проводили полевые исследования [1], с современностью показывает заметный прогресс.

История изучения культуры кумандинцев позволяет констатировать, что к середине XX в. многие ее традиционные элементы были либо утрачены полностью, либо заменены заимствованиями из культур других народов [2]. Однако отдельные явления (пища, утварь, средства передвижения, религиозные представления, фольклор и т. п.) доживают до наших дней. Вокруг этих сохранившихся явлений культуры или представлений об этих явлениях сегодня и происходит возрождение кумандинцами своей этнической культуры.

Причин такого ренессанса традиционной культуры кумандинцев несколько. Заметное влияние на процессы сохранения, возрождения и развития их культуры, по мнению многих, оказало получение в нача-

ле 1990-х гг. кумандинцами статуса коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока. Статус обеспечивает этому народу определенную финансовую поддержку из федерального и регионального бюджетов. Однако нельзя не замечать и социальную активность современных лидеров кумандинских организаций, которые предпринимают разнообразные шаги по сохранению и трансляции своей традиционной культуры [3].

К настоящему времени на территории Алтайского края создано восемь общественных организаций (общин) кумандинцев, которые среди основных целей своей деятельности в обязательном порядке обозначают возрождение и развитие кумандинского языка, культуры, традиций и обычаев; содействие духовному, культурному, социальному и экономическому возрождению своего народа [4].

Важным шагом на пути сохранения кумандинских традиций стало создание в 2013 г. в с. Красногорском на базе «Малиновского культурно-досугового центра» экспериментального центра традиционной народной культуры кумандинцев. Позднее, в ноябре 2013 г., в Малиновском КДЦ в праздничной обстановке состоялось открытие кумандинского этноцентра «Эстей». На его базе проходят занятия кружков, ведется факультативное преподавание кумандинского языка, проводятся репетиции фольклорных коллективов, проходят праздничные культурные мероприятия. Здесь же отведена площадка для экспонирования предметов традиционной культуры и их реплик, а также сформирована библиотека. Стационарная экспозиция, раскрывающая особенности культуры кумандинцев, создана также в г. Бийске в музее профессионального училища № 4 [5].

Ежегодно в начале августа на территории одного из районов: Бийск, Красногорское, Солтон – проводятся фестивали кумандинского народа, приуроченные ко дню коренных народов мира. Учитывая, что подобные мероприятия в 1990-е гг. и ранее не проводились, их изучение сегодня представляет особый интерес. В 2014 г. такой фестиваль, например, проходил в г. Бийске. Он включал в себя довольно насыщенную программу: торжественную часть с чествованием ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла; праздничный концерт; выставку изделий кумандинских мастеров; конкурс «Кумандинская красавица»; спортивные состязания (борьба «куреш», поднятие и метание камня, стрельба из лука и т. п.), а также презентацию блюд традиционной кухни. Фестиваль стал уникальной площадкой, где встречаются и общаются кумандинцы разных поколений и из разных районов.

Помимо названных выше фестивалей в последнее время стали проводиться также и другие мероприятия, в которых принимают участие

кумандинцы из трех районов: Спартакиада, День родного языка и т. п. Перечень таких мероприятий, которые включаются в План этнокультурных мероприятий Алтайского края, год от года меняется. Например, в 2015 г. в План включены: праздничные мероприятия, посвященные дню родного языка (февраль); обрядовый праздник «Шалак ла колак» (март—апрель); зимняя спартакиада национальных видов спорта «Ойн куманды калык» (март); межрайонный фестиваль кумандинской культуры (август); праздник плодородия «Кочо кан» (сентябрь—октябрь); день рождения Национально-культурного центра кумандинской культуры (ноябрь).

Как уже отмечалось выше, многие современные этнофестивали и национальные праздники кумандинцев проводятся на разных площадках. Это побудило лидеров кумандинского движения к созданию наряду со стационарными экспозициями об их культуре мобильных и передвижных экспозиций. Подобранные для таких экспозиций предметы традиционной культуры и новоделы удобны для перевозки, их легко монтировать, они отражают наиболее яркие проявления этнической культуры кумандинцев. Передвижные экспозиции постоянно обновляются, в них появляются новые экспонаты, в том числе такие, которые показывают современный взгляд кумандинцев на их традиции.

В ходе полевых исследований в начале 2000-х гг. нами была отмечена хорошая сохранность традиции приготовления в кумандинских семьях блюд традиционной кухни. При этом фиксировались не только устойчивые представления о рецептуре и способах приготовления блюд, но и практика приготовления и применения блюд [2, с. 131–139]. Эти блюда имеют много сходных черт с аналогичными в культурах ближайших соседей: челканцев, тубаларов, шорцев. Однако есть и отличительные черты кумандинской кухни, обусловленные длительным влиянием на нее пищевых традиций русского населения. Сегодня приготовление и совместное потребление блюд традиционной кухни является непременным элементом всех кумандинских праздников. Эти блюда также презентуются на региональных, всероссийских и международных выставках и фестивалях. В рамках крупных национальных мероприятий обычно все его участники могут стать очевидцами всех этапов приготовления традиционных блюд кумандинской кухни, а по завершении мероприятий попробовать эти блюда.

Одним из механизмов возрождения элементов традиционной культуры кумандинцев в настоящем стала реконструкция этих элементов. Среди них, пожалуй, самым ярким является изготовление костюмов для фольклорных коллективов. Помимо этого можно назвать и практику реконструкции дополнительных элементов костюма и украшений.

Действующие сегодня кумандинские творческие коллективы: «Одычак», «Чакайяк» (Красногорский район), «Айрычак» (Бийск), «Талычак» (Солтонский район) – презентуют разные традиции изготовления одежды кумандинцами. При этом четкие представления о канонах в новделах сочетаются с включенными в них новыми элементами.

Интересен также и опыт реконструкции традиционного календаря кумандинцев. Благодаря усилиям энтузиастов и талантливой молодежи сохранившиеся знания о названиях месяцев традиционного календаря кумандинцев приобрели наглядность. Изображение такого календаря сегодня активно тиражируются и презентуются кумандинцами.

В современной праздничной культуре кумандинцев определенную роль начинает играть возрождаемый обряд Кочо-кан. Традиционный обряд Кочо-кан был довольно полно описан в научной литературе Ф. А. Сатлаевым, при этом исследователь отмечал, что во время фиксации им сведений (в 1960–1970-е гг.) многие старики затруднялись вспомнить обряд, так как он уже давно не проводился [6].

Практику реконструкции этого обряда в наши дни можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, у старшего поколения кумандинцев сохранились определенные представления о проводившемся в прошлом обряде и его важности для ритуальной сферы. Во-вторых, имеется источник для реконструкции этого обряда – научная статья, этнографическое описание, осуществленное Ф. А. Сатлаевым. В-третьих, необходимость обращения к данному обряду связана, видимо, с активными поисками современными кумандинцами своей отличительности, особенности, которая ими осознается как приверженность старинным обрядам.

В течение последних двух лет нам дважды приходилось наблюдать за реконструкциями этого обряда. В ноябре 2013 г. участниками фольклорных коллективов во время открытия этноцентра «Эстей» в с. Красногорском был продемонстрирован один из фрагментов обряда Кочо-кан – песенное соревнование (тамыр) двух коллективов, исполнявших по очереди шуточные четверостишья. Своеобразным «арбитром» в этом состязании был шаман, облаченный в костюм Кочо: красный халат, берестяная маска на лице и берестяной колпак на голове, в руках – берестяная палка. Второй раз реконструкцию нам пришлось наблюдать в августе 2014 г. на кумандинском фестивале в г. Бийске. Один из участников фестиваля – старейшина и знаток кумандинской культуры Никифор Савинович Алексеев – был облачен в костюм Кочо: белая куртка, подпоясанная красным поясом, белые штаны, на лице – берестяная маска. Во время своего выступления Н. С. Алексеев со сцены

рассказал присутствующим о том, как следует правильно проводить обряд Кочо-кан.

Образ Кочо – мифологического персонажа – переосмысливается сегодня и находит отражение не только в реконструкциях. На выставках работ современных кумандинских ремесленников заметное место занимают изготовленные подростками из картона маски-личины Кочо, поражающие глубиной проработки образа этого персонажа. Предпринимаются и другие попытки использования образа Кочо, воплощенного в берестяной маске. Так, например, в с. Красногорском местные кумандинцы изготавливают миниатюрные маски из бересты, которые можно носить в качестве амулета-оберега, подвешивая помощью ленты на шею.

Таким образом, изучение современной праздничной культуры кумандинцев позволяет выявить механизмы трансляции между поколениями важной информации о традиционном пласте культуры: деятельность творческих (фольклорных) коллективов; активная презентация этнической культуры в рамках стационарных и передвижных экспозиций; участие в праздниках разных поколений кумандинцев; обучение основам родной культуры и языка; совместное приготовление и употребление пищи; реконструкции и обрядотворчество и т. п. Активное участие кумандинских организаций в современной праздничной культуре региона можно считать одновременно и условием и проявлением возрождения кумандинцами своей традиционной культуры.

Источники и литература

1. Бельгибаев Е. А., Назаров И. И. Этнографические экспедиции АлтГУ 2000–2005 гг.: из опыта полевой работы // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Материалы III регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2007. С. 90–95.
2. Назаров И. И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура / отв. ред. Н. А. Томилов. Барнаул: Алтайский дом печати, 2013. С. 10–17.
3. Назаров И. И. «Новые маски»: возрождаемые явления традиционной культуры кумандинцев в системе управления и развития этнокультурного наследия региона // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сб. науч. ст. по итогам всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.) / отв. ред.: В. В. Поддубиков; редкол.: В. Г. Дружинин [и др.]; сост. В. В. Поддубиков; Кемерово: Практика, 2014. С. 330–336.
4. Развитие институтов гражданского общества в полиэтничной среде Алтайского края / под общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2014. 264 с.

5. Шорина Д. Е. Национальный праздник в музейном пространстве // Проектно-технологические и организационно-методические аспекты деятельности этнокультурных коллективов: (методические рекомендации) / под общ. ред. В. И. Матиса. Барнаул, 2014. С. 130–137.
6. Сатлаев Ф. А. Кочо-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Вып. 27. С. 130–141.

В. В. Новоселова

Формы изучения и сохранения переселенческой украинской культуры в Семеновской средней школе г. Славгорода¹

Культура Алтайского края складывается из ценностей различных народов, ее населяющих. Северо-западные районы Алтайского края представляют собой уникальный регион, заселенный разными этническими и этнографическими группами, среди которых значительную долю составляют украинские переселенцы периода столыпинской аграрной реформы. Время прихода на Алтай и компактность расселения способствовали сохранности их этнической культуры длительный период, что обуславливает актуальность ее изучения и поисков форм сохранения [1, с. 118].

Работа с учащимися Семеновской средней школы по изучению и сохранению культуры украинских переселенцев и их потомков проводится в урочной и во внеурочной форме учителем истории Л. Г. Носковой с 1995 по 2011 гг. и учителем русского языка и литературы В. В. Новоселовой с 2011 г. Территориальные рамки охватывают сельские поселения г. Славгорода, основанные в 1905–1910 гг. и остававшиеся до депортации немцев 1941 г. моноэтническими.

Урочные формы – это возможность знакомства, изучения и сохранения переселенческой украинской культуры всеми категориями учащихся через рассмотрение на уроках истории тем регионального компонента, касающихся исторического прошлого родного края, таких как «Столыпинская аграрная реформа на Алтае», «Крестьянство Алтая в годы Гражданской войны», «Коллективизация на Алтае», «Алтай в годы Великой Отечественной войны».

Внеурочные формы предполагают комплексную работу по изучению и сохранению переселенческой украинской культуры, включающую участие учеников в деятельности школьного музея и объединения «Юный исследователь», школьного научного общества «Шанс»,

¹ МБОУ «Семеновская СОШ» г. Славгорода.

включенность в культурную жизнь села через участие в различных мероприятиях СДК.

Большую роль в популяризации культурного наследия переселенцев играет созданный в 2005 г. на базе Семеновской СОШ «Музей истории села и школы». Он выполняет сразу несколько функций: познавательную, обучающую, воспитательную и активно включен в урочную и внеурочную деятельность. Занятия по предметам в музее и регулярные встречи с потомками украинских переселенцев вызывают в детях чувство сопричастности с историческим прошлым земляков, понимание значимости произошедших событий. А это способствует формированию интереса к изучению и сохранению народной культуры и стремления заниматься исследовательской работой.

Исследовательская деятельность – одна из наиболее эффективных для развития интереса к истории, творческих и в то же время трудоемких форм работы как для учеников, так и для педагогов. Она требует специальной подготовки, усидчивости, целеустремленности, умения анализировать собранный материал.

Привитие интереса к исследовательской деятельности по истории и этнографии в Семеновской средней школе – одна из целей школьного объединения «Юный исследователь». Юные кружковцы на начальном этапе знакомятся с историей села и города, затем привлекаются к исследовательской работе, первым этапом которой является сбор источников в этнографических экспедициях.

В результате полевых исследований в селах Максимовка, Семеновка, Андреевка учащимися был собран источниковый материал для исследовательских работ по нескольким темам. Воспоминания, фотографии и предметы быта потомков украинских переселенцев дополнили коллекцию школьного музея, обследованы сохранившиеся саманные дома и реконструированы со слов информаторов первые переселенческие жилища. Одной из исследовательских работ, опирающихся на собранный материал, является «Жилище украинских переселенцев на территории сельских поселений г. Славгорода в первой половине XX века». Анализ полевых материалов показал, что природно-географический, этнический, экономический, исторический факторы оказали значительное влияние на выбор техники для строительства и на интерьер жилищ украинских переселенцев – копанок, пластён и саманных домов. Копанки, нетрадиционный для украинцев тип временного углубленного в землю жилища, и пластёны – наземные жилища из пластов дерна – использовались переселенцами на территории сельских поселений г. Славгорода вплоть до конца 1950-х гг. Саманные дома можно и сейчас увидеть в с. Семеновка.

Рис. 1. Встреча с потомками украинских переселенцев в школьном музее.
Фото автора

Юными исследователями установлено, что интерьер жилищ украинских переселенцев в изучаемых населенных пунктах в первой половине XX в. очень схож с интерьером жилищ в украинских губерниях России XIX в. Внутренняя планировка хаты была такой: в одном углу печь, в противоположном по диагонали углу – красный угол, вдоль стены, идущей от красного угла, – «лави» (лавки), от печи – «пілы», «поль» (полоты из деревянных досок). Напротив печи висел «місник» (полочка для посуды), в этом же углу стоял сундук. Для освещения вплоть до 1950-х гг. использовался «каганец» (светильник с фитилем, опущенным в растопленное сало). До середины XX в. в хатах основными украшениями были рушники на иконах, рисунки на печах, картинки с лебедями из сажи и белой глины в виде ковров над «пілом» или кроватью, реже – салфетки с вышитыми на белом полотне узорами, примитивные шторки из марли или бинта.

Этнографические экспедиции показали, что все внутреннее убранство жилищ украинских переселенцев в разных селах несколько различалось: в селах Андреевка и Ровны печи были украшены росписью, потолочные балки красили коричневой краской, иконы украшали вышитыми украинскими рушниками; в с. Максимовка внутреннее убран-

Рис. 2. Дом из пластов дёрна в с. Семеновка. Фонд школьного музея

ство хат было аналогичным, а рушниками, как и в Украине, украшали икону, фотографии, зеркала, окна; в с. Семеновка украинские черты в убранстве жилища в 1930-е гг. были почти полностью утрачены.

Также в ходе этнографических экспедиций со школьниками были найдены уникальные предметы 1920-х гг.: фотографии украинских переселенцев, предметы быта, икона «Поможение родам» (XIX в., относится к редким иконам Пресвятой Богородицы), привезенная из Каменно-Подольской губернии Украины в 1905 г. Переданы в школьный музей фотография украинцев в самотканой одежде, рушники и салфетка, вышитые украинскими переселенцами в технике «крест».

Полевые исследования учащихся в с. Владимировка г. Славгорода заставили обратиться к традиционной культуре старообрядцев, поскольку это поселение было основано в 1910 г. русскими старообрядцами из Украины. Хотя уже достаточно изучены различные аспекты традиционной культуры старообрядцев Алтая, все они касаются территорий их массового заселения. О живших в степном Алтае староверах в научной литературе не упоминается. Учащиеся Семеновской школы с 2011 по 2014 г. собирали материал о переселенцах-старообрядцах, и результатом стала исследовательская работа по теме «Повседневный быт мужского старообрядческого населения села Владимировка г. Славгорода Алтайского края в воспоминаниях потомков староверов». Пред-

Рис. 3. Жилой саманный дом в с. Семеновка. Фото автора

метом исследования являлись повседневные обязанности владимировских мужчин-старообрядцев. При этом было выявлено, что многое в быту, начиная от жилищного строительства и заканчивая культурой питания, было привезено с территории Украины.

Второй этап – это подготовка текста исследовательской работы. На данном этапе ребята учатся ставить цели и задачи, соотносить факты из изученной по теме литературы с результатами полевых исследований, делать выводы.

Третий этап – представление исследовательской работы на школьном уровне, затем на районном, затем – на краевом и всероссийском. С 2001 г. учащиеся нашей школы регулярно становятся победителями и призерами КИККШ и других краевых конференций, участниками Всероссийских конкурсов. В 2014 г. исследовательская работа «Техники жилищного строительства украинских переселенцев в с. Семеновка г. Славгорода» была отмечена дипломом I степени на краевой конференции «Будущее Алтая» и дипломом II степени на всероссийском конкурсе «Юность. Наука. Культура».

В настоящее время учащиеся активно ведут сбор материала о частично утраченных украинских традициях празднования сочельника, отмечаемого накануне Рождества. Записаны и переданы в музей Семеновской школы колядки, сохраненные потомками украинских переселенцев. Изучаются также особенности выращивания и обработки

Рис. 4. Рушник.
Фонд школьного музея

щихся исследовательской деятельностью созданы и в сельском доме культуры с. Семеновка. Деятельность семеновской вокальной группы «Молодки», организованной потомками украинских переселенцев, направлена на сохранение украинской культуры. Будучи пенсионерами (самой старшей участнице 82 года), участники группы поют украинские песни, учат их исполнению заинтересованных учеников, шьют для себя и для учеников украинские костюмы, охотно делятся своими воспоминаниями, традициями и обычаями.

Все перечисленные формы работы с учащимися направлены на изучение и сохранение на северо-западе Алтайского края культуры украинских переселенцев – одной из ярких этнических групп региона. Они помогают поддерживать в потомках переселенцев осознание своего отличия и единства по прошествии многих десятков лет и являются одним из факторов сохранения и развития культурного разнообразия нашего региона.

Литература

1. Демина О. С. Этническое самосознание и самоидентификация украинских переселенцев Алтайского края // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В. Н. Разгон; ред.: И. Г. Силина, А. А. Храмов. – Барнаул: Азбука, 2004. Вып. 2. С. 108–118.

конопли в первой половине XX в. на территории сельских поселений г. Славгорода.

Заседания школьного научного общества «Шанс», состоящего из преподавателей, заинтересованных в развитии исследовательских способностей учеников, и детей, стремящихся к саморазвитию, стимулируют изучение и сохранение переселенческой украинской культуры. На заседаниях рассматриваются методические вопросы, заслушиваются исследовательские работы, приглашаются в качестве информантов потомки украинских переселенцев.

Благоприятные этнокультурные условия для занятий уча-

М. А. Овчарова

Трансформация свадебной обрядности мордвы в селах Алтайского края¹

Система обычаев и обрядов, символическим образом знаменующих значительные события в жизни людей, — одна из существенных характеристик этноса. В этнографической литературе понятие «обычай» трактуется как некое социальное правило, норма поведения, а обряд — как воплощение той или иной нормы в определенном действии [5, с. 112]. Как отмечал С. А. Токарев, «всякий обряд есть обычай, но не всякий обычай есть обряд» [6, с. 164]. По мнению исследователей, обряд выступает как один из механизмов социальной памяти, как способ соотнесения и взаимосвязи себя с данной этнической общностью [5, с. 116].

Духовная культура в меньшей степени, чем материальная, детерминирована развитием экономики, природно-климатическими условиями и, следовательно, более традиционна в своем развитии. При рассмотрении духовной культуры мордовского населения Алтайского края основным объектом нашего внимания стала обрядовая ее сторона. Полевые исследования проводились в селах Борисово, Никольское, Малый Калтай, Пещерка Залесовского района Алтайского края.

Мордва с переселением на Алтай оказалась в пестром этническом и культурном окружении. Вследствие совместного проживания с окружающими этносами и этническими группами среди мордовского населения начинался процесс межэтнической интеграции, который проявлялся в хозяйственном и культурном взаимодействии. В зависимости от этого и от ряда других причин (сохранности или потери этнического самосознания) начинались ассимиляционные процессы, связанные с утратой этноязыковых и этнокультурных признаков.

Межэтнические контакты мордвы осуществлялись путем смешанных браков, прежде всего с русскими. При этом немаловажную роль играли взаимоотношения мордвы с носителями иных этнокультурных традиций в производственных сферах, в образовании (отсутствие образования на родном языке и национальных коллективов) а также соседство, как в широком смысле (зоны межэтнических контактов), так и в более узком (в пределах одного села). К этому добавлялся разнообразный природно-географический ландшафт Алтайского края. Все эти причины в совокупности способствовали складыванию среди мордвы своего особого комплекса обрядовой культуры.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ «Свадебная обрядность мордвы Сибири: опыт комплексного исследования». Проект № 13-04-00123а.

Компактность расселения мордвы и дисперсность ее проживания на территории Алтайского края не устраняла ее различий с русским населением в языке и культуре, а способствовали ее обособленности. На сельских кладбищах сформировались компактные семейные захоронения. Экспедиционные исследования, анкетирования показали, что в мордовской среде быстро исчезла специфика материальной культуры, более устойчивыми оказались духовно-обрядовые традиции, которые сохраняли традиционные черты этноса. Обычаи и обряды, по самооценкам информаторов, и сейчас выступают как значимый признак, связывающий их с людьми своей национальности. Так, по материалам полевых исследований 1998–2011 гг. в Залесовском, Солтонском, Шелаболихинском, Бийском районах Алтайского края, среди признаков, сближающих мордву с представителями своей национальности, на первом месте стоял национальный язык, на втором – национальные обычаи и обряды.

Под влиянием социально-экономических и иных преобразований в жизни мордвы на протяжении проживания на территории Алтайского края (вторая половина XIX – XXI в.) менялись не только функции обычаев и обрядов, но и их форма и содержание. Эти изменения происходили относительно медленно и неравномерно, с некоторым отставанием от преобразований в обществе. Обычно быстрее изменялось содержание обряда, нежели его форма. Иногда первоначальный смысл обряда забывается, а традиционная форма наполняется новым содержанием.

Обрядовая культура мордвы имеет многовековую историю. Религиозным основанием многих обрядов и обычаев (семейных, календарных и др.) являются дохристианские верования мордвы. С принятием христианства многие обряды сохранялись, но уже в системе новых религиозных представлений, сформировался некий религиозный синкретизм. Подобная ситуация была характерна для многих народов, принявших христианство или другую религию [7, с. 85]. Анализ мордовской обрядности позволяет выделить несколько составляющих ее элементов. Во-первых, это элементы, заимствованные у окружающего, в основном русского населения; во-вторых, это смешение православных и дохристианских архаичных элементов, смысл которых уже утрачен, но они продолжают исполняться переосмысленном виде в наши дни.

В ходе полевых исследований мы убедились, что к наиболее устойчивым элементам духовной культуры мордвы Алтайского края относятся обряды семейного цикла, сохранившиеся до сих пор. Среди мордовского населения сохранились языческие представления, например о Веряве и Ведяве (матери леса и воды), о домовых; также сохранилась

похоронная обрядность (обрядовые похоронные блюда, обычай приносить на поминки свой «помин», обычай по родительским и поминальным дням «угощать» умерших «помином» и просить у них защиты); элементы свадебной обрядности (присутствие свахи, «свадебного поезда», пироги «лукш», «курник»). Решающее значение в сохранении мордовских традиций имели внутриэтнические брачно-семейные связи. Ориентация на этнические браки до середины XX в. способствовала сохранению этнической микросреды [1].

Одним из наиболее устойчивых компонентов современной духовной культуры, в котором можно проследить формировавшиеся традиции, является мордовская свадебная обрядность [2]. Свадьба занимает, по существу, центральное место среди семейных обрядов мордвы. Она отличается большой сложностью и разнообразием. М. Е. Евсевьев отмечал, что в каждой населенной мордвой местности имеются свои особенности [3, с. 9]. Кроме того, находясь в окружении и тесном контакте с соседними этносами, мордва воспринимала у них те или иные элементы свадебного обряда.

В свадебной обрядности мордвы прослеживаются многочисленные наслоения от разных этапов развития. Пережитки родового строя нашли отражение в активном участии родственников молодых в поисках супружеской пары, подготовке и проведении свадьбы. Семейно-родственные отношения нашли отражения в целом ряде обычаев: угощение невесты кашей, «одаривание» невестой родственников жениха, выкуп постели. Интересным фактом является сохранившийся обычай «враждебного» отношения родственников девушки к сватам и поезжанам в момент приезда за невестой, взаимные шуточные «охаивания», обычаи, связанные с избеганием, и др.

Заметный след в свадебных обрядах мордвы оставили также языческие представления народа. В многочисленных причитаниях, сопровождавших весь свадебный цикл, обращались к покровителям дома, двора, бани, умершим предкам. Кроме того, совершали ряд магических действий: одни — для того чтобы невеста имела много детей (осыпали ее хмелем, сажали на ее колени ребенка и т. п.), другие — для предохранения молодых от «нечистой силы» (покрывание головы невесты, троекратный обход уредевом свадебного поезда и др.).

Заметную роль в свадебной обрядности мордвы сыграло соседство с другими народами Волго-Уральского региона, в том числе с русскими, чувашами, марийцами, удмуртами, татарами. Многовековое проживание мордвы в соседстве с различными этносами, в сходных природно-климатических и исторических условиях, их тесные экономические и

культурные контакты привели к сближению целого ряда черт их культурно-бытовой жизнедеятельности, в том числе и свадебных обрядов. Порой даже сложно установить, заимствованы ли те или иные обряды одним этносом у другого, или они возникли самостоятельно – например, такой элемент свадебного обряда, как сватовство невесты, имеющее экономическую подоплеку, связанную не только с возможностью продолжения рода, но и с возможностью приобретения дополнительной рабочей силы. Наибольшее число идентичных сюжетов зафиксировано в свадьбах мордвы и русских, что является результатом долгого совместного проживания. Например, обрядовое мытье невесты в бане накануне свадьбы, прощание ее с девичеством, хождение подруг невесты за веником и мылом накануне «девичьей бани», осыпание молодых хмелем и зерном и др. Сходство прослеживается в мотивах и процессе сватовства, обычае после сговора между родственниками молодых знакомиться с хозяйством жениха, магических действиях, направленных на охрану молодых от «сглаза» или обеспечения их детьми, в ритуалах при изготовлении свадебных пирогов и др. Повсеместно у мордвы и русских был распространен обычай «рядиться» на второй день свадьбы.

В свадебной обрядности мордвы много общего и с обрядами чувашей, марийцев, удмуртов, татар, башкир. Общим для всех народов Поволжья было активное участие в свадьбе родственников жениха и невесты, обычай возвращения молодой к родителям через определенное время после свадьбы [4, с. 96–126].

Форма и содержание свадебной обрядности мордвы на протяжении XX–XXI вв. не оставались неизменными. На это влияло множество факторов, исторические процессы, происходящие в обществе, иноэтническое окружение и др. Одни элементы исчезали из свадебной обрядности, другие утрачивали первоначальный смысл и исполнялись лишь по традиции, третьи – переосмысливались и приобретали развлекательный, игровой характер. В селах Алтайского края общий сценарий свадьбы остается традиционным, но многие его элементы и этапы приобрели новое содержание и чаще всего имеют и новые функции. Этот обрядовый комплекс характеризуется определенными местными особенностями и варьируется в зависимости от степени использования в нем традиционных элементов.

В мордовской свадьбе середины XX в. в селах Залесовского района Алтайского края уже не соблюдались такие обряды, как возвращение молодой в дом родителей после свадьбы, обычай, запрещающий молодой жене сразу после свадьбы садиться вместе со всеми за обеденный стол. Свадебный ритуал упрощается, его регламентация теряет преж-

ную жесткость. Многие сохранившиеся обряды, приобретают шуточный, развлекательный характер («знакомство» родственников невесты с хозяйством жениха, первый выход невесты за водой, отплясывание свадебного пирога и т. д.). В силу того, что молодые предварительно сами договаривались о женитьбе, сватовство как обязательный обряд приобретает символический характер.

В моноэтнических мордовских (эрзянских, мокшанских) селах Залесовского района Алтайского края у информаторов 1930–1949 гг. рождения сохранились историческая память о традиционной свадьбе. Наиболее яркими являются воспоминания из детства. Многие компоненты свадьбы 1950–1970-х гг. имели отличия от свадьбы начала XX в. Они имели иную смысловую нагрузку. На протяжении определенного периода сохраняется знание об обряде, но он уже не используется, забывается его смысл, а если он используется, то это шуточные забавы: например, свадебный поезд и уредев, которые присутствуют на свадьбе, но уже не играют прежней роли. Большое распространение в моноэтнических селах имеет современный гражданский свадебный обряд с элементами традиционной мордовской свадьбы [1]. В последнее время появляется интерес и желание отметить свадьбу путем развернутого традиционного обряда с религиозным оформлением.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1998, 2003 гг.: Алтайский край, Залесовский район, с. Борисово, пос. Никольский, с. Думчево.
2. Гаушева Т. И. Мордва: этнографический очерк. URL: <http://www.torama.ru>. (март 2003).
3. Евсевьев М. Е. Мордовская свадьба. Изд. 2. Саранск, 1959. 270 с.
4. Корнишина Г. А. Этнические традиции в современной свадебной обрядности мордовского сельского населения Куйбышевской области // Бытовая культура мордвы / Труды НИИЯЛИЭ. Вып. 100. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1989. С. 42–59.
5. Пименов В. В. Удмурты: (опыт компонентного анализа этноса). Л.: Наука, 1977. 264 с.
6. Токарев С. А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религии народов мира: в 2 т. Т. 2. М.: УОП ИЭА РАН, 1999. 204 с.
7. Федянович Т. П. Обычай и обряды: их место и роль в жизни этноса (по материалам народов Урало-Поволжья) // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. Вып. 29. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 2003. С. 81–94.

А. С. Свидовская

Строительство глинобитного жилища потомками украинских переселенцев Романовского района в 1950–1960-е годы (по полевым материалам 2010, 2014 гг.)¹

Изучение крестьянского жилища — одно из направлений исследовательской работы коллектива Центра устной истории и этнографии АлтГПУ, реализуемых под руководством доктора ист. наук, проф. Т. К. Щегловой с 1994 г. Ежегодно участниками историко-этнографических экспедиций в различных районах Алтайского края проводится обследование застройки населенных пунктов, выявляются памятники жилой архитектуры, осуществляется сбор устных исторических источников. С активизацией полевых исследований ЦУИиЭ в западных районах края с начала 2000-х гг. особое внимание уделяется переселенческим традициям жилищного строительства [20–24]. Так, в ходе полевых исследований 2010 г. в селах Романовского района было выявлено использование в строительстве домов вплоть до 1960-х гг. дерна, камыша, лозы, глины, соломы и других природных материалов, зафиксированы некоторые приемы каркасной и глинобитной (вальковой и литой) техник строительства [21]. В 2014 г. участниками отрядов историко-этнографической экспедиции АлтГПА в селах Романово, Сидоровка (руководитель — Н. С. Грибанова) и Дубровино (руководитель — Н. В. Люля) Романовского района был продолжен сбор материала по жилищному строительству в рамках изучения культуры и семейного быта украинских переселенцев, составляющих большую часть населения этих сел.

В 1950–1960-е в селах Романовского района начинается активное строительство нового жилья. Информанты связывают это с реализацией политики освоения целинных и залежных земель, приведшей к увеличению урожаев и доходов населения: «После 54-го года урожай хороший был, тогда люди начали жить и мало-мальски строиться начали» [7]. Наибольшее распространения в эти годы получило строительство жилых домов из смеси глины и соломы как самых доступных материалов: «...соломы много было, колхозы лошадей давали воду возить, люди дружно жили, помогали» [9], «...лес дорогой, и очень мало давали, и средств не было практически. И поэтому тут в основном наша деревня была саманная» [13]. Пик строительства глинобитного жилища, например в с. Сидоровка, приходится на вторую половину 50-х гг. XX в. [18].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-31-01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

Согласно полевым материалам, потомки украинских переселенцев указанных сел предпочитали литой способ возведения глинобитного жилища, при котором в каркас (опалубку) из досок заливается глиняный раствор, затем укладывается слой соломы, утаптывается и вновь заливается разведенная водой до состояния сметаны глиняная масса. Когда каркас наполнен доверху, он поднимается, и весь процесс повторяется заново [19, с. 94]. Такой способ постройки был самым приемлемым в условиях рассматриваемого периода, как и в другие экономически сложные, «трудные годы» [22], – менее затратным и трудоемким, наиболее быстрым.

Интересно отметить, что глинобитные литые хаты информанты называют по-разному: в с. Дубровино – саманухи [7], саманушки [2], топки [4], топганые [6], топганки [17]; в с. Сидоровка – лепки/липки [3; 5, 11; 14; 16], саманные [12]; в с. Романово – литые [10], саманные [1, 13]. Как выяснилось, мнение информантов отличается от принятого в научной литературе разделения глинобитной техники на саманную и литую. Саманом жители указанных сел называют смесь глины с соломой, которую утаптывали при возведении стен. «Сначала были эти саманухи – мы их называли – литые такие глиняные хатёнки...» [7]. В научной литературе, как известно, саманом принято называть глиняный сырцовый кирпич с примесью мелко нарубленной соломы и навоза [19, с. 93].

Строили литые хаты летом в сухую и жаркую погоду. Наиболее подходящим временем начала строительства был выходной день: «Как выходной який – в воскресенье, так обязательно где-то стройка открывается» [10]. Чтобы слить дом за один день, нужно было 30–50 человек, поэтому «собирали помощь» («помочь») – звали родственников, знакомых, соседей. На строительство приглашали просто: «Топтать саман (хату) я приглашаю. Придешь?» [9]. Информанты отмечают, что народ в то время был дружный, отказывать было не принято, а иногда приходили и без приглашения: «у нас вот як начнут тут, на нашей примерно улице делают, тут вся улица и придет. Все идут просто» [10].

Традиции коллективной взаимопомощи проявлялись и в отсутствие вознаграждения или платы за работу. При этом работавших на строительстве дома было принято кормить три раза в день. Завтрак и обед были легкими, за столы не садились, перекусывали на ходу. Вечером устраивали коллективный ужин в честь постройки дома: «...в обед так покушали – и опять работать, а ужин потом до песен» [13]. Приготовлением пищи для строителей дома занималась хозяйка. Ей помогали два-три человека: «там, может, кака девчушка или старушка... или инвалид такой, шо, ну, не может там работать» [10].

Возводили литые хаты, как правило, без фундамента – снимали первый слой земли толщиной около 50 см, «...чтоб на рыжую землю, так сказать, [ставить]... там она как-то вся уже тверже, крепче» [10]. Первым этапом строительства была установка опалубки («обшивки» [8], «формы» [13]) для будущих стен дома. Для этого по периметру будущей постройки в два ряда на расстоянии около 30 см друг от друга (толщина стены) вкапывали нетолстые бревна длиной не менее высоты будущего дома. С внутренней стороны бревен закрепляли доски таким образом, чтобы образовалась форма для заливки: «Потом сюда, меж этих досок, – солома, глина. Как натоптали полные, то берем, поднимаем уже эти доски выше» [10].

Размер дома зависел от желания и достатка хозяина, а также от размера имевшихся досок для опалубки, которые зачастую передавались «из рук в руки» [4, 9]. Самые распространенные размеры хаты у потомков украинских переселенцев – 8×4 м. Перегородку, разделявшую внутреннее помещение на две комнаты, могли лить из глины вместе с внешними стенами или устанавливали дощатую уже после высыхания стен.

Материалом для строительства в селах Романовского района служила повсеместно имевшаяся в изобилии красная (рыжая) глина. Глину копали возле реки, пруда или использовали оставшуюся при строительстве колодца, погреба: «Красная глина местная была: кто погреб себе копал, кто колодец – по-разному было» (с. Романово) [13], «а у нас тут глины много возле речки, и погреба же копали. Специального места не было. Глина вся красного цвета» (с. Дубровино) [9]. Но чаще всего глину копали непосредственно около места строительства – во дворе будущего дома. М. А. Корецкий объяснил это экономией средств и сил: «Ну а на чем возить? Тогда ж техники не было, а самосвалы никто не видал даже. Все вручную, все вручную» [10].

Для подготовки глиняной массы снимали дерн и верхний слой земли, глину перекапывали, добавляли в нее воду, привозимую на телегах и бричках в деревянных бочках к месту строительства из сельского пруда или с реки. Двое-трое мужчин перемешивали воду и глину до состояния «сметаны» специальными болтушками (гартушками, колотушками), представлявшими собой доску шириной 25–30 см с длинной ручкой (держакон) [10]. Для строительства одной хаты приходилось копать две-три ямы, которые впоследствии хозяева дома постепенно засыпали мусором или золой [10].

В с. Романово и с. Сидоровке, по воспоминаниям информантов, получившийся раствор глины переносили ведрами и заливали в опалубку, после чего туда укладывали слой пшеничной соломы и утаптывали. Житель с. Дубровино А. И. Ещенко вспоминал, что солому добавляли в

яму с глиняным раствором, перемешивали ногами люди и лошади, и полученную массу ведрами переносили в опалубку и там утаптывали [7].

Количество и размер окон зависели от желания хозяина. В с. Романово для них во время литья стен «замечали» место, вставляя две сбитые под прямым углом доски. Образовавшийся проем после просушки расширяли до нужных размеров пилой или топором. Таким же способом оставляли место под двери. В селах Дубровино и Сидоровка при литье было принято сразу вставлять четырехугольный каркас по размеру будущего окна: «...С досок сбивали, топчут, а потом поставили этот четырехугольничек, и глиной не заполняется» [3, 9].

Для просушки дома требовалось два-три месяца, после чего приступали к возведению крыши, укладке пола, установке окон и дверей. Для этого требовалось дерево, с приобретением которого в рассматриваемый период были сложности. Лес «доставали... кто как придумает» [10]. Случалось, что стены дома стояли несколько лет из-за невозможности приобрести необходимый материал.

Как свидетельствуют информанты, в рассматриваемых селах в 1950–1960-е гг. солома все еще оставалась распространенным материалом для кровли. Из нее «сбивали граблями» и вязали снопы около 30 см в обхвате, которые укладывались на обрешетку крыши рядами снизу вверх. Первый ряд привязывали к обрешетке травой. Иногда первый ряд укладывали из камышовых снопов – стрижек, они более крепкие и длинные. Иногда для прочности соломенную крышу обливали глиной.

Пол в хате в зависимости от достатка хозяина был деревянным или земляным (глиняным). Доски деревянного пола с помощью шкантов скрепляли между собой и закрепляли на лаги – бревна или брусья, уложенные при отсутствии фундамента прямо на землю на расстоянии около метра друг от друга. Для земляного пола насыпали и утрамбовывали влажную глину высотой около 25 см деревянными трамбовками: «...Земляной пол делали... рыжую глину засыпают туда и... вот так вбивают и вбивают... немножко влажную» [10]. После этого «земляной» пол смазывали раствором глины с водой и коровьим навозом – «делали доливку». В хатах с деревянным полом под одним из жилых помещений копали погреб (яму), служивший для хранения продуктов и для вентиляции [10].

Стены снаружи и внутри глинобитного литого дома выравнивали при помощи лопаты, мазали несколько раз раствором из глины, конского навоза и мякины (половы), затем затирали раствором глиной с песком. Хаты обязательно белили снаружи и внутри белой глиной, за которой специально ездили на озера в соседние села – Гуселетово (Романовский район) и Чистоозерку (Завьяловский район).

Украшение оконных проемов зависело от материального положения хозяина дома: «Ну, это как у хозяина достача какая есть. Кто делал наличники, кто глиной делает» [10]. «Сделать глиной» означало обвести полосой желтой глины по белой стене вокруг оконного проема.

Вокруг дома для утепления пола из сырцового кирпича или распиленных литых стен возводили завалинку (призьбу) высотой около 40 см: «С кирпича с такого, с каких-то отходов, кто из самана такие нарежет и сделает, и засыпает» [1, 2]. Завалинку обмазывали и белили. Летними вечерами на ней собирались на посиделки и пели песни.

Таким образом, в 50–60-е гг. XX в. «ренессанс» традиционной литой техники строительства из-за ее практичности, быстроты и дешевизны используемого материала позволил многим потомкам украинских переселенцев обеспечить свои семьи жильем.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово. Безнедельная А. А. 1923 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Дубровино. Бузин Д. В. 1929 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Сидоровка. Гавриленко Е. Д. 1927 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Дубровино. Гиливеря Д. П. 1939 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Сидоровка. Дедух Л. Т. 1932 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Дубровино. Дорошенко Р. И. 1937 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Ещенко А. И. 1939 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Ильяшенко М. П. 1935 г. р.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Калашник И. Ф. 1929 г. р.
10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Романово. Корецкий М. А. 1930 г. р.
11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Сидоровка. Кульша А. Ф. 1939 г. р.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Сидоровка. Петечел Л. К. 1940 г. р.
13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово. Рева В. Д. 1940 г. р.

14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Сидоровка. Сайкина М. И. 1924 г. р.
15. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Романово. Сапа П. Е. 1932 г. р.
16. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Сидоровка. Сиротенко А. И. 1933 г. р.
17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Дубровино. Ярошенко Н. И. 1935 г. р.
18. Архив администрации Сидоровского сельского совета. Похозяйственные книги с. Сидоровка. Ф. 3. Оп. 1д. Д. 95-104. Кн. № 1–10 за 1971–1973 гг.
19. Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. / отв. ред. С. А. Токарев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 797 с.
20. Грибанова Н. С. Украинские переселенцы Поспелихинского района: особенности самосознания, материальной и духовной культуры // Краеведческие записки. Барнаул: ОАО «ИПП „Алтай“», 2009. Вып. 8. С. 71–78.
21. Руш Ю. В. Переселенческие традиции в архитектуре Романовского района (по материалам историко-этнографической экспедиции 2010) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 277–281.
22. Щеглова Т. К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930–1950-е годы на примере каркасного жилища // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы Всерос. науч. конф. / под ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 67–70.
23. Щеглова Т. К. Использование глины, соломы, чащи, камыша, колья и других природных материалов в обустройстве сельской усадьбы и быта семья в послевоенной деревне Алтайского края (1940–1950-е гг.) на лесостепных и степных территориях // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2013 г.: археология, этнография, устная история. Павлодар: ПГПИ, 2014. Вып. 9. С. 258–269.
24. Щеглова Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 8: материалы междунар. науч. конф. / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. С. 72–83.

В. В. Сугоняк

Образ ведьмы в поверьях жителей Целинного района Алтайского края

Целинный район Алтайского края весьма разнообразен по этнокультурному составу. Большую часть населения района составляют потомки переселенцев из южнорусских губерний (Воронежская, Курская и др.), с Украины (Киевская, Харьковская губернии), приехавших сюда в конце XIX – начале XX в. В 1940–1950 гг. в район активно переселялись украинцы из Сумской области [6, с. 9–32].

Переселенцы привозили с собой традиционные верования и представления о мире, которые накладываясь друг на друга, образовывали совершенно новые черты, присущие данной местности. Наиболее часто встречается у переселенцев поверья в людей, обладающих колдовской силой. Традиционно колдовством занимаются женщины, реже мужчины. Жители Целинного района называли таких женщин ведьмами, волхидками или лихоманками [2]. Все эти названия равнозначны. Образ полулюдей-полудемонов возник в славянской культуре уже в праславянскую эпоху. У восточных славян существует множество поверий о людях, которые тем или иным образом приобрели некие магические знания и способны вступать в контакт с демонами, влиять на урожайность, погоду, плодovitость людей и животных. Это ведьмы, колдуны, знахари и оборотни. Все они наделяются даром провидения и оборотничества. Свои способности они могут использовать как во благо, так и во вред окружающим [4, с. 357].

Истории о ведьмах являются достаточно распространенными в данной местности. По рассказам информантов, они либо сами видели их, либо жертвами ведьмы становились близкие родственники или соседи [2]. Во многих селах ведьму представляли с необычной внешностью. Жители сел Воеводское и Овсянниково приписывали ведьме и колдуну хромоту, мутный болотный взгляд [8, с. 172]. Однако это было не везде. Так, по мнению жителей сел Верх-Шубинка и Марушка, ведьма ничем не отличалась от обычного человека. По сведениям информанта, «ведьма жила в соседях. Днем ее не боялись и только в темное время суток опасались выходить на улицу» [2, Кочкина Е. А.]. Темное время суток считается временем, когда ведьма опасна и совершает свои нехорошие дела. Места, где часто видели ведьму, считались «плохими», а местные жители обходили их стороной [2].

Свойства ведьмы наиболее часто приписывали женщинам старшей возрастной группы. Однако ведьмой могла быть и молодая девушка. Как сообщила К. С. Чепкасова, «еще раньше было, жили тут двое, баба и мужик, и у них дочь была, Маша. Такая она красивая была, сколь-

ко за ней женихов бегали. Отбою не было. С кем она только поговорит — этот человек сразу умрет. Шесть или семь парней умерло. Один парень из какой-то деревни приехал, там красивый несусветно какой, кудрявый. Она вышла поговорить с ним. Говорили, говорили. Она рукой хотела махнуть на него, он руку поймал и бросил в ее сторону. Говорит: «Что, не получилось со мной? Теперь ты берегись». Заболела, заболела. Через три недели умерла. Она хотела рукой на него колдовать, а он руку поймал и на нее все перевел. Сколько погубила парней, тебе за всех отвечать» [2]. Согласно славянской традиции, стать ведьмой могла девушка, которую кормили грудью «три Великие Пятницы», то есть более двух лет, или если она сама и ее мать были рождены вне брака [5, с. 297].

Способность к оборотничеству — одно из главных свойств ведьмы. Она может превращаться как в живое существо, так и в неодушевленные предметы. Наиболее частыми являются рассказы о том, как ведьмы оборачивались свиньями, кошками, собаками, коровами, птицами. Обернувшись в животное, обычно в полночь, ведьма нападала на людей: не давала пройти, подсекала и «катала» человека, причиняя ему увечья. Иногда удавалось справиться с ведьмой и нанести ей вред. «Шли мужики с работы вечером поздно, ведьма привязалась к ним, поросенком сделалась, пищит и под ноги бросается. Ульянов Иван схватил ее и ухо ей отрезал. Ведьма под крыльцо залезла, платком обвязалась и там плачет» [2, Чепкасова К. С.]. В связи с этим интерес представляет рассказ жителя с. Целинное, опровергающий существование ведьм и их способность к оборотничеству: «Просто когда у свиньи начинается гуляние, она не находит себе места, ей надо борова, и ночью она бежит за любым человеком, думая, что он отведет ее к борову. А люди этого не знают и наутро пускают слух о колдунье, превратившейся в свинью» [1, Подлесных П. И.].

Считалось, что из неодушевленных предметов ведьма любит обращаться чаще всего в колесо. Катится ночью такое колесо по улице и сбивает с ног прохожих [2].

Главной функцией ведьмы в славянской традиции считалась способность насылать порчу, вредить людям и скоту. По воспоминаниям жителей с. Марушка, ведьмы часто «подсаживали» хворь человеку. Больному приходилось в конце концов идти к этой же ведьме и просить избавления от недуга. Ведьма причиняла зло и через заговор различных предметов. К. С. Чепкасова рассказала, как ведьма принесла ей шубу и варенье. Шубу долго не могли сжечь, поливали соляркой, в конце концов она зашумела и «в небо унеслась». Варенье же соседка попробовала, после долго ее мучила болезнь [2].

Одним из распространенных сюжетов нарративов была кража ведьмой молока у коровы. Так, Е. А. Кочкина вспомнила следующий случай: «Выйдут корову доить, а она уже подоена. Вышел дед, сел в сарае затаился. Сидел, сидел, подойник зашевелился. Она [волхидка] через забор — и под корову. Смотрит, собака лохматая, хвостяка. Берет топор и по хвосту этому ударил. Она с этим подойником в забор. Дед заходит с этим хвостом домой. Раньше опояски были у женщин. Протягивает вместо хвоста кусок опояски. Спрашивает: „Не знаешь, чья опояска?“ Жена говорит: „Да как же не знаю“. На эту женщину все время говорили, что она бегаёт. Рассветало. Приходит к ней, она лежит на печке. Спрашивает: „Не знаешь, чья эта повязка?“ Она молчит, лежит. Все, отходила, отдоила» [2]. По мнению исследовательницы Л. Н. Виноградовой, функция отбирания молока занимает первое место среди злокозненных действий ведьмы в славянской традиции. После этого корова ведьмы начинает давать много жирного молока, а соседские коровы теряют молоко или оно становится жидким, без сливок [3, с. 233].

Судя по приведенным выше рассказам, обезвредить ведьму можно было, нанеся ей увечье (отрезать ухо, хвост), когда она находилась в измененном состоянии (свинья, собака). После этого ведьма либо теряла способность к оборотничеству, либо погибала.

Повсеместно считалось, что за связь с нечистой силой, дьяволом ведьма наказывается тяжелой смертью: она не может умереть, пока не передаст свои знания [5, с. 300; 7, с. 261]. Обычно эти знания передавались близкой родственнице по женской линии либо женщине, желающей добровольно их принять. Передача силы происходит через личный контакт с человеком. Т. Д. Мерзликина вспомнила следующее: «Когда баба Рая умирала, стала звать свою дочь. Ей люди сказали, чтобы она не откликалась, а то ей передастся сила колдуньи. Потом из колдуньи что-то вылетело» [1]. Умирать ведьма могла несколько дней, а то и недель, мучаясь в предсмертной агонии: «В поселке Дружба женщина колдовала. Когда стала она умирать, две недели мучилась. Ее вытащили в ограду, пошел дождь, они ее в предбанник. Она в предбаннике ночью умерла. Хоронить её никто не пошел, боялись люди» [2, Чепкасова К. С.]. Для облегчения агонии поднимали матку на потолке или открывали трубу. Потолок дома символизировал верхнюю границу внутреннего мира.

Таким образом, ведьма относится к числу наиболее устойчивых и узнаваемых образов в поверьях местных жителей. Ведьма наряду с колдуном, домовым и чертом остается одним из ведущих персонажей народной демонологии Целинного района.

Источники и литература

1. АЛЭИ АГАО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1. Полевые аудиозаписи историко-этнографических экспедиций ФИиП. Целинный район. 2002. С. Целинное.
2. ПМА. Целинный район. 2015. С. Марушка. Кочкина Е. А., 1923 г. р.; Чепкасова К. С., 1936 г. р.
3. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
4. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 526 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. I. 578 с.
6. Соловиченко. В. И. Родимая земля – Целинный район. История. Люди. События. Барнаул.: Азбука, 2014. 647 с.
7. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
8. Явнова Л. А. К вопросу о семантике образа колдуна и пространства «нечистой силы» на Алтае (по материалам этнографической экспедиции 2002 г. в Целинный район) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунар. науч-практ. конф. Вып. 5. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. С. 171–173.

Н. А. Тадина, Т. С. Ябыштаев, Э. Т. Казакулов, А. В. Чилбакова

Соотношение традиций и новаций родовой потестарности алтайцев в практиках проведения съезда-курултая¹

В целях реализации проекта РГНФ № 15-11-04003 а(р) на тему «Традиции и новации родовой потестарности алтайцев в контексте этносоциальных процессов в Республике Алтай» мы выявляем способы и формы легитимности потестарной власти «этносов» региона в иноэтнической русскоязычной среде, условиях парламентаризма и многопартийной системы управления общественностью. Применив этнографические методы включенного наблюдения и опроса информантов, посетили собрание Курултай алтайского народа, состоявшееся 13 декабря 2014 г., и VIII съезд Ассоциации коренных малочисленных народов Республики Алтай (далее – Ассоциация КМН РА), созданный 7 февраля 2015 г. Мы сравнили эти события, являющиеся разными в этнокультурном отношении: собрание-курултай собирается южными алтайцами – алтай-кижи и теленгитами, а съезд созывается северными алтайцами – тубаларами, челканцами, кумандинцами. Промежуточное положение занимают теленгиты, часть южных алтайцев, которые в силу малочисленности и проживания в высокогорных Улаганском и Кош-Агачском

¹ Исследование проведено при поддержке проекта РГНФ № 15-11-04003а(р).

районах получили статус «этнос» и как северные алтайцы вошли в Ассоциацию КМН республики.

Проведение собрания-курултая и съезда широко освещается в республиканских СМИ и на сайтах Интернета. На публичное обсуждение выносятся факты создания или раскола организаций алтайцев, результаты руководства лидеров. Общественная организация Курултай алтайского народа, образованная в 1997 г., распалась на «чиновничий» и «народный» Курултай. Три общественные организации северных алтайцев, созданные в 2011 г. – Община коренного малочисленного народа тубаларов, молодёжное общественное объединение КМН РА и общественное объединение «Ассоциация КМН РА» – были объединены в ассоциацию КМН РА «Кедр» (затем «Звонящий кедр», президент Л. Н. Пешперова). Ее развал был подвергнут критике старейшиной тубаларов А. С. Тодожоковой в статье «Пожелайте нам не продажных президентов», опубликованной в местной газете «Листок». В ней прозвучал призыв созвать VIII съезд, на нем создать «Ассоциацию КМН – тубаларов, теленгитов, челканцев и кумандинцев РА», принять устав Ассоциации, выбрать президента из 4 кандидатов: «Кто наберет большинство голосов – тот президент, а трое будут вице-президентами. Управление коллегиальное, ведь Правительству РА четырех руководителей купить (креслом, благами) будет труднее» [3].

Деятельность организаций КМН формирует не столько общественная работа, сколько налаженность отношений с властью. Избрание главы Ассоциации КМН предоставляет статус в публично-административном поле республики. Накоплен 15-летний опыт избрания на эту должность. Обычно предлагают из числа чиновников, вхожих во властные структуры региона, в надежде через него получить поддержку государства. Такими лидерами были В. А. Кыдатов – депутат Турочакского района, В. С. Максимов, работавший в комиссии по местному самоуправлению Госсовета – Эл Курултай Республики Алтай. В расчете на материальную поддержку избирали успешных предпринимателей, к примеру Л. Н. Пешперову, имеющую сеть магазинов. Другие рассчитывают на эту должность как на «трамплин» во власть: А. И. Сумачаков занял место главы Счетной палаты Республики Алтай. Иные стремятся заручиться поддержкой и расширить политический капитал. Так, на VIII съезде очередным президентом Ассоциации КМН была избрана Е. В. Унучакова, отстраненная от должности главы Турочакского района в 2014 г.

Общественность воспринимает организации КМН в одном ряду с государственными учреждениями. Такая позиция связана с решением вопросов о получении льгот, ведь принадлежность к КМН рассма-

тривается как правовой статус, дающий основания для социальной поддержки со стороны государства. Другое основание в создании специальных некоммерческих хозяйственных организаций и на территории традиционного проживания КМН – в Чойском, Майминском и Турачакском района, а также Улаганском и Кош-Агачском районах было зарегистрировано 40 общин и общественных организаций КМН. На VIII съезде была отмечена пассивность лидеров в публичной жизни и тот факт, что Ассоциация КМН РА не имеет юридического статуса до сих пор, о чем старейшиной тубаларов А. С. Тодожокковой сказано так: «Мы можем петь и плясать сколько угодно, но прав на землю, охотугодья, квоты на охотничьи ресурсы и финансовую помощь на обучение, на жилье, на лекарства и повышение благосостояния лиц, занимающихся традиционными видами деятельности, не получим» [3]. Некоторые льготы, такие как уменьшение пенсионного возраста до 50 лет у женщин и 55 лет у мужчин (СЗ РФ 2001) и бесплатная заготовка древесины для собственных нужд доступны лишь тем представителям КМН, кто прописан на территории традиционного проживания, а не в другом районе или городе [1].

Сравнивая практики проведения съезда и курултая, мы определили такие параметры, как идея мероприятия, язык общения участников, используемая терминология, учет родовых и гендерных принципов организации. Анализируя собранные этнографические сведения, мы выявили следующее соотношение традиций и новаций родовой потестарности алтайцев.

На Курултай алтайского народа собираются делегаты районов, большинство из которых – мужчины, прибывшие внести свой вклад в решение наболевших проблем. Проведение курултая построено на патриархальных принципах родового общества алтайцев. В нём социальная власть выстраивается на базе поло-возрастной стратификации. Курултай является делом мужчин, они участвуют по собственной инициативе, представляя своё село, свой сёок-род. По социальному статусу мужчина считается выше женщины: во-первых, выступает главой семьи (при патрилокальности брака), во-вторых, продолжателем сёока и отцом детей-наследников (при патрилинейности рода). В народе сложилось представление о социальных нормах: как семья имеет главу-мужчину, так и народ (род) должен иметь главу – зайсана. Если есть зайсан, то, значит, есть его сёок-род. Если есть сёок, то люди, входящие в его состав, помнят и понимают важность соблюдения родовых обычаев. Если действует зайсанат (совет родовых глав) и проведен курултай, значит, жива родовая структура и связанное с ней этническое сознание алтайцев.

На повестку дня были вынесены актуальные вопросы о статусе алтайского языка, экологии Алтая, сохранении авторитета старших, соблюдении обычаев взаимопомощи и авункулата, нарушении родовой экзогамии, необходимости регулирования сватовских расходов и вопросы села. Поднимаемый комплекс родовых проблем приобретает новое звучание на общероссийском фоне безработицы, занятости молодежи, низкого уровня жизни в регионах. В президиуме курултая сидят мужчины, они ведут собрание, берут слово и выступают, принимают решение. В редких случаях выступает женщина, по этическим нормам извиняясь за то, что она, «человек с длинными полами», считает нужным высказать свое ценное мнение. В этом гендерном правиле прослеживается функционирование одного из принципов потестарности.

На алтайском языке не только проводится курултай, звучат выступления, на нем изложены повестка собрания, его решение и резолюция. Сложилось представление о том, что наряду со знанием родного языка важным маркером является соблюдение ритуальных практик как некий эталон «алтайского», основанный на традиционном мировоззрении. При проведении Курултая придерживаются сакральной стороны – день собрания назначается в период новолуния. Ранним утром у подножия горы Тугая (г. Горно-Алтайск) зайсаны совершают ритуал почитания Алтая. В сопровождении слов благословения Алтая старший из зайсанов повязывает на березу две белые ленты «кыйра» (или в сочетании с желтой/голубой). Считается что от правильного соблюдения обрядовой символики (период новолуния, восточная сторона, четное количество, светлые тона), утвержденной бурханизмом, зависит судьба народа, его спасение от интенсивной ассимиляции и урбанизации в современных условиях.

Отклонение от устоявшихся норм проведения курултая наблюдается у северных алтайцев. Собрание названо съездом, организация – Ассоциацией, а ее глава – президентом. Съезд проходит на русском языке, выступают преимущественно женщины – горячо, с резкой критикой сложившейся ситуации. В отличие от курултая, на съезде северных алтайцев не увидишь мужчин с традиционной прической-косичкой, а женщины – в брюках и без головного убора. Определенное бытование имеет стереотип «этнической второсортности», когда речь заходит о возрождении традиций. В своем этническом возрождении северные алтайцы пошли путем создания общественных организаций, в которых не берётся во внимание родовая принадлежность членов, поэтому при регистрации участника съезда не считается нужным записать его сёок, к тому же некоторые не знают его. Несмотря на то, что традиционное общество – родовое в своей основе, северные алтайцы не возро-

ждали должность родового главы, а ввели выборы в Совет старейшин. Дело в том, что североалтайское сообщество первым встало на путь неизбежной модернизации в виде русификации и европеизации, усвоения этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения. Невысокая численность, утрата основных черт традиционной культуры, рост числа смешанных браков способствует этническому размыванию северных алтайцев.

Опыт проведения съезда Ассоциации КМН РА показывает отдалённость северных алтайцев от родовых принципов организации. Их социальные акторы движения возрождения (этнические лидеры, Ассоциация КМН РА) актуализируют «финно-угорскую» общность северных групп в качестве отличия от южных алтайцев [2]. «Другой» образ северных алтайцев, приобретших статус «этноса», подкреплён своеобразным составом их сёков-родов, антропологическим уральским типом и диалектом, сложившимся под угро-самодийским влиянием. Развернувшийся этнокультурный дискурс стал политикой в создании коллективных идентичностей северных групп алтайцев.

Социально активная часть южных алтайцев полагает, что необходимо соблюдать родовые традиции и участвовать в работе съезда-курултая. Это собрание призвано выражать их этносоциальные интересы, взаимоотношения структур власти и общественности республики. Возрождение обычаев потестарности позволит родовым традициям выйти из семейно-бытовой и родственной среды на более широкий уровень. Участники курултая утверждают, что путём восстановления авторитета родового главы и принципов традиционного управления можно решить имеющиеся внутриэтнические проблемы.

Наши этнографические сведения позволяют утверждать, что сочетание традиций и новаций родовой потестарности наблюдается в работе курултая, а на съезде Ассоциации КМН РА родовая идея организации не имеет места. Одна из потестарных новаций выражается в форме сочетания родового и административно-территориального принципов руководства, отчего наравне с должностью зайсана как родового главы утвердились должности районного главы «аймак башчы», сельского главы «юрт башчы», главы народа «Эл башчы» республиканского масштаба.

Литература

1. Маслов Д. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов Республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 60–82.

2. Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. «Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 1 (130). С. 23–27.
3. Тодожокова А. С. Пожелайте нам не продажных президентов [Электронный ресурс] // Листок. 2014. URL: <http://www.listock.ru/39296>

М. Н. Тихомирова

О выделении бухарского этнокультурного компонента в системе питания татар Западной Сибири (по результатам полевых работ 2000 и 2014 гг.)¹

Изучение в системе питания татар Западной Сибири этнокультурных традиций, формирование которых обусловлено особенностями этнической истории, позволяет нам выстроить ее схему формирования и выявить локальные особенности.

Одним из таких этнических компонентов в составе ряда территориально-этнических подразделений этноса являются группы переселенцев из Средней Азии, называемые в научной литературе «сибирскими бухарцами». Н. А. Томилов писал, что до начала XX в. сложилось четыре территориальные группы сибирских бухарцев: тарская, тюменская, тобольская и томская [1, с. 86]. Однако в первой половине XX в. в результате различных процессов и событий произошли существенные изменения в их этническом самосознании, языке, культуре, что повлекло практически полное «отатаривание» [2, с. 27].

В настоящее время у части потомков тарских, тюменских и тобольских бухарцев сохраняется многоуровневое самосознание с идентификацией себя в качестве татар и бухарцев (*бухарлык*) (тарская группа), *бухарских татар* (тюменская группа). В системе питания потомков тарских и тюменских бухарцев по полевым материалам можно выделить разноуровневые пласты и этнокультурные традиции.

Целью данной работы является выделение черт и традиций, которые можно было бы интерпретировать как бухарские; их бытование можно связать с исторической родиной переселенцев. Однако подчеркнем, что, очевидно, речь идет об измененной и адаптированной к сибирским условиям системе питания. Блюда практически полностью или частично (названия, форма, ингредиенты, способ приготовления) были изменены.

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К.

Работа написана на нами материалах, собранных среди потомков тарских (Омская обл.) и тюменских (Тюменская обл.) бухарцев. В 2000 г. сборы производились в населенных пунктах «Уленкулевского куста» — с. Уленкуль, деревни Каракуль, Черналы Большереченского района, в 2014 г. — в пос. Междуречье (с 1983 г. включены два бухарских населенных пункта — Атак и Речапово), д. Сеитово Тарского района Омской области. В 2014 г. нами была совершена поездка в с. Ембаево, деревни Мал. Акияры, Тураево Тюменского района Тюменской области. Кроме того, для обеспечения репрезентативности материала нами использовались материалы двух этнографических экспедиций ОмГУ по Омской области: 1975 г. в Большереченский район в Уленкулевский куст поселений и 1980 г. в Тарский район в деревни Атачка, Айтгулово, Речапово, Киргап.

Нужно сказать, что существует методические проблемы интерпретации полевых материалов и их идентификации как бухарские, так как переселения в Западную Сибирь случилось давно (XVI–XVIII вв.), данные группы ассимилированы коренными сибирскими татарами, связи с исторической родиной утрачены. Большинство письменных источников XVI–XVIII вв. не дают описания быта и культуры среднеазиатских переселенцев, за исключением кратких сведений, датированных 1666 г. о бухарцах г. Тобольска, оставленных неизвестным автором [3, с. 288]. Поэтому единственный источник, которым мы располагаем, — это устные сведения информаторов, которые, как правило, не имеют значительной хронологической глубины. Используя более ранние описания пицци тарских бухарцев казанского исследователя Ф. Т. Валеева [4, с. 231–246], мы можем реконструировать бухарские этнокультурные традиции приблизительно до середины XIX в.

У потомков тюменских бухарцев до настоящего времени фиксируется изготовление каши *алва*, которая отличается большим количеством масла. Сливки или сметана нагреваются на медленном огне, затем насыпаются мука, соль, и далее, после того как каша закипит, добавляется вода, в результате чего на поверхности образуется масляный слой. Кроме того, в тарской группе готовили *халва*, но технология была иной: муку поджаривали на сковороде без масла, чтобы она приобрела золотистый оттенок, потом ее обжаривали на теплом сливочном масле и смешивали с сахарным сиропом. Для обоих названных блюд прототипом были среднеазиатские мучные «кисели» (*атола*), распространенные среди узбеков и таджиков [5, с. 147, 175; 6, с. 152–153].

У тарских бухарцев, по воспоминаниям Ф. Т. Валеева (происходил из тарских бухарцев), в прошлом на коллективные трапезы готовился суп *нарын* из перловой крупы, картофеля, мяса и гороха. В XIX в. вме-

сто гороха использовали зерна *маша* (растение семейство бобовых), которые привозили торговые бухарцы из Средней Азии [4, с. 127].

Среди потомков бухарцев тарской группы готовили сахарный сироп (*щербет/щервет*) и тонкие лепешки под названием *юпка*.

Все названные выше блюда готовились для праздничных или ритуальных трапез. Каша *элвэ* была гостевым блюдом. Когда гость неожиданно появлялся на пороге, то ее было быстро и просто приготовить. Получалось сытное и вкусное блюдо. *Хэлва* готовились только на праздники и ритуальные трапезы, целью проведения которых было достичь благополучия для живых членов семьи. Сладкий напиток *щербет/щервет* специально готовили на мусульманский обряд бракосочетания (*нека*). А приготовление блюда *юпка* зафиксировано в одном из населенных пунктов тарской группы специально на поминки 40 дня. По словам информаторов, до недавнего времени сохранялась традиция готовить 41 штуку лепешек.

В лексике потомков бухарцев тарской группы, в отличие от тюменской, в названиях пищи зафиксировано больше иранских названий — *пыяс, ширпурек, нарын, нан, самса, патыр, тантыр* [7, с. 143–145]. В настоящее время большинство из перечисленных иранизмов еще используются населением для обозначения видов пищи.

Хэлва, щербет/щервет готовятся потомками бухарцев и теперь, сохраняя свое ритуальное значение. Каша *элвэ*, хотя довольно редко, но встречается у пожилых информаторов, у которых, в отличие от молодежи, частично сохраняются традиционные вкусовые предпочтения.

Таким образом, элементы системы питания татар Западной Сибири, по нашему мнению, относятся к традициям переселенцев из Средней Азии, участвовавших в этногенезе некоторых подразделений этноса.

Источники и литература

1. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX вв. Новосибирск: Наука, 1992. 271 с.
2. Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Изд. дом «Наука», 2011. 248 с.
3. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: введение, тексты и комментарий. Новосибирск: Наука, 2006. LXXII, 504 с. (СО РАН. Избранные труды).
4. Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX вв.: историко-этнографические очерки. Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. 232 с.
5. Кармышева Б. Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М., 1986. С. 139–182.

6. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973. 297 с.
7. Исхакова С. М. Узбекский элемент в языке сибирских татар // Вопросы тюркологии: Ученые записки. Казань, 1970. Вып. 74. С. 140–149.

Ю. Н. Цыряпкина

Проблемы адаптации русского населения приграничных регионов Казахстана (на примере полевых исследований в г. Семей в 2014 г.)¹

Вопросы регулирования национальной политики Казахстана определяются программой Н. А. Назарбаева «Казахстанский путь развития», неотъемлемой частью которой являются казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия.

Внимание мирового сообщества в начале 1990-х гг. было приковано к этнополитическому развитию Казахстана, в котором проживало самое многочисленное русское население в Центральной Азии (37,4%) [1, с. 20]. Многие видные эксперты высказывали сомнения по поводу жизнедеятельности независимого Казахстана из-за реальной опасности раскола между русским/русскоязычным севером и казахским югом. Однако президент Н. А. Назарбаев смог примирить две основные национальные группы: развитие языка, культуры, обычаев казахов и одновременно сохранение роли национальных меньшинств и статус русского языка в стране. Основным пропагандистским органом в деле построения общества толерантности стала Ассамблея народов Казахстана, созданная в 1995 г. указом президента. Миссия Ассамблеи народов Казахстана заключалась в том, чтобы сформировать казахстанскую идентичность путем консолидации этнических групп Казахстана на основе гражданского, духовного и культурного сообщества, главную роль в котором должны играть государственный язык и культура казахского народа [6].

К настоящему моменту можно сделать вывод, что Ассамблея – своеобразный пропагандистский орган, через который транслируются и распространяются идеи духовного единства, укрепления и сохранения дружбы народов и межэтнического согласия. С 2007 г. указом Президента Ассамблея народов переименована в Ассамблею народа Казахстана, что свидетельствует о том, что руководство страны непосредственно перешло к задаче формирования общегосударственной

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «„Русские“ в Центральной Азии: особенности этнокультурных процессов в конце XX – начале XXI веков», поддержанного фондом Президентских грантов 14.124.13.2516-МК

идентичности. В рамках работы Ассамблеи и малых Ассамблей во всех областных центрах Казахстана и двух столицах координируется работа всех этнокультурных объединений, которых по данным на 2014 г. насчитывается 820. В 2015 г. отмечается двадцатилетие Ассамблеи, и за этот период было сделано очень многое для популяризации культурных обычаев и традиций народов, проживающих в Казахстане. Примерно такая же модель взаимодействия власти и этнокультурных объединений была адаптирована в Кыргызстане в акаевский период и в Узбекистане, где она воплощается в формуле «Узбекистан – страна толерантности».

В Ассамблее народа Казахстана все национальные вопросы переводятся в культурные рамки и «фольклоризируются» с целью предотвращения любой формы политического выражения национальных требований [10, с. 75]. Культурная жизнь этнических меньшинств ограничивается песнями, костюмами, национальной кухней, языковыми курсами в лучшем случае. Причем национальная культура транслируется в самом архаичном фольклорном варианте. Таким образом, Ассамблея народа Казахстана позволяет показать национальные вопросы в аполитичном видении и тем самым ограничить действие этнического фактора, в первую очередь многочисленных этнических групп.

Вторая по численности этническая группа Казахстана – русские, доля которых, по данным переписи населения 2009 г., составляет 23,7% (3793700 человек) [9, с. 252]. Русские реализуют свои культурные запросы через русские культурные центры, отделения которых есть в каждом городе Казахстана. В Семее (до 2007 г. Семипалатинске), втором по численности городе Восточно-Казахстанской области, по данным на начало 2013 г., проживало казахов – 68,1%, русских – 27,2%, представителей других этнических групп – 4,7% [8]. В городе с 2002 г. действует Русский социально-культурный центр, призванный сохранять традиции и культуру русского населения.

В 2014 г. в г. Семей в июне и в ноябре 2014 г. было проведено 8 полуструктурированных интервью и опрошено 10 респондентов, двое из которых – эксперты. Основной целью опроса было выявление уровня адаптации русского населения к реалиям суверенного казахстанского общества. Ряд экспертов отмечал, что в период с конца 1990-х до 2010-х гг. число выездов на постоянное место жительства из Казахстана сократилось в несколько раз. Произошла стабилизация казахстанского общества в социально-экономическом, политическом и межэтническом плане. В 2013–2014 гг. медленно, но нарастает отток русского населения из Казахстана, в основном по Программе содействия переселения соотечественников.

Результаты полевых исследований в российском приграничье свидетельствуют о нарастающих сложностях в процессах интеграции русских в казахстанское общество. Впервые это отметил в 2008 г. А. Н. Алексеенко, высказав мысль о том, что «...не русскоязычные интегрируются в казахстанскую среду, а государственная политика в конце XX – начале XXI в. в гораздо большей мере, чем в первой половине 1990-х годов, соответствует их представлениям о сравнительно комфортном существовании» [7, с. 11]. Соответственно, русские полностью зависят от государственной политики руководства Казахстана. За прошедшие 23 года суверенизации в республике подавляющее большинство русских не овладело государственным языком, все респонденты признали свою инертность в деле изучения казахского языка.

Отсутствие знания государственного языка у русского населения объясняется малой функциональностью и технологичностью казахского языка, сложностью освоения тюркских языков и государственной поддержкой статуса русского языка. К тому же в период расширения сферы применения государственного языка наблюдается разногласие в использовании казахского языка его носителями: «У нас работают девушки (казашки. – Ю. Ц.) из сел, грамотно писать по-казахски не могут» [3].

Все опрошенные респонденты признают, что постепенно сужается сфера трудоустройства из-за незнания казахского языка в государственных учреждениях, большинство русских занято в частном секторе или на промышленных предприятиях города. В то же время все респонденты знают единичные случаи, когда русские успешно овладели языком автохтонного населения (например, дикторы телевидения). В условиях суверенизации Казахстана казахи по-прежнему в большой степени остаются двуязычными.

В настоящее время прослеживается отчуждение между городскими жителями и казахами-сельчанами, переезжающими на постоянное место жительства в Семей. Подобные тенденции в постсоветской Центральной Азии были отмечены в работах Н. П. Космарской, фиксирующей столкновения между городским и сельским населением в Бишкеке [11, р. 1521]. По оценкам экспертов, в настоящее время в Семее доля выходцев из сельских районов превалирует над долей коренных жителей [2]. Казахское население из сельской местности отличается традиционностью, которая отчасти не вписывается в рамки поведения в урбанизированной среде, что отмечалось в интервью у 6 респондентов из 10. Несовпадение стилей жизни, прежнего опыта русских и казахов приводит к тому, что правительственная программа по формированию общегражданской идентичности работает с трудом и сложности воз-

никают не только из-за языковых вопросов, но и из-за архаизации сознания сельского населения, отсутствия сплачивающих традиций, поддерживаемых на государственном уровне: «Сейчас стало заметно отчуждение между русскими и казахами именно в плане духовного общения, если во времена Советского Союза гуляли вместе на свадьбах, были совместные дни рождения, то сейчас на каком бы языке казахи ни разговаривали в повседневной жизни, свадьбу они стараются традиционно отметить. Нанимают казахоговорящего тамаду, отметить те же похороны, вот это все» [4].

Та же особенность социокультурной жизни Семей была замечена в интервью О.: «Сейчас все равно, даже если дети общаются на улице, хоть на русском, хоть на казахском, но каждый уходит к себе домой и вот там традиции разные, они стали более проявляться в воспитании» [5]. Эти рассуждения респондентов иллюстрируют мысль А. Н. Алексеенко о том, что интеграция русских/русскоязычных в казахстанскую (казахскую) действительность возможна лишь до определенного предела. Русские в рамки традиционной схемы вписаться не могут, даже если они в совершенстве овладеют государственным языком, будут знать обычаи и традиции казахского народа [7, с. 12].

Респонденты и эксперты признают, что в суверенный период большое значение имеет родовая принадлежность, клановость. Даже если русские/русскоязычные будут знать казахский язык и обычаи – это не гарантия того, что они полностью интегрируются в казахское общество. «Даже если ты выучишь казахский язык в совершенстве – нет гарантии, что тебя здесь ждет счастливая жизнь» [4]. Респонденты отмечают, что нарушаются их права на использование русского языка в общественном пространстве (вывески на казахском языке не дублируются на русском). Всплески бытового национализма, в которых абсолютизируется роль титульного населения в истории страны, диссонируют с постулатами президента. Из выступления президента Республики Казахстан на XXI сессии Ассамблеи народа Казахстана в Астане 18 апреля 2014 г.: «В нашем обществе ни у кого нет никаких этнических преимуществ и все равны перед законом. Все *казахстанцы* – дети одной родной земли. Все мы – разные и равные дети единого казахстанского народа».

В Семей затруднена социальная адаптация молодежи вне зависимости от ее этнической принадлежности из-за отсутствия стабильности на рынке труда и наличия в основном малооплачиваемой работы. Соответственно повышается мобильность молодежи по линии учебной миграции за пределы города и страны. В нескольких интервью отмечалось, что если у молодежи примерно одинаковые стартовые позиции в Казахстане и в России, то некоторые выбирают переезд в Россию.

Проведенное в 2014 г. исследование в г. Семей выявляет определенные сбои в реализации курса Н. А. Назарбаева по формированию государственной идентичности, сложности адаптации русского населения приграничного города к казахстанским реалиям, которые вполне могут обостриться при изменении ситуации в социально-экономической и политической сфере.

Источники и литература

1. Итоги Всесоюзной переписи 1989 г. по Казахской ССР. Алма-Ата, 1990. Т. 1. 444 с.
2. Полевые материалы автора 2014 г.: Семей, Коновалов А. П., русский, преподаватель, 12.06.2014.
3. ПМА 2014 г.: Семей, Н., 45 лет, русская, работает в государственном учреждении, 16.06.2014.
4. ПМА. 2014 г.: Семей, О., 34 года, русская, домохозяйка, 2.11.2014.
5. ПМА 2014 г.: Семей, О., 33 года, русская, бухгалтер в частной компании, 2.11.2014.
6. Стратегия Ассамблеи народов Казахстана в среднесрочный период (до 2007 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/1483639.html> (последнее посещение 17.03.2015).
7. Алексеев А. Н. Русские в орбите государственной политики // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 11–12.
8. Город Семей (паспорт Восточно-Казахстанской области). Департамент статистики Восточно-Казахстанской области, 21.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eastonline.kz/dok/regioni/semi.html> (последнее посещение 17.03.2015).
9. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. М. К. Козыбаев. Т. 5. Алматы: Атамұра, 2010.
10. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М.: НАТАЛИС, 2007. 360 с.
11. Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G. The Place of Memory in Understanding Urban Change in Central Asia: The Cities of Bishkek and Ferghana // Europe-Asia Studies. Vol. 66. № 9. November 2014. P. 1501–1524.

Я. С. Щетинина

Полевые этнографические исследования сектора традиционной русской культуры Государственного художественного музея Алтайского края за 2014 г.

В Алтайском крае при Государственном художественном музее в 1994 г. в результате реорганизации центра фольклора и народных ремесел был создан отдел реконструкции и реставрации традиционной русской культуры (в 2012 г. он был переименован в сектор научно-

Рис. 1. Братенькова Агафья Иосифовна, 1933 г. р.

исследовательского отдела). Основным направлением работы сектора является научно-исследовательская и коммуникативная деятельность. В процессе исследований был сформирован большой массив материалов по культурному наследию старожилів Алтая. Начиная с 1994 г. на территории Алтайского края и Республики Алтай сотрудниками сектора традиционной русской культуры научно-исследовательского отдела было проведено 33 фольклорно-этнографические экспедиции. Собранные в ходе экспедиций 1994–2014 гг. полевые материалы пополнили фонд и архив музея предметами традиционной культуры старожилів Алтая. Так, в фондах музея имеются материалы из Алтайского, Заринского, Змеиногорского, Чарышского, Залесовского, Петропавловского, Солонешенского, Смоленского, Третьяковского, Красногорского, Бийского, Косихинского, Ельцовского, Шелаболихинского, Алейского, Рубцовского, Тогульского, Советского, Солтонского, Усть-Коксинского, Усть-Канского, Каменского, Тюменцевского, Кытмановского районов [1–3].

В 2014 г. в рамках ведомственной целевой программы «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» 2012–2014 гг. состоялась фольклорно-этнографическая экспедиция Государственного художественного музея Алтайского края в Каменский и Тю-

Рис. 2. Панькова Елизавета Родионовна, 1926 г. р.
С. Ключи, Тюменцевский район

Рис. 3. Шаховцов Иван Васильевич 1928, г. р.

Рис. 4. С. Шпагино, ул. Центральная, 23

менцевский районы (рис. 1–3). В ходе десятидневной поездки, с 9 по 18 июля, были обследованы села Аллак, Корнилово, Поперечное, Гонохово, Новые Ярки, Зеленая Дубрава, Каменского района и Тюменцево, Андроновое, Урывки, Ключи Тюменцевского района. Было записано около 60 часов аудиорепортажей и 15 часов видеорепортажей о трудовых, ремесленных, семейных, праздничных и обрядовых традициях русских старожилов и переселенцев. Сделано около 1,5 тыс. фотоснимков, получено в дар от старожилов 25 предметов – этнографических памятников традиционной культуры. Проведена работа в фондах Каменского и Тюменцевского районных музеев, в процессе которой выполнены фотосъемка и описание этнографических коллекций.

Следующими были экспедиционные исследования, организованные в рамках губернаторского грантового проекта по созданию концепции историко-этнографического и архитектурного музейного комплекса «Музей крестьянства и сельского хозяйства Алтайского края». Они прошли в Заринском и Кытмановском районах в сентябре 2014 г. Их целью была фиксация экспертной оценки состояния сохранности этнографических объектов, включая архитектурные сооружения, бытовые предметы, необходимые для создания музея. Маршрут экспедиции включал 10 населенных пунктов, в которых, по сведениям преды-

Рис. 5. С. Староглушенка, ул. Курьинская, 2

дущих исследований, сохранились памятники традиционной культуры. Это села Сорокино, Хмелевка, Казанцево, Среднекрасилово, Староглушенка, Смирново, Шпагино, Яново, Озерное (Заринский район); Кытманово, Черкасово (Кытмановский район) (рис. 4, 5).

По итогам экспедиционных исследований был выявлен ряд старинных домов, представляющих различные конструктивные типы жилых построек, для их потенциального размещения на территории Музея крестьянства и сельского хозяйства Алтайского края. Их исследование показало, что все они претерпели изменения: были перенесены с места на место, перестроены, перепланированы, отремонтированы при помощи современных материалов. Постройки, сохранившие свой первоначальный вид и представляющие историко-культурную ценность, находятся в частном владении, предполагается их выкуп у собственников. Все сооружения, при условии перемещения на территорию музея, будут нуждаться в реставрации и замене отдельных венцов срубов, восстановлении внутренних стен. Для этого необходимо приобрести и перевезти на территорию музея стройматериал, соответствующий времени создания этнографических памятников.

Таким образом, Государственный художественный музей Алтайского края в рамках работы сектора «Традиционная русская культура» активно занимается изучением, сохранением и популяризацией нематериального культурного наследия региона. В последние годы благодаря гранту губернатора Алтайского края и ежегодно поддерживаемой ведомственной целевой программе «Сохранение и развитие традиционной народной культуры Алтайского края» 2012–2014 гг. осуществляются этнографические исследования.

Собранные в ходе экспедиций за 2014 гг. полевые материалы пополнили фонд и архив музея объектами нематериального и материального наследия. В дальнейшем экспедиционный аудио- и видеоматериал будет подвергнут обработке, систематизации, расшифровке, оцифровке. Сотрудниками ежегодно создаются музейные выставки на основе этнографических коллекций, а трансляция собранного в рамках экспедиций нематериального историко-культурного наследия осуществляется как в интерактивных, так и в традиционных видах деятельности, направленных на изучение ремесел, игрового и песенного фольклора.

Источники и литература

1. ГХМАК. Архив. Аудиоматериалы экспедиций 1994–1999 гг. (аудиозаписи № 1–30).
2. ГХМАК. Архив. Аудиоматериалы экспедиций 2000–2010 гг. (аудиозаписи № 1–30).
3. ГХМАК. Архив. Аудиоматериалы экспедиций 2010–2013 гг. (аудиозаписи № 1–30).

Л. А. Явнова

«За одним столом!»: семейная трапеза сельского населения Алтай

Традиционная система питания является своеобразным этническим маркером и служит одним из источников изучения не только истории народа, но и механизма функционирования культурного наследия этносов в современных условиях. В научном дискурсе одной из важных проблем, интересующих этнографов и культурных антропологов, продолжает оставаться история кухни и застолья как культурной институции [14, с. 4; 15, с. 126–128; 16, с. 161–169; 18, с. 90].

Основная человеческая потребность – в еде – служит объединяющим началом. Помимо своей основной роли утоления голода, пища в культуре играет также огромную социальную роль. Любое совместное принятие или неприятие пищи выражает определенный уровень близости или отчужденности людей, совместная трапеза – почти не-

ременный компонент любого празднества или события жизненного цикла [20, с. 143]. Наша задача – на материале полевых этнографических текстов рассмотреть вариации семейных трапез различных этнических и этнокультурных групп Алтая в XX в.

Определенная группа обычаев связана с ритуализацией застолья. Это прежде всего обычаи поведения за столом, отношение к гостям. У старообрядцев Большого Салаирского скита принято было оказывать внимание гостю. О. В. Мальцева следующим образом описывает типичную ситуацию такого рода: «Нас встречала сама хозяйка. Поздоровалась, пригласила войти в дом и выпить чаю. За стол села сначала хозяйка, потом гости. На стол поставили самовар, четыре вазочки на блюдцах. В трех вазочках определенный сорт варенья, в четвертой – мед, а на каждом блюдце лежит серебряная ложка. Подали блюдо с половиной каравая. Другое блюдо внесли с пирожками с ревенем, со щавелем. Еще на одном блюде внесли шанежки с черемухой. На столе стоит только два прибора для чая. Чай будут пить только хозяйка и гости» [19, с. 19–20 (традиция существовала до 1976–1978 г.).

Считалось неприличным чавкать за столом.

В целом порядок за столом был строго регламентирован. В домашнем быту старообрядцев завтракали, обедали и ужинали в установленное время, опаздывать не разрешалось. Мужчины, женщины и дети располагались в определенном порядке, начинали трапезничать только после главы семейства, из общей миски, соблюдая определенные правила поведения за столом. Примерно в семь-восемь часов садились завтракать. Под святой угол садился глава семьи, рядом с ним – старший из сыновей. Мужчины рассаживались по правую сторону стола – на лавках, а женщины – по левую, на приставных скамейках [1]. У уймонских старообрядцев существовал своего рода чин поведения за столом, правила которого не нарушались веками. Ульяна Михайловна Аргокова рассказывала: «Дети ели за отдельным столом, около печи. Свекровь сидела вместе с ребятишками, чтобы доглядывать за ними. Стряпка подавала на стол и ела после всех. Случалось и так, что сначала ели взрослые, потом дети, при этом женщины стояли позади мужей и хлебали из-за их спин» [5, л. 25]. Миней Амосович Минеев вспоминал о заведенном в семье отца правиле: «Хлеб разрезал отец, ели из одной миски деревянными ложками. Мясо брали после того, как свекор даст указание, стукнет ложкой. За столом сидели чинно: засмеешься, то свекор ложкой по лбу стукнет» [13, л. 62]. Существовали и определенные этикетные позы сидения за столом. «Чинно» в данном контексте означает сидеть «не горбясь», не облакачиваясь. Со слов Татьяны Ивановны Бельской, «обедали в полдень, ужинали в шесть-семь часов. За стол

садились в определенном порядке: в переднем углу — хозяин, рядом с ним — хозяйка» [6, л. 32].

Существовали правила отношения к еде и к столу. «Спрашивать ни о чем, пока не заговорит сама хозяйка, нельзя — это правило хорошего тона. Правила хорошего тона не позволяют брать в руки чашку с чаем раньше, чем это делает хозяйка. Она в знак особого уважения сама положила варенье, мед, на небольшое блюдо — пирожков и шанежку. Нужно кивнуть головой хозяйке, когда поставили перед вами вазочки с вареньем, блюдо с пирожками. С блюда нужно взять пирожок, он печется размером не больше двух третей размера кисти хозяйки; пирожок нужно разломить, половинку положить на пирожковую тарелку, вторую половинку можно есть. Едят не откусывая, а отламывая по кусочку, держа руки над маленькой пирожковой тарелкой. Если начинка начнет капать, то на тарелку, но за это будет наказана стряпуха: начинка должна быть густой, не выливаться и не вываливаться из пирога» [19, с. 19–20], что свидетельствовало о тщательности приготовления особенно пирогов как прообраза семьи и достатка: по качеству приготовленных пирогов судили о характере хозяйки, стряпухи. «Откусывают от пирога только малые дети, хотя откусывать можно, но когда ты дома один или в кругу самых близких, которых не шокирует твое поведение. Тщательно прожевав кусок, можно сделать глоток чая» [19, с. 19–20]. «Вслух смеяться за столом — грех! Еда на столе, смеяться за столом — беса тешить» [19, с. 34–35]. «За столом нельзя мотать ногой — значит чертей качать» [11, л. 28].

Анализ текстов выявляет закономерность в режиме приема пищи и рассаживания старшего поколения за столом, особенно четко это фиксируется в интервью старожилов-старообрядцев.

Прием пищи у сибиряков начинался с прочтения молитвы перед иконой, вся семья вставала и молилась, дети тоже. Но информаторы, чьи предки были переселенцами из России, говорили, что бабушки им рассказывали, что «старожилы и молитвы-то не прочитают, наспех оселят себя крестом — и за стол». «Пока хозяин не возьмет ложку и первым не начнет хлебать щи, никто не смел есть», — рассказывала Акулиня Андреевна Фролова [7, л. 50]. Щи наливали в общую большую чашку, из нее ели все. Даже если приходили во время обеда соседи, их обязательно сажали за стол, но подавали только ложку. По словам Степаниды Васильевны Ильиной, есть из одной глиняной или деревянной чашки у сибиряков считалось «знаком дружной семьи», а соседу показывают свое уважение к нему, им «не брезгают». Щи подавались на обед ежедневно, а если оставались от обеда, «ставились к загнетке и были горячими целый день» [8, л. 26]. У «хохлов» ставился украинский

борщ. «Готовили его с душой: заранее заквашивали свеклу, каждый овощ резали по-особому: свеклу кубиками, морковь – соломкой, картошку – крупными треугольниками. Теперь так не готовят, как раньше. Варили в печи, борщ не кипел, а упревал», – вспоминала Валентина Алексеевна Мельник [9, л. 34]. На второе готовили картошку со «шкварками» либо котлеты с кашами. Каши варили самые разные: пшеничную, гречневую, кукурузную, тыквенную. Вообще хохлы любили жирную пищу, все готовилось на свином сале. «Российские» и сибиряки иногда щи заменяли грибным супом, летом часто варили ботвинью или делали холодный суп (окрошку). На второе подавали мясо из супа либо «томленное с луком». Клали в общую чашку и по знаку главы семьи начинали брать. «Кто торопится, тот получал ложкой в лоб», – отмечала Л. А. Черемникова [10, л. 12].

Праздничный стол отличался, по сведениям респондентов, большим разнообразием вкусных блюд. Обязательно стряпня из сдобного теста, курники, тушеное мясо: у старожилов – говядина, баранина, птичье мясо, у «хохлов» – томленная в жаровнях свинина или жареные поросята, а из мучных изделий – «косынчики» с маком. Украинцы любили мясо и картошку, а русские старожилы – мясо и мучное. Сибиряки – очень гостеприимные люди, по рассказам С. В. Ильиной: «На праздники всегда ждали гостей, поэтому готовили „полишней“, на Рождество, кроме всего, готовили творожные сырчики и раздавали ребятишкам, пришедшим славить. На масленицу – блины, и сдобные, и заварные, и гречневые. На Пасху – „паску“, разукрашенную и обмазанную взбитыми белками с сахаром, и крашеные яйца. Чай пили с сахаром либо с молоком, в большинстве семей – без сахара, заваренный травами» [8, л. 27]. По словам Анастасии Александровны Щегловой, в их семье сахар покупали «головами» (большими комками), дедушка откалывал специальным молоточком и раздавал всем за столом, кипятили самовар [12, л. 30].

Таким образом, как справедливо заметила А. А. Люцидарская, хотя пища старожилов и переселенцев и имела свои специфические особенности, здесь не было фруктов, многих овощей, не приготавливались какие-либо изощренные кушанья. Все потребляемые продукты были преимущественно местного производства. Привозными являлись пряности, сладости, чай [17, с. 152]. Шел обмен кулинарными навыками между старожилами и переселенцами, включались некоторые блюда других народов.

Во многих семьях вошло в привычку собираться за общим столом по различным поводам. «Если большой праздник, то семейное застолье обычно устраивали во дворе усадьбы – ставили столы и накры-

вали белой скатертью, выставляли кушанья, пели украинские песни» [4, л. 18] (из личных наблюдений автора и бесед). Чаще всего семейные трапезы проходили в виде праздничного мероприятия, сопровождаемого смехом и улыбками членов семьи, весельем, звоном бокалов и ароматом вкусных домашних блюд. Современная семейная трапеза отражает степень близости родственников и свойственников. Современные этнографические тексты, связанные с семейным застольем, изобилуют практиками совместного досуга по случаю юбилейных дат. Елена Николаевна Попова рассказывает: «Наша семья очень большая и собирается довольно часто, так как у нас много всяких дат: дни рождения, юбилеи, свадьбы, праздники. Например, в этом году у нас у многих будут круглые даты. Все эти традиции начались еще при моих родителях, когда мы были еще детьми, а с какого периода у них началось, я не знаю. Родственников очень много, участвуют и старые и малые, но некоторые живут очень далеко от нас, за 5 тыс. км, естественно, приезжают не на все праздники. Нам всем очень нравится встречаться вместе и общаться. Если какие-то даты выпадают на теплое время года, мы находимся во дворе, а если в холодное — то в доме. А когда очень жарко, мы собираемся и уезжаем на озеро, а там время пролетает совсем быстро и очень весело. За столы садимся так, как хочется, никто никого не рассаживает. У нас нет такой традиции, чтобы кого-то с кем-то усаживать, но детки обычно сидят за другим столом, правда, не всегда. Обычно мы собираемся ближе к обеду, т.к. мы живем на селе, с утра у каждого своя работа: накормить скотину и т. д. и т. п. А к обеду мы собираемся и в основном сидим допоздна, мы не только трапезничаем, но и устраиваем конкурсы, игры, сценки, поем песни, танцуем и т. д. Ответственные за досуг обычно хозяева дома, но у нас есть и очень активные родственники, которые сами могут устроить досуг не только для себя, но и для всех. У нас так очень часто получается. Так что все веселят друг друга. Проводим шуточные аукционы, игры-ромашки, „незаконченные фразы“, вопросы-ответы, кто что придумает. Исполняем застольные песни: „Вот кто-то с горочки спустился...“, „При лужке...“, „Ой, рябина кудрявая...“, „Оренбургский пуховый платок...“, „Ромашки спрятались...“, а также песни под гитару и многие другие. Детским досугом занимаются старшие дети — например, натягивают веревочку, привязывают на нее конфеты на ниточках, завязывают деткам глазки, и кто больше наберет конфеток за определенное время. А также в теплое время года дети играют в „третий лишний“, иногда и мы с ними играем, получается очень забавно, потому что кто старый, кто малый, у кого ноги болят, а кто бегать не умеет. Каждый раз стараемся придумать что-то новое, чтобы всем было интересно. По традиции на горя-

чее мы всегда готовим плов. Его у нас готовит свояк Алексей, так как он много лет прожил в Туркмении, и это блюдо готовит только он. Это его привилегия – плов и шашлык. Из салатов традиционным для нас является „сельдь под шубой“. Остальные все блюда и салаты мы меняем. Конечно, всегда делаем бутербродики разного типа, „нарезки“ рыбные, мясные, фруктовые и т. д. Салатов делаем несколько видов. Салаты готовят женщины, „нарезки“ и бутербродики – старшие дети. Так что стол у нас готовится быстро. Соки и компоты у нас всегда готовы, стоит только достать из погреба. Салаты раскладываем на стол по вазочкам, „нарезки“ – по тарелочкам. Бутербродики – на плоские блюда. У нас есть отдельное блюдо, которое мы используем только под салат „сельдь под шубой“, как-то так стало заведено. По центру на столе мы ставим традиционный салат, а уже от него прочие салатки, „нарезки“, бутерброды; графины с соком и компотами; алкоголь. Все проходит очень весело и интересно; все сыты и довольны. Если бы не были довольны, мы бы так часто не собирались» [2, л. 4].

Но порядок поведения за столом, как показывают этнографические тексты, одновременно и незыблем, и подвержен вариациям. Апофеозом автономии внутри дома оказывается появление в его пространстве телевизора и холодильника [14, с. 10]. Так, Раиса Дмитриевна Епанчинцева вспоминала: «Раньше, когда в Шебалино я жила, садились как хочешь. А когда я вышла замуж и появились дети, то муж – главный за столом, не знаю почему, он так садился, наверно, что он главный в семье... Дед вечно как включит свой телевизор и уставится в него, все едят нормально, он, как этот, не может без своего телевизора» [3, л. 5].

Вместе с тем приготовление и потребление пищи остаются явлением сугубо внутрисемейным. Трапеза – это архитектор семейной жизни. Основные кулинарные навыки передавались из поколения в поколение, что способствовало сохранению семейных традиций. Несмотря на современные тенденции собираться в ресторане или проводить время семьей в кафе, совместная домашняя семейная трапеза остается важным механизмом поддержания родственных связей.

Источники и литература

1. Архив ЛЭИ ФИиП БИГПИ. Ф. 1. Материалы ЭЭ БИГПИ 2000 г.: Солонешенский район, с. Сибирячиха
2. Архив ЛЭИ ФИиП АГАО. Ф. 6. Материалы ЭИ 2013 г.: Быстро-Истокский район, с. Быстрый Исток. Попова Е. Н. 1943 г. р.
3. Архив ЛЭИ ФИиП АГАО. Ф. 6. Материалы ЭИ 2014 г.: Павловский район, с. Лебяжье. Епанчинцева Р. Д. 1943 г. р.
4. ПМА 1987 г.: Целинный район, с. Воеводское. Лозовой Д. А. (украинец) 1933 г. р.

5. ПМА 1999 г.: Усть-Коксинский район, с. Верх-Уймон. Аргокова У. М. 1924 г. р.
6. ПМА 1999 г.: Онгудайский район, с. Онгудай. Бельская Т. И. 1919 г. р.
7. ПМА 2003 г.: Целинный район, с. Сухая Чемровка. Фролова А. А. 1916 г. р.
8. ПМА 2003 г.: Целинный район, с. Сухая Чемровка. Ильина С. В. (украинка) 1916 г. р.
9. ПМА 2003 г.: Целинный район, с. Воеводское. Мельник В. А. (украинка) 1926 г. р.
10. ПМА 2003 г.: Целинный район, с. Целинное. Черемникова Л. А. 1920 г. р.
11. ПМА 2003 г.: Тогульский район, с. Верх-Коптелка. Димакова П. Ф. 1932 г. р.
12. ПМА 2005 г.: Ельцовский район, с. Ельцовка. Шеглова А. А. 1916 г. р.
13. ПМА 2011 г.: Солонешенский район, с. Тальменка. Макарьев М. А. 1931 г. р.
14. Кабакова Г. И. Французская наука о еде // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 3–12.
15. Куприянова И. В. Обрядовая кухня русских старожилов Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул. БГПУ, 1998. С. 126–128.
16. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 269 с.
17. Люцидарская А. А. Пища в системе жизнеобеспечения колонистов Сибири // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск: Наука, СО РАН, 1992. С. 145–154.
18. Майничева А. Ю. Пища русских крестьян Верхнего Приобья конец XIX – начало XX веков. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 1998. С. 88–92.
19. Мальцева О. В. О быте, нравах и обычаях старообрядческого скита (Материалы полевых исследований вторая половина XX в.). Барнаул: АлтГУ, 2013 [Электронное издание].
20. Мартынова М. Ю. Мир традиций и межкультурное общение. М.: РУДН, 2004. 348 с.

3

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Д. В. Алекса

Трансформации представлений и образов русских и украинцев Романовского района в ходе переселений и совместного проживания (на примере сел Закладное и Грано-Маяки)

Население Алтайского края полиэтнично по составу. Формировались этнические общности на протяжении нескольких столетий и связаны с определенными группами народов, проживающих, как правило, в губерниях Европейской России. К середине XVIII в. на современной территории края появляются населенные пункты, в которых проживают группы восточнославянского населения, занимающиеся аграрным освоением местности. По большей части переселялись на территорию Сибири, в Алтайский горный округ представители крестьянского сословия из деревень или сел Европейской России ввиду нехватки земельных ресурсов после отмены крепостного права в 1861 г. или по иным причинам, однако свободно переселяться на Алтай стало возможно после открытия региона в 1865 г.

Современную территорию края исследователь Т. К. Щеглова разделяет на несколько зон в зависимости от длительности проживания групп населения: старожильческую, переселенческую и старожило-переселенческую [9]. Романовский район расположен в западной части края и относится к районам массовых крестьянских переселений второй половины XIX – первой четверти XX вв. [10], однако на данной территории присутствуют населенные пункты, жители которых относят себя к группе старожильского населения, – с. Мормыши (основано в 1720 г.). [8]

В 2015 г. участники историко-этнографической экспедиции под руководством профессора, доктора исторических наук Т. К. Щегловой проводили исследование этого преимущественно степного района. Территорию можно условно разделить на две части в зависимости от наличия или отсутствия водных ресурсов. Первыми в районе переселенцами были освоены территории близ озер (с. Мормыши, с. Гуселедово), затем населенные пункты стали возникать в местах, мало пригодных для занятий сельскохозяйственными работами из-за отсутствия естественных источников воды: с. Закладное, с. Грано-Маяки.

Автор публикации работала в двух населенных пунктах района: в с. Закладное и Грано-Маяки, образованных в конце XIX – начале XX вв., выясняя состав населения сел, собирая воспоминания об этнических общностях и фиксируя этнодифференцирующие признаки между представителями русского и украинского населения. Этнический состав населения данных сел не отличается разнообразием – собранные материалы показывают в значительной мере взаимодействие

двух групп переселенцев – «хохлов» или украинцев и русских или «кацапов», представители которых относятся к группе восточнославянского населения. В указанных населенных пунктах были собраны также устные источники о таких общностях, как казахи, мордва и немцы. Однако особый интерес для автора представляют материалы, отражающие образ русских глазами представителей других этнических общностей, например украинцев.

Население с. Закладное представлено преимущественно потомками выходцев из Украины – из Харьковской [1], Полтавской [1, 2], Черниговской губерний. В селе новоселов из Украины называли «хохлами», однако из исторической памяти практически полностью стерлось объяснение этого этнонима, в устных источниках можно найти ассоциации с чубами, которые имели мужчины-переселенцы из украинских губерний. В настоящее время в селе проживают и потомки русских новоселов из европейских губерний Российской империи – Курской, Рязанской [2], но многие русские переселенцы уходили из-за притеснения со стороны «хохлов» в другие населенные пункты, где локализовались общности русских в пределах района, например в соседнее с. Грано-Маики.

До настоящего времени в сознании жителей с. Закладное сохраняются черты русских, отличающие их от представителей украинской общности. Информанты выделяют языковой маркер, например, М. М. Яковлева (родители – переселенцы из Украины) вспоминает: «Русские отличаются говором. Сколько муки было, дома баба по-украински разговаривала и мать, перепутаешь все...», хозяйственно-бытовые моменты: «хохлы... на первом месте борщ со свеклой и сало, без него никуда, на подарок сало, на праздник сало, этого у них не отнимешь...» и психологические – рассказывает В. Д. Бойко, 1937 г. р. (отец – русский, мать – «хохлушка»): «Они противные, хохлы, вредные, а русские вроде помягче...».

Потомки украинских переселенцев вспоминают, что представителей русской общности порой в споре или ссоре называли «кацапами», затрудняясь в интервью объяснить происхождение этого прозвища, при этом отмечая отличия в речи русских и приводя пример: «Ну, щё ты сидишь?» – указывая на то, что так говорили «кацули» [3]. Т. К. Щеглова в работе «Народная этнография...» указывает на то, что «раньше они имели значение самоопределения [прозвища]... в современной деревне они чаще используются для того, чтобы подчеркнуть какую-либо черту поведения... в более ранний период эти черты являлись доминирующими, определяющими особенностями данной группы, и поэтому они лучше сохранились в народной памяти» [11].

Населенный пункт Грано-Маяки существенно удален от районного центра, расположен в степной местности и не имеет естественных водных источников. Население по этнической принадлежности – русское, представлено потомками переселенцев из «Рассеи», из европейских губерний [6] – Тверской [4], Вятской [5], Курской [5], Калужской [6]. Местные жители вспоминают, что первоначально Грано-Маяки являлись выселком от с. Мормыши и Бурановка, где проживали зажиточные старожилы-сибиряки (с. Мормыши основано в 1720 г.), а позже стали самостоятельным населенным пунктом. Испытывая притеснения со стороны старожилов вышеназванных сел, новоселы ушли на свободные земли, отведенные под заселок [7]. Проживали в населенном пункте чуваша и мордва, однако информанты помнят только о том, что они когда-то жили в с. Грано-Маяки; более подробной информации собрать не удалось. В современной сельской среде сохраняются воспоминания о местах выхода и дифференцирующих признаках. Отличительные черты, выделяемые информантами (потомками русских переселенцев) – особенности говора русских в сравнении с «хохлами» соседних сел, культурно-бытовые различия между представителями разных губерний выхода русских, например – «мать-калужанка не так делала калачи, как бабушка с Вятки, она [бабушка] по-своему тесто готовила, тесто особенное, сварит в кипятке – и в печку, и обжарит, и хорошие, а мама по-другому» [5], более никакие черты различий в устных источниках отражения не нашли. Важно заметить, что потомки русских переселенцев разделяют общность русских на локальные группы в зависимости от губернии выхода и указывают признаки, по которым они их отличали.

В настоящее время границы между представителями разных этнических групп стираются, что наиболее ярко проявляется при работе с устно-историческими материалами. Но, как показано на примере Романовского района Алтайского края, потомки по большей части помнят о своих предках-переселенцах, указывая места выхода, особенности речи и некоторые культурно-бытовые особенности.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Закладное. Яковлева М. М. 1935 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Закладное. Ремарь А. В. 1939 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Закладное. Вышиденко Т. Г. 1936 г. р.

4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Грано-Маяки. Бирюкова Т. Е. 1947 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Грано-Маяки. Ермошкин Н. Ф. 1935 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Грано-Маяки. Молчанова А. А. 1928 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Грано-Маяки. Сапрунова Т. М. 1930 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский район, с. Мормыши. Евтушенко К. М. 1930 г.р.
9. Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки. Барнаул, 2009. Вып. 8. С. 119–134.
10. Щеглова Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию ист.-этногр. исслед. сектора уст. истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 8. С. 72–83.
11. Щеглова Т. К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и сопредельных территорий: [материалы IV науч.-практ. конф.]. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 35–44.

А. А. Алинов

Из истории казахов Барнаула: к вопросу о вкладе в развитие экономики и культуры

Территория современного Алтайского края находится в зоне приграничного взаимодействия с казахстанскими регионами Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей. Взаимодействие регионов обусловлено событиями истории и современности. С падением Джунгарии (1757 г.) начинаются активные миграционные процессы на сопредельных территориях [1]. В исторической памяти народа период миграций с 1738 г. до начала XX в. на территорию Алтайского края, Монголии получил название «Ак патшаның кезінде», что в переводе означает «во времена царя». Границу, сформировавшуюся в первой половине XVIII в. по рекам Обь и Иртыш, в современной исторической науке обозначают фронтирными территориями.

Активное изучение проблем миграционного движения казахов в сопредельных районах Южной Сибири и Казахстана начинается в 60–80-е гг. XX в. [1, с. 4]. Но все эти работы привязаны к спору в историо-

графической науке о территориальном разграничении Алтая, в них рассматриваются период XVII–XIX вв. [1, с. 5–7].

Современное изучение проблемы «казахов зарубежья», временные рамки исследований которых затрагивают 1920–1930 гг. (голод в степи), начинаются с работ казахстанских ученых Р. К. Айдарбаевой, Г. М. Мендикуловой. Различные аспекты миграционного движения казахов и их влияния на характер этнических взаимодействий на Алтае затрагиваются в работах В. А. Моисеева, Н. С. Модорова, Л. И. Шерстовой, В. П. Зиновьева, О. В. Боронина.

Нужно отметить, что в исследовании миграции 1920–1930-х гг. и развитии казахской диаспоры в России существует серьезная источниковая проблема. В советский период всякое упоминание о голоде в степи (1919–1922, 1931–1934-е гг.) было непозволительно. Появление, каких-либо заметок в периодической печати, исторической литературе крайне жестоко наказывалось. Устный исторический источник (интервью) для исследователя в сложившейся ситуации представляет большую ценность, так как позволяет прояснить картину событий, установить, как проходила миграция, откуда шли и куда направлялись мигранты, исследовать расселение людей в черте региона (района, города), последующую жизнь и быт мигрантов [2, с. 126–127].

Исследование, которое мы проводим, – «Вклад казахов в развитие экономики и культуры г. Барнаул» – выстраивается на материалах интервью проведённых в 2014–2015 гг. Респондентами выступали: Кайыржан Сабитович Досумбеков 1954 г. р., общественный деятель, глава национальной-культурной автономии «Ата-Мура» г. Барнаула; Райхан Абдурахитовна Акселеуб (Сагитова), 1938 г. р., жительница г. Барнаула, которая в детском возрасте застала первые поселения казахов в черте города, всю жизнь и трудовую деятельность провела в Барнауле.

Респонденты помогли систематизировать исследование, установить хронологическую последовательность дат, наполнить исследование событиями из жизни, раскрыть этническое взаимодействие национальностей, населяющих г. Барнаул. В памяти у респондентов отложился большой пласт воспоминаний рассказов родителей, ближайших родственников, окружения которые были свидетелями периода 1920–1930-х гг. и испытали на себе всю тяжесть тех лет. Воспоминания по смыслу и форме, по содержанию схожи с исследованиями авторов, указанных выше, что позволяют доверять респондентам и следовать их рассказу.

Массовые откочевки были одной из форм коллективного протеста и сопротивления казахов политики строительства колхозов и единственно правильным выходом с целью избежать голодной смерти. «По подсчетам современных исследователей, из Казахской ССР в 1931–

1934 г. откочевало около 1 млн человек» [3]. К. С. Досумбеков, 1954 г. р., описывает историю своей семьи: «Сами мои родители родом – папа из Баянаула, есть у них такое село Жосалы... а мама у меня с Карагандинской области, Каркаралинского района, с. Егендыбулак. Мои родители, тогда еще была Западная Сибирь, Алтайского края еще не было, это где-то год 1933–1934. Тогда вот в Казахстане был голод, тогда они переехали и попали на территорию Алтайского края, значит, потом познакомились и женились. Наш дом был построен в 1949 году. В 1945 году родители попали в город Барнаул. До этого они жили и в Новосибирской области, в городе Бийске Алтайского края, и в других населенных пунктах. А вот в 1945 году они приехали в Барнаул и осели» [4].

К. С. Досумбеков

Р. А. Акселеуб, 1938 г. р., жительница г. Барнаула, рассказывает историю семьи мужа: «Коллективизация повлияла на казахов, кто то голодный был, а кто то, гонимый был (баи, кулаки). Родители моего мужа Акселеубовы, они бежали толпой с Семипалатинска, голодные, холодные, в 1937–1938-е гг. На русскую картошку шли, со стороны Семипалатинска Бескарагайского района. В 1937–1939-е гг. от Семипалатинска шли толпы людей, по дороге умирало столько, что даже хоронить некому было» [5].

Р. А. Акселеуб

Примером этого же сюжета является отрывок об образовании в ходе миграций двух казахских сел Панкрушинского района Алтайского края – Кызыл-Ту и Нацмен: «Как рассказывает... Айдархан Байгаданов, перед коллективизацией у его семьи было пять коров и семь лошадей и оставили семье из восьми человек одну корову и одну лошадь, семья осталась нишей и голодной и вынуждена была покинуть Казахстан...» [6].

Так куда же направлялись выжитые с родных мест, гонимые голодом казахи? Население, кочевавшее в Обь-Иртышском междуречье и прилегающих территориях, в первую очередь шло в немногочисленные казахские аулы Западной Сибири, к своим соотечественникам, близким и дальним родственникам. «В официальной сводке численность переселившихся казахов на территорию Западной Сибири насчитывала около 50 тыс. человек» [3].

Часть населения ушла в города Западной Сибири (Новосибирск, Славгород, Барнаул, Бийск, Омск), так как здесь была работа [3]. В городах набирали рабочих на шахты, рудники, стройку, железную дорогу. Из воспоминаний Р. А. Акселеуб: «Мне рассказывала мать моего мужа (менім енем): существовали трудовые армии, они были похожи чем-то на стройбаты. Вот здесь, в Алтайском крае, заводы строились, нужны были рабочие. Вот казахи и потянулись, за работой, за хлебом...» [5].

В целом откочевка казахов на территорию Западной Сибири и пребывание здесь в самые тяжелые годы сыграли положительную роль. Спаслись десятки тысяч наших соотечественников, избежав практически уготованной на родине голодной смерти. Постепенно перестало иметь место проявление «великодержавного шовинизма» по отношению к казахам. Активное изучение русского языка, овладение новыми рабочими специальностями, самоотверженный труд помогли казахам быстро адаптироваться на новом месте и завоевать уважение.

Планировка города Барнаула ко времени появления казахов-мигрантов была сложной, первым крупным поселком, где проживала основная масса казахского населения, был аул Копай. Из рассказа Р. А. Акселеуб: «Приехали, у родни остановились... Это был Копай-город, казахов, значит, там очень много было, все жили бедно... На краю Оби мы жили, за «521-м заводом», и нас потом выселили оттуда. Этот завод и сейчас есть, выпускает химволокно. Поселок располагался так, что с одной стороны находились Котельная, Трансмаш. С другой Сибэнергомаш, и «521-й завод». Между Котельной и Трансмашем проходила улица Партизанская, и с той же стороны автоколонна 19/35. Вот как располагался аул Копай. Он до сих пор есть, это только нашу сторону снесли, ближе к Оби мы жили. А с другой стороны они живут до сих пор. Поселок он большой. Казахо́в много было, жили там Касембековы, Досумбековы, Шашевы, Омербаевы, Момыровы и др.» [5].

С 1949 г. начал формироваться еще один поселок – Кер-Сарай, казахи были самыми первыми жителями этого района, позже там начали расселяться и татары. Из интервью с К. С. Досумбековым: «Затем уже, после строительства нашего дома, здесь образовался район, где компактно проживали казахи, и вот он у нас назывался «Кер-сарай»,

а официальное название у него было „поселок Осипенко“» [4]. «Когда предоставили земли... горисполкомом... казахи... брали земли по улицам Червоная, Дорожная, Матросова (бывшая Обводная, Паровозная, Микронная); перпендикулярные улицы Индустриальная, Садовая, Строительная (ныне ул. Г. Исакова) вплоть до вокзала и Маслобойного завода. Понятие „Кер-Сарай“ было только у казахов. И даже пивнушка и остановка называлась „Казахстан“» [7].

К. С. Досумбеков и Р. А. Акселеуб раскрыли историю аулов «Кер-Сарай» и «Копай», разграничили районы существования прежних поселков и поведали историю названий упомянутых аулов. К. С. Досумбеков: «...Тут был в то время кирпичный завод, и казахи на нем работали. И вот как-то так получилось, что вот название произошло то ли как бы на казахский лад то ли как, ни „Кир-завод“, ни „Кир-Сарай“, а вот получился „Кер-Сарай“. С тех пор мы уроженцы „Кер-Сарая“ города Барнаула» [5]. Р. А. Акселеуб: «Копай-город – там землянки были „жер үйдер“. Просто русские назвали „Копай-город“, и все, так и осталось... А есть еще и такое название этого поселка – „Нахаловка“, оно связано с бесплановой стройкой жилых домов, там бесплано ведь все жили» [5].

Не раз звучал вопрос о работе, сфере труда казахов. Для кочевника, скотовода непривычно было работать на заводе, на стройках; невольно возникает мысль: как же исконное ремесло казахов, неужели оно выпало из повседневной жизни? К. С. Досумбеков: «Казахи работали на заводах, стройках, фабриках города Барнаула и в то же время дома держали скот. В 1949 г. на поселке собирались два-три стада коров, овец, коз. Выпаса были в районах, ныне это Ближних Черемушек и поселка Мирный (традиционные скотоводы). В конце 1940 – начале 1950-х гг. в г. Барнауле в казахской семье было по 7–8 человек, по городу казахов насчитывалось около 300 домов [7].

На территории Алтайского края в дружбе и согласии живут более 130 наций и национальностей, каждая со своей идентичностью, своими историей и религией, это интернациональный край. К. С. Досумбеков: «...В религиозном вопросе скажу следующее: в 1922 году в г. Барнауле было две мечети, две мусульманских мечети, была одна воскресная мусульманская школа до 1970 года» [4]. Обе мечети, сначала первая, затем вторая, были переданы «по инициативе» самих мусульман в середине 20-х гг. под школы [5]. В беседе К. С. Досумбеков сообщил, что в 1984–1987 гг. мечетью был его дом: старейшины города, собравшись, предложили проводить здесь обряды – Ораза-байрам и Курбан-байрам.

«Надо отдать должное мусульманам г. Барнаула: при том, что их относительно немного – не более пяти процентов даже с учетом трудовой миграции из Средней Азии и Закавказья – они смогли возвести та-

кую величавую мечеть» [8]. Сегодня в городе действует новая мечеть, построенная за счет пожертвований верующих. В сравнении с другими региональными центрами Западной Сибири на улицах столицы Алтайского края не так часто мелькают лица «этнических мусульман». Чаще они попадаются ближе к улице Матросова, 163, где устремились вверх минареты исламского комплекса. В этом районе издавна проживают татары и казахи, поэтому при выборе участка под мечеть в 1990-е гг. компактное проживание мусульман стало решающим фактором. История строительства мечети требует глубокого и детального изучения, так как роль мусульманского населения, этнических групп на разных этапах строительства была неодинакова. Исследование нужно проводить последовательно и показать полную историю строительства.

В крае многое делается для удовлетворения национально-культурных запросов казахского населения. Событием в культурной жизни казахов г. Барнаула и в целом Алтайского края стала регистрация в феврале 2004 г. общественной организации «Центр казахской культуры „Ата-Мура“». Во главе созданной структуры стал упомянутый выше респондент, К. С. Досумбеков. С этого времени казахское население включилось в культурную и общественно-политическую жизнь Алтайского края, что проявилось в целом ряде мероприятий, многие из которых проводились по инициативе центра казахской культуры «Ата-Мура». Центр был образован для возрождения культуры казахов, для поддержания обычаев и традиций казахского народа, для возрождения и изучения родного языка.

Ежегодно в городе проводятся праздники и фестивали национальной культуры, празднование нового года по восточному календарю — Наурыз. Активное участие в них принимают гости из приграничных районов Казахстана. Кроме этого, развитие широких связей экономического характера, интеграционного процесса между приграничными территориями России и Казахстана позволило открыть Центр казахского языка и культуры на базе АлтГПУ. Поддержка, техническое оснащение (книги, национальная символика Республики Казахстан, национальные музыкальные инструменты и многое другое) предоставляются Республикой Казахстан. Взаимодействие центра проводится через представителя, депутата общественной палаты г. Барнаул Мурата Сериковича Бекмуратова. По этнической принадлежности он казах.

Современность требует исторических исследований по теме вклада казахов в развитие экономики и культуры, прояснения и раскрытия таких существенных вопросов, как появление казахов в Алтайском крае и в Барнауле; жизнь и быт казахов в советский период; место в истории Казахстана, России, Алтайского края и г. Барнаула.

Казахи имеют богатую и красивую историю, в которой есть и трагичные моменты. К сожалению, такие периоды изучены очень слабо, в этой связи создание источниковедческой базы по данной проблеме будет своевременным.

Источники и литература

1. Анисимова И. В. История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа (вторая половина XVIII — начало XX вв.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2004.
2. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул, 2010. 364 с.
3. Кабульдинов З. Е. Казахские переселенцы на территории Западной Сибири в годы голодомора в Казахстане в начале 30-х годов XX века // Қазақстан және шетелдегі қазақтар. Дүниежүзі қазақтары қаумдастығының құрылғанына 20 жыл толуына орай өткізілген Халықаралық ғалымы-практикалық конференция материалдары. Алматы. 2012 г. С. 157–163.
4. ПМА. Декабрь 2014. г. Барнаул.
5. ПМА. Март 2015. г. Барнаул.
6. Щеглова Т. К. Обь-Иртышское порубежье. Историко-культурная взаимосвязь Казахстанского Прииртышья и Российского верхнего Приобья в свете новых подходов и технологий их изучения: материалы междунар. науч-практ. конф. Павлодар: ПГПИ, 2011. С. 34–42.
7. ПМА. Февраль 2015. г. Барнаул.
8. Кабдулвахитов Калиль. Новая соборная мечеть в Барнауле вместо двух не возвращенных. // Мусульмане России. Официальный сайт духовного управления мусульман Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://dumrf.ru/common/interview/3402> (Дата обращения 07.02.15 г.).

Д. А. Белобородов

Санитарно-бытовая культура и гигиена сельского населения Романовского района Алтайского края в 1940–1950-е гг.: традиции поддержания чистоты (по материалам экспедиции 2014 г.)¹

В военные и послевоенные годы в деревне Алтайского края условия жизни были тяжелыми: упал уровень жизни, резко ухудшились санитарно-гигиенические условия, увеличилась смертность. В магазинах не было никаких гигиенических средств, прежде всего мыла. Санитарно-бытовая культура изучена мало, публикаций немного: одни исследователи руководствовались письменными источниками, относящимися к 1920-м гг. [9, с. 160], другие работали с устными [10]. Сформировал-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

ся источниковый «голод» в изучении этой проблемы. Его во многом может восполнить устная история, к ней относятся материалы историко-этнографической экспедиции 2014 г. в Романовский район Алтайского края под руководством доктора исторических наук Т. К. Щегловой.

Под определением «санитарная культура» мы понимаем совокупность знаний и достижений в области гигиены, профилактической медицины и выполнение соответствующих гигиенических и профилактических правил населением [11]. Санитарная культура включает в себя мероприятия, которые направлены на поддержание гигиены. В данной статье мы рассматриваем лишь некоторые аспекты повседневных традиций сельского населения: посещение бани, борьбу с насекомыми и приготовление моющих средств в кустарных условиях.

Большое значение информанты придают баням. Баня для большинства людей являлась главным местом, где проводились санитарно-гигиенические процедуры, начиная от помывки всех членов семьи и кончая травлей насекомых: блох, вшей, клопов. Место для строительства бани выбирали по-разному: если рядом была река – то ближе к реке, в противном случае – рядом с колодцем. В некоторых деревнях (с. Закладное) колодцев было мало из-за природных условий (кругом равнина, нет естественных водных ресурсов), поэтому здесь было мало бань и люди ходили к тем, у кого они были, по очереди. Большинство бань топили по-черному, т. е. дым шел внутрь, потом открывали дверь, выпуская дым. Печки были битые из глины. На печи стоял казан, в котором нагревалась вода [1]. Чтобы сэкономить дрова, которых в войну не хватало, крестьяне чаще всего для разогревания воды в печи нагревали железо, а потом опускали его в кадушки с холодной водой [2]. В баню ходили раз в неделю, а зимой – раз в две недели. На одно посещение бани приходилось в среднем 2–3 человека, каждый из которых брал свой веник: один парится, а другой моется [1]. Таким образом, в военное время баню топили реже. По данным В. А. Зверева, описавшего санитарно-бытовую культуру, сибирские крестьяне ходили в баню раз, а то и два раза в неделю, и было принято после бани обливаться холодной водой или окунаться в реку, получая таким образом дополнительный оздоровительный эффект [8, с. 103]. Ни один из информантов в Романовском районе Алтайского края применительно к военному времени подобного не сообщал. Кроме того, Романовский район беден водными ресурсами, в основном здесь находятся соленые озера (оз. Горькое), поэтому воду здесь экономили. Менее частые посещения бани были связаны и с нехваткой дров, обусловленной географическим положением изучаемой территории и военным временем. Этим же объясняется и разнообразие используемых веников. Так, Марина

Михайловна Яковлева из с. Закладное утверждает, что каждый ходил в баню со своим веником. Например, ее свекровь заготавливала для себя веники из крапивы – «жгучку»: «Маленькие венички навяжет – говорит, малярию выживает. Берет веник свежий, помакнет в воду, на печи его пропарит несколько раз, он не осыпется, он ароматный. Крапивой тело натрет, на полке выпарится, горячей водой вымоется» [1].

Универсальным моющим средством в годы войны был щелок – мыльный раствор, получавшийся в результате процеживания воды через золу, чаще всего золу из полыни. Екатерина Дмитриевна Лемза из с. Каяушка знакомит нас с процессом приготовления щелока: «Полынь, сухой полынь. Жгли его. Брали золу. Берут полотно льняную. Завязывают над кадушкой вместе с золой. Делают, на яку завязывают, или на кадушку, или на кастрюлю, а потом проливают горячей водой через ту золу, и вот это щелок назывался, и в ём стирали» [3]. Щелок использовали как для стирки – «[вещи] лишь бы колом не стояли» [2], так и для мытья головы. В своей статье, которая описывает санитарно-бытовые условия в 1920–1930-е гг., Т. К. Щеглова, исследуя Усть-Пристанский район Алтайского края, описывает, как изготовляли щелок из золы, получаемой из осины, «шляпок» подсолнечника или ботвы картофеля [10, с. 160]. Преобладала полынь, она являлась сорняком и была легкодоступной. «А потом сода стала каустическая в магазинах, она же едка, да мыло. Дома варили мыло. Я не скажу точно, я его не варила. Яка скотиняка или шо-нибудь упало, че-нибудь с ним случилось, вот его варю. В это каустическую соду кидалэ и варят, пока оно однородное делается. Его [месиво] выливают. Это застывает, и режут на бруски, на мыло – хозяйственное мыло называлось», – продолжает Екатерина Дмитриевна [3]. Но мыло в годы войны было очень редким явлением. Все делали щелок.

Одной из проблем селян и в быту, и в личной гигиене были насекомые. Прежде всего респонденты называют вшей. «Вши были – это ужасно. Даже в рубашках были, даже в постельном белье были воши» [4]. Вытраивали вшей в бане. Одежду сбрасывали в жаркое место, где насекомые погибали от высоких температур. Чтобы вытравить с головы, надевали платки и давали пару. Одним из способов борьбы было избавление от волосяного покрова на голове: «Стригли наголо и мыли от вошей» [5]. Использовали также настойки на основе полыни: ее запаривали, в итоге получалась щелочь, с которой мыли волосы. Часто вычесывали насекомых гребнем [7]. Использовали также инсектициды – дуст. Так, в Сидоровке Анна Ивановна Сиротенко выполняла, как она сама говорит, роль санитарки: ходила по деревням и травила вшей. Разносила всем дуст, некоторым даже сама мыла голову. А ее ма-

ма протапливала печь до высокой температуры и помещала туда одежду – насекомые погибали от перегрева [6].

Другими насекомыми, с которыми в годы войны вели борьбу были кровососущие – клопы. Они не давали спокойно спать, так как спали на полу, укрывшись дерюжкой – самотканым холстом или несколькими холстами, сшитыми вместе. Под него подкладывали полынь, которая отпугивала насекомых. Вещи запаривали в горячей воде. Если были деревянные полы, то доски вытаскивали на улицу и тоже ошпаривали кипятком [3].

Таким образом, опираясь на полевые материалы экспедиции, можно сказать, что санитарная культура в военное и послевоенное время зависела от опыта. Государство помощи не оказывало. Сельские жители прибегали к сподручным средствам для поддержания чистоты и здоровья: вместо мыла использовали щелок, вместо средств по борьбе с насекомыми – кипяток и механическое уничтожение. Государство не могло удовлетворить санитарно-гигиенические потребности населения, магазины были пустыми. Степная зона Романовского района была бедна водными ресурсами, что также сказывалось на санитарно-гигиенических условиях.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский р-н, с. Закладное. Яковлева М. М., 1935 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский р-н, с. Гуселетово. Чижова М. С., 1936 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Родинский р-н, с. Ка-яушка. Лемза Е. Д., 1934 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский р-н, с. Гилев Лог. Банникова А. Г., 1942 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский р-н, с. Сидоровка. Дедух Л. Т., 1932 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Романовский р-н, с. Сидоровка. Сиротенко А. И., 1933 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Родинский р-н, с. Первомайское. Павлюк Д. И., 1941 г. р.
8. Зверев В. А. Дети отцам замена. Новосибирск, 1993.
9. Зверев В. А. О санитарной культуре доколхозной деревни: поселения и дворы наших земляков // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области / под ред. Л. М. Горюшкина, В. А. Зверева; Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ. Новосибирск, 1997. С. 153–163.
10. Щеглова Т. К. Санитарно-бытовая культура и традиции сельского населения Алтайского края в 20–30-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных террито-

рий: материалы науч.-практ. конф. Вып. 5 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 2003. С. 154–163.

11. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.

К. Ю. Игнатенко

Микротопонимы села Николаевка Поспелихинского района Алтайского края

Географические названия (топонимы) – важнейший компонент географии. Они являются своеобразным связующим звеном между человеком и географическим объектом, не только указывая его место на поверхности планеты, но и давая интересную и зачастую очень важную научную информацию. Хорошо известны и источниковедческие возможности топонимов – их использование в исторических исследованиях в сочетании с письменными и археологическими источниками существенно облегчает решение таких проблем, как определение границ расселения народов, особенности их хозяйственной деятельности и т. д. [4, с. 13]. Причина присвоения того или иного географического названия актуальна лишь в момент наименования, для последующего функционирования топонима она несущественна [1, с. 25]. Для населения, создающего названия и пользующегося ими, названия не выражают истории, а служат знаками для различия объектов.

Источниковедческую базу настоящего исследования составляют 28 микротопонимов села Николаевка Поспелихинского района Алтайского края. Мы рассматриваем ойконим (название населенного пункта) и годонимы (названия улиц) села.

Село Николаевка – одно из старых сел Поспелихинского района. Оно образовалось в 1887 г. и вначале имело статус поселка, селом стало позднее, вероятно, когда в 1901 г. здесь была построена церковь святителя и чудотворца Николая. Название дали переселенцы из Харьковской губернии, которые на родине жили в селе Николаевка, т. е. они воспроизвели наименование своего родного места жительства [3, с. 1].

Поселение расположилось на берегу некогда полноводной реки Поперечной, усадьбы в нем располагались в несколько рядов, впоследствии их стали называть улицами, но наименований эти ряды еще не имели, необходимости в названиях еще не появилось. Названия улицы Николаевки получили в 1933 г. на заседании президиума Николаевского сельсовета от 25 ноября 1933 г. [2, с. 3]. Были обозначены три улицы (Ленинская, Советская, Пролетарская) и двенадцать переулков (Центральный, Сталинский, Колхозный, Садовый, Столбовой, Буденовский,

Мостовой, Поперечный, Красный, Степной, Веселый, Выездной): в их названиях была отражена как история государства, так и история села.

Некоторые названия связаны с именами (фамилиями) видных деятелей партии и государства, героев Гражданской войны: так, ул. Ленинская, пер. Сталинский, пер. Буденовский были названы в честь В. И. Ленина, И. В. Сталина и С. М. Буденного. По объектам, расположенным на улице или поблизости от нее, получили названия переулки Садовый, Столбовой, Мостовой, Выездной, Поперечный, Степной. Так, переулок Столбовой был назван так оттого, что здесь проходили телеграфные столбы, а название переулка Садового свидетельствует о том, что в селе находился сад, но сейчас он уже не существует. Внешние особенности переулка отражены в цветовом прилагательном «Красный»; возможно, это слово используется в значении «красивый», но не исключено, что оно получило нецветовое идеологическое значение.

Историческое прошлое отражено в названии улицы Пролетарской, переулка Колхозного. Действительно, во время коллективизации на территории села было образовано пять колхозов (коллективных хозяйств): «Правда», «Чапаев», «Большевик», «имени Буденного», «Красная звезда». Но аншлаги не были прибиты к домам, сельчане даже не знали, что улицы получили официальные названия, поэтому эти названия не прижились. Побеседовав со старожилками села, мы выяснили, что в народе существовали и другие, неофициальные, названия улиц: например, улица Самарка названа так потому, что там жили переселенцы из Самары; переулок Конюшенный – в селе находились конюшни, где содержали фондовых лошадей, которые состояли на балансе колхоза.

Менялось время, и появилась необходимость в точном определении места проживания, названий улиц. Это событие зафиксировано не было, но, по свидетельству Павла Николаевича Пеляничко, учителя Николаевской средней школы, который работал художником-оформителем в совхозе Николаевском, улицы были названы Иваном Константиновичем Приходько, председателем Николаевского сельсовета с 1975–1985 гг. [2, с. 4].

В настоящее время на территории с. Николаевка насчитывается 10 улиц и 2 переулка. Улицы: Набережная, Ленинская, 8-е Марта, Советская, Новая, Коммунистическая, Урожайная, Правды, Пролетарская, Степная; переулки: Северный и Октябрьский.

По фамилии выдающегося политического деятеля названа улица Ленинская; по объектам, расположенным на улице или поблизости от нее, – улицы Советская (здесь расположено здание сельсовета), Правды (находился колхоз «Правда»), Урожайная (название связано с центральным током, куда свозится урожай для переработки и дальнейше-

го складирования), Набережная (расположена на берегу реки Поперечной), Степная (степь); по внешним особенностям и времени создания – улица Новая; по историческому прошлому – улицы 8-е Марта, Пролетарская, Коммунистическая и переулок Октябрьский.

Прежние названия улиц и переулков не совпадают с теми, которые им были присвоены позже. Также имеются неофициальные названия, удобные, связанные с привычными для сельчан наименованиями: улица Набережная – «Нижняя»; Ленинская – «Центральная»; Советская – «Школьная» или «Каменная»; Коммунистическая – «Трасса»; Новая – «Новая барская»; «Заярочная» – часть улицы Советской, расположенная за ярком (ярк – это овраг, заполненный водой); «выселки» – окраина села.

Рассмотрев микротопонимы с. Николаевка Поспелихинского района Алтайского края, можно в очередной раз убедиться в том, что мотивы наименований населенных пунктов и улиц важны именно в тот момент, когда название дается, а в последующем теряют актуальность. Видимо, именно по этой причине названия улиц в с. Николаевка, данные в 1933 г., не прижились в народе. При рассмотрении микротопонимов всегда более интересными являются неофициальные названия.

Источники и литература

1. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
2. Пеляничко П. Н. Сага о Николаевке // Новый путь. 2001. 26 янв. С. 3–4.
3. Пеляничко П. Н. В Сибирь за лучшей долей // Новый путь. 2004. 13 авг. С. 1–2.
4. Поспелов Е. М. Топонимический словарь. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 254 с.

А. Е. Каримова

История края в личностях

В период царской России и советской власти роль исторических личностей в развитии государства и общества, национальные ценности освещались однобоко, под воздействием идеологического прессинга на историю. Следствием идеологического влияния явилось формирование в исторической науке относительно национальных меньшинств псевдоистории, насыщенной «белыми пятнами». Сегодня мировое сообщество находится на стадии серьезных перемен, предопределяющих изменение общества и сознания отдельно взятого человека. Трансформация общественного сознания позволяет воссоздать истинную картину истории становления и развития национальных обычаев, традиций и устоев. Находившееся под постоянным контролем сознание исследователей высвободилось и сегодня получило полную свободу взглядов и мнений.

За годы независимости в нашей республике была создана уникальная модель национальной идеологии, нацеленная на формирование и становление демократического, гражданского, но с превалярованием национального сознания, общества. Исследование жизненного пути, общественно-политической, научной и просветительской деятельности исторических личностей, пользовавшихся огромным авторитетом в казахской степи, — членов династии Шормановых и Сатпаевых — восполнит пробел в наших знаниях.

История сквозь призму личности — это возможность воссоздания целостной и правдивой, лишенной политического оттенка краеведческой истории, способствующей нравственно-духовному воспитанию подрастающего поколения на примере известных земляков. Интерес к личностям, ее историческая роль нашла яркое отражение и в обращении главы государства Н. А. Назарбаева к ученым, исследователям-историкам о необходимости нового подхода к проблемам краеведения.

Павлодарское Прииртышье имеет богатое историческое наследие, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и достойные восхищения исторические артефакты. Но все же особую значимость истории края придает прекрасный своей природой, богатый традициями, обычаями, и конечно же, историческими личностями Баянаул. Здесь каждое ущелье, гора таят в себе следы исторического прошлого.

В западной части Баянаула, близ побережья реки Ащису, в урочище Аккелин проживали крупные племена из рода Каржас, берущие свое начало от Суюндука, рода Аргын, Среднего жуза.

Одним из наиболее ярких представителей XVIII столетия, конечно же, являлся видный государственный деятель, дипломат, признанный оратор, жырау, старший наставник и соратник хана Абылая Бухар Калкаманулы. Его произведения составляют бесценное наследие, проникнутое идеями о единстве народа, целостности государства.

Бухар жырау Калкаманулы из рода Каржас, отец — Калкаман был славным батыром. Собираатель бесценного наследия, донесший их до наших дней видный шежиреши, поэт, философ Машһур Жусип Копейулы отмечал в одной из своих записей: «Старец Бухар жырау был сыном каржаса батыра Калкамана. Критики рассматриваемого времени называли его „Святой оратор“. Ораторство было неотъемлемым его качеством. Простых речей нет, все изречения складываются в жыр»¹ [1, с. 135].

¹ Жыр — поэт-сказитель; творчество этих поэтов имело широкое распространение в XVIII–XIX вв. Распространенными жанрами были толгау (размышление) и арнау (посвящение).

В трудные для народа времена Бухар жырау сумел распознать в Абылае мудрого, целеустремленного верховного правителя. В свою очередь, Абылай также ценил в Бухаре жырау качества прорицателя, человека, умеющего повести за собой народ, прекрасного оратора. На протяжении всей своей жизни они были единомышленниками, борцами за благо народа, и заняли достойное место в отечественной истории. Именно они сумели организовать разбросанный вследствие набегов джунгарских племен, башкир, калмыков казахский народ в трагические годы, способствовали преодолению междоусобиц и создали мощное централизованное под одним стягом государство [2, с. 101].

О мастерстве острого слова признанного оратора Шорман бия сведения встречаются в основном в устных исторических источниках. Он был также из рода Каржас, внуком видного Сати бия, способствовавшего возвращению своего рода в 1740 г. в пределы Баянаула из Бухары, куда они бежали в годы великого бедствия. В трудах видного ученого-этнографа, племянника Шорман бия Шокана Уалиханова говорится: «Шорман стал известным оратором благодаря своей мудрости...» [3, с. 561]¹. Ораторское мастерство позволило ему в 14 лет стать уважаемым бием. Его красноречие способствовало разрешению довольно сложного, носящего конфликтный характер, спорного вопроса о пастбищах рода Каржас вопреки воле грозного хана среднего жуза Уали. Именно с тех пор он стал известен в народной памяти как Шорман би.

Следующую когорту составляют представители династии Шормановых и Сатпаевых, являвшиеся высокообразованными личностями своего времени, чья деятельность была нацелена на улучшение жизни казахского общества, восстановление прав коренного населения в земельных вопросах, открытие школ, создание академической основы современной науки Казахстана.

Известным государственным и политическим деятелем XIX в., этнографом был полковник Муса Шорманов, являвшийся на протяжении 15 лет старшим-султаном Баянаульского внешнего округа. В 1896 г. в журнале «Русское богатство» говорилось: «...Муса Чорманович известен в Омске как человек врожденного ума и знаток казахской жизни. В течение не менее полувека Омская администрация пользовалась советами и влиянием на степное население... Мусы Чорманова». В 1894 г. в статье «Биографические сведения о Чокане Валиханове» также встречается упоминание о нем: «...Дядя Чокана, переживший племянника, был очень влиятельный человек в степи, имея чин полковника, по-

¹ Би, согласно обычному праву казахов «Семь установлений» хана Тауке, были народными судьями.

долгу живя в Омске, раза два ездил в Санкт-Петербург и вообще был один из наиболее европеизированных казахов» [4, с. 185].

Шорманов интересовался фольклором, занимался его сбором. Через Ш. Валиханова он познакомился с Ф. М. Достоевским. Муса Шорманов активно интересовался социально-экономическим развитием казахского народа, особенно его беспокоили проблемы народного образования. Им перед областным управлением сибирских казахов был поставлен вопрос о создании передвижных гимназий. Это предложение он передал через Г. Н. Потанина и К. К. Гутковского, обосновав его неудовлетворительным состоянием уровня образованности населения. Его активную деятельность по улучшению образованности казахов характеризует письмо, написанное в 1881 г. Потанину, где говорится, что без образования казахи становятся невежественными, замедляется духовное и экономическое развитие народа [5, с. 367–368].

Ярким представителем начала XX в., акыном, мыслителем являлся Садуакас Мусаулы Шорманов. Он был человеком пытливого ума, воспитанным на духовно-нравственных ценностях. Именно Садуакас Шорманов являлся одним из инициаторов открытия в 1903 г. одной из первых русско-казахских школ в Аккелинской волости Павлодарского уезда [6, с. 8–9].

Весомый вклад в общественно-политическую и просветительскую жизнь начала XX в. внес видный просветитель, педагог Абикей Зейнулы Сатпаев. В одной из анкетных записей великий сын своего народа, признанный в мировом масштабе ученый, первый президент Академии наук КазССР, академик Каньш Имантаевич Сатпаев отмечал, что в формировании его как личности, в выборе жизненного пути неопределимую роль сыграл двоюродный дядя, интеллигент своего времени Абикей Зеинович Сатпаев [7, с. 37]. Свою трудовую деятельность он начал учителем школы, был первым директором Семипалатинского педагогического техникума. Абикей Зеинович всю свою сознательную жизнь, 32 года из 56, посвятил просветительскому делу. Окончив в 1905 г. учительскую семинарию в Омске, в 1906–1909 гг. занимался педагогической деятельностью в русско-казахской школе в Баянауле. С 1909 г. он начинает преподавать русский язык и литературу, историю и географию в русско-казахском училище города Павлодар. В период с 1910 по 1917 гг. занимал должность директора этого училища. В 1920–1922 гг. занимался преподавательской деятельностью в учительской семинарии г. Семей, с 1922 по 1927 гг. был первым в Республике директором педагогического техникума, в 1928–1931 гг. являлся преподавателем на Омском рабфаке, а в период с 1931 по 1937 гг. — преподавателем кафедры языков Киргизского педагогического института. Известен он и

как активный деятель алашордынского движения, что обуславливало постоянные гонения и политические репрессии за несоответствие так называемому политическому курсу партии большевизма. Как и многие соратники, Абиkey Зейновича не обошла стороной беспощадная кровавая кампания террора 1937 г. Только «оттепель» 1950-х гг. способствовала реабилитации А. З. Сатпаева, педагога «от бога», талантливого руководителя, общественного деятеля, борца за интересы и права своего многострадального народа. Академик Алькей Хаканович Маргулан, вспоминая о своем видном учителе, писал: «Самым любимым, одним из особо уважаемых людей у Каныша был Абиkey Сатпаев. На формирование Каныша, овладение им знаниями, становление профессиональной деятельности его вклад был значителен, – говорит автор и приходит к следующему выводу: – Среди степных казахов в дореволюционный период не было образованнее людей, чем аул Сатпаевых. Среди них брат Каныша, Абиkey Сатпаев, окончив Омскую семинарию, был первым специалистом по русскому языку и литературе. Мало кто из нынешней просвещенной молодежи Восточного Казахстана, Семей и Павлодарской области не учился у Абиkeyа...» [8, с. 126]

Еще об одном члене династии Сатпаевых, Каныше Имантаевиче, существует богатая палитра исследований – научные, библиографические, энциклопедические, мемуарные издания. Большое почтение ведущему «сатпаеведу» – писателю Медеу Сарсеке.

В 1924 г. в Аккелинской волости родился не менее одаренный, преданный своему делу человек, один из основателей археологической науки Казахстана – Кемаль Акишевич Акишев. Обнаруженный им в 1970 г. в Иссыкском ущелье «золотой человек» всколыхнул историческое сознание народа и стал символом независимости нашего государства. Велика заслуга Кемалья Акишевича и в вопросах сохранения закономерной преемственности о единстве исторических корней тюркских народов.

С обретением независимости мы пережили трансформацию общественного сознания, в частности получили возможность адекватного исследования проблемных вопросов исторической науки, прежде всего мы имеем в виду персоналии.

В целом следует отметить, что Павлодарское Прииртышье взрастило и сделало достоянием не только нашего государства, но и всего мирового сообщества целую плеяду известных общественно-политических деятелей XVIII–XX вв. Подвергшаяся идеологическому прессингу тоталитаризма, национальная интеллигенция была реабилитирована, труды ее представителей стали национальным достоянием, а их идеи – основным вектором в развитии суверенного государства.

Источники и литература

1. Көпейұлы М. Ж. Таңдамалы. Екі томдық. Ел аузынан жинаған әдебиет үлгілері. Алматы, 1992. 267 с.
2. Мағауин М. Бұхар-жырау Қалқаманұлы // Мағауин М. Қобыз және найза. Алматы, 1970. 345 с.
3. Қаныш Сәтбаев. Энциклопедия / гл. ред. Б. Ө. Жақып. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2011. 664 с.
4. Валиханов Ч. Ч. Сочинения. Т. 4. Алматы, 1968. 304 с.
5. Казахи. II т. Алматы, 1998. С. 367–368.
6. Шорманов Садуакас. Павлодар: ЭКО, 2007. 201 с.
7. Абиkey Сатпаев. Алматы: «Жибек Жолы», 2000. 157 с.
8. Қаныш елі. Алматы-Павлодар: «Жібек жолы» Баспа үйі. 1999. 336 с.

А. В. Колисниченко

Детские воспоминания о разрушении церквей в 1930-е гг. на Алтае (Алтайский и Романовский районы): источники по крестьянской антропологии

История церкви в советское время содержит много трагических страниц. В 1917 г. церковь была отделена от государства, в 1920-е гг. начались репрессии против священников, в 1930-е гг. происходило разграбление и осквернение церковных зданий и репрессии против верующих.

Данная тема весьма практически значима. Актуальность ее обусловлена тем, что информации об исследуемых событиях мало, только архивные документы, которые содержат лишь констатацию фактов: даты закрытия церквей и характер использования зданий, — но в них нет описания самих событий, реакции прихожан, судьбы церковного имущества и священников. Менталитет и мироощущение людей можно рассмотреть через привлечение новых исторических источников — устных. К тому же архивных источников по истории православной церкви в рассматриваемый период недостаточно, и многие из них создавались людьми с антирелигиозными установками. В результате был утерян большой пласт информации об истории православия, весьма важный для понимания русского общества, его истории и менталитета. Интервьюирование очевидцев событий позволяет восстановить фамилии священников, местоположение и судьбу конкретной церкви, икон, колоколов и т. д., поэтому воспоминания и рассказы очевидцев событий являются важным историческим источником, который как своеобразный «взгляд изнутри» включает информацию о событиях и ощущениях.

Главной проблемой исследования являются мироощущение и менталитет, которые можно истолковать через воспоминания и рассказы

о церквях сел Алтайского края, в том числе через воспоминания об их разрушении в 1920–1930-е гг., собранные в 1994 г. на территории Алтайского района. Этот район расположен в предгорьях. Крайнее положение территории и ее удаленность от европейских исторических процессов привели к тому, что она стала своего рода убежищем для неофициальных православных конфессиональных групп и «кормящим ландшафтом» для тех переселенцев, чья культура адаптирована к географическим условиям, малопригодным для земледелия. В первую группу входили староверы разных толков и согласий, названия которых используются информантами, но с трудом интерпретируются ими. Удаленность административного центра Алтайского округа сочеталась с конфессиональной настороженностью староверов-беспоповцев: поморцев (с. Куяча Алтайского района) и староверов (с. Ая Алтайского района) [22, с. 111].

Целью данной публикации является изучение внутренних глубинных представлений детей верующих родителей на основе изучения сюжетов о разрушении церквей в 1920–1930-е гг. в Алтайском районе, записанных в ходе историко-этнографических экспедиций профессора Т. К. Щегловой в 1993 г. В ходе анализа устных исторических источников автором ставился ряд задач, среди них выявление особенности разрушения церквей и взгляд жителей на происходящее в отдаленном районе, находящемся на пути старообрядческих маршрутов поиска Беловодья, их мировосприятие, жизненные установки, ценности, в том числе и через воспоминания и восприятие внутреннего убранства церквей, их внешнего описания. Важным является и оценка самих актов разрушения и размышления о судьбе их участников, тем более в таком мозаичном по вероисповеданиям регионе, где бок о бок проживали мирские и староверы, староверы поморского согласия, староверы-поляки и староверы-странники. Для работы с устными историческими источниками привлекались методические и методологические подходы школы устной истории Алтайского государственного педагогического университета [21, 23].

Материалы интервью 1993 г. показывают, что очевидцы разрушения храмов были убеждены в неотвратимости наказания разрушителям церквей. Однотипность рассказов прослеживается во многих воспоминаниях: «В 1921-м году стали церковь ломать в Ае, там же две церкви было – одна на сопке, одна в деревне. Пришли ломать, полез один на колокольню, а она высокая, крытая. Матерится, хочет распятие снять, как покатился – и убился» [9].

В большинстве случаев прихожане не предпринимали открытых выступлений против разрушения церквей. Объяснить это можно тем,

что боялись советской власти; так, П. Е. Губина из с. Алтайского рассказывала: «Не сопротивлялись, когда церковь разрушили. Ну, втихаря-то, конечно, молились, и этих старообрядцев ссылали в 1929–1930 году. Никто не вернулся. Простых верующих – мою сестру по отцу с мужем отправили в ссылку в Томскую область. Они-то вернулись, а дед не вернулся, рассказывали, что плохо там было, в лесу находились» [10]. Жительница с. Куяган Л. В. Худякова рассказывала, что там церковь ломали перед войной, в 1936 г. «Ломали местные. Приехали и сказали, чтобы ломали, вот и сломали. Народ не возмущался – а разве можно возмущаться, если велют» [16].

Для историков тотальная покорность прихожан долгое время была труднообъяснимой. Однако устная история показывает, что в условиях тотального репрессивного режима на только поведение населения имело разные формы, но и внутри самого общества произошел раскол на сторонников и противников разрушения церкви [21, с. 216]. Например, жительница села Нижняя Каянча отмечает, что у них было две церкви – мирская и кержацкая и что родители непонятно к какой вере относились – ни туда, ни сюда [14]. Другой житель этого села рассказывал, что когда церковь ломали люди возмущались, но верующих почти не было, сначала сняли колокола, потом кресты, а уж после и сломали [7].

Судьба церковных зданий с их закрытием в 1930-е гг. была predetermined советской властью. В Алтайском районе их в основном использовали под клубы, склады, изредка школы. Церковь в с. Тоурак местные власти сначала хотели использовать под клуб, а потом в итоге разрушили [25]. В с. Нижняя Каянча было две церкви, одну перестроили под клуб [5]. Другой информант сообщил, видимо, про вторую церковь: «Как раз через дорогу была церковь, большая, деревянная, православная, с двумя колоколами. Потом стали туда хлеб свозить. Брат работал, пшеницу туда ссыпал, весь хлеб с колхоза. Хотя нам молиться не давали, но мы все же собирались дома» [15]. Житель с. Макарьевка Д. А. Шестаков отметил, что еще в 30-е гг. «церковь как-то не сразу разрушили, сначала зерно принимали и ссыпали в церковь, где-то после войны уже на сельский совет переделали» [20]. «В селе Куяган церковь не так давно разрушили, в ней сделали клуб, а потом из нее построили два дома – они сейчас и стоят, переделали» [19]. Другой информант, наоборот, отметила, что «с церкви построили школу, а потом уже в нее пшеницу ссыпали» [17]. Это подтвердилось со слов семьи Коневых, которые также утверждали, что школа была построена из церкви [8]. В с. Нижне-Каменка «церковь стояла возле кладбища, потом там хлеб хранили, потом столовая, школа, а потом она сгорела» [24]. В Романовском

районе судьба церковных зданий была похожей: как сообщала информант А. И. Морозова, в с. Закладное в 1927 г. церковь сгорела, когда были службы, кто-то специально остался и поджег. А в с. Сидоровка, по словам А. Р. Макаровой, в церкви была школа, потом контора; родители в семье были верующими, детей крестили в Рубцовске, всегда верили, ни от кого не прятались и церковные праздники всегда справляли.

При экспедиционных исследованиях старожилы точно показывают сохранившиеся остатки собора или место, где он находился, подробно описывают, как использовалось это здание и как сама церковь выглядела снаружи и внутри вплоть до точных описаний. Например, про церковь в с. Тоурак: «была за школой, ее строили на средства купцов Демидовых, Морозовых, и даже царица какие-то средства давала. Средства были громадные, построена сразу церковь и школа. Строили церковь мастера знатные, нездешние. Церковь была очень красивая, большая. Сюда много публики приходило, что церковь даже всех не вмещала. Было два купола и две высокие колокольни. На Троицу приезжали и всех окрестных сел. Она была хорошо построена. Когда ломали, уж очень с трудом разбирали. Иконостас весь был позолочен, икон было очень много, стены внутри были покрашены красивой голубой краской с белыми и розовыми полосками, и рисунков на стенах не было» [25]. Семья Коневых рассказывала про церковь в с. Куяган: «Она была высокая, деревянная, вокруг забор. Наверно священников хоронили в ограде, плиты лежали. Церковь была украшена. Внутри как было очень красиво: дорожки персидские, стены были разукрашены, иконы. Икону, пресвятую мать Богородицу, как ящик, под стеклом выносили на середину церкви. Возле церкви была часовенка – там молиться люди собирались» [8].

Значение церквей для населения велико, но у жителей из-за разного менталитета отмечается разный подход к вере: для старообрядцев характерна простота, для них главное – духовное: например, в с. Куяча до сих пор сохранили веру. Практически все респонденты отмечали, что церкви строили на горке или на возвышенности, и они были деревянные, высокие, красивые [3]. Это отмечали жители всех сел Алтайского района.

В крестьянском сознании существует огромный пласт воспоминаний. Форма этих преданий в разных местах одинакова и отражает традиции устного народного творчества. Завязка – рассказ о жизни сельского прихода в доколхозный период и принятие решения о разрушении храма. Кульминация – разграбление церкви, разрушение колокольни, сбрасывание крестов, сожжение или уничтожении икон. Развязка – возмездие, которое настигло самих разрушителей [21, с. 232].

Касаясь кульминационного сюжета, а именно о разграблении церквей, следует выделить, что стало с церковным имуществом сел Алтайского района. Из села Тоурак особо ценные иконы увезли в район [25]. Из села Нижняя Каянча, как утверждают жители, увозили иконы и колокола в Бийск [13, 5]. Из церкви в селе Куяган куда что девалось – неизвестно, попов уже не было, а церковь еще стояла [17, 16].

В устных материалах Алтайского района есть информация о попах: в с. Тоурак – Митрофан Кривашов, «когда начиналась революция, он уехал за границу с купчихой. Семья его осталась здесь – они жили очень бедно в небольшой избушке, а дом их перешел сельскому совету, а потом сделали из него детский сад. Есть подземный ход из дома попа в церковь. После того, как поп сбежал, церковь еще долго работала и проводились службы. В с. Алтайском поп Андрей жил, потом поп этот умер, дочери вышли замуж и сейчас уже умерли, но поповский дом сохранился, его перестроили» [4]. В с. Куяган последний поп был Сергей Шукин, потом его увезли, семья разъехалась. Дом попа был там, где контора, но он не сохранился [7]. Все информанты приходят к общему выводу, что священники жили не бедно и не богато, многие вообще не имели хозяйства.

В рассказах жителей Алтайского района часто встречаются упоминания о кержаках. Жительница с. Тоурак отметила, что в этом селе не было кержаков – у них был свой поселок и отдельная церковь-молельня, которая была мрачной и неказистой [25], а православные церкви, наоборот, возвеличивали. В с. Нижняя Каянча кержаков было наполовину [14]. Ф. А. Костенко, жительница села Нижняя Каянча, была австрийской веры, но не понимала, чем она отличается от православной [9]. С. Ф. Жданов рассказывал, что вражды не было [5]. В Куягане много старообрядцев – кержаков. У них там были молельные дома [20]. В с. Алтайском, по рассказам семьи Шелеповых, «церкви не было никогда. В Куячу ездили, там веры разные были. У нас отец – кержак, как она крестьянская вера называлась, мужская была церковь – верующие. Но нас отец был такой, что из его чашки, кружки не поешь» [18]. П. Е. Макарьева из с. Алтайское говорит: «Было разделение на старообрядцев, они ни с кем не враждовали, только вера разная была. У одних православная церковь была, а у старообрядцев такой дом, где на полочках были иконы поставлены. Церковь раньше храмом не называли, это старообрядческую так называли. У старообрядцев был наставник свой, грамотный человек, детей крестил и молился, также и обедню вел и отпевал. И дед мой киржаком был» [10]. К. Я. Зырянова тоже отметила, что старообрядцы были в с. Алтайском. «У них церковь кержачная была, большая, рядом молельни были, колокольня. Там на пасху 8 дней зво-

нили колокола» [6]. В. Ф. Арестова из с. Алтайское рассказывала: «Наша старообрядческая церковь очень богатая была. А ее еще до войны всю раскурочили» [1]. «В Верх-Баранче были кержаки, а здесь простые мирские, там домики хорошие были. В Нижней Баранче хуже было. В Верх-Баранче были два вида кержаков, и церковь была кержацкая одна» [2].

Таким образом, в рассказах о разрушении церквей интерпретация событий позволяет выявить сложное отношение советских крестьян к вере. За внешним неверием — вера или внутренняя раздвоенность, за отрицанием бога — его присутствие в сознании и поведении человека, поэтому присутствует очень много скрытой информации, но ее необходимо выявлять, так как именно устные материалы содержат информацию, не зафиксированную в письменных документах.

Источники и литература

1. Арестова В. Ф. Кассета № 8, запись 1994 г. Алтайский район, с. Алтайское.
2. Бобровская. Кассета № 17, запись 1994г. Алтайский район, с. Куяган.
3. Булатова, 1902 г. р. Алтайский район, с. Куяган. Кассета № 16, запись 1994 г.
4. Громоздина П. М. 1919 г. р. Кассета № 10, запись 1994 г. Алтайский район, с. Алтайское.
5. Жданов С. Ф., 1928 г. р. Кассета № 15, запись 1994 г. Алтайский район, с. Нижняя Каянча.
6. Зырянова К. Я., 1907 г. р. Кассета № 10, запись 1994 г. Алтайский район, с. Алтайское.
7. Казанцев В. П., 1922 г. р с. Куяган.
8. Конева В. Н., 1923 г. р. Конев А. И., 1915 г. р. Алтайский район, с. Куяган. Кассета № 16, запись 1994 г.
9. Костенко Ф. А. 1903 г. р. Кассета № 15, запись 1994 г. Алтайский район. с. Нижняя Каянча.
10. Макарьева (Губина) П. Е., 1913 г. р. Кассета № 10, запись 1994 г. Алтайский район, с. Алтайское.
11. Макарова А. Р., 1934 г. р. Романовский район, с. Сидоровка, Запись 2014 г.
12. Морозова А. И., Романовский район, с. Закладное. Запись 2014 г.
13. Полякова. Кассета № 15, запись 1994 г. Алтайский район, с. Нижняя Каянча.
14. Путьшева. Кассета №15, запись 1994 г. Алтайский район, с. Нижняя Каянча
15. ФИО информатора неизвестны. Кассета № 16, запись 1994 г. Алтайский район, с. Нижняя Каянча.
16. Худякова Л. В. Кассета № 25 (В), запись 1994 г. с. Куяган. С. 8–10.
17. Чурилина В. Н., 1921 г. р. Кассета 14, Алтайский район, с. Куяган.
18. Шелепова (Плаунова) В. К., 1936 г. р., Шелепова А. К., 1922 г. р. Кассета № 4, запись 1994 г. Алтайский район, с. Алтайское.
19. Шипунова Е. А., 1909 г. р. Кассета № 14, Алтайский район, с. Куяган.
20. Шестаков Д. А. Кассета № 8, запись 1994 г. Алтайский район, с. Макарьевка.

21. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008.
22. Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 111–121.
23. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2010. 364 с.
24. Яркина (Шестакова) М. Я., 1927 г. Кассета № 3, запись 1994 г. Алтайский район, с. Нижне-Каменка.
25. Яркова В. Л., 1914 г. р. Алтайский район, с. Тоурак. Кассета № 19, запись 1994 г.

А. С. Кузнецов

Воспоминания о Великой Отечественной войне как часть историко-культурного наследия на примере воспоминаний Б. Т. Терещенко¹

В создании культуры человечества в целом, отдельного народа, страны участвуют многие поколения людей. «Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, — память... Память активна. Она не оставляет человека равнодушным, бездеятельным. Она владеет умом и сердцем человека. Память противостоит уничтожающей силе времени и накапливает то, что называется культурой» [9, с. 64–65]. Современные исследователи обычно делят память на коллективную и индивидуальную [11]. Проблема механизмов памяти давно интересует исследователей, но в данной работе автор не будет углубляться в общие вопросы функционирования памяти.

Мемуары — специфический жанр литературы, их особенностью является документальность, основанная на свидетельствах авторов — очевидцев описываемых событий [8, с. 634]. Основным источником информации для написания воспоминаний является память. Как отмечал А. Г. Тартаковский, «мемуаристика (в широком смысле слова) суть овестьвенная историческая память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому» [10, с. 3]. Таким образом, мы приходим к логической цепи: культура — память — воспоминания.

Целью настоящей работы явилось изучение памяти рядовых участников Великой Отечественной войны, зафиксированной в их письмен-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

ных воспоминаниях. О Великой Отечественной войне написаны тысячи воспоминаний, но большинство из них принадлежит к категории маршальских или генеральских; яркие примеры – мемуары Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского и других известных военачальников периода войны [2–7]. Эту разновидность воспоминаний нельзя назвать мемуарами в общепринятом понимании, поскольку маршалы в своих работах часто ссылаются на архивы, мемуары своих коллег. Память в таких источниках перестает быть основной опорой, поэтому автор текущего исследования обращает внимание на воспоминания рядовых участников войны, которые в меньшей степени подвержены влиянию других источников информации.

Рамки работы не позволяют провести развернутый анализ воспоминаний, рассмотренных автором, поэтому остановимся на наиболее крупных по объему (101 страница машинописного текста формата А4) мемуарах Бориса Тимофеевича Терещенко. Стандартные воспоминания участников войны по объему колеблются от 1 до 20 страниц.

В настоящий момент воспоминания Б. Т. Терещенко хранятся в Романовском районном краеведческом музее, их копия – в архивном отделе администрации Романовского района. Автор в конце работы сам указывает годы создания мемуаров: май 1987 – май 1993 гг., при этом он указывает, что больше года не прикасался к рукописи [1, л. 61].

Борис Тимофеевич Терещенко родился 23 октября 1926 г., 5 декабря 1943 г. был призван в РККА. В июне 1944 г. Б. Т. Терещенко попадает на Карельский фронт, воюет против финнов, служит в разведке. После выхода Финляндии из войны в августе 1944 г. дивизия Бориса Тимофеевича была переброшена в Польшу, на 1-й Украинский фронт, где при выполнении очередного задания 22 января 1945 г. группа разведчиков, в которой он служил, попала под обстрел, и Борис Тимофеевич был ранен. На этом, как он пишет, «лично для меня была закончена война» [1, л. 78].

Воспоминания Б. Т. Терещенко выбиваются из общей колеи и по другим причинам. Во-первых, они имеют название – «История одной семьи». Это не свойственно подавляющему большинству просмотренных автором источников. Это можно объяснить тем, что зачастую воспоминания рядовых участников войны писались по настоянию администрации в честь годовщины Победы (особенно много собрано воспоминаний, датированных 1975 г.), поэтому для авторов это не являлось внутренней необходимостью, и такие воспоминания больше походят на ответы в анкетах, специально разработанных для участников Великой Отечественной войны. Для Б. Т. Терещенко его память имеет ценность, о чем подробнее будет сказано ниже. Во-вторых, в первой части работы Борис Тимофеевич подробно описывает семью своего отца и

матери, их взаимоотношения, совместное времяпрепровождение — отмечание праздников, свадеб, затем проводы на фронт, работу в колхозе, бытовые проблемы, первую любовь. Описание службы и военных действий занимает у автора около трети работы.

Рассматривая мемуары, исследователь в первую очередь должен задать себе вопрос: для чего они написаны? Б. Т. Терещенко пишет, что ему было непросто перевероршить в памяти трудные, а порой и страшные события пятидесятилетней давности. «Больше года я не прикасался к этой тетради, и вот почему. Плохо стал спать, потерял аппетит, меня стали мучать кошмары, особенно те, где мне грозила неминуемая смерть. В моих воспоминаниях не стало определенной последовательности. Закрадываются сомнения по поводу того, что никому это не нужно и не интересно. Но светлая память о моих близких людях, погибших во время войны, заставляет меня вернуться к начатому и досказать до конца, как все это было» [1, л. 61]. То есть автор чувствовал ответственность перед погибшими родными и близкими в сохранении памяти о войне. Также Борис Тимофеевич отмечает, что «нелишне знать для моих внуков», как проходили разведывательные операции, каких видов они бывают, как были вооружены разведчики, их численность [1, л. 59–63].

Часто автор воспоминаний описывает свои чувства, ощущения, мысли на войне и по поводу войны, что также позволяет сделать вывод о важности для него данной информации. «Мне в ту пору казалось, что я иду на полковые или школьные занятия и все это учебная игра, которая должна обязательно закончиться благополучно. И я совсем упускал из вида, что весь передний край наполнен до зубов вооруженными солдатами противной стороны, снайперами-охотниками, которые в любую секунду, в случае обнаружения, могут нажать на спусковой крючок, и выстрел окажется раковым» [1, л. 60]. Так описывает Борис Тимофеевич свои первые дни на фронте, первые задания по наблюдению за противником и осознание опасности, которой он подвергался на переднем крае, но уже задним числом.

Б. Т. Терещенко особое внимание уделяет также своему боевому крещению, которое описывает довольно подробно. «Первая операция. Она на всю жизнь запомнилась в моей памяти, — пишет Борис Тимофеевич о своем первом походе за «языком». — ...То ли судьба, то ли настолько операция оказалась хорошо подготовленной и удачной, то ли финны опоздали с проверкой своего наблюдательного пункта, но только они хватились поздно, когда на своем наблюдательном пункте, видимо, обнаружили одного заколотого солдата, а второго вообще бесследно исчезнувшего, и открыли бешеный огонь по нейтральной по-

лосе и нашему переднему краю. В дело вступили не только пулеметы, винтовки и автоматы, но и легкая артиллерия и минометы. Вообразить трудно, какая возникла перестрелка с обеих сторон» [1, л. 62–64].

А итог своего участия в войне подводит таким образом: «Итак, 22 января 1945 года примерно часов в 11 дня лично для меня закончилась война, я остался жив, побывав в различных передрягах войны, войны жестокой, кровавой и беспощадной» [1, л. 78].

Таким образом, мы видим у Бориса Тимофеевича Терещенко два мотива для создания «Истории одной семьи». Первый – личный: написание воспоминаний для своих внуков, а также в память о погибших на войне друзьях и близких. Отец автора «Истории» погиб на войне, погибло много товарищей. Второй – общественный: Борис Тимофеевич несколько раз упоминает о других читателях его мемуаров, помимо родственников, то есть он не исключал возможности их опубликования. Кроме того, автор видел важность показать свое участие в войне через оценку самой войны как «войны жестокой, кровавой и беспощадной» [1, л. 78]. Таким образом, на примере Б. Т. Терещенко мы убеждаемся, что авторы воспоминаний о войне сами осознают свои работы как часть памяти о войне, а следовательно, и часть историко-культурного наследия, которое вбирает в себя эти частицы человеческой памяти. И поскольку мемуары участников войны востребованы в современном российском обществе, можно сделать вывод о преемственности поколений в сохранении памяти о войне, а следовательно, и культуры нашего общества в целом.

Источники и литература

1. Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. 62. Оп. 1. Д. 43.
2. Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 1. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988. 320 с.
3. Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 2. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988. 363 с.
4. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. 8-е изд. М.: АПН, 1987. Т. 1. 303 с.
5. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. 8-е изд. М.: АПН, 1987. Т. 2. 327 с.
6. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. 8-е изд. М.: АПН, 1987. Т. 3. 351 с.
7. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997. 497 с.
8. Данилевский И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
9. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. 576 с.

10. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М.: Наука, 1991. 288 с.
11. Хальбракс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>, (дата обращения: 23.02.15).

А. В. Рыков

Питание колхозных крестьян в условиях полеводческих и тракторных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны¹

Одной из важных проблем, существовавших у колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны, стала организация питания в условиях работы в полеводческой или тракторной бригады. Такие формы организации сельскохозяйственного труда являлись выносными и представляли собой сезонные отделения колхозов, находившиеся в период сельскохозяйственных работ в поле, часто на значительном расстоянии от усадьбы колхоза. Организация питания колхозников в полевых условиях являлась одним из важнейших условий обеспечения непрерывного труда в бригаде без отлучек домой.

В годы войны произошло значительное ухудшение материального положения колхозного крестьянства. Прежде всего это выразилось в сокращении выдач зерна на трудодни. По сравнению с 1941 г. средний размер выдаваемого зерна на 1 трудодень в 1942–1943 гг. упал в два раза (с 1,21 до 0,42 кг на трудодень), а по сравнению с 1939 г. – в целых четыре раза (с 2,04 до 0,42 кг на трудодень) [7, л. 26]. В 1943 г. свыше 56% колхозов Алтайского края выдавало на трудодень не более 300 граммов зерновых и 25,4% колхозов – от 301 до 500 граммов [9, с. 52]. При этом всем, по замечанию Ю. В. Арутюняна, необходимо учитывать, что данные, приведенные в годовых отчетах колхозов, относятся к продукции, «определенной к выдаче», а не выданной фактически. То есть фактически объем выдач на трудодень был еще меньше, чем по цифрам, приведенным выше [10, с. 340].

В связи с ухудшением материального положения колхозного крестьянства в годы войны организация питания в колхозе стала играть заметную роль в жизнеобеспечении трудоспособного населения. Представляется важным рассмотреть изменения и способы в системе питания при выездных формах хозяйствования.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации»

Организация питания колхозников на бригаде предусматривала выделение человека, который готовил еду для колхозников. Проживал повар на бригаде, вместе с колхозниками. Там же была организована и кухня с оборудованием для приготовления пищи. Продукты для приготовления пищи предоставлял колхоз – как правило, то, что производилось в колхозном производстве, прежде всего зерно. И. М. Кудрявцев (1929 г. р.): «Две комнаты было. Комната для рабочего и комната для повара. Просто бригада была – вот в этом мы районе и работаем. В обеденный перерыв приезжаем туда, позавтракаем, пообедаем. В весеннюю посевную мы там ночуем. Она двух это была... Двухъярусная, да, сделанная все койки, да. Вот это бригада была, что мы там находились, обитались, а вечером едем домой» [3].

В годы войны ситуация с выделением продуктов для питания ухудшилась. Обязательства перед государством требовали от тыла все больше продукции для нужд фронт. Прежде всего это отразилось на количестве и качестве продуктов, предоставляемых для приготовления пищи. Н. П. Маслов (1932 г. р.): «Там и варили. Че могли: кашу варили, там хлеб стряпали, немного там, по сколько грамм, по 200, по 300 хлеба даже... [Обеспечивал питанием] да частично колхоз. Это хлебное такое, продукты. Они больше ничего не могли дать, потому что были большие налоги на колхозы, да и на колхозников. Все сдавали государству. Все на войну шло. Они вот могли только дать с отходов, намелят муки и вот этой, вот какую кашу варили. Колхоз много не мог дать ниче. Не много, а почти ничего» [4]. В. С. Смирнова (1929 г. р.): «А потом вот в эту бригаду, в бригаду. Есть в чем у тебя, обут ты или одет ли, а в бригаду иди. За кусок вот за такой хлеба, или сварят какую-нибудь баланду. Варили просо. Просо, вот ее размалывали и из ее варили затируху. А какая она, затируха, – ну, просто вода и эта вот. Ну, ели. Голод заставлял есть» [2].

Оплата получаемого в колхозе питания в связи со снижением выплат на трудодни при системе высчитывания стоимости питания из трудодней колхозника приводило к тому, что работники еще оставались должны колхозу. Вспоминает А. Т. Аксенова (1934 г. р.): «Денег то не давали, [когда] в колхозе работали... Трудодни писали. Если ты один день отработал, тебе поставят один. Если полтора, то один и пятьсот соток... Хлеб давали, писали... по килограмму если давали – писали. А потом сколько за месяц килограмм съедала... тогда мало зерна было, пахали то мало. А при отчетном подсчитают, сколько ты заработал... Бывает, что кто-то маленько получит, центнер или сколь, а кто-то только распишется. Что брала хлеб и ела, это высчитают» [1].

Несколько лучше материальное положение было у трактористов. Обуславливалось это тем, что в годы войны их труд по-прежнему оплачивался согласно ежемесячному гарантированному минимуму, составлявшему 2,5 руб. за трудодень и 3 кг зерном [8, с. 2]. Привилегированное положение трактористов сказывалось и на организации их питания в поле. Как отмечают респонденты, питание трактористов в тракторных бригадах отличалось в лучшую сторону от питания простых колхозников. Респонденты это связывают прежде всего с тяжестью работы трактористов. Вспоминает В. А. Шейкин (1931 г. р.): «Вот директор заботился о них. Он приезжал, я как сейчас помню, он говорил, чтобы тракторист без куска мяса не обедал... Их кормили лучше, лучше, чем полеводов. А полеводов я не забуду, наварят там то лапши, то затируху какую-нибудь, похлебку» [5].

Большую роль в качестве формы организации питания получила доставка продуктов из дома. В колхозе существовала специальная должность продуктовщика, который занимался сбором и доставкой продуктов в тракторную бригаду. М. Е. Кирдянов (1927 г. р.): «...Вот лошадь запрягают в бригаде и едут сюда. Вот наша улица – это наш колхоз был. К тебе приехали, ты – пол-литра молока. Бабка – бабка с ребятишками оставалась, а женщины вот эти молодые все в бригаде, и приезжает – кто творогу, кто яиц курица снеслась – нам присылали они в бригаду, бабушки» [6]. И. М. Кудрявцев (1929 г. р.): «Только был там повар. У повара был помощник. Помощник утром встает, запрягает коня или быка, что там ему дадут, и едет домой, кто ночует тама до каждого бутылку молока. Моя мать... Я приехал когда... мать моя там наливает бутылку, или две, или что. И он, этот повар, или как он назывался, продуктовщик... он объезжал каждый двор. Он знает у бригаде и тогда привозит» [3].

Подводя итог, следует отметить, что в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны материальное положение колхозного крестьянства ухудшилось. Это выразилось прежде всего в значительном снижении выдачи зерна на трудодни. В результате большую роль в годы войны приобрело общественное колхозное питание, но оно также ухудшилось, что выразилось прежде всего в изменении рациона. Основным способом улучшения рациона стал привоз продуктов из дома.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Волчихинский район, с. Бор-Форпост. Аксенова А. Т., 1934 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Волчихинский район, с. Усть-Волчиха. Смирнова В. С., 1929 г. р.

3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Панкрушихинский район, пос. Лебедиха. Кудрявцев И. М., 1927 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Панкрушихинский район, с. Кривое, Маслов Н. П., 1932 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Егорьевский район, с. Новоегорьевское, Шейкин В. А., 1931 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Егорьевский район, с. Новоегорьевское, Кирдиянов М. Е., 1927 г. р.
7. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1701. Л. 26.
8. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 марта 1939 г. «О нормах выработки и оплате труда трактористов в машинно-тракторных станциях» // Советская Сибирь. 1939. 10 марта.
9. Анисков В. Т. Трудовой подвиг колхозников Алтая в период Великой Отечественной войны // Труды Алтайского политехнического института им. И. И. Ползунова. Вып. 6. Общественные науки / [редкол.: В. Т. Анисков (отв. ред.) и др.]. Барнаул, 1968. С. 38–56.
10. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е. М.: Изд-во АН СССР, 1970. 466 с.

Е. А. Петякина

Образ «сибиряка» в рассказах жителей Кытмановского района Алтайского края

На рубеже XIX–XX вв. на территории Алтая сложилось несколько этнографических групп русского населения. Описание каждой отдельно взятой этнографической группы, внесшей вклад в формирование традиций нашего региона, представляет большую важность.

Целью данной публикации является рассмотрение этнографической группы «сибиряки», потомки которых проживают на территории Кытмановского района Алтайского края.

Для решения поставленной цели в исследовании в качестве источников были использованы материалы интервьюирования, полученные в ходе историко-этнографической экспедиции (руководитель – доктор исторических наук, профессор Т. К. Щеглова) Барнаульского государственного педагогического университета в Кытмановский район Алтайского края в 2001 г. При написании работы была привлечена также историографическая база по проблемам изучения этнографических групп русского населения Алтая (Т. К. Щеглова, Е. Ф. Фурсова, М. А. Жигунова, М. Л. Бережнова, Б. Б. Пушкарев и др.).

На сегодняшний день существует несколько определений этнографических групп, которые выделяют в соответствии с комплексом кри-

териев. До 1990-х гг. ученые выделяли этнографические группы, учитывая особенности традиционной и материальной культуры. Например, Ю. В. Бромлей под этнографическими группами понимал «те локальные (внутренние) подразделения этноса, у которых существуют отдельные специфические элементы культуры [10, с. 32]. Наряду с указанными элементами культуры характерной чертой этнографических групп считается наличие самосознания. Под самосознанием этнографы понимают наличие и осознание групповой принадлежности при учете культурно-бытовых, хозяйственных и поведенческих особенностей [15, с. 27]. Таким образом, этнографическая группа рассматривается как самостоятельная группа этноса, наделенная культурно-бытовыми, языковыми, религиозными особенностями.

Разнообразие этнокультурных групп стало результатом длительного процесса заселения и хозяйственно-культурного освоения Алтайского горного округа [14].

Основным критерием для разделения населения Алтая на старожилов и переселенцев является время поселения в Сибири. Формирование этнокультурной группы старожилов началось с XVIII в., а полностью завершилось к середине XIX в. [9]. Согласно данным словаря В. И. Даля, «сибиряком» называют жителя, уроженца Сибири [12].

В рамках данной публикации будет рассмотрена группа «сибиряков» и их потомков, проживавших в Кытмановском районе Алтайского края. Район расположен в северо-восточной части Алтайского края. Согласно официальным данным с. Кытманово основано в 1763 г. [13]. Таким образом, Кытмановский район этнографы определяют как типичный старожильский край.

Согласно переписи 1939 г., преобладающим этносом Кытмановского района являлись русские, также в районе проживали украинцы, казахи, мордва и немцы (табл.) [11].

В качестве определяющих компонентов образа «сибиряка» были взяты самоназвание, взаимоотношения сибиряков и переселенцев, а также языковые особенности. Следует подчеркнуть, что представления потомков старожильского населения Кытмановского района об этнографической группе «сибиряков» во многом отличаются от представлений об этой группе, сформировавшихся у переселенческой части района. Согласно полученным сведениям, потомки старожильского населения утверждают: «Сибиряки – это те, которые здесь родились, а вот переселенцы – это те, кто новоселье» [4]. «Сибиряками» называют себя также потомки старожилов, объясняя такое самоназвание тем, что проживают в Сибири, а по национальности являются русскими [6].

Всероссийская перепись населения 1939 г. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. Алтайский край, Кытмановский район

Национальность	Район (населенный пункт)		
	Весь район	с. Кытманово (р. ц.)	Прочие села
Всего	26 437	2517	23920
Русские	25 456	2479	22977
Украинцы	296	17	279
Казахи	14	1	13
Мордва	101	3	98
Немцы	6	0	6
Другие народы, проживающие на территории Кытмановского района	564	17	547

Для самоназвания потомки старожилов Кытмановского района употребляют слово «сибиряк». В отдельных случаях респонденты гордо добавляют: «коренная сибирячка» [7]. Для определения своей этнической принадлежности, потомки старожилов одновременно используют слова «русский» и «сибиряк», а также «старожил». По нашему мнению, это свидетельствует о многоуровневости этнического самосознания потомков старожилов Сибири. Однако отдельного исследования по этой проблеме на территории данного района проведено не было.

Потомки старожилов Кытмановского района свидетельствуют о том, что во время переселений второй половины XIX в. «на наши сибирские улицы никто уже не заселялся, новые возводили» [8]. Описывая места проживания, переселенцы отмечают, то, что «сибиряки», как правило, селились на возвышенности: «Было разделено на Луговой, где повыше, жили сибиряки, а наши, приезжие из России, российскими звались» [1]. В данном случае речь идет не только о территориальной отдаленности мест проживания сибиряков и переселенцев, но и об особенностях взаимоотношений двух этнографических групп. Примером может служить частое обращение старожилов к вопросу освоения земли их предками «Наши деды землю эту осваивали, а пришлые, что, должны были на все готовое прийти?» [2]. Такое отношение к переселенцам с. Кытманово подтверждают также потомки переселенческой части села: «Баба часто говорила, что не давали нам строиться» [6]. Характеризуя взаимоотношения между российскими и сибиряками, Александра Яковлевна Касмынина, переселившаяся вместе со своей семьей в Сибирь за два года до начала Великой Отечественной войны, говорит: «Сибиряки все в сторону, а российские вместе» [3]. Однако, по

свидетельствам двух этнографических групп, такая ситуация сохранялась недолго. С началом Великой Отечественной войны трудности во взаимоотношениях перестали существовать. Сельским жителям необходимо было объединиться в борьбе «за Победу, за мир» [5].

Отличия сибиряков от переселенцев информанты отмечают и в языке. Данные, полученные в ходе экспедиционных работ от потомков переселенческой части села, позволяют сделать вывод о следующих языковых особенностях: «Мы когда приехали, мы разговаривали „чаго“, „хгде“, а они все — „чего“ да „когда“» [3]. Однако языковые различия в селах Кытмановского района существовали, по словам информантов, недолго, так как для сохранения диалектной формы того или иного языка, например «хохляцкого», необходимо компактное проживание определенной этнографической группы и постоянное общение на данном диалекте, однако на территории района не было таких условий.

Таким образом, краткий анализ этнографической группы «сибиряков» на материалах экспедиции Кытмановского района позволяет нам сделать ряд выводов. До сегодняшнего дня в памяти потомков старожильческого населения сохранились представления о «сибиряках» как самостоятельной этнографической группе, переселявшейся преимущественно до середины XIX в. В рамках данной публикации была сделана попытка не только описать содержательное наполнение понятия «сибиряки», но и рассмотреть взаимоотношения данной этнографической категории с переселенцами.

Источники и литература

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Кытманово. Гололобова М. М. 1927 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Кытманово. Долматов В. А. 1934 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Кытманово. Касмынина А. Я. 1911 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Отрадное. Королев Г. О., 1923 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Старая Тараба. Пяташева Л. И. 1922 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Порошино. Титов С. В. 1922 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Порошино. Титова М. Ф. 1922 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Кытмановский район, с. Семено-Красилово. Тузовских М. Е. 1924 г. р.

9. Бережнова М. Л. Группы русских Сибири [Электронный ресурс] // История. Культура. Общество: Междисциплинарные подходы. Программы специализированных курсов и тексты лекций. М., 2003. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=724>, свободный (07.12.2014).
10. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 284 с.
11. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. Алтайский край, Кытмановский район [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=31, (07.12.2014).
12. Даль В. И. Сибиряк [Электронный ресурс] / Толковый словарь Вл. Даля. 1863–1866. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/353254> (07.12.2014).
13. Официальный сайт администрации Кытмановского района [Электронный ресурс]. URL: http://admkitmanovo.ucoz.ru/index/kratkaja_informacija/0-20 (07.12.2014).
14. Щеглова Т. К. Русские старожилы и новоселы // Алтайский благодатный край / Алт. кр. Управление по культуре [гл. ред. и сост. А.М. Тарунов]. М., 2007. С. 94-101. (Наследие народов Российской Федерации; вып. 8. ч. 2); Пушкирев Б. Б. Этнографические группы Алтайского края: к проблеме самоидентификации и самосознания // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: науч. и док. материалы / редкол.: Т. К. Щеглова (отв. ред.), А. В. Контев. Барнаул, 2004. С. 170–181.
15. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX вв.). Ч. 1. Обычаи и обряды зимнее-весеннего периода. Новосибирск: Агро, 2002. 287 с.

И. А. Симахина

Хозяйственная адаптация сельского населения в условиях Великой отечественной войны (на материалах Солтонского района Алтайского края)

Великая Отечественная война изменила быт и хозяйственный уклад жителей Алтайского края. Начало войны повлекло за собой перестройку всего народного хозяйства. Материальные и человеческие ресурсы были направлены на производство продукции для нужд фронта. Ценным вкладом в оказание помощи фронту являлись сельскохозяйственные заготовки. В тяжелые годы войны алтайское крестьянство было призвано увеличить производство продуктов, сделать край одним из основных источников зерна [3, с. 281]. Питание сельчан в годы войны в основном составляли продукты, производимые в их хозяйстве: молоко, овощи, изделия из злаковых культур. В летние месяцы пища была в основном растительного происхождения: картофель, белокочанная капуста, морковь, свекла. Зимой и осенью рацион состо-

ял из картофельных и мучных блюд. По воспоминаниям одной из информанток, «пока у баушки картошки были, она сухарики картовные сушила, возьмет сварит их, очистит и потом вынесет на улицу, чищенные, на листу, они замерзнут, потом выжмет их и посолит на листу» [2, с. Ново-Троицк, Кривошеева Е. Д., 1926 г. р.] Хорошим подспорьем был сбор грибов, лесных ягод и стеблей или корневищ трав (саранки, кандык, слизун, черемша и т. д.). Однако скудность питания в некоторых семьях приводила к недоеданию и смерти детей: «Нас тут тоже в войну голод прихватил, кого, мы остались без отца, нас осталось пятеро, один в животе был, отец как умер. Вот и мучалась с нами (мать), после еще двое померли, а мы вот, три девчонки, остались... Жили плохо, ничего не было, ни одеть, ни обуть, ни жрать не было» [2, с. Макарьевка, Игнатушина В. С., 1936 г. р.]

Сами сельчане изыскивали средства на промышленные и другие товары за счет подсобного хозяйства, поскольку «живых» денег они не получали, работали «за палочки»: «Ну была у нас корова, у ей какой-нибудь теленок, ну вот его прокормишь, продашь, ну вот на все расходы, надо и кормиться» [2, с. Макарьевка, Антропова А. И., 1919 г. р.]. Положение служащих и работающих на государственных предприятиях в деревне отличалось получением живых денег, но их ограничивали в количестве приусадебной земли. Даже рабочих МТС ограничивали в наделении землей [5, с. 460]. В этих условиях усиливалось значение традиционных форм хозяйствования: изготовления кизяков для отопления, домашнего производства и переработка шерсти, льна, конопли: «Ну раньше же молоденькие работали, в колхоз сходишь, а вечерами пряли еще лен, на мешки, на веревки, по вечеркам ходили да пряли... Лен же сеяли и в холщовом ходили, я помню, здесь вот ситцевую сделают, а тута льняную, тонкую приставок делали. Потом уже и юбки делали, всяки клетчатые ткали» [2, с. Макарьевка, Солохеева А. И., 1934 г. р.]

Мужчины являлись основной рабочей силой деревни, на фронт их ушло огромное количество. Из Солтонского района за 1941–1945 гг. было призвано на фронт 9452 человека [4, с. 40]. Вместо мужчин основной рабочей силой стали женщины и дети. Данные архива администрации Солтонского района свидетельствуют о значительном увеличении участия женщин и подростков в жизни колхоза: «Вдовухой осталась совсем молодая с тремя детьми, на финской войне муж у меня погиб. И я вот день и ночь... работала и работала, головы не подымала» [2, с. Урунское, Волкова Т. И., 1916 г. р.]

«Самостийность» и маломощность колхозов, высокая доля ручного труда способствовали тому, что работы в колхозном хозяйстве выпол-

Участие членов колхоза в общественном хозяйстве, 1941 г. [1]

Число колхозников	Мужчин	Женщин	Подростков от 12 до 16 лет
Работавших и выработавших до 50 трудодней		6	17
Выработавших от 51 до 100 трудодней		5	6
Выработавших от 101 до 200 трудодней	11	38	4
Выработавших от 201 до 300 трудодней	16	11	
Выработавших от 301 до 400 трудодней	5	3	
Выработавших свыше 400 трудодней	6	5	
Всего принимало участие в работе колхоза	38	59	27
Трудоспособных колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней		5	

нялись всем взрослым населением, уравнивая и мужчин и женщин, пожилых и молодых. Как говорят информанты, «делали всё подряд, если посевная – все на поле, если сенокос – все на покосе и т. д.» [5, с. 456]. Такая производственная ситуация в колхозном хозяйстве стирала рамки гендерного разделения труда, уравнивая в производстве мужской и женский труд, война способствовала развитию этой тенденции. Женщин в общей группе отправляли на обязательные лесозаготовки, строительство дорог, сажали на трактора и т. д. Вспоминает одна из информанток: «Нас [женщин] всех собрали и в Карабинку послали дорогу [делать] на пятнадцать суток. Дорогу, то ли пять метров, отмерит бригадир, и вот расчищай, и до Бийска мы» [2, с. Макарьевка, Антропова А. И., 1919 г. р.] Уходя на работу, не каждая женщина имела возможность оставить ребенка под присмотром: порой приходилось совсем крошечным детям быть дома одним: «У меня ребенок... Картошки сварить, ребенок в печку залезет, на полу холодища, ему год был» [2, с. Макарьевка, Антропова А. И., 1919 г. р.]

Военное время диктовало активное использование детского труда. У детей военного периода детства в современном понимании фактически не было. По данным, собранным А. В. Рыковым, подростки начинали взрослую жизнь с 13–14 лет, когда шли работать вместе с родителями [3, с. 285]. Третью часть работающих на полях и фермах края составляли подростки от двенадцати до шестнадцати лет. Местным органам власти было разрешено привлекать к полевым работам, особенно уборочным, детей шестого-десятого классов, студентов [4, с. 46]. Одна из информанток так описывает свои юношеские годы, которые пришлись на годы войны: «Ну тогда маленьких заставляли работать, годов

двенадцати уже заставляли полоть. Мне еще шестнадцати не было, послали, тут раньше была Бийская дорога, вот насыпь сделанная, а тогда гравированная была – гравий насыпали, вот меня послали в этот гравер, засыпали мы от Нининки, меж Карабинкой, с нашей Макарьевки нас двое было, Клавка Будилина была, гравий на носилках таскали, а потом начальство приехало, а я несовершеннолетняя, вот меня тогда отправили» [2, с. Макарьевка, Солохеева А. И., 1934 г. р.].

В годы войны возросло значение детского труда и в домашнем хозяйстве, поскольку взрослые постоянно были заняты в общественном производстве: «Ну маленькие, начали шевелиться, и к работе. Огород копали, помогали, пололи» [2, с. Макарьевка, Солохеева А. И., 1934 г. р.]; «Пятеро остались, отец умер, работать некому, дрова возили на санках. Вот такие, а уже возишь дрова, а летом веревочку возьмешь, по тальнику ходишь, сушняк собираешь» [2, с. Макарьевка, Игнатушина В. С., 1936 г. р.]

Жизнь и деятельность людей с приходом войны изменила свое привычное течение. Адаптироваться к условиям дефицита рабочих рук, техники, продуктов питания и промышленных товаров жителям Солтонского района удавалось благодаря обращению к традиционным формам хозяйствования, а так же интенсивному использованию женского и детского труда в колхозном и подсобном хозяйстве.

Источники и литература

1. Архив администрации с. Солтон, Солтонского района, Алтайского края. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Годовой отчет № 17. 1941 г.
2. АЛЭИ АГАО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1. Полевые аудиозаписи Коляскиной Е. А. Солтонский район. 2005.
3. Рыков А. В. Производственная и повседневная жизнь а алтайской деревне в годы Великой Отечественной войны: устная история // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 7. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 281–288.
4. Сивкова Г. Д. Время. События. Люди. 1924–2004. Солтонскому району 80 лет / Администрация Солтон. р-на, муницип. музей Солтон. р-на, арх. отд. администрации Солтон. р-на. С. Солтон (Алт. край), 2004. 443 с.
5. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.

М. И. Сухарева

**Депортация немецкого населения: по материалам
Поспелихинского и Романовского районов**

На Алтайский край в годы Великой Отечественной войны были депортированы представители разных национальностей, которые были объявлены потенциальными «врагами» и «предателями» [1, с. 346].

В сентябре-октябре 1941 г. в Алтайский край прибыли немцы из Поволжья, а в последующие годы войны – из Западной Украины, Белоруссии и с Кавказа. Все они рассредоточивались по 58 районам края группами от 500 до 2000 человек [2, с. 18]. И хотя «о немцах Алтая написано много книг и научных статей, которые посвящены их истории, современному состоянию, языку и культуре» [3, с. 98], можно согласиться, что «трагическая история немецкого народа... не разработана исторической наукой. Для историков собственно немецкого народа... как объекта для изучения не существует» [4, с. 6].

В Центре устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ с 1993 г. реализуется программа «Репрессии и депортации народов Алтая», с 1998 г. реализуется программа «Народы Алтая: история и культура» (составитель и руководитель обеих программ д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова), в рамках которой изучаются мордва, татары, казахи, украинцы и другие народы, проживающие на Алтае. Среди них большой материал собран по немцам, написаны статьи, защищены магистерские диссертации (О. Ремезовой, Н. Шрейдер, Л. Черкашиной). Ими же написаны и многочисленные статьи: например, по истории миграции немцев Романовского района после реабилитации посвящена статья Н. В. Шрейдер [7]. В последние годы в ежегодных историко-этнографических экспедициях по депортации немцев активно работает Е. Ю. Сластинина. Ее исследования посвящены немцам Поспелихинского района и отдельным группам немецкого населения [5; 6]. Все они написаны на основе обработки полевых материалов.

В нашем исследовании автор предпринимает попытку рассмотреть ряд вопросов, в частности о процессе депортации, обустройстве на новом месте, о взаимоотношениях депортированного народа и местных жителей и др. В данной работе приводятся материалы из интервью девяти деревенских жителей, являвшихся участниками или очевидцами депортации в Поспелихинский и Романовский районы. В Поспелихинском районе немецкое население является второй по величине группой [6, с. 179]. В этом районе в 2003 и 2008 гг. проходили историко-этнографические экспедиции АлтГПА (руководитель – д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова), одной из целей которых являлось изучение

различных групп немцев [5, с. 151]. В Романовском районе экспедиции проходили в 2010 и 2014 гг.

Одной из сложных задач нашего исследования является определение характера взаимоотношений, которые складывались между местным и депортированным немецким населением в годы Второй мировой войны. На отношение местных жителей к прибывшим спецпереселенцам оказывала влияние государственная пропаганда. Она формировала отношение к депортированным немцам как к потенциальным предателям. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» из этого района в короткий срок, «лишив всех политических и гражданских прав, в товарных вагонах было насильственно вывезено более 400 тысяч человек» [8; 2, с. 16]. Чрезвычайные меры «обосновывались необходимостью борьбы с многочисленными шпионами и диверсантами среди немецкого населения» [6, с. 180]. Следовательно, власть объясняла выселение немцев в районы Сибири, Казахстана, Средней Азии возможностью их сотрудничества с гитлеровскими войсками. Изначально этнические переселенцы прибывали на новое место поселения с отрицательной характеристикой. Эту проблему поставила в своей публикации Т. К. Щеглова [16]. При этом надо учитывать национальный состав населения районов, который был представлен русскими, украинцами, казахами и другими национальностями. Романовский район, кроме того, является этническим ядром расселения украинцев [9, с. 75].

Поэтому прибытие и расселение немцев надо рассматривать и с позиции местных жителей, и с позиции депортированных. Так, жительница поселка Хлебороб Н. Ф. Акульшина (Поспелихинский район) вспоминает: «У нас немцы еще были.... Из Поволжья. Да, привезли несколько семей. Во время войны. Вот таких привезли, и прямо за нами... дом, там их несколько семей было, разгрузили, они там жили, потом их начали... по колхозам [распределять]» [10]. А по воспоминаниям жительницы Поспелихинского района (Э. Ф. Руппель, пос. Хлебороб) можно восстановить картину о том, как немцев переселяли на Алтай: «...Они пришли и сказали: вот, собирайтесь, вот такого-то числа мы вас увезем, а куда – мы не знали. Приехали в Алтай, привезли нас в Алтай. Ну, такие вагоны, помню, как, вот такие, где скотину возят, такие вагоны [в которых нас привезли]...» [11]. Из-за коротких сроков на сборы, тесноты в вагонах на прежнем месте жительства приходилось оставлять многие вещи, домашних животных: «Че могли, мы взяли, а остальное все осталось дома, и все. Всё оставили. И коровы, и скотина» [11].

Обустройством этнических переселенцев на новом месте жительства должны были ведать партийные и советские органы [2, с. 17]. К их

приезде должно было быть подготовлено жилье для расселения и по возможности продукты питания. Так, П. Л. Джик (с. Сидоровка, Романовский район) рассказывает: «Немцев прислали – каждому по поросенку колхоз дал, муку или пшеницу им давали, они мололи – кормили поросят, по корове дал им, квартиры всем им дали, работу дали всем» [12]. Продукты спецпереселенцам в некоторых случаях выдавали, когда имелись квитанции за оставляемые постройки, продукты. Немцы могли претендовать на соответствующую компенсацию за них. Однако многие не успели получить квитанции, а полученными часто не могли воспользоваться из-за отсутствия ресурсов на месте [13, с. 316]. Что касается работы, то многим переселенцам была предоставлена работа, так как многие из них были грамотными специалистами.

Вместе с тем для властей одной из проблем стало обеспечение жильем. Местные жители отмечали, что жилье переселенцам предоставляли там, где было возможно. А. Г. Захарченко вспоминает: «Куда расселяли... Вот по селу, где была квартира возможна, вот их в ту бригаду. Люди как-то шли на уступки» [14]. Районы часто не успевали подготовиться к приему спецпереселенцев [2, с. 18]. По приезде, в условиях нехватки и неподготовленности жилых помещений, переселенцев либо принудительно подселяли в дом к деревенским жителям, либо селили в непригодные для жилья помещения. Х. П. Деринг вспоминает: «Разгружали по квартирам – разделяли – к людям... Кого на квартиры, кого по бригадам. Где кто принимал. Как тут у нас бабка одна жила. Она, это, была кулачка, что ли. Дак мы у ей жили тут» [15].

Одним из отличий в положении немцев была обязанность отмечаться в комендатуре, подтверждая, что они не покинули место поселения [7, с. 316]. Эта обязанность сохранялась вплоть до середины 1950-х гг. [7, с. 315]. П. Л. Джик вспоминает: «...Они шли в сельский совет, и я секретарем работала, а милиция, под контролем которой [проходила перепись], приезжала и переписывала всех – года два или три, наверно, так ходили. Все бросают и идут – знают число свое, и приходили» [12].

Но наиболее болезненной темой в материалах интервью стала тема взаимоотношений. Антифашистская кампания накладывала отпечаток на ситуацию. Среди деревенских жителей возникло мнение, что некоторые спецпереселенцы ранее сотрудничали с Германией. Эти настроения подогревались государственной политикой, которая определила немецкий народ в категорию «ненадежных» [16, с. 156]. Из рассказов местных жителей: «Ну, говорит, когда подходили немцы сюда, к Волге, где они жили, некоторые, значит, какие-то донесения передавали. Ну, наверно, где точки военные или че... и их, это, значит, заметили эти, узнали, и их туда [в Сибирь] всех их выселили, может, не все, конечно,

это делали, а всех выселили, разделили по России, в далекую Сибирь» [14]. «Война началась – вот где они [немцы] прекрасно жили, в Поволжье там, они могли тоже к Гитлеру присоединиться. И их разослали в каждую деревню» [17].

Местное население, оказавшись в тяжелых военных условиях, часто не имело представлений о конкретных виновниках войны и оправдывало действия советской власти: «Вот их с Поволжья [переселили] с того, чтобы они ни присоединились к тем, какие воюют. Их побоялись там держать. Их советский народ расселил там [в Сибири]... Ну они говорили – мы не виноваты [в войне]. А русские не знали, кто. Откуда? Их с Поволжья – а что, их мало было? Кто это развязал войну? Нам не докладывали» [17]. Советская власть ничего не сделала для того, чтобы объяснить, что российские немцы не несут ответственности за агрессию Германии [13, с. 316].

Несмотря на эти условия, отношения переселенных немцев и местных жителей складывались по-разному. Об этом свидетельствует рассказ А. Г. Захарченко (с. Клепечиха, Пospelихинский район): «Вот, и молоко несли, и что у кого было, всем помогали... Всякие были, оно и сейчас всякие люди, есть и такие, есть и другие» [14]. В основном спецпереселенцы приезжали на Алтай в сентябре-октябре 1941 г. и не имели возможности посадить огород и подготовиться к зиме. Поэтому после переезда немцев спасала продажа привезенного скарба – покрывал, одежды и других вещей. Х. П. Деринг рассказывала: «Покрывало продашь – ведро картошки дадут, и вот на эту картошку, а хлеб и не спрашивали... Вот девчушка была, пойду по дворам: кому пол помою – простоквиши [простокваши] дадут, вот то поем, и всё» [15]. Х. П. Деринг вспоминала, что местное население понемногу им с семьей помогало: «Не было ни дров, ниче не было, ходили по дворам, просили у людей. Кто кизяк даст штуки три. Бывало, пойдешь – и у того попросишь: подайте, может, что-нибудь поесть – картошины или что... давали некоторые. Или молоко, бутылку, попросишь» [15].

Болезненной темой в материалах интервью является трудармия. Мобилизации в рабочие колонны в соответствии с приказом ГКО от 10 января 1942 г. подлежали немцы, годные к физическому труду. Они направлялись в Новосибирскую, Омскую области, Казахскую ССР [2, с. 97]. Труд мобилизованных частично использовался и на Алтайском крае – «на Михайловском содовом комбинате и Рубцовском тракторном заводе» [2, с. 20]. Это явление не было массовым в основном из-за отсутствия больших лесозаготовок, поэтому трудармейцев направляли в другие края и области. Об отношении, которое встречалось к немцам в трудармии, рассказывает П. Л. Джик (с. Сидоровка, Романовский

район): «В то время много немцев работали: „трудармия“ тогда называли – вот там много немцев было. Видишь, дураки ж попадают русские, немцы и всякие. Видимо, ты такой-сякой, иди туда, иди сюда – не жалели ничо, а если бы так как со всеми относились – может быть, смертности меньше были. Много поумерли» [12]. В 1941–1942 гг. из Поволжья на Алтай было ввезено 115 тысяч немцев. К апрелю 1949 г. их осталось 73 136, следовательно, безвозвратная убыль составила 41 864 человека [4, с. 17]. Однако убыль здесь можно объяснить не только гибелью спецпереселенцев. После расформирования трудовой армии в 1946 г. происходило возвращение немцев на прежнее место жительства, но значительная часть трудармейцев осталась жить на новом месте [18, с. 196]. Кроме того, после войны на Алтае размещали часть репатриированных немцев, поэтому сведения об убыли немцев на Алтае являются достаточно приблизительными [18, с. 196].

Возвращаясь к теме взаимоотношений, необходимо отметить, что часто встречалось взаимное непонимание при подселении этнических переселенцев в семьи к сельским жителям. Неприязнь усиливали разные языки, тяжелое военное время, похоронки с фронта. Об этом свидетельствует рассказ М. Н. Яценко: «...Не спрашивали, надо тебе, не надо – подсеяли, и все. И они же и недовольные были. У нас жила семья. Они только спали и что-то готовили. Со своим приехали – с маслом со своим, хлебом, с мукой. Как они уже жили – сами по себе, наверно, жили, потому что они не хотели на работу идти никак... Не делились [продуктами с нами], а враждовали. Что-то говорят, говорят, не поймешь – если б понимали б – а что-то они ругают за что-то – то ли нас, то ли кто их пригнал сюда... Что-то был, какой-то комок был у них в груди, что они лучше нас жили. Недовольствие было. Дак мы хуже жили – как и они были. По три ведра масла они понавезли – у нас такого не было. У нас притесняли, чтоб ты не был богатый: вот одна коровка, и все...» [17]. Большинство респондентов из местных жителей говорили, что материальный достаток до депортации у большей части немцев Поволжья был выше, чем у жителей алтайской деревни

Другая часть местных жителей Поспелихинского и Романовского районов отмечают, что вражды по отношению к депортированным не было. Одна из традиций русской культуры – сочувствие обиженным, беспомощным, желание им помочь. Это можно проследить по рассказу Н. Ф. Акулышиной: «Может быть, им было трудно, так-то никто [не обижал], бывало, молочка унесет, жалели, не знаю, по-моему не обежали, не знаю, не должно быть». Она также называет причины, почему дети депортированных немцев не учились в школе: «...Они по-русски не умели говорить, а в то время никто не настаивал, учился, не учился –

кому ты нужен» [10]. А. С. Анисимова (с. Сидоровка, Романовский район) также вспоминала, что немцам оказывали помощь: «У нас огород уже был – лучок да капуста своя; капусту, было, попросят» [19].

Но по истечении времени отношение к этническим переселенцам менялось к лучшему. Фактором сплочения сельского немецкого и русского населения являлись такие качества, как трудолюбие, добросовестность [16, с. 161]. М. В. Сергеева (с. Сидоровка, Романовский район) рассказывает: «Сразу, как приехали, и зависть была, фашистами обзывались, а потом привыкли – и пошло все так. Стали родственниками – поженились. Раз дети идут [замуж] – а куда родителям деваться [20]. Немцы становились друзьями деревенских жителей и даже родственниками, происходило привыкание к некогда непонятным традициям.

Об обмене культурным опытом говорят многие респонденты. Достаточно подробно об этом рассказывает жительница пос. Хлебороб Н. Ф. Акульшина: «Но немцы привезли нам культуру, в наш поселок. Они приходили, у них все выбитое было [о рисунках на ткани], они также искусницы были, все кружевное было, ну, короче, они не так жили, как мы, они хорошо одетые были... они с Поволжья, немцы – культурный народ; мы, конечно, у них перехватили. Даже у кого не было штор, а у русских тогда их ни у кого не было, дак они как-то глиной белую вот побелют стекла, а потом рисунки наводили такие, с улицы кажется – это такая [красота]. Они искусницы были, чистоплотный народ, замечательный, мне нравилось. Ну у них уже появились маслобойки, масло сбивали... А у них маслобойки, сидит, бывало, на завалинке, туда-сюда – и готово. Вообще культурный народ был. Очень они были чистоплотный [народ], всегда и везде у них порядочек был...» [10].

Материалы этого интервью демонстрируют уважительное отношение к немцам, к их повседневной традиционной культуре, трудолюбию, владению ремеслом, аккуратности, изобретательности. Жительница Романовского района А. С. Анисимова рассказывала о трудолюбии переселенных немцев: «Немцы у нас через дорогу жили. Они работающие были. Усё они вязали. Было, в школу сумочку свяжет – были чернилки [назывались] – вязала нам, покойница теперь уже, Лиза. Сумочку, каку рукавичку свяжет, заштопают... у них уже платок был, на косыночку, кружавчики вышит... И они, главное, умели все делать!» [19]. А. П. Позднякова (с. Сидоровка, Романовский район) рассказывает об искусстве вязания сельских немцев: «Работали они – вязали – и шали, вязали и всё-всё» [21].

Таким образом, со временем многие немцы зарекомендовали себя как трудолюбивые работники, приобрели уважение и хорошее отношение среди русских [13, с. 321]. Происходили взаимовлияние и вза-

имообмен культурными традициями. Так, А. С. Анисимова вспоминает: «...Мы сошлись в дедом, земляночка у нас была, и они [у соседей-немцев] – землянка была. Он, этот же немец, и вот – сестре делал тут эту земляночку... А дети уже не хотели по-немецки разговаривать... Она [мама] ей по-немецки говорит – она [дочь] ей отвечает по-русски. В школу ходили – и тут же вместе играли» [19].

Условия переселения, обустройство немцев на новом месте показывают весь драматизм ситуации, когда этнические переселенцы оказались без вины виноватыми, в крайне тяжелых условиях выживания. Сложность ситуации, в которой оказались немцы, находила сочувствие у большинства местных жителей. Они, сами переживая сильные жизненные потрясения и трудности, оказывали помощь этническим переселенцам. Другая часть деревенских жителей относилась к приезжим настороженно и даже враждебно. Бывало, и сами «немцы вели себя агрессивно» по отношению к местному населению [13, с. 321]. Однако совместное выживание в тяжелых военных условиях сплачивало людей. Деревенские жители, представленные различными национальностями, поддерживали друг друга. Это было необходимо, чтобы выжить.

Источники и литература

1. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.
2. Немцы Алтая (справочно-библиографический сборник) / под общ. ред. В. И. Матиса. Барнаул: АК ИПКРО, 2008. 362 с.
3. Смирнова Т. Б. Немцы Алтая. Краеведческие записки. Вып. 8 / Управление Алтайского края по культуре, Алтайский государственный краеведческий музей; [редкол.: О. В. Падалкина, И. В. Попова (отв. за вып.), Т. К. Щеглова (науч. ред.)]. Барнаул: Алтай, 2009. С. 98–118.
4. Сыщенко А. Г. Немцы в Сибири: по документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг.: Спецпоселенцы. Военнопленные. Эшелонные списки. Картотека. Военнопленные японцы: сб. док. Барнаул: Алтайский дом печати, 2007. 623 с.
5. Сластинина Е. Ю. Полевые этнографические исследования среди немцев Поспелихинского района Алтайского края в 2009 г.: опыт изучения локальных групп // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 6: материалы 6-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, г. Барнаул, 19–21 ноября 2009 г. / редкол.: М. А. Демин [и др.]. Барнаул, 2009. С. 151–155.
6. Сластинина Е. Ю. Немцы Поспелихинского района Алтайского края: предварительные итоги полевого сезона 2008 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 5: материалы 5-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, г.

- Барнаул, 4–6 декабря 2008 г. / редкол.: М. А. Демин [и др]. Барнаул, 2009. С. 179–184.
7. Шрейдер Н. В. Миграция немецкого населения после реабилитации (указа 1955 г.) на примере целинного поселка Тамбовский Романовского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 7: материалы VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию лаб. ист. краеведения, г. Барнаул, 25–26 нояб. 2010 г. / под ред. М. А. Демина [и др.]. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 314–318.
 8. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» [электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901829879>.
 9. Щеглова Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию ист.-этногр. исслед. сектора устной истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Вып. 8 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 72–83.
 10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008. Поспелихинский район, пос. Хлебобоб. Акульшина Н. Ф., 1933 г. р.
 11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008. Поспелихинский район, пос. Хлебобоб. Руппель Э. Ф., 1925 г. р.
 12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010. Романовский район, с. Сидоровка. Джек П. Л., 1923 г. р.
 13. Явнова Л. А. Депортация и воспоминания немцев Алтая (по материалам письменных и устных источников) // Память, ответственность и будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию депортации российских немцев, г. Барнаул, 10–11 сент. 2011 г. / отв. ред. Т. К. Щеглова, Э. В. Винтер и др. Барнаул: АБВГДейка, 2011. С. 313–324.
 14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г. Поспелихинский район, с. Клепечиха. Захарченко А. Г., 1920 г. р.
 15. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Деринг Х. П. 1929 г. р.
 16. Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию; 70-летию со времени мобилизации советских немцев в трудармию; 75-летию Алтайского края, г. Барнаул, 10–11 нояб. 2012 г. / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Спектр, 2012. С. 155–165.

17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Яценко М. Н. 1928 г. р.
18. Смирнова Т. Б. Динамика численности немецкой диаспоры в Сибири 1940–1990-х годах // Память, ответственность и будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию депортации российских немцев, г. Барнаул, 10–11 сент. 2011 г. / отв. ред. Т. К. Щеглова, Э. В. Винтер и др. Барнаул: АБВГДейка, 2011. С. 193–205.
19. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Анисимова А. С. 1931 г. р.
20. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Сергеева М. В., 1925 г. р.
21. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Сидоровка. Позднякова А. П., 1929 г. р.

Проекты и программы Центра устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ

Т. К. Щеглова

Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы)¹

Изучение Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. всегда находилось в поле зрения исследователей. Но сегодня нельзя сказать, что эта тема исчерпана, особенно применительно к восточным тыловым территориям России, и прежде всего к вкладу сибирской деревни в исход войны. Между тем этот вклад был не только *непосредственный* – мобилизация и пополнение Советской армии сибиряками достойно представлены в научно-популярной литературе, так же как трудовой подвиг на колхозных и совхозных полях. *Опосредованным вкладом* стали повседневные практики мобилизации сельского населения на борьбу с голодом и холодом, формирование системы жизнеобеспечения, которая позволила деревне выжить и стать важнейшим фактором победы. Исход военных сражений решила способность деревни без помощи государства, сосредоточившего все внимание на военной стороне событий, не просто выжить, но и быть базой для существования и города, и фронта в военные годы. Именно этим проблемам и была посвящена новая программа Центра устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ в преддверии 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Автор данной программы исходила из того, что в отечественной историографии сформировались опорные ключевые понятия, которые носят научно-гражданское значение – «Великая победа», «Подвиг советского народа», «Факторы Победы». И несмотря на то, что над их со-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

держанием исследователи работают не один десяток лет, они требуют корректировки, так же как требуется расширение исследовательского поля по истории войны. Можно утверждать, что пристальное внимание на протяжении 70 лет уделялось событиям на фронте, состоянию армии, стратегии и тактике, великим полководцам, подвигам рядового и офицерского состава. В работах по истории тыловых территорий внимание исследователей акцентируется на изучении промышленности по обеспечению фронта вооружением, боеприпасами; если сельского хозяйства – то продуктами питания, так же как в социальной истории – городам и горожанам, и мало работ, посвященных селу и сельчанам. Даже в условиях антропологизации отечественной исторической науки в последней четверти XX столетия на первый план в исторических реконструкциях выходит «человек на войне». В Центре устной истории и этнографии (далее ЦУИиЭ) также с 2009 г. реализуется программа по изучению различных аспектов повседневной жизни «человека воюющего», включая санитарно-бытовые условия, организацию питания, обеспечения одеждой, обустройства проживания и окопной жизни, ощущения и восприятия войны, образ врага и отношение к смерти, взаимоотношения солдат и офицеров, мужчин и женщин, советских военнослужащих и германских военнопленных и т. п. На основе интервьюирования ветеранов войны сформирована коллекция устных исторических источников, опубликованы работы, сделаны промежуточные выводы в студенческих и аспирантских публикациях [8].

В немногочисленной научной литературе по тыловой деревне рассматриваются вопросы трудового подвига трактористов и комбайнеров, в основном женщин трудоспособного возраста. Центром УИиЭ с опорой на полевые материалы устной истории тема колхозной деревни комплексно определена как одна из приоритетных уже не первое десятилетие, а в последние годы на первый план вышла тема колхозного производства в годы войны, материалы экспедиций апробированы в студенческих и магистрантских работах [10]. Были темы, которые долгое время оставались закрытыми, например депортации и спецпереселения в годы войны, история трудармий и трудармейцев. Существуют темы, которые находятся на периферии исследовательского поля, в частности жизнь и быт сельского тылового населения. В этнографии основное внимание уделялось вкладу тыловой деревни в виде непосредственной помощи фронту провиантом, одеждой, табаком, тягловой силой. Трудовому подвигу посвящены десятки монографий, в которых описывается крайнее напряжение физических сил сельского населения на полях, токах, фермах, названы герои трудового фронта.

На сегодняшний день рассмотрение вопросов жизненных стратегий сельского общества тыловой деревни в повседневной практике остались в науке обделенными вниманием историков, этнологов, антропологов, так же как в гражданском социальном значении еще до конца не воздали должное и не выразили адекватную вкладу сельского населения в Великую победу благодарностью. Поэтому автором программы разработаны ряд принципов и введены или скорректированы смысловые понятия: *экстремальные условия, чрезвычайные ситуации, заместительные технологии, адаптивные повседневные практики, жизненные стратегии, система жизнеобеспечения, система жизнедеятельности* сельского населения тыловой деревни в годы Великой Отечественной войны. С их помощью представляется возможным доказать существование тех факторов победы, которые носили опосредованный характер и без которых ни фронт, ни общество не выстояли бы в годы войны. Этот вклад невозможно измерить количественно, но не учитывать нельзя. Для адекватной оценки вклада сельского населения в победу автор вводит прежде всего понятия, которые отражают социально-материальное состояние и возможности сельской семьи в годы войны. На наш взгляд, для одних категорий населения их можно назвать трудными, для вторых – экстремальными, для третьих – чрезвычайными.

Условия жизни основной массы сельского населения, по нашему мнению, являлись трудными и экстремальными. Историкам необходимо больше внимания уделить сельской военной повседневности, способам борьбы сельского населения тыловой деревни с голодом и холодом. *Объективными условиями* возвращения крестьян в колхозных и совхозных социумах к традициям культуры жизнеобеспечения являлся ряд факторов, под влиянием которых сформировались *адапционные практики выживания*, ставшие для сельского населения *основой системой жизнеобеспечения и системы жизнедеятельности*.

К **объективным экстремальным условиям** относились следующие:

1. Государство обеспечивало минимум средств существования в годы войны при помощи карточной системы, прежде всего труженикам оборонных предприятий и городскому населению. Государственная карточная система на сельское население не распространялась.

2. Социалистическая модернизация преобразовала единоличную деревню в колхозную, оставив население без денег. Крестьяне за свой труд получали трудовни-палочки, за которые в годы войны выдавались 250–300 граммов зерна в сутки (стакан) [6, с. 212]. Сельскохозяйственная продукция колхозов почти полностью изымалась в государственный

фонд на нужды фронта. «Помню, в один год заработала будто бы три центнера пшеницы. Именно „будто бы“, так как из них мне не досталось ничего. Все ушло в фонд фронта. Несмотря на непосильные налоги, еще давили в то время и военные займы. Короче, государство со всех сторон прижимало» [4, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна (1922–2001) с. Романово]; «трудодни начисляли... давали на них зерно, семечки, но мало» [4, Бондаренко (Бондарь) Анастасия Кирилловна (1923–2008) с. Романово]. Лишь иногда на трудодни выдавались деньги, но цены на товары были несоизмеримо выше. Например, в 1943 г. колхозники Западной Сибири получили на трудодень по 88 копеек. За год они зарабатывали столько же, сколько рабочие за месяц [6, с. 212]. Поэтому труд не являлся для сельского населения источником обеспечения жизнедеятельности. Необходимо было искать другие способы пропитания.

3. Усугубляли положение деревни демографические и материально-технические изменения: мобилизация мужчин на фронт, неблагоприятный половозрастной состав крестьянского общества тыловой деревни, мобилизация техники и тягловой силы на фронт, а трудоспособного населения – на колхозно-совхозное производство, с посуточным или ежедневным пребыванием в выездных бригадах, на полевых станках. «Мужиков забрали в этот же день и на следующий. А вскоре последние мужчины ушли в трудармию на работы. И все легло на плечи женщин и подростков. Дети с 12 лет, а то и раньше, возили копны, косили сено литовками. Был один трактор, на котором работала женщина» [4, Курганская (Пархоменко) Александра Александровна, 1918 г. р. с. Мормыши]; «В первые же месяцы войны забрали всех взрослых мужчин. Подошла бортовая машина, загрузились в нее под завязку, стоя. Не оставили даже врача... Следом „подобрали“ и остальных помощников женщин – молодых ребят. Почти все – одногодки... 1924 г. р., 1922 г. р., 1925 г. р. ... Росли все вместе, работали вместе, провожали девчат после „гужовок“ домой, дарили им браслеты из речного камня... Ни один не вернулся домой» [4, Худокормова (Дворянкина) Анна Семеновна, 1922 г. р., пос. Майский].

Неблагоприятная демографическая ситуация вела к перераспределению ролей в сельском обществе, укрепила растущий авторитет женщин и одновременно оторвала их от семьи. Это вело к формированию жизненных стратегий нетрудоспособных членов семьи с опорой на традиционные модели хозяйствования.

Корректировали ситуацию неблагоприятные **субъективные условия**.

1. Модернизированная советская модель хозяйствования отстранила домохозяев от средств производства. Раскрестьянивание и ликви-

дация семейного земледелия, скотоводства, незавершенность формирования колхозно-артельно-совхозного производства с permanently низким материальным достатком домохозяев, репрессивные кампании усугубили положение сельского населения в ухудшившихся социально-экономических условиях военного времени.

2. Сужали возможности крестьянской семьи в борьбе с голодом и холодом введение налогов на колхозное и личное подсобное хозяйство: «Тогда ведь как: молоко – надо сдать, яйцо – надо сдать, шкуру – надо сдать. Картошку, все. Писали: „Дети и женщины держали фронт“» [3]. «Огороды, конечно, были. Было и хозяйство: куры, овцы, корова, но что доставалось семье от них, когда приходилось сдавать и шерсть, и яйца, и молоко» [4, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна (1922–2001) с. Романово]. В материалах интервью содержатся описания сдачи картошки: когда разделяли крупную и мелкую, иногда с помощью просеивания через сито, мелкую оставляли семье, крупную сдавали. Были введены военный и сельскохозяйственный налоги, что вынуждало колхозников продавать на городских базарах часть получаемой продукции: «Ведь хлеб, что выращивал колхоз, – для фронта, картофель с личных огородов – для фронта, и когда собирали колоски, мама говорила, что чем больше мы соберем, тем папа на фронте больше получит хлеба...» [4, Рзянина (Илющенко) В. И., 1938 г. р. с. Гуселетово]. «Работали и жили тяжело, впроголодь... Не хватало хлеба, все отдавали детям. У бабушки с братьями была коровка, именно она помогала выжить в голодные военные годы. Но был еще и госплан, с каждого двора необходимо было сдать в год 3 ц 40 л молока, 300 штук яиц, сдавали телят, 3 ц картошки... Картошки сажали много, оставалось и самим на всю зиму, весной сажали, бывало и одни глазки с очисток» [4, Худокормова (Дворянкина) Анна Семеновна, 1922 г. р., пос. Майский].

3. Наконец, на жизненные стратегии в обеспечении пищей, одеждой, жилищем влияла выявленная в ходе полевых исследований и описанная автором в ряде публикаций социальная дифференциация в военной деревне, сформировавшаяся вследствие советской модернизации и репрессивной политики. У разных социально-профессиональных групп сельчан были неодинаковые условия и возможности адаптации к военному времени: у «колхозников», «совхозников», «работников интеллектуального труда», рабочих государственных учреждений (например, леспромхоза) или МТС. Об этом пока мало исследований. Если в мирное время лучше жилось «совхозникам», которые «были с деньгами», о чем автор писала неоднократно [13], то в войну система физического жизнеобеспечения была крепче у населения колхозного сектора. Об этом говорят сами информанты: «В селе был кол-

хоз и совхоз. Колхозники жили получше, так как могли оставить себе и пшеницу на муку, и молоко, и скот на мясо» [1, с. 43]. Еще тяжелее было интеллигенции: «Тяжело жили. Вот были такие у нас Павловы. Они ушли на Рубцовку, но это в войну. У их семеро детей, отца забрали. Он был счетоводом у нас, а жена не умела даже выращивать вот картошку... Не могла она этого делать, и вот они ходили побирались... Кто подаст, а кто не подаст, и она ушла. У город ушла, у Рубцовку, и спасла всех детей» [16].

4. Социально-материальные условия репрессированных и депортированных переселенцев были не только трудными или экстремальными, а «чрезвычайными». Насильственное переселение на территорию Сибири депортированных народов и многочисленные предвоенные и военные репрессии привели к подвижке населения, вынужденного решать проблемы обустройства на новом месте без государственной поддержки. А так как все репрессивные кампании (и раскулачивание, и депортация, и спецпереселения) осуществлялись по семейному принципу, то в сибирской деревне формировались большие группы населения, которым приходилось бороться с голодом и холодом на «голом месте», исходя «из сподручных средств», например обустраивать жилую среду с опорой на традиции с использованием земли, дерна, чащи, глины, соломы, камыша и т. д. (землянки, пластанки, мазанки) [15]. Частью этих проблем стала не только физическая, но и социальная адаптация депортированных и спецпереселенцев в тыловой деревне в условиях массивированной идеологической дискредитации в рамках кампаний борьбы с «врагами народа» или «потенциально ненадежными народами», преодоление негативного отношения и враждебности сельских сообществ, получавших похоронки. Местному населению также приходилось адаптироваться к иным культурным привычкам, навыкам переселенцев. На адаптацию сибирского населения оказывали влияние и поведение, и чувство незащищенной обиды и оскорбления со стороны депортированных и спецпереселенцев [17].

В качестве гипотезы выдвигается положение о сплетении благоприятных и неблагоприятных факторов в парадоксальную социально-экономическую ситуацию, способствующую формированию результативной стратегии выживания и системы самостоятельного жизнеобеспечения населения сибирской тыловой деревни с опорой на традиции. Война «укрепила» традиционную культуру, что проявилось в повышении значения института семьи: семейных и мирских традиций в обеспечении жильем, питанием, топливом, одеждой; развитию домашних промыслов. Актуализировались трудовые традиции освоения «кормящего ландшафта», развития собирательства и промыслов. В этом

смысле традиционная культура являлась одним из факторов Великой победы. Для рассмотрения означенных вопросов и проблем нужны новые подходы, новые технологии, новые источники.

В 2010 г., в преддверии 65-летия Победы, автором начала формироваться и апробироваться новая программа, в которой внимание стало фокусироваться на вопросах жизни сельских обществ глубокой тыловой деревни в годы войны с вниманием к тем вопросам истории крестьянства, которые нашли меньшее отражение в исторических текстах, и прежде всего на актуализации изучения традиций и навыков крестьянства в борьбе с голодом и холодом, усилении связи крестьянской семейной экономики с природным «кормящим ландшафтом», мобилизации архаических занятий которые фактически вернули деревню к опыту присваивающего хозяйства: собирательству, в том числе сбору дикорастущих растений, ягод, грибов, плодов; ловчим промыслам грызунов – сусликов, хомяков, зайцев и другой доступной дичи, сбору яиц дикой птицы, расширению сферы рыбалки и охоты в крестьянской семейной экономике как «извечных» подстраховщиков крестьянской земледельческой семейной экономики. Последствием этого являлась и новая система организации питания с «народной военной» кухней по приготовлению блюд, заготовке тех или иных природных компонентов на длительную зиму, заместительные технологии в «кулинарии экстремальных условий», например замена пшеницы и ржи дикорастущими травами-суррогатами, ставшими примесями к муке, замена мясо-молочных продуктов домашнего скотоводства белковой пищей от ловчих промыслов, в частности сусликов, и охоты на дикую птицу и т. д.

Подобные *адаптационные практики* и *заместительные технологии* в военную пору существовали в борьбе с холодом, замена дров иными природными материалами, которые также путем собирательства мобилизовывались из окружающего усадьбу и сельское поселение природного мира. В условиях масштабных эпидемий кори, тифа, дифтерии, скарлатины и массовом распространении бытовых заболеваний, таких как чесотка, педикулез, большую роль стали играть народные способы борьбы с ними и лечения; замещение происходило и в семейной санитарии, и в личной гигиене крестьян в условиях отсутствия централизованного обеспечения предметами гигиены и моющими средствами. Важной составляющей в борьбе с холодом являлось самообеспечение крестьян в военные годы жильем, одеждой, обувью, утварью, крестьянский опыт строительства – в условиях отсутствия возможности заготовки или приобретения традиционного для сибирского крестьянства лесного срубного материала – из «сподручных средств», с использованием глины, камыша, соломы, хвороста, нестроевой чащи и

т. п. Важной составляющей стало и изучение тех домашних занятий и кустарных промыслов, которые обеспечили крестьянскую семью одеждой и обувью.

Эти и другие вопросы были включены самостоятельными подтемами в программу «Адаптационные практики, жизненные стратегии и система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в экстремальных условиях войны 1941–1945 годов». Первоначально эта программа была апробирована автором, в том числе и на уровне ряда авторских публикаций о собирательстве и использовании в пищу дикорастущих растений; о формах и видах собирательства; о высокой горизонтальной и вертикальной мобильности крестьянской семьи в годы войны; о половозрастных особенностях в жизненных стратегиях в борьбе с холодом и голодом; о возвращении к архаичным традициям жилищно-производственного строительства с использованием природных «сподручных материалов» (глина, камыш, солома, валежник, нестроевой лес); о социально-политической адаптации разных категорий сельского населения (местных и пришлых) сибирской деревни в условиях государственной политики формирования «образа врага» и массовых депортаций и спецпереселений; о разных адаптационных практиках социумов деревенского мира, сформировавшихся в ходе социалистической модернизации (колхозников, «совхозников», интеллигенции и др.), обеспечение белковой пищей с помощью ловчих промыслов, охоты, рыболовства и т. д.

Теоретико-концептуальное обоснование программы зиждется на комплексе технологий и подходов социогуманитарных наук, включая авторский опыт в разработке теории и методологии устной истории. Об этом уже писалось неоднократно. Добавим только, что на сегодняшний день в ходе полевых исследований, ежегодных историко-этнографических экспедиций и тематических выездов, начиная с 1990 г., обследованы более 30 сельских административных районов, около 600 населенных пунктов. В созданном архиве Центра УИиЭ ЛИК АлтГПУ отложено 3546 интервью (1190 часов записи на кассетах и свыше 1 тыс. часов цифровой записи), 4736 фотоснимков на фотопленке и 65 212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи. Автором создан своего рода учебно-методический комплекс из учебного пособия [17], монографии [14] и сборника материалов интервью (устных исторических источников) [1]. Он может использоваться для индивидуального или коллективного занятия устноисторической исследовательской работой, в аудиторной или внеаудиторной работе образовательных учреждений разного уровня.

Важнейшими подходами при формировании методического и методологического подходов в реализации программы стало представление

о традиционной культуре как своего рода «подстраховщике» сельского общества тыловой деревни в трудных и экстремальных условиях Великой Отечественной войны [11] и теория культуры жизнеобеспечения (далее КЖ), как важнейшая составляющая любой этнической традиционной культуры [5].

Под культурой жизнедеятельности понимается та часть культуры этноса, в которой наиболее ярко видны механизмы обеспечения витальных потребностей человека – жилища и быта в нем, пищи, утвари. Подчеркивается, что «особая роль культуры жизнеобеспечения состоит в физическом обеспечении жизнедеятельности людей» [9, с. 36]. Для нас важно и деление элементов КЖ на базовые (жилище, пища, одежда), и периферийные, также наличие «промежуточных», «сопутствующих», не вписывающихся четко в теоретическое построение компонентов – утварь, гигиену, медицину и т. д. Именно традиционная культура обеспечила систему жизнеобеспечения и жизнедеятельности сельского общества в экстремальных условиях необходимыми знаниями, умениями и навыками. В этом плане жизненно важным было то, что в сельском обществе осталась прослойка «потомственных крестьян», вышедших из крестьянской цивилизации и сохранивших единоличную и общинную модель хозяйствования – это поколение бабушек и дедушек, познавших крестьянские традиции и единоличную модель хозяйствования с опорой на трудовые возможности семьи и «кормящий ландшафт. В годы войны им было по 60–80 лет.

Интересным для исследования сельского общества в годы войны в теории КЖ стал подход к элементам системы жизнеобеспечения с подразделением их на основные и второстепенные и изменения их роли в повседневной жизни. В частности, в полевых исследованиях было зафиксировано изменение статуса многих продуктов питания, одежды, строительного материала для жилищ, видов топлива, вытеснение основных элементов на периферию и, наоборот, периферийных, вспомогательных – в центр системы жизнеобеспечения: например, в разряд праздничных продуктов питания на периферию перешел хлеб, массовое распространение получил суррогатный продукт с использованием дикоросов; в отоплении произошла замена дров на суньяк, солому, шишки, коровьи «лепешки», кизяк и т. д., в строительстве ушли из употребления строевой лес и срубный дом, вместо них стали широко использоваться глина, солома, камыш, а в типах и видах жилища победили землянки, дерновые дома, литые, «камышитовые» и другие технологии с замещением леса другими доступными материалами и технологиями [12].

Необходимыми в разработке и реализации программы стали работы в области крестьяноведения, а именно подходы к традиционной

культуре как стадии развития или форме культуры, для которой характерны аскетизм и созидательность. Эти черты особенно рельефно и выпукло проявляются именно в изучении культуры жизнедеятельности как одном из факторов победы. На наш взгляд, удачной попыткой изложить историю крестьянской культуры в форме крестьянской цивилизации с точки зрения антропологии явилась работа Н. Н. Козловой [7]. Особо ценными представляются положения о выработанной крестьянством системе преодоления трудностей [7 с. 48–54, 54–57]. Именно преодоление трудностей, по мнению автора программы, привело в повседневной жизни сельское общество к адаптационным практикам и замещающим технологиям. Материалы интервью содержат большой материал об этих этнокультурных явлениях. Например, «нужно было терпеть, когда все время хотелось есть. Ели ребятишки и траву, и корни растений. Особым лакомством были ягоды и суслики. А дома еды почти не было: хлеб выдавался только на работавшего. Домашнее хозяйство было невелико, да и от него почти все уходило на налоги государству» [4, Смоликова) Зинаида Ильинична Родилась в 1933 г. в с. Маяки с. Грановка]

Наконец, важным в теоретико-методической проработки новой программы Центра УМиЭ являлся принцип регионализма. Адаптационные система жизнеобеспечения и система жизнедеятельности опиралась на конкретные природно-географические условия. В частности, для крестьянского земледельческо-скотоводческого общества подстраховкой в трудные годы всегда выступали охота и рыболовство, а в годы войны они с периферии переместились в центр системы жизнедеятельности. При этом в зависимости от «ассортимента кормящего ландшафта» в военном «продуктовом рыбном меню» сельского населения преобладала рыба речная или озерная, дичь – водоплавающая или луговая, яйца водоплавающей (утки, гуси, кулики) или приселковой (воробьи, вороны, сороки) птицы, так же как и охотничьи трофеи – от мелких полевых грызунов до лесной добычи.

В отличие от запретов на «колоски», хлеб, жмых и т. д., рыбалка в годы войны стала доступным и детям, и нетрудоспособным членам семьи и безопасным промыслом для сельчан, а рыба – важным подспорьем в белковом рационе питания: «Ну а мы, младшие, у меня ровесники были среди этих немцев [дети депортированных], мы ловили рыбу. Благо тогда рыбы было у нас в речке полно! И щуки, и лини, и окуни, и чебаки, и пескари – ну всякой рыбы было много! И мы с удовольствием или бреднем, или удочкой ловили ее вместе с этими немецкими ребятишками» [1, с. 181]. Были востребованы и традиции заготовки белой пищи – засолка, вяление. Так, жители с. Гуселетово ездили на

рыбалку «за Мамонтовой туда... Краснова [озеро]. Ток там ловили. Такие же караси да окуни... Кому надо – поедут, поймают. Раньше на лошадях были. Сушили, солили... солёна была бочками! [...] [Как] капусты, также насолят и задавят [гнетами]... В погребе стоит... Не пожаришь – она уже соленая, невкусная... А так ели, как говорится, как обедать – так с карто(о)шкой...» [2].

Засолка стала главным способом консервирования белковых продуктов: «Тогда рыбы очень много водилось: и карась, и щука, и окунь. Неподалеку в лесу у нас протекала Бурла, она и сейчас течет, только уже не такая, вот он в ней ставил различные ловушки для рыб... Наловленную рыбу солили в бочках, отрезали ей голову, выпускали кишки и закладывали в бочку пластами, пересыпая солью [1, с. 102]. Этот же респондент из с. Конево Панкрушихинского района, Николай Иванович Зубков, рассказывал: «Ставил сети... <...> Одна из них называлась „запор“. Перевязывал проволокой между собой несколько досточек, получался такой щит, он им перегораживал реку, а по бокам щита стояли две бочки. Рыба дойдет до него – и пошла, дойдет до бочки и в бочке останется. А потом ее из бочки доставали такой палкой, у которой на конце была привязана сетка самовязная» [1, с. 102].

Важными являются выводы крестьян о значительном потенциале «кормящего ландшафта» в военную пору, что и спасло крестьянские семьи: «знаете, какая была природа, мама рассказывала, что с бабушкой уезжала на рыбалку на озеро в лес, а теперь там нигде рыбы нет. Заготавливали рыбу, солили в бочке на зиму... моя сестренка маленькая была... озеро тут Пузырево... пойдет, и желтых карасиков ловила в лесу. Теперь нигде нет, все попересохло...», луговых куропаток «море было», сусликов, которых «поистребляли, они ведь хлебом питаются, вот так вскроют [ригу, амбар], а там пуд поели. Вот и стали с самолетов травить, после войны. Куропаток тоже заодно получилось» [3]. Зиброва прямо говорила, что в военную пору крестьянам помогали луга, леса, околки, в которых было много «и зайцев, и белок, и лис... а час выбили, ничо нету», даже суслики «час испарились, нету никого!» [2]. Крестьяне говорят, что повсеместно на Алтае в результате потрав полей пропали суслики, куропатки, перепела, в результате распашки исчезли луга с полевой ягодой, околки со смородиной и малиной, пересохли многие пресные озера, уменьшилось поголовье водной и степной птицы, то, что являлось в годы войны базой для собирательства и промыслов.

Не вдаваясь в дальнейшие подробные характеристики этих этнологических и антропологических подходов, отметим узловую момент, который и определял теоретическую и практическую направленность программы Центра устной истории и этнографии «Адаптационные пра-

тики, жизненные стратегии и система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в экстремальных условиях войны 1941–1945 годов». Прежде всего, автор программы исходит из сложившегося в результате многолетней работы вывода о недостаточном введении в исторические научные тексты и реконструкции этнокультурных аспектов исторического прошлого. Особенно слабо учитывают историки этнокультурный фактор, который стал решающим для сельского общества тыловой деревни. Автором ставится проблема изучения стратегии выживания населения тыловой деревни и адаптационных функций культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках военного времени 1941–1945 гг. Перспективы изучения связаны с «устной историей» (oral history), с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий. Это создаст источники для решения такой научной проблемы, как состояние и значение традиций в российской истории XX столетия.

Таким образом, в программе мы исходим из того, что одним из важнейших факторов победы в Великой Отечественной войне стала способность сельского общества к жизнедеятельности в военных условиях, которые для значительной массы населения были трудными, а для подавляющего большинства экстремальными. Война мобилизовала традиционную культуру, что проявилось в повышении значения института семьи; семейных и мирских традиций по обеспечению жильем, питанием, топливом, одеждой; развитию домашних промыслов. Актуализировались трудовые традиции по освоению «кормящего ландшафта», развитию собирательства и промыслов. Крестьянское общество проявило способность «выживать» в экстремальных условиях, создав систему жизнеобеспечения с опорой на традиции и природную среду; в основе жизненных стратегий лежали замещающие технологии и адаптационные практики. В этом смысле крестьянская культура являлась одним из факторов Великой победы. Для рассмотрения означенных вопросов и проблем нужны новые подходы, новые технологии, новые источники.

Источники и литература

1. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / Управление Алтайского края по культуре и архивному делу; науч. ред.: Т. К. Щеглова, Л. М. Дмитриева; под ред. Л. А. Вигандт. Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. 447 с.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014.: Романовский район, с. Гуселетово. Зиброва Анастасия Романовна, 1922 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014.: Романовский район, с. Гуселетово. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г. р.

4. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
5. Арутюнов С. А. Народы и культуры: взаимодействие и развитие. М.: Наука, 1989. 247 с.
6. Исупов В. А. История Сибири: [в 3 ч.]: учеб. пособие для 9 класса общеобразовательных учреждений. Ч. 3. Сибирь, XX век. 2-е изд., испр. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000. 329 с.
7. Козлова Н. Н. Социально-культурная антропология. М., 1999. 187 с.
8. Кузнецов А. С. «Образ врага» у ветеранов Второй мировой войны на германском и японском фронтах: особенности и отличительные черты (по устным историческим источникам) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9: материалы IX междунар. науч.-практ. конф., г. Павлодар, 15–16 апр., 2014 г. / под ред. Т. Н. Смагулова, М. А. Демина, Т. К. Щегловой, Е. К. Абеуовой. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 162–167; Кузнецов А. С. Взаимоотношения рядового и командного состава Красной Армии в период Великой Отечественной войны: по устным историческим источникам // Ломоносовские чтения на Алтае: сб. науч. ст. междунар. молодежной школы-семинара, г. Барнаул, 5–8 нояб., 2013: в 6 ч. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. Ч. IV. С. 263–270; Кузнецов А. С. Устные воспоминания ветеранов как источник по изучению истории Великой Отечественной войны // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 173–178; Кузнецов А. С. Историческое интервью как источник и его место в источниковой классификации (на примере интервьюирования ветеранов Великой Отечественной войны) // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы всерос. науч. конф. / под ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 77–79.
9. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
10. Рыков А. В. Положение бригадиров полеводческих бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Вопросы исторической науки: материалы III междунар. науч. конф., г. Москва, янв. 2015 г. М.: Буки-Веди, 2015. С. 124–126; Рыков А. В. Положение председателей колхозов Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Материалы 52-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2014: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2014. С. 112–113; он же. Личное подсобное хозяйство колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны

- // Материалы 51-й Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. С. 149–150; он же. Питание колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: развитие традиционной системы жизнеобеспечения традиционной системы жизнеобеспечения в экстремальных условиях // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докл. III регион. (IX всерос. с междунар. участием) археолого-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Владивосток, 24–30 марта 2013 г. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. С. 44–46; Рыков А. В. «Правонарушения» колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: по устным историческим источникам // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8: материалы 8-й междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 18–19 апр. 2013 г. / отв. ред.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова. Барнаул, 2013. С. 233–237; он же. Повседневная жизнь полеводческих колхозных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Молодежь — Барнаулу [Электронный ресурс] / Материалы XIV городской науч.-практ. конф. молодых ученых. Барнаул, 2013.
11. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX — начале XX вв. (система жизнеобеспечения) Киров, 2003. 722 с.
 12. Щеглова Т. К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930–1950-е гг. на примере каркасного жилища // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы всерос. науч. конф. / под ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 67–70.
 13. Щеглова Т. К. Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: науч. и док. материалы / редкол.: Т. К. Щеглова (отв. ред.), А. В. Контев. Барнаул, 2005. С. 387–417.
 14. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 527 с.
 15. Щеглова Т. К. Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920–1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х — начале 50-х годов XX века». Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2014. С. 554–571.
 16. Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения алтайского сельского общества в годы Великой отечественной войны и возможности устной истории: повседневные практики борьбы с голодом и холодом (к вопросу о сохранении нематериального историко-культурного наследия села) // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продо-

- вольственной безопасности страны / под общ. ред. М. П. Щетинина. Барнаул: Литера, 2014. С. 171–174.
17. Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию, 75-летию Алт. края, 70-летию со времени мобилизации совет. немцев в трудармию, г. Барнаул, 10–11 нояб. 2012 г. / Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул, 2012. С. 155–165.
18. Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие для студентов вузов. Барнаул, 2011. 363 с.

Н. С. Грибанова, И. В. Чернова

«Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX — XX в.»: итоги реализации проекта в 2013–2014 гг.¹

В 2013 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда была начата реализация проекта «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX — XX в.» группой молодых исследователей Алтайского государственного педагогического университета (Н. В. Люля, Е. А. Прохорова, канд. ист. наук Н. С. Грибанова) и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Е. А. Коптяева, канд. ист. наук И. В. Чернова).

Выбор темы исследования был обусловлен недостаточным вниманием этнографов к украинскому населению Западной Сибири — одной из наиболее многочисленных этнических групп региона, основную часть которой на сегодняшний день составляют потомки переселенцев из юго-западных (украинских и смешанных русско-украинских) губерний России конца XIX — начала XX в. Обращение исследователей к изучению украинских переселенцев Западной Сибири отмечается только на рубеже XX–XXI вв. в связи с ростом внимания к проблемам формирования переселенческих групп и функционирования фольклорно-этнографических традиций восточнославянских народов в пространстве и времени. До начала реализации проекта в этнографическом изучении украинского населения Западной Сибири были обозначены лишь некоторые направления актуальных исследований [2]. Изучение семьи украинского населения не проводилось, семейный быт рассматривал-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 13-31-01008 а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.».

ся фрагментарно, без привлечения широкого круга источников. Кроме того, в современной этнологической науке процессы трансформации этнического самосознания и традиционной культуры, а также перспективы их развития обычно рассматриваются на уровне крупной общности (этнические, этнографические группы, субэтноты), оставляя за рамками малые группы, и прежде всего семью. Но именно семья играет главную роль в процессах социализации и адаптации человека. Особенно ярко это проявляется в переселенческой среде, где внутри семьи решается вопрос – на какие ценностные установки ориентироваться: сообщества «места выхода» или нормы принимающей стороны? Исходя из этого была определена цель проекта – изучение семьи, развития и трансформации семейно-бытовых традиций украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в. под воздействием социокультурных, этнических, конфессиональных и политических факторов.

Изучение поставленной проблемы было запланировано на примере сразу трех регионов (Алтайского края, Новосибирской и Омской областей) и на основе комплекса источников (архивных письменных и статистических, музейных вещественных), среди которых важнейшую роль должны составить полевые этнографические материалы, собранные участниками проекта с использованием специально разработанного методического инструментария. Авторы поставили перед собой задачи – охарактеризовать происходившие на протяжении рассматриваемого периода изменения состава и структуры семей украинского населения, важнейших элементов семейного быта (жилища, одежды, пищи, предметов убранства интерьера) и обрядов жизненного цикла (родильно-крестильного, свадебного, похоронно-поминального), а также определить роль семьи в сохранении этнического самосознания и трансляции этнических традиций украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. в условиях поликультурного пространства Западной Сибири.

В течение 2013–2014 гг. участниками проекта был разработан и апробирован исследовательский инструментарий, включающий программы и вопросники; изучена историография проблемы, подготовлен и опубликован библиографический указатель «История и этнография украинского населения Западной Сибири (1981–2013 гг.)» [2]; активизировано выявление и изучение документальных архивных и вещественных музейных материалов; подготовлено 18 публикаций по теме проекта; результаты исследования апробированы на 10 региональных и международных научных конференциях (гг. Барнаул, Новосибирск, Омск, Томск, Красноярск Российской Федерации, г. Павлодар Республики Казахстан).

Основное внимание участниками проекта было уделено формированию источниковой базы исследования путем сбора полевых этнографических материалов. За два года было организовано и проведено девять экспедиций в районы Алтайского края, Омской и Новосибирской областей.

В июле 2013 г. сотрудники Центра устной истории и этнографии ЛИК Н. С. Грибанова и Н. В. Люля обследовали села Егорьевского района Алтайского края (Сросты, Малая Шелковка, Новоегорьевское, Лебязье, Титовка, Первомайское) в составе комплексной историко-этнографической экспедиции АлтГПА (руководитель – д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова) с целью этнографического изучения украинского населения степной зоны Алтайского края и его культурного наследия. В октябре того же года Н. В. Люля в с. Яготино Благовещенского района Алтайского края исследовала различные аспекты материальной и духовной культуры, а так же трансформацию семейно-бытовых отношений в семьях потомков украинских крестьян, переселившихся на Алтай в годы столыпинской аграрной реформы [11]. Студентка исторического факультета АлтГПА Е. А. Прохорова на основе материалов интервьюирования, полученных в июле 2013 г. в с. Романово Романовского района Алтайского края, рассмотрела вопросы развития и трансформации семейно-бытовых традиций украинского населения на протяжении 1940–2010-х гг., а также проблемы этнического самосознания и самоидентификации потомков украинских переселенцев, по данным текущего архива сельской администрации проследила динамику численности украинского населения. И. В. Черновой были изучены похозяйственные книги по населенным пунктам Кольванского района Новосибирской области, отражающие состав семей и частично – материальную культуру украинских переселенцев 1940–1950-х гг. в указанном районе. Кроме того, совместно с Е. А. Коптяевой полевые исследования проводились на территории Одесского района Омской области.

В 2014 г. в ходе четырех экспедиций в сельские населенные пункты Омской области (Горьковский, Омский и Кормиловский районы) и Алтайского края (Романовский и Кулундинский районы) был собран обширный этнографический материал по тематике, обозначенной на предыдущем этапе: по материальной культуре (жилище, пища, хозяйство, утварь, одежда), истории семейной обрядности и этнографии детства.

Усилия участников всех экспедиций были направлены на создание устных источников по различным аспектам темы проекта в ходе интервьюирования потомков украинских переселенцев и контактировавших с ними народов, выявление и сбор материалов в текущих архивах сельских администраций (прежде всего данных похозяйственных

книг), изучение коллекций районных, сельских и школьных музеев, фотосъемку сохранившихся предметов традиционной культуры и современного облика обследованных населенных пунктов, а также фиксацию состояния культуры украинского населения.

Результатом стало накопление представительного массива этнографических источников по материальной культуре, истории семей украинских переселенцев, их семейной и праздничной обрядности. Также был собран значительный комплекс визуальных материалов, включающий материалы фотофиксации участниками экспедиций современного состояния культуры украинского населения и фотокопии из семейных архивов информантов, музеев и архивов.

Исследование 2013 г. затронуло две группы украинского населения, различающихся по многим параметрам – от территории расселения до социального статуса. Первую составили переселенцы конца XIX – начала XX в., расселившиеся в южных степных районах Омской области и западных районах Алтайского края. Ко второй относятся спецпоселенцы 1940–1950-х гг., сконцентрированные в северных районах Новосибирской области, Северном Казахстане, Ханты-Мансийском автономном округе, и плановые переселенцы, зафиксированные в ходе полевых исследований в Егорьевском районе (с. Титовка) Алтайского края [4]. Все обследованные в первый год реализации проекта районы характеризуются чересполосной системой проживания украинцев и других народов (русских, белорусов, казахов), что сказалось этнокультурном облике контактировавших народов.

Как показали экспедиционные материалы, историческая память украинских переселенцев простирается максимум на три-четыре поколения вглубь, многие из них воспроизводят истории переселения в Сибирь со слов старших родственников, указывая в качестве основной причины переселения недостаток земли в местах выхода. Интервью фиксируют состав «мест выхода» украинцев, что позволяет выявить некоторые локальные традиции в обрядности и культуре.

В полученных материалах было выделено несколько общих сюжетов, характерных для украинцев Алтайского края и Омской области. Прежде всего, в обоих регионах отмечено одновременное употребление украинским населением этнонимов «украинец» и «хохол». Региональная специфика обнаружена лишь в трактовках особенностей употребления: украинское население Омской области четко отграничивает себя от украинцев, проживающих на Украине («хохлы» – это те, кто живет в Сибири, а «украинцы» – настоящие, живут на Украине). Это разграничение прослеживается и на уровне экзотэнонимов. Яркий пример записан в с. Желанное Одесского района, когда информант

(русский, по вероисповеданию — молоканин), характеризуя жителей села, постоянно говорил «хохлы», а рассказывая о своей супруге (она родилась и выросла на Украине) неоднократно отметил, что она «украинка». В селах Алтайского края маркирующим признаком при употреблении этнонима служит не только территория проживания. Важное значение имеют язык и время проживания в регионе. Незнание потомками украинских переселенцев современного украинского языка, расценивается ими как основание считать себя «хохлами», а в совокупности с местом рождения (Сибирь, Алтай) — русскими [8].

Второй сюжет связан с особенностями жилищного комплекса украинцев. В обследованных в 2013 г. селах Алтайского края и Омской области было выявлено преобладание двух основных типов жилищ — землянок и саманных домов. В этнографических материалах содержится солидный массив материалов, освещающих технологию строительства «саманок», обозначены причины их широкого распространения (прежде всего, это недостаточное количество дерева), упоминается о сохранении традиции «помочей» при строительстве [7]. В ходе экспедиций была проведена фотофиксация жилищ такого типа и их фрагментов.

Много схожих черт было выявлено в описаниях информантами двух регионов пищи — повседневной и праздничной, особенностей приготовления самых распространенных блюд — борща, пампушек, вареников. Однако их рецептура и наименование различались. Кроме того в полевых материалах, собранных в селах Омской области, упоминается о приготовлении киселей (молочных, овсяных), холодца (ряд информантов вспомнили, что холодец делали из свиной головы с языком), нескольких видов сала, свекольного кваса и самогона (на картофеле, свекле, редко — на пшенице). Интересно, что в с. Лукьяновка, например, украинские переселенцы называли все супы, которые готовили русские, «щами», вне зависимости от их рецептуры. Специфика группы была обозначена и в названии блюд. Например, в Одесском районе Омской области, по сведениям информантов, широкое распространение получила традиция приготовления «капусты с пшеном», или «хохлятской капусты», тогда как в селах Алтайского края к числу традиционных украинских блюд информанты отнесли: борщ «со свекольным квасом и фасолью», галушки (раскатанное и разрезанное ножом пресное бездрожжевое тесто), «рванцы» (рваное руками пресное бездрожжевое тесто), вареники с «сыром и вареной картошкой», драники. Самыми распространенными напитками были названы чай из мяты, молоко и квас. При этом здесь, не смотря на почти идентичный набор выращиваемых сельскохозяйственных культур, в полевых материалах фиксируется лучшая сохранность украинских наименований ingredi-

ентов для приготовления блюд. Украинские хозяйки старшего поколения в селах Алтайского края называли свеклу «буряком», огурцы – «огирками», тыкву – «гарбузами», а арбузы – «ковунами» и т.п.

Очень важным аспектом в характеристике семейной обрядности украинского населения двух регионов стало наличие практически идентичного набора атрибутов свадебного обряда – венки, гильце, шишки, квитки, а также сохранность традиции раздельного приглашение гостей женихом и невестой. Эти особенности подтверждает и собранный комплекс фотографий из семейных архивов информантов. Так, например, на многих фотографиях, сделанных вплоть до 1960-х гг., невесты запечатлены в венках из воска и бумаги, а женихи с квиткой на груди. При этом в селах Алтайского края отмечается лучшая степень сохранности лексики, связанной со свадебной обрядностью.

В ходе полевых этнографических исследований 2014 г. основное внимание было уделено переселенцам конца XIX – начала XX в. При этом были обследованы районы центральной части Омской области, характеризующиеся «чересполосным» проживанием украинского населения с различными старожильческими группами русских, и районы степной зоны Алтайского края, различающиеся плотностью первоначального расселения украинских переселенцев и составом (этническим, этнографическим, конфессиональным, социальным) окружавшего их населения. Так в Романовском районе украинские переселенцы в большей степени взаимодействовали с русским старожильческим населением и южнорусскими переселенцами, в Кулундинском районе основными группами окружавшими «хохлов» долгое время были немцы и казахи. Этот факт оказал заметное влияние на самоидентификацию потомков украинских переселенцев, сохранность языка и некоторых традиций семейно-бытовой сферы. В результате был получен ценнейший материал для определения роли этнического фактора в сохранении и трансляции этнических традиций украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. в условиях поликультурного пространства Западной Сибири.

Было продолжено изучение жилой среды потомков украинских переселенцев, особое внимание уделялось выявлению традиций и новаций в строительстве и убранстве жилища, повседневному быту украинской семьи [1]. В частности было выявлено, что наиболее устойчивым традиционным элементом в быту украинского населения являлось внутреннее убранство хаты, в то время как материал и тип жилища часто был обусловлен социально-экономическим положением и природно-географическими условиями проживания украинского населения в различных районах Западной Сибири.

Исследование семейной обрядности проводилось не только с привлечением полевых (как и ранее), но и архивных материалов (прежде всего похозяйственных книг за 1930–1980-е гг. и епархиальных изданий), что позволило охарактеризовать указанный аспект в динамике. Полевые материалы демонстрируют сохранение большинства традиционных элементов свадебного обряда [5; 6], тогда как данные священников начала XX в. показывают сложности, возникающие у переселенцев, например, при регистрации браков, а также варианты несоблюдения церковных канонов в родильном и погребальном обряде [3].

По-прежнему в ходе полевых исследований важная роль отводилась изучению особенностей этнической самоидентификации украинского населения Алтайского края и Омской области. Было выявлено, что также как и в обследованных в первый год районах язык в его диалектной форме («хохлацкий язык») выступает важнейшим признаком идентификации и самоидентификации потомков украинских переселенцев. Кроме того, было установлено, что начиная с 1950–1960-х гг. в селах Омской области из бытового обихода начинает выходить украинский язык, привезенный в Сибирь переселенцами второй половины XIX – начала XX в. Интервьюирование, проведенное в селах Алтайского края с потомками украинских переселенцев различных возрастных групп (1924–1979 гг.) позволило проследить специфику изменения речи информантов, характеризующуюся в целом достаточно устойчивым сохранением до настоящего времени у всех возрастных групп фонетических особенностей языка и последовательным выходом из активного словаря лексики, присущей «хохлацкому языку».

Важной темой второго года стала социализация и этнография детства. Были исследованы изменения в восприятии детства и детской субкультуре украинского населения Западной Сибири на протяжении 1910–1970-х гг. Было выяснено, что важным аспектом была религиозная социализация, в 1910–1940-х гг. начинавшаяся еще в неонатальный период. Здесь можно увидеть сочетание церковных канонов и традиционных «народных» воззрений. В процессах социализации ярко прослеживается ориентация украинцев на традиционную крестьянскую, хозяйственную составляющую, вследствие чего грамотность до 1940-х гг. не считалась обязательным параметром, важнее было формирование трудовых навыков. Кроме того, выявлено, что в связи с произошедшими социально-культурными изменениями, трансформируется и «мир детства»: появляются сюжеты, связанные с трудовой деятельностью в колхозах [10].

Таким образом, проведенные полевые исследования показывают, что украинцы в исследуемых регионах демонстрируют наличие общих

маркирующих признаков во многих сферах культуры. Выявленная региональная специфика свидетельствует о большей степени «осибирячивания» украинского населения Омской области по сравнению с потомками украинских переселенцев Алтайского края. Однако требуется дальнейшая работа, как по расширению географии изучения украинского населения рассматриваемых регионов, так и по систематизации и анализу собранных материалов с тем, чтобы детализировать имеющиеся представления.

В течение двух лет проводилось изучение особенностей переселения и материальной культуры украинского населения Омской области и Алтайского края с использованием комплекса источников. В Российском государственном историческом архиве был собран материал, касающийся государственной переселенческой политики. Работа проводилась в фондах №№ 391, 1285 и 1642. Большую часть материалов составили прошения украинцев с просьбой переселиться в Сибирь, позволяющие охарактеризовать пофамильный состав переселенцев, их имущественное положение и факторы, повлиявшие на решение переселиться. Кроме этого, на основании отчетов чиновников разных уровней конца XIX–XX вв. удалось выявить роль государства в стимулировании более широкого использования технологии саманного строительства на территории степных и лесостепных переселенческих районов. В этих источниках показаны особенности природно-географических условий формирования культуры украинских переселенцев, а также содержатся данные о взаимоотношениях между принимающим сообществом и переселенцами [9].

Особое значение коллективом участников проекта уделяется популяризации темы исследования и введению в научный оборот собранных источников. С этой целью была создана страница проекта на сайте Сибирского филиала Российского института культурологии (<http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=368>) и подготовлен мультимедийный альбом (DVD-диск), включающий наиболее интересные источники и результаты двухлетней работы авторов по теме проекта [9]. В альбом вошли материалы экспедиционных исследований (фотографии, интервью, фольклорные записи) участников проекта, фотографии предметов быта, одежды, декоративно-прикладного искусства из собраний музеев Алтайского края и Омской области, записи выступлений фольклорных коллективов, копии архивных документов, аналитические статьи и обширная библиография по теме проекта. Количество источников и материалов, включенных в альбом, ограничено емкостью носителя, однако позволяет сформировать представление об этнокультурных особенностях украинского населения Алтайского края и Омской области, ос-

новых тенденциях развития и трансформации семейно-бытовых традиций в XX в., а также обратить внимание на все еще слабую степень изученности этой этнической группы.

Таким образом, полученные в течение двух лет результаты составляют важную часть проводимого исследования, как с точки зрения накопления источников по теме проекта, так и их систематизации и научного анализа. В текущем году будет продолжено исследование семьи и семейного быта украинского населения, важнейшим результатом которого должна стать подготовка к изданию рукописи коллективной монографии по теме проекта.

Литература

1. Грибанова Н. С. Традиции повседневного и праздничного убранства украинской хаты в селах Алтайского края // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны» / под общ. ред. М. П. Щетинина. Барнаул: Литера, 2014. С. 208–212.
2. История и этнография украинского населения Западной Сибири: библиографический указатель (1981–2013 гг.) / сост. Н. С. Грибанова, И. В. Чернова. Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2014. 36 с.
3. Коптяева Е. А., Новикова Ю. С. Семейная обрядность украинского населения Омского Прииртышья на страницах епархиальных изданий конца XIX – начала XX века // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 3. С. 101–104.
4. Люля Н. В. Переселения и условия адаптации украинцев в с. Титовка Егорьевского района Алтайского края в рамках реализации плановой переселенческой политики в 1939–1942 г. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы X науч.-практ. конф. / под ред. Т. Н. Золотовой [и др.]: в 3 ч. Омск: Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та, 2014. Ч. 1. С. 313–317.
5. Люля Н. В. Сохранность семейно-бытовых традиций в среде украинских переселенцев Алтая в 1910–1940-е годы // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны» / под ред. М. П. Щетинина. Барнаул: Литера, 2014. С. 212–215.
6. Люля Н. В. Традиционные элементы в свадебной обрядности украинских переселенцев Алтая 1910–1960-х гг. как этнический маркер // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной практики исследования: программа и тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 64–65.
7. Новикова Ю. С., Чернова И. В. Материальная культура украинского населения Омского Прииртышья (по материалам этнографических экспедиций 2012–2013 года) // Культурологические исследования в Сибири. Омск: ООО «Издательский дом „Наука“», 2013. № 2 (41). С. 92–97.

8. Прохорова Е. А. Роль языка в определении этнической идентичности украинского населения Алтайского края // Студент и научно-технический прогресс: материалы 51-й междунар. науч. студенческой конф.: Этнография. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. С. 62–63.
9. Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.: мультимедийный альбом [Электронный ресурс] / авт.-сост. Н. С. Грибанова, И. В. Чернова, Н.В. Люля [и др.]. Барнаул, 2014. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
10. Чернова И. В. Этнография детства украинского сельского населения Омского Прииртышья // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 3. С. 94–100.
11. Щеглова Т. К. Социокультурная адаптация столыпинских переселенцев на Алтае на протяжении 1910–1980-х гг.: стратегии и результаты (по материалам полевых исследований) // Вестник алтайской науки. 2014. № 1. С. 252–257.

Список авторов

- Абеуова Енлик Кабыкенкызы** – аспирант Омского государственного университета им Ф. М. Достоевского, научный сотрудник научно-практического центра археолого-этнологических и палеонтологических исследований Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, РК
- Алекса Дарья Викторовна** – магистрант исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова*
- Алексенцева Ирина Витальевна** – магистрант исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова*
- Алинов Алмаз Алинтаевич** – магистрант исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова*
- Аникин Дмитрий Андреевич** – научный сотрудник Алтайского краевого отделения ВОО «Русское географическое общество», г. Барнаул, РФ
- Белобородов Денис Александрович** – студент исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова*
- Белоусов Роман Владимирович** – учитель МБОУ «Лицей № 3», г. Барнаул, РФ
- Борисов Виктор Александрович** – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово, РФ
- Бородаев Вадим Борисович** – сотрудник лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ
- Буржуа Жан** – PhD профессор Гентского университета, г. Гент, Бельгия
- Ванденбулке Аннелис** – ассистент кафедры географии Гентского университета, г. Гент, Бельгия
- Вистингаузен Вадим Константинович** – краевед, искусствовед, Тальменская средняя школа № 3, с. Тальменка, РФ
- Гельмель Юрий Иванович** – педагог дополнительного образования МБОУ ДОД «Центр творчества детей и молодежи», г. Славгород, РФ
- Глухих Екатерина Ильинична** – старший лаборант Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ

- Головченко Николай Николаевич** – аспирант, инженер-исследователь отдела археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН, заведующий кабинетом археологии Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ
- Гончарова Наталья Сергеевна** – ассистент кафедры политической истории, хранитель музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ
- Горбатова Ольга Николаевна** – ассистент кафедры экономической географии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ
- Грибанова Наталья Святославна** – канд. ист. наук, зав. историко-краеведческим музеем, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ
- Данилова Ольга Сергеевна** – студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – ст. преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета А. Н. Телегин*
- Дашковский Петр Константинович** – доктор ист. наук, профессор кафедры политической истории, зав. лабораторией этнокультурных и религиозно-исследовательских исследований Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ
- Демин Михаил Александрович** – доктор ист. наук, профессор, декан исторического факультета, зав. лабораторией исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ
- Емельянов Дмитрий Владиславович** – студент исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ
- Запрудский Сергей Сергеевич** – канд. ист. наук, преподаватель истории Алтайского архитектурно-строительного колледжа, г. Барнаул, РФ
- Иванченко Валерий Георгиевич** – обозреватель газеты «Книжная витрина», г. Новосибирск, РФ
- Игнатенко Кристина Юрьевна** – студентка исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – ст. преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета А. Н. Телегин*
- Илюшин Андрей Михайлович** – доктор ист. наук, профессор кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово, РФ

- Казакулов Эрмен Тимофеевич** – студент историко-филологического факультета Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ
- Каримова Анара Еркеновна** – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Казахстана и зарубежных стран Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, РК
- Кирюшин Юрий Федорович** – доктор ист. наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ
- Кобелева Лилия Сергеевна** – канд. ист. наук, научный сотрудник отдела археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН, научный сотрудник лаборатории «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Евразии» Алтайского государственного университета, г. Новосибирск, РФ
- Колисниченко Алена Валерьевна** – магистрант исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова*
- Коляскина Елена Александровна** – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и права Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, г. Бийск, РФ
- Коновалов Алексей Петрович** – канд. ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана Государственного университета имени Шакарима, г. Семей, РК
- Константинов Никита Александрович** – канд. ист. наук, зав. Музейным комплексом Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ
- Крахмаль Константин Андреевич** – канд. ист. наук, преподаватель Навойского государственного горного института, г. Алмалык, Республика Узбекистан
- Кузнецов Александр Сергеевич** – аспирант, ассистент кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ
- Кунгуров Артур Леонидович** – канд. ист. наук, профессор, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ
- Люля Наталья Викторовна** – магистрант, сотрудник Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – канд. ист. наук Н. С. Грибанова*

- Майничева Анна Юрьевна** – доктор ист. наук, вед. научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ
- Мамадаков Юрий Тапасович** – канд. ист. наук, директор ООО «Научный центр „Наследие Сибири“», г. Барнаул, РФ
- Мамонтова Оксана Сергеевна** – ст. научный сотрудник Алтайского государственного краеведческого музея, г. Барнаул, РФ
- Марсадоллов Леонид Сергеевич** – доктор культурологии, вед. научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, РФ
- Мейкшан Илья Александрович** – ассистент кафедры политической истории преподаватель кафедры политической истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ
- Молодин Вячеслав Иванович** – доктор ист. наук, академик РАН, заместитель директора ИАЭТ СО РАН, зав. отделом археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН, зав. отделом лаборатории «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Евразии» Алтайского государственного университета, г. Новосибирск, РФ
- Москвина Маргарита Васильевна** – мл. научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ
- Музафаров Болатбек Нухинович** – специалист НПЦ археолого-этнологических и палеонтологических исследований Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, РК
- Мусагажинова Айгорым Александровна** – аспирант Омского государственного университета им Ф. М. Достоевского, научный сотрудник НПЦ археолого-этнологических и палеонтологических исследований Павлодарского государственного педагогического института, г. Павлодар, РК
- Мыльникова Людмила Николаевна** – канд. ист. наук, вед. научный сотрудник отдела археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН, вед. научный сотрудник лаборатории «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Евразии» Алтайского государственного университета, г. Новосибирск, РФ
- Назаров Иван Иванович** – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии, ответственный секретарь приемной комиссии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, РФ
- Новосёлова Валентина Викторовна** – учитель русского языка и литературы МБОУ «Семеновская СОШ», г. Славгород, РФ
- Новчарова Мария Александровна** – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея, г. Новосибирск, РФ
- Онищенко Сергей Степанович** – канд. биол. наук, зав. лабораторией Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, РФ

- Петякшина Елена Аркадьевна** – магистрант, вед. специалист по учебно-методической работе УНИЛ «Запад и Восток» Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова*
- Плетц Гертьян** – PhD, научный сотрудник археологического центра Стэнфордского университета, США
- Редников Антон Александрович** – ст. научный сотрудник отдела археологии НПЦ «Наследие», г. Барнаул, РФ
- Рыговский Данила Сергеевич** – ст. лаборант Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, РФ
- Рыков Алексей Викторович** – магистрант, зав. кабинетом кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова*
- Сафронов Михаил Иванович** – преподаватель Барнаульского государственного строительного колледжа, г. Барнаул, РФ
- Свидовская Анастасия Сергеевна** – студентка исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – канд. ист. наук Н. С. Грибанова*
- Симахина Ирина Александровна** – студентка факультета истории и права Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина, г. Бийск, РФ. *Научный руководитель – канд. ист. наук Е. А. Коляскина*
- Сугоняк Владислав Владимирович** – студент факультета истории и права Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина, г. Бийск, РФ. *Научный руководитель – канд. ист. наук Е. А. Коляскина*
- Сухарева Мария Игоревна** – магистрант исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ. *Научный руководитель – доктор ист. наук, проф. Т. К. Щеглова*
- Тадина Надежда Алексеевна** – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ
- Телегин Андрей Николаевич** – сотрудник лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ
- Тихомирова Марина Николаевна** – канд. ист. наук, науч. сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, РФ
- Федорук Александр Сергеевич** – ст. научный сотрудник отдела археологии НПЦ «Наследие», г. Барнаул, РФ

Цыряпкина Юлия Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ

Чернова Ирина Валерьевна – канд. ист. наук, доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ

Чилбакова Алтынай Викторовна – студент историко-филологического факультета Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ

Щеглова Татьяна Кирилловна – доктор ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, зав. центром устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, РФ

Щетинина Яна Сергеевна – мл. науч. сотрудник сектора «Традиционная русская культура» научно-исследовательского отдела Государственного художественного музея Алтайского края, г. Барнаул, РФ

Ябыштаев Тенгис Степанович – сотрудник научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, РФ

Явнова Лариса Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина, г. Бийск, РФ

Сокращения

АКИПКРО – Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования

АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия

АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет

АЛЭИ АГАО – архив лаборатории этнокультурных исследований Алтайской государственной академии образования

АГУ, АлтГУ – Алтайский государственный университет

БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет

ВОО – всероссийская общественная организация

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГИМ – Государственный исторический музей

ГХМАК – Государственный художественный музей Алтайского края

ЗСОРГО – Западно-Сибирский отдел Русского географического общества

ЗИРГО – Записки императорского Русского географического общества

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИВЭП СО РАН – Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения Российской академии наук

ИЭЭ – историко-этнографическая экспедиция

КИККШ – Краевая историко-краеведческая конференция школьников

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КемГУ – Кемеровский государственный университет

КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ЛИК – лаборатория исторического краеведения

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МКУ АМ – муниципальное казенное учреждение города Минусинска «Архив города Минусинска»

НГУ – Новосибирский государственный университет

НПЦ – научно-производственный центр

ПГПИ – Павлодарский государственный педагогический институт

ПМА – полевые материалы автора

ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ – центр устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогического университета

Оглавление

Предисловие	3
-----------------------	---

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Д. А. Аникин, В. К. Вистингаузен, О. Н. Горбатова, В. Г. Иванченко</i> Обследование пещер в Чарышском районе Алтайского края	8
--	---

<i>Р. В. Белоусов</i> Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края осенью 2014 г.	13
--	----

<i>Ж. Буржуа, Н. А. Константинов, Г. Плетц, А. Ванденбулке</i> Археологические работы на Туру-Алты в 2014 г.	18
---	----

<i>Ю. И. Гельмель</i> Бронзовые предметы из коллекции Славгородского ЦТДМ.	22
---	----

<i>Н. Н. Головченко</i> Загадка «пляшущих человечков» (о некоторых результатах исследования стелы из Краснощековского района Алтайского края)	28
--	----

<i>Н. Н. Головченко</i> Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа	33
---	----

<i>О. С. Данилова</i> Погребальный обряд кочевников Евразии I тыс. до н. э. в сообщениях Геродота и по археологическим данным.	37
---	----

<i>П. К. Дашковский, Н. С. Гончарова, И. А. Мейкшан</i> Продолжение исследования курганов на могильнике Инской дол	40
---	----

<i>П. К. Дашковский, И. А. Мейкшан</i> Изучение кургана скифо-сакского периода на могильнике Чинета II	44
---	----

<i>С. С. Запрудский</i> Случайная находка из Третьяковского района Алтайского края.	48
--	----

<i>Ю. Ф. Кирюшин, М. А. Демин, Д. В. Папин, А. А. Редников, А. С. Федорук</i> Археологические исследования на поселении Бурла-3 в 2013–2014 гг.	49
--	----

<i>А. М. Илюшин</i> Раскопки одиночного кургана Солнечный-2	56
--	----

<i>А. М. Илюшин, В. А. Борисов, С. С. Онищенко</i> Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7	61
<i>К. А. Крахмаль</i> Некоторые принципы хроностратиграфического изучения раннего антропогенеза Узбекистана	65
<i>Ю. Т. Мамадаков, В. Б. Бородаев, А. Л. Кунгуров</i> Новые памятники археологии на участке газопровода у села Красный Яр (Советский район Алтайского края)	71
<i>Ю. Т. Мамадаков, А. Л. Кунгуров, В. Б. Бородаев</i> Палеолитические находки около с. Каракол (Республика Алтай)	77
<i>Л. С. Марсадоллов</i> Саяно-алтайский стадий (антропологические и астрономические основы для поиска древних измерительных систем)	81
<i>В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, Л. С. Кобелева</i> Полевые исследования 2014 г. в правобережном Прииртышье	86
<i>Б. Н. Мұзафаров</i> Көрнекті ғалым-археолог — Кемел Ақышев.	90
<i>М. И. Сафронов</i> Итоги полевых исследований Барнаульского государственного педагогического колледжа	94
<i>А. Н. Телегин</i> Некоторые итоги полевых исследований Степного отряда археологической экспедиции АлтГПУ в 2014 г.	96
<i>А. С. Федорук, А. А. Редников</i> К археологической карте Локтевского и Табунского районов Алтайского края	99

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Е. К. Абеуова</i> К разработке типологии культовых памятников «Аулие» степного Прииртышья	104
<i>И. В. Алексенцева</i> Развитие рыболовства в советской деревне Алтайского края в XX в. и рыболовецкие артели: по полевым материалам Шелаболихинского (2005) и Романовского (2010 и 2014 гг.) районов	108

<i>Д. В. Емельянов</i> Традиционная транспортная культура кумандинцев (по материалам полевых этнографических исследований)	112
<i>А. П. Коновалов</i> Социально-культурные запросы, оценки и суждения (исследования среди жителей Восточного Казахстана) 2014 г.	116
<i>Е. А. Коляскина</i> Ребенок как «дар божий» – концепт плодородия у русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой половине XX века	123
<i>Н. В. Люля</i> Воспитание девочек в семьях украинских переселенцев Алтайского края в 1920–1940-е гг.	127
<i>А. Ю. Майничева, Е. И. Глухих, Д. С. Рыговский</i> Полевые исследования жилищного комплекса как одной из частей культуры жизнеобеспечения русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины	131
<i>О. С. Мамонтова</i> Татары и казахи Угловского района (по материалам историко-этнографической экспедиции Алтайского государственного краеведческого музея).	134
<i>М. В. Москвина</i> Техники изготовления и декора современных украшений Саяно-Алтая	140
<i>А. А. Мусагажинова</i> Применение этноархеологического метода в изучении погребального обряда казахов Павлодарского Прииртышья.	144
<i>И. И. Назаров</i> Современный праздник и традиционная культура кумандинцев Алтайского края (по материалам этнографических исследований 2013 и 2014 гг.).	148
<i>В. В. Новоселова</i> Формы изучения и сохранения переселенческой украинской культуры в Семеновской средней школе г. Славгорода	153
<i>М. А. Овчарова</i> Трансформация свадебной обрядности мордвы в селах Алтайского края	159
<i>А. С. Свидовская</i> Строительство глинобитного жилища потомками украинских переселенцев Романовского района в 1950–1960-е годы (по полевым материалам 2010, 2014 гг.).	164

<i>В. В. Сугоняк</i>	
Образ ведьмы в поверьях жителей Целинного района Алтайского края.	170
<i>Н. А. Тадина, Т. С. Ябыштаев, Э. Т. Казакулов, А. В. Чилбакова</i>	
Соотношение традиций и новаций родовой потестарности алтайцев в практиках проведения съезда-курултая.	173
<i>М. Н. Тихомирова</i>	
О выделении бухарского этнокультурного компонента в системе питания татар Западной Сибири (по результатам полевых работ 2000 и 2014 гг.).	178
<i>Ю. Н. Цыряпкина</i>	
Проблемы адаптации русского населения приграничных регионов Казахстана (на примере полевых исследований в г. Семей в 2014 г.)	181
<i>Я. С. Щетинина</i>	
Полевые этнографические исследования сектора традиционной русской культуры Государственного художественного музея Алтайского края за 2014 г.	185
<i>Л. А. Явнова</i>	
«За одним столом!»: семейная трапеза сельского населения Алтая	190

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Д. В. Алекса</i>	
Трансформации представлений и образов русских и украинцев Романовского района в ходе переселений и совместного проживания (на примере сел Закладное и Грано-Маяки).	198
<i>А. А. Алинов</i>	
Из истории казахов Барнаула: к вопросу о вкладе в развитие экономики и культуры	201
<i>Д. А. Белобородов</i>	
Санитарно-бытовая культура и гигиена сельского населения Романовского района Алтайского края в 1940–1950-е гг.: традиции поддержания чистоты (по материалам экспедиции 2014 г.).	207
<i>К. Ю. Игнатенко</i>	
Микротопонимы села Николаевка Поспелихинского района Алтайского края	211
<i>А. Е. Каримова</i>	
История края в личностях	213

<i>А. В. Колисниченко</i> Детские воспоминания о разрушении церквей в 1930-е гг. на Алтае (Алтайский и Романовский районы): источники по крестьянской антропологии	218
<i>А. С. Кузнецов</i> Воспоминания о Великой Отечественной войне как часть историко-культурного наследия на примере воспоминаний Б. Т. Терещенко	224
<i>А. В. Рыков</i> Питание колхозных крестьян в условиях полеводческих и тракторных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны	228
<i>Е. А. Петякина</i> Образ «сибиряка» в рассказах жителей Кытмановского района Алтайского края	231
<i>И. А. Симахина</i> Хозяйственная адаптация сельского населения в условиях Великой отечественной войны (на материалах Солтонского района Алтайского края).	235
<i>М. И. Сухарева</i> Депортация немецкого населения: по материалам Поспелихинского и Романовского районов	239

**Проекты и программы
Центра устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ**

<i>Т. К. Щеглова</i> Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы)	248
<i>Н. С. Грибанова, И. В. Чернова</i> «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX — XX в.»: итоги реализации проекта в 2013–2014 гг.	262
Список авторов.	272
Сокращения	278

Научное издание

**Полевые исследования в Прииртышье,
Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.
Археология, этнография, устная история**

Выпуск 10

Материалы X международной
научно-практической конференции,
г. Барнаул, 22–23 апреля 2015 г.,
посвященной 25-летию лаборатории
исторического краеведения АлтГПУ

Отвественные редакторы
М. А. Демин, Т. К. Щеглова

Подписано в печать 14.04.2015. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 17,75. Тираж 100 экз. Бумага офсетная. Заказ № 15.

Типография ООО «АЗБУКА»
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а